

КОНАН™

КОНАН
И ВОИНСТВО
МРАКА

Северо-Запад®

ХИБОРИЙСКАЯ ЭРА

ОТВЕТИЛ
КОНАН
И
ВОИНСТВО МРЛКЛ

Санкт-Петербург
«ТРОЛЛЬ»
1996

Конан и воинство мрака: Романы. — СПб., «Тролль»,
1996 — 448 с.

ISBN 5-87365-039-2

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части в любой форме,
в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут
преследоваться в судебном порядке

© О. Локнит, 1996
© П. Селайней, 1996
© А.Федоренко, графика, 1996
© «Тролль», составление и подготовка текста
© «Северо-Запад», серийное оформление
обложки и форзаца

Мистеру Дугласу Брайану, с улыбкой.
Олаф.

Глава первая

Восходящее солнце осветило невысокие предгорья Кезанкийских гор, к подножию которых застывшими желтыми волнами подступала пустыня. Словно сброшенные с вершин рукой неведомого исполина, бесформенные глыбы серого песчаника скатились и замерли, застигнутые врасплох багровым предутренним светом.

Лежащий на земле человек поднял голову, посмотрел на восходящее светило и, поежившись, плотнее закутался в шкуру горного льва. Поворочавшись еще немнога, он поднялся, сбросил шкуру и сделал несколько резких, круговых движений руками, согреваясь и прогоняя остатки сна.

По виду это был, скорее всего, северянин. Его происхождение выдавало лицо — скуластое, с жесткими чертами, точно вырубленными из камня смелой рукой резчика. Прямой нос, синие глаза, тонкая, слегка изогнутая книзу линия губ и относительно светлая кожа говорили за то, что родом он из варварских стран: Киммерии или Ванахейма. Его плотно сбитую, мускулистую фигуру облегала кожаная безрукавка; не стеснявшие движений штаны из тонкой замши были заправлены в прочные, добротные сапоги из грубой кожи. На плечах и груди к безрукавке были приклепаны металлические пластины с незамысловатой чеканкой. Весь внешний вид его наводил на мысль о том, что северянин был связан с военным делом. Искушенный наблюдатель угадал бы в этом человеке опытного воина по тому, как легко он был вооружен, оказавшись в этих неспокойных

местах — рядом с небрежно брошенной львиной шкурой в простых ножнах лежал меч, достаточно большой, чтобы использоваться как двуручный, и для рослого варвара не слишком тяжелый. Чуть поодаль лежал тощий дорожный мешок, и никакого другого оружия или экипировки не было.

Немного согревшись и размяв онемевшие от ночного холода мышцы, воин огляделся. Желтовато-коричневые скалы Кезанкии остались у него за спиной, и теперь стоило лишь спуститься с пологих предгорных холмов, чтобы под ногами оказался не камень, а мягкий сыпучий песок пустыни, тянувшейся до самого Султанапура. Вспомнив о том, как сильно нагреваются к полудню барханы, северянин поморщился — хорошо сапоги на ногах, а то не избежать бы ожогов на ступнях. А если б еще лошадь была! Но она осталась далеко позади, на месте схватки с горным львом, когда могучий хищник сумел подобраться к месту предыдущей ночевки, не разбудив спавшего чутким сном путника, и одним ударом огромной лапы сломал несчастной лошади хребет. Проснувшись от отчаянного ржания умирающего животного, северянин вскочил, выхватил меч и после короткой битвы с раззадоренным заражом крови львом, обзавелся новым плащом, освежевав тушу тут же, при ярком свете луны.

Внимательный взгляд воина скользнул по равнинам, без труда различая выбивающиеся из общего однообразия детали: чуть правее двигался караван, дальше угадывалась пыльная зелень далекого оазиса; на самом горизонте едва виднелось белесое облачко — Султанапур, а за ним уже наливалась синью дымка над морем Вилайет. Он рассчитывал сегодня, еще засветло, добраться до Султанапура, пусть до города и было не меньше трех-четырех лиг. После долгого перехода по изрезанным ущельями и пропастями кряжам короткий бросок по простиравшимся от подножий гор до самого моря пескам не представлялся ему чрезмерно трудным или утомительным, хотя эти лиги и пролегали через песчаные барханы, где ходят одни полудикие кочевники да стада верблюдов.

Восточные склоны Кезанкийских гор, служившие границей империи Туран и Великих Пустынь, издавна считались местом недобрым. Туранцы старались избегать мертвых гор, преграждавших дорогу к Бритунии и Немедии. Обычно караваны из Султанапура должны были преодолеть вначале Хаурен, затем Карпашские горы, чтобы доставить в немедийские города восхитительное оружие из Вендии и изделия мастеров Шангара и Хоарезма. Многие торговцы жаждали найти более короткий и безопасный путь, нежели тот, по которому всегда ходили в западные страны, и, нанимая добровольных разведчиков, отправляли их на поиски новых перевалов к западу от Султанапура. Не все добровольцы возвращались, а те, кому удавалось выжить в безводных и кишащих нечистью краяках Кезанкии, возвращаясь, рассказывали всяческие ужасы об обитателях гор.

Северянина нанял в немедийском городе Бельверусе купец из Султанапура Маджид, желавший по примеру многочисленных своих собратьев по ремеслу рискнуть десятком-другим золотых монет (а заодно и жизнью незадачливого искателя приключений) в обмен на сулившую большие выгоды возможность открыть новый проход в разделяющих государства Востока и Запада горах. Известные перевалы были заброшены уже не один год, ибо проводники отказывались вести караваны, ссылаясь на слухи о расплодившихся там в последнее время нелюдях. А если вспомнить, что два обоза купца Ирака исчезли в Кезанкии бесследно, да еще добавить к тому рассказы эмирских стражников, что охраняли медные рудники, о еженощно пропадающих в колях узниках, то становилось ясно — либо надо искать новые и безопасные пути, либо терять многие недели (и, конечно, по-рядуочно денег, уходящих на пограничные пошлины), огибая зловещие перевалы, выбирая путь и долгую, но зато относительно спокойную южную дорогу.

Приняв предложение купца, северный варвар направился на восток и, собирая в предгорных деревушках Бритунии сведения о почти забытых тропах, все же отыскал сравнительно удобный путь к крупнейшему из городов туранского севера. Теперь он был уверен, что байки о всяческих непотребных

тварях и жутких чудищах, если уж не целиком выдуманы, то, по меньшей мере, преувеличены — из опасных врагов на пути встретился разве что горный лев... Назвать же клыкастую большую кошку невиданным монстром могли только трусливые стражники рудников, мужества и отваги которых хватало только на пьяные драки в грязных чайханах Нижнего Султанапура да на истязания беззащитных узников. Однако нанятого купцом разведчика насторожило кое-что увиденное. Не раз и не два по дороге встречались выбеленные солнцем человеческие скелеты, а в самом сердце гор он наткнулся на огромную груду людских и верблюжьих костей, окруженную разбитыми повозками. Скорее всего, это и был один из сгинувших караванов Ираха, о котором он наслышался еще в Немедии.

Как бы то ни было, но, на взгляд северянина, разведенная им дорога не представляла особой опасности, и теперь он спешил в Султанапур, надеясь застать в городе своего нанимателя, чтобы получить причитающуюся по договору вторую половину денег, а затем провести караван купца через заново открытый перевал.

Места эти были знакомы путнику. Несколько лет назад ему пришлось бежать из Турана, оставив в землях империи не слишком добрую память о себе. Будучи наемником в армии правителя Илдиза, молодой и пылкий воин сумел рассориться с одним из высоких чинов туранского войска. Предметом раздора, как водится, была женщина, и юный наемник хоть и добился своего в делах сердечных, но, подняв руку на начальника, потерял возможность сделать военную карьеру, а заодно едва не рас прощался с жизнью.

За годы, проведенные в странствиях по миру, он перепробовал множество занятий — от телохранителя хауранской аристократки до наемника в Боссонских толпах. Ему также довелось учиться воровскому ремеслу и прослыть в некоторых местах отъявленным грабителем и вором, место которому, самое меньшее, на виселице.

Предложение султанапурского купца он принял только потому, что дело показалось стоящим — помимо неплохого приработка оно сулило жаждавшему новых приключений

варвару несколько насыщенных событиями недель, а заодно давало достойный повод скрыться из Немедии, где достаточно много людей, и в их числе законники короля, весьма желали с ним повстречаться... Кроме того, злопамятный северянин немного надеялся встретить в Туране кое-кого из старых знакомых, повинных в том, что годы, минувшие со дня бегства из королевства, прошли не совсем так, как он надеялся, записываясь в Илдизово войско.

Варвар вытащил из дорожного мешка несколько сухарей и кусок сущеного мяса и, расправив лежащую на земле львиную шкуру, уселся, намереваясь подкрепиться перед долгим переходом. Во фляге еще оставалось немного мутной воды, набранной в пересыхающей речушке неподалеку от главного Кезанкского хребта. Поболтав в руке купленный в бритунском селении по ту сторону гор медный сосуд, сейчас покрывшийся серовато-зеленым налетом и помятый в нескольких местах, человек прикинул, хватит ли воды на весь день. Вздохнув, он понял, что последние мили, оставшиеся до Султанапура, ему придется идти под палящими лучами, не имея ни капли спасительной жидкости, ибо на весь день того, что плескалось сейчас во фляге, явно не хватит.

Раздумывая, как можно растянуть остатки воды на полный день, варвар снова глянул вниз, на пески. Караван, еще совсем недавно казавшийся далеким миражом, приблизился к предгорьям настолько, что стали различимы даже узоры на темно-синих одеяниях едущих на верблюдах всадников и складки их тюрбанов. Но варвара меньше всего интересовало, во что были одеты зуагиры — его вниманием полностью завладели привязанные к бокам верблюдов бурдюки. Вода! Вот и выход.

«Не сомневаюсь, что эти скупердяи сдерут с меня за несколько капель воды столько же, сколько в трактирах Немедии берут за кувшин сладкого красного вина! — подумал он.— Ну, и Сет с ними! По крайней мере, хоть от жажды не подохну».

Он залпом выпил все, что оставалось во фляге, позабыв, однако, что кочевники обычно не привечают чужаков и

могут вообще отказать в просьбе, сколько бы золота им ни предлагалось. Впрочем, в таких случаях северянин обычно добивался желаемого при помощи своего меча, перед которым легкие сабли зуагиров показались бы попросту детскими игрушками.

Решившись, человек быстро засунул в мешок остатки еды и пустую флягу, укрепил на плечах львиную шкуру, завязав в узел передние лапы зверя, и, нимало не заботясь о том, что его необычная для здешних краев внешность да одежда еще больше насторожат кочевников, быстрым шагом стал спускаться по каменистому склону, направляясь к бредущим цепочкой верблюдам и их хозяевам-странныкам.

Когда он уже был готов спрыгнуть с последнего невысокого уступа на песок, внимание путника привлекли внезапно раздавшиеся впереди крики людей и жалобный рев одного из верблюдов, который вдруг завалился набок и забился, тщетно пытаясь вновь подняться на ноги. Северянин приостановился, с интересом наблюдая за происходящим. Столь незначительное происшествие — подумаешь, верблюд упал — вызвало среди кочевников чудовищную панику: люди с воплями разбегались в разные стороны от поднявшегося над несчастным животным облака пыли, бросив на произвол судьбы и имущество, и своего сородича, ехавшего на горбатом звере, с которым сейчас творилось явно что-то нехорошее.

Но этим все не кончилось. Одновременно еще с полдесятка верблюдов рухнули на песок, и сразу же вокруг них закрутились пыльные вихри, а мгновение спустя глазам наблюдавшего за непонятными событиями варвара открылось жутковатое зрелище. Одетый в темно-синий аграпурский халат зуагир, спасаясь от таинственной опасности бежал прямо туда, где на скальных обломках стоял северянин. Неожиданно казавшийся надежной опорой песок разверзся прямо под ногами бежавшего, и из образовавшейся воронки взметнулось гибкое, длинное щупальце, заканчивающееся неким подобием клешни, с той лишь разницей, что вместо двух сочленений оно имело три коротких пальца с острыми

коготками на концах, а меж ними виднелся желтый глаз с узким, похожим на змеиный, зрачком.

Почти сливавшаяся по цвету с песком конечность неведомого чудовища рванулась к зуагиру, он, сделав отчаянный прыжок, увернулся, но лишь для того, чтобы сразу упасть, наступив на полу своего длинного халата. В тот же миг трехпалая клешня намертво вцепилась в его одежду, а затем щупальце, вытягиваясь из воронки, начало, наподобие веревки, обвивать ноги истощенно взывающего о помощи человека.

— Так недолго и без воды оставаться! — пробурчал под нос темноволосый варвар. — Интересно, что это за тварь? Никогда таких не видел...

Человек выхватил из-за спины длинный меч, который не раз выручал его во многих переделках, и молча бросился вперед. Достигнув в несколько прыжков опутанного гибкой конечностью подземной твари кочевника, он сплеча рубанул по отвратительно извивающемуся, напоминающему толстого черва, щупальцу в том месте, где оно высовывалось из песчаного углубления. Даже могучей силы северянина не хватило на то, чтобы перерубить его сразу, и варвар, грозно рыкнув, вновь занес меч, вкладывая в следующий удар всю мощь, на которую были способны его железные мышцы.

На этот раз меч вошел в плоть песчаной твари и рассек ее. Обрубок начал быстро втягиваться в воронку, оставляя на песке странную, молочно-белую жижу, пахнущую чем-то, напоминающим пещерную плесень, встречающуюся в горах Киммерии. Бегло оглядев кочевника, судорожно сдиравшего с себя желтоватую плеть, которая продолжала беспардонно подергиваться, щелкая коготками на конце трехпалой клешни, северянин решил, что здесь его помощь более не требуется и побежал туда, где вырастывающие из барханов щупальца продолжали разгром каравана.

Как всегда, молодой варвар кинулся в бой, не раздумывая — он даже толком не представлял себе, с кем именно нынче пришлось схватиться. Мечась меж захваченными в цепкие объятия монстра людьми и животными, он переру-

бал одну за другой десятки живых веревок, упорно не желающих расставаться с добычей. Краем глаза варвар заметил, что теперь не один — несколько опомнившихся от внезапного нападения кочевников, выхватив узкие, изогнутые сабли, отчаянно отбивали своих товарищей, неистово кромсая на куски кошмарные отростки скрывающегося под слоем песка чудовища.

Надрывные крики женщин, визг детей, громкий верблюжий рев, вздывающиеся в воздух столбы песка и пыли обратили мирно просыпавшуюся пустыню в подобие кошмарного сна, но весь ужас был еще впереди. Когда, казалось, битва с неизвестным врагом подходила к концу, ибо северянин с помощью десятка зуагиров отбил у щупальца всех людей, которых они еще не успели затянуть в песок, в нескольких шагах от варвара земля забурлила, к небесам рванулся пылевой вихрь, оседая тончайшим слоем на одежде оцепеневших кочевников. Едва облако рассеялось, стало видно, что совсем рядом в песке образовалась огромная, не меньше сорока шагов в диаметре, воронка, на дне которой шевелилось создание, от одного взгляда на которое хотелось бежать без оглядки до тех пор, пока есть силы и бьется сердце.

— Песчаный равах!

Чей-то сдавленный крик разорвал повисшую вокруг воронки тишину, и, словно в ответ, послышалось леденящее кровь шипение существа, названного равахом.

— Великий Кром, это что еще за?.. — Северянин запнулся, подыскивая эпитет для не виданного им доселе монстра, но ничего подходящего не нашел. Зато возникло желание уносить отсюда ноги да побыстрее. Мало того, что этот самый равах размерами превосходил того же горного льва, по меньшей мере, вчетверо, так еще и выглядел на удивление отвратно.

— Ничего себе, попросил водицы! — усмехнувшись, проговорил варвар. — Но пить-то все равно захочется...

Толстое, в три обхвата, тело раваха поднималось из воронки подобно кобре, готовящейся к нападению, только вот змею жуткое существо напоминало лишь отдаленно. Висящие складки буроватой, бугристой кожи мерно колыхались

при тяжелых движениях гигантского черва. Конусообразная, безглазая голова медленно поворачивалась, будто принююхиваясь в попытке отыскать того, кто осмелился помешать владыке песков в его охоте. В темной щели рта угадывались несколько рядов мелких игольчатых зубов, волнообразно двигавшихся вправо-влево, наподобие громадной терки, и готовых перемолоть в кашицу любого, кто попадется на пути. Можно было ясно различить свисавшие с углов рта ключья верблюжьих шкур с остатками кроваво-красного мяса, а морда твари была вымазана смесью песка и крови. Вокруг пасти извивались десятки тех самых щупалец, которые он выпускал наружу, прячась в песке.

Самые крупные отростки имели, кроме когтистых клешней, уже виденные северянином золотистые глаза — оно и понятно, раваху, обитавшему под землей, органы зрения нужны были только для того, чтобы искать добычу. Затем в дело вступали слепые, но более сильные щупальца, подтягивавшие жертву к зубастой пасти раваха, который появлялся на поверхности только в исключительных случаях.

Как, например, сегодня.

Варвар оглянулся, отметив про себя, что попросту остался один на один с равахом — только что мужественно освобождавшие своих соплеменников от смертельной хватки черва зуагиры с воплями ужаса бежали прочь от места, где из песка показался хищный монстр. И сейчас равах нацеливался на стоявшего перед ним человека, причинившего ему в этот день неприятностей вдвое больше тех, что выпали за столетия, пролетевшие со дня первой охоты...

Северянин поднял меч и медленно двинулся в сторону гиганта. С быстротой, которой варвар не ожидал от столь огромного существа, равах кинулся на него, стремясь оплести щупальцами и обездвижить. По-кошачьи извернувшись, человек избежал смертельных объятий, взмахом клинка отхватив несколько отростков. Равах отпрянул, втянув в себя многочисленные трехпалые руки, изогнувшись, поднял кверху заостренную голову и испустил дерущее слух свистящее шипение. А в следующий момент разъяренный червь пустыни, решив покончить с жалкой козявкой одним стре-

мительным ударом, рванулся вперед, на мгновение завис в воздухе, а затем обрушился всей тяжестью могучего тела на варвара, рассчитывая раздавить его в лепешку.

Человек уже прощался с жизнью, инстинктивно отскакивая назад и прекрасно понимая, что даже с его ловкостью и быстротой увернуться от падающего туловища огромной твари не удастся. Спасла ли варвару жизнь случайность или же обострившаяся до предела жажда бытия, он даже сам не понял — в следующее мгновение, споткнувшись о брошенный в панике зуагирами мешок с каким-то добром, он упал на спину, выставил перед собой меч и, отведя в сторону от своего тела рукоять, ткнул ее в песок.

Если бы острие клинка не вонзилось в грубую кожу раваха по меньшей мере на две трети, и, отдернувшись от резкой боли, чудовище бы не выгнулось дугой, вырвав из ладоней северянина рукоять меча, варвар ждал печальный конец. Но когда монстр, шипя, как тысяча разъяренных змей, вскинулся, почувствовав в собственной плоти холодную сталь, варвар откатился в сторону, а равах рухнул на то же место, вогнав в себя меч по самую гарду.

Человек быстро отполз в сторону от бьющегося в агонии чудища, встал на ноги и, отряхнув налипшие на вспотевшее лицо песчинки, стал ждать. Равах свивался кольцом, поднимая в воздух тучи пыли, подобно гигантской плети, бился среди барханов, исходя жалобным свистом. Из его бездонной пасти хлынул поток той самой белесой мерзости, которая, как видно, была его кровью. Постепенно движения червя становились все более редкими и слабыми, прокатывающиеся по щупальцам волны судорог затихали, еще немного — и равах, вздрогнув последний раз, безжизненно вытянулся и обмяк. Все было кончено.

— И как это у меня получилось, сам не знаю... — хрипело прогудел северянин. Еще некоторое время он постоял, наклонив голову набок, рассматривая теперь уже безвредного червя пустыни, а затем решительно направился к простертому телу поверженного противника. Преодолевая несносную вонь, исходившую от все еще вытекавшей из пасти раваха «крови», человек обследовал огромную тушу,

надеясь, что его меч не зажат между ней и песком — в таком случае вытащить клинок без чьей-либо помощи не представлялось возможным. По счастью, он обнаружил свое оружие довольно скоро — отполированная ладонями рукоять торчала из грязно-желтого, ребристого брюха.

Несколько раз безуспешно попытавшись выдернуть меч, северянин уперся в тело червя ногой, ухватил гарду обеими руками и с большим трудом все-таки вытянул клинок, покрытый сероватой слизью. Взглянув на ощеренную пасть монстра, человек внимательно осмотрел ряды острых клыков, между которых застрияли лохмотья верблюжьей шерсти, а кое-где даже клочки синей и белой ткани, совсем недавно еще бывшей чьим-то одеянием. Отбив острием меча с полдесятка самых крупных зубов, северянин ссыпал их в кожаный мешочек, висевший у пояса. Затем он тщательно очистил лезвие о песок, и, поймав зеркальной гладью стали солнечный луч, удовлетворенно пробурчал:

— Так-то лучше будет. Только теперь пить хочется еще сильнее, чем раньше. Ну-ка посмотрим...

Вокруг были разбросаны свалившиеся со схваченных равахом верблюдов тюки, а среди них виднелись и несколько надутых бурдюков, явно полных воды. Подняв один из них, северянин удовлетворенно хмыкнул.

— Ну вот, теперь можно и до Султанапура добраться.

Порыскав среди барханов, он отыскал полу затоптанную в песок львиную шкуру и свою запыленную дорожную суму. Вытащив из нее флягу, он вернулся к оставленному подле мертвого раваха бурдюку с водой, развязав горловину, стянутую ремешком, поднял кожаное вместилище с булькающей в нем жидкостью и хлебнул.

— Тыфу, пропасть!

Бурдюк оказался наполнен вовсе не водой, а любимым пойлом кочевников — перебродившим верблюжьим кумысом, который они почитали за напиток, многократно превосходящий лучшие вина Коринфии как по вкусу, так и по опьяняющим свойствам. Но, с точки зрения северянина, употреблять эту гадость могли только привычные к ней зуагиры или законченные пьяницы, которым все равно, что

лить в глотку. К первым он себя точно не относил, до состояния вторых пока еще не опустился. Поэтому он с отвращением выплюнул пахнущую верблюжьим навозом светлую жидкость и, завязав бурдюк, швырнул его на песок.

Но надежда отыскать емкость с водой все же не покинула его. После непродолжительных поисков обнаружить таковую удалось, фляга оказалась наполненной, и варвар уже собрался было отправиться в путь. Но добраться в Султанапур без дальнейших приключений ему не удалось.

— Явились... Долго ж они прятались, шакалы трусливые.

Разбежавшиеся от места поединка северянина с равахом кочевники теперь осторожно приближались к одиночному герою, все еще не веря, что плотоядная гадина погибла, а ее победитель остался цел и невредим.

Впереди, прихрамывая, семенил человек, показавшийся варвару странно знакомым. Глядевшись в лицо и одежду зуагира, он вспомнил, что это тот самый кочевник, который был спасен первым. Невысокого пожилого человека с острынкой седой бородкой, узкими глазками и очень загорелой, морщинистой кожей поддерживали с двух сторон под руки двое мужчин помоложе и покрупнее, облаченные в похожие темно-синие халаты и неправдоподобно белые тюрбаны, а один из белых лоскутов, свисавших по боку тюрбана, закрывал их лица до самых глаз.

Наверное, охрана, а этот старишка, скорее всего, либо вождь, либо один из старейшин племени. А вот за ним... Почитай, весь род спешил засвидетельствовать свою безмерную благодарность нежданному избавителю от напасти, и северянин понял, что сейчас восторженный пыл кочевников сможет охладить только чувство почтения к старейшине, иначе жизнь победителя окажется под не меньшей угрозой, чем во время схватки с равахом. Поэтому пришлось в нарушение восточных правил учтивости заговорить со стариком первому:

— Я тут у вас... водички немного взял... Надеюсь, вы не в обиде? — Человек указал глазами на лежащий у его

ног бурдюк, но ответная речь старика привела варвара в замешательство.

— О, ты, могучий воитель, в коем доблесть и мужество сочетаются как хоарезмский адамант с оправой из иранистанского белого золота!..

Варвар даже отступил на шаг от столь напыщенного приветствия, но вовремя вспомнил, что здесь все же восток, а не сдержаный север. А старейшина, не обращая внимания на выражение лица «могучего воителя», продолжал:

— О, благороднейший из благородных и отважнейший из отважных, да благословит тебя всемогущая судьба!..

Варвар сделал еще один шаг назад.

— О ты, блестящий великолепием и мощью чужестранец, да не покроется ржавчиной острье твоего клинка и да будет оно щедро напоено кровью твоих недругов!..

«И зачем я во все это ввязался? — слегка оторопев, подумал варвар. — Ведь затопчут. Как пить дать, затопчут! Или заговорят до смерти».

Пятым, он отошел еще на несколько шагов, едва не упервшись спиной в тушу ставшего виновником его теперешних мучений раваха. Старец продолжал напирать, оглашая пески своей громкой изысканной речью. Под удивленным взглядом синих глаз северянина старики, в конце концов, бухнулся на колени, не уставая говорить о «сияющем подобно солнцу, луне и звездам дивном воителе», избавившем род Джагула аль-Баргэми от «премерзостного песчаного раваха, который своим злонравием, хищностью и прожорливостью уподобился кобре, горному льву и гиене, слитым в единый облик и раздувшимся стократно».

— ...Назови же нам имя свое, о посланный небом воин, — закончил старец, которого, надо полагать и звали Джагулом аль-Баргэми, и воззвился на возвышавшуюся перед ним мощную фигуру чужеземца, — дабы знали мы, чье имя следует превозносить к небесам в благодарственных молитвах!

— Имя?.. Мое, что ли?.. — Переспросил окончательно сбитый с толку северянин. — Если мое, то меня зовут Конан, а родом я из Киммерии.

Глава вторая

Само собой, попасть в Султанапур этим же днем Конану было не суждено. Кочевники не пожелали отпускать так быстро своего спасителя, а отказаться от их гостеприимства варвар не решился.

«Лицкий день или два ничего не решат, а вот отдохнуть после тяжелого перехода через Кезанкийские горы не помешало бы,— подумал Конан, после того, как Джагул, оказавшийся шейхом клана Баргэми, пригласил его в свою небольшую крепость, примостившуюся у подножий одного из горных кряжей на самой границе с пустыней.— Очень надеюсь, что у зуагиров найдется что-нибудь получше кумыса. Должны же они держать хоть какой-то запас вин для гостей...»

До поселка было совсем не далеко — не больше полуги. Поскольку большинство верблюдов погибло, на оставшихся в живых животных посадили женщин и детей, а мужчины, взвалив на себя остатки поклажи, двинулись вслед за мерно ступающими по накалившемуся песку зверями. Сам шейх Джагул восседал на идущем впереди верблюде, а рядом с ним, неловко цепляясь за мохнатый горб, рассказывался «спаситель и избавитель», которого, несмотря на все его протесты, по приказу шейха усадили на единственного верблюда-альбиноса. По дороге Джагул без умолку рассказывал Конану о житье-бытие своего народа, искренне полагая, что варвару из далекой северной страны это крайне интересно, тогда как киммериец, в основном, думал о том,

насколько же неудобно сидеть на жесткой спине проклятущей твари, и диву давался, как кочевники могут месяцами не слезать с верблюдов.

Однако кое-что из рассказа Джагула заинтересовало Конана. Выяснилось, что род старого шейха давно перестал быть кочевым и осел в небольшом оазисе, который был обязан своим существованием маленькой, но никогда не пересыхающей горной речке. Сейчас шейх со своими приближенными и кровными родственниками возвращался из Султанапура к себе в крепость. Проведя несколько дней в городе, Джагул аль-Баргэми продал через казначея намываемый все в той же речке золотой песок, что приносил богатство его семье, а заодно и побывал на празднике, устроенном эмиром султанапурским в честь женитьбы старшего сына на принцессе из Заморы. Чтобы вежливо оборвать нескончаемое описание торжества во дворце «солнцеликого эмира», Конану пришлось задать давно вертевшийся на языке вопрос:

— А это чудище, которого я... оно откуда взялось?

Старец примолк, соображая, что именно северянин имел в виду, а потом осторожно переспросил:

— Что хочет узнать наш могучий гость от своего вечного должника?

— Ну, про раваха, или как его там... Что это было?

— А-а-а! — просиял шейх.— Равах — мерзостная тварь, встречающаяся редко, но неизменно приносящая разорение и смерть всякому, кто окажется у нее на пути. Живет равах глубоко в песке, прорывая там длинные ходы, которые не обваливаются, оттого что стены их скреплены его ядовитой слюной. Обычно червь лежит, затаившись, и слушает, что делается над ним, на поверхности. Заслышав шаги людей или верблюдов, равахistorгает из глубин песка пустыни свои всевидящие руки, и нет спасения тому, кого схватят они и потащат под землю, в его логово, где червь поедает их, не оставляя даже одежды или шкур.

— А ты откуда все это знаешь? — удивился Конан.

— Крепость Баргэми построена как раз над одним из таких обиталищ, давно брошенных хозяином. Мы завалили

все выходы в дальние коридоры, уходящие под горы или в пустыню, а в самых старых подземельях раваха устроили сковищницы,— пояснил старик.

— А не боишься, что он вернется?

— Нет,— покачал головой шейх.— Древних чудовищ осталось совсем немного. Мудрецы говорят, что их всего шесть... Хотя, после сегодняшнего восхода их, стало быть, осталось пять. В старину их тоже было мало, и на бой с равахом мог выйти лишь воитель, отмеченный печатью Кемоша. Избранный. Каждого такого воина любое колено нашего народа с радостью могло принять в семью, из каких бы краев не происходил победитель червя пустыни.

В этот момент Джагул многозначительно посмотрел на Конана, но киммериец не обратил на это никакого внимания.

— А кто эти люди, которые идут с тобой? — задал новый вопрос северянин, опасаясь, что шейх опять примется восхвалять «отмеченного печатью Кемоша».

— О, здесь несколько моих жен с детьми. Правда, две жены были сегодня пожраны равахом, но, к счастью, это были не самые любимые жены... Конечно же со мной путешествуют воины стражи, трое племянников с женами и слугами, мой троюродный брат Джабал и его семья...— Речь шейха вновь перестала быть интересной для Конана, но что делать с таким словесным потоком, варвар не знал, и поэтому продолжал молча выслушивать казавшийся бесконечным перечень родственников Джагула, которых старик вывез из уединенного оазиса посмотреть шумный Султанапур. Еще киммерийца радовало, что учивый шейх не стал интересоваться его прошлым и выяснить, что же делает северянин в пустынях Востока.

Наконец, впереди показалась крепостная стена, сложенная из грубого серого песчаника, за которой скрылся оазис Баргэми. Крепость охватывала неполным четырехугольником подошву могучего утеса, с которого, сверкая мелкими брызгами, стремительно скатывалась узкая речушка. Шейх не преминул сообщить, что воды потока собираются в озер-

це внутри крепости, а их избыток теряется в необозримых просторах песков.

Пропуская мимо ушей речи старца, Конан рассматривал приближающиеся ворота. Окованные узорчатыми металлическими полосами деревянные створки были нешироки, всего-то локтей шесть или семь. Снаружи остатки разгромленного равахом каравана встретили шестеро стражников, сжимавших в руках длинные, увенчанные бунчуками копья. Старший зуагирский воин, увидев на переднем верблюде своего шейха, подбежал к нему и упал перед верблюдом повелителя в пыль. Шейх Джагул, сунув ладонь за пазуху, вынул золотую монету, бросил ее в песок перед стражником и милостиво проговорил:

— Самил, вот тебе за верность... Все ли было спокойно в мое отсутствие? Не беспокоили ли дом наш проклятые джавиды, да обрушится на них гнев Кемоша, и да отсохнут их вислые уши?! И не вернулся ли сын и наследник наш Джрафир из крепости младшего брата нашего?

— В Баргэми все спокойно, о владыка, да продлятся бесконечно годы твои! Дом предков ждет тебя с нетерпением. А Джрафир с гонцом прислал весть, что вернется домой лишь завтра.— Самил еще раз преклонил голову, едва не коснувшись лбом песка и вопросил: — Ровным ли был путь под ногами твоих верблюдов и приветливо ли встретил тебя царственный эмир?

Старец нахмурился, бросил взгляд на Конана, и коротко ответил:

— Об этом после, Самил. Беги, скажи, чтобы подготовили покой — у нас гость, и непростой...

Самил мельком взглянул на восседающего на почетном белом верблюде рослого северянина, и Конан уловил в глазах зуагира некоторую настороженность. Однако начальник стражи не позволил себе излишнего любопытства и, еще раз склонившись перед шейхом, опрометью бросился в широко раскрывшиеся врата.

Когда верблюды медленно прошествовали внутрь крепости, глазам Конана предстала весьма живописная картина. Он увидел беспорядочно расположенные одноэтажные гли-

небитные домишкы с маленькими, кривыми окошками, крытые пожелтевшими, сухими пальмовыми листьями. А над жилищами простых людей возвышались узкие островерхие башенки, прилепившиеся к углам трехэтажного, серовато-бежевого квадратного здания, окруженного на удивление пышным садом, какого не встретишь нигде более в разбросанных по туранской пустыне оазисах.

Конан невольно залюбовался открывшимся видом — за долгое путешествие через горы и пустыни глаз отвык от такого буйства зелени, наблюдая лишь невзрачный песчаник, бесцветные, сухие пустынные растеньица да блеклое небо над раскаленными солнцем горами.

Вскоре верблюды со всадниками на спинах приблизились к стенам дворца шейха, и Конан слегка скривил губы в презрительной ухмылке. Сей «дворец», больше похожий, по мнению Конана, на захудалый дом терпимости где-нибудь на окраинах немедийской столицы, не произвел на киммерийца должного впечатления. Сложеный из грубо отесанных известняковых плит без привычной на Востоке изящной отделки, квадратный, неказистый дом лишь привыкшие к однообразию и редко видящие что-либо истинно прекрасное зуагиры могли считать «дворцом шейха».

Очутившись в маленьком дворике, путники сошли с усталых верблюдов, их тотчас же окружила толпа жен владыки Баргэми, остававшихся дома, слуг, приближенных и прочих домочадцев. Животных немедленно увеличили, а вновь прибывших, и в том числе Конана, как почетного гостя шейха, усадили на мраморный поребрик — по древнему обычаю кочевников вернувшимся из странствия полагалось омыть ноги. Киммерийцу была оказана великая честь — по приказу Джагула его старшая жена собственноручно провела обряд, но киммериец, не видя лица женщины, скрытого покрывалом, догадался, глядя на ее изрезанные морщинами руки, что старшая жена явно ровесница самого Джагула, и загоревшийся поначалу в его глазах интерес пропал, как вода, пролитая на песок.

После омовения долгожданных гостей повели во внутренние покой дворца. Едва оказавшись там, северянин раз-

ко изменил свое отношение к жилищу Джагула аль-Баргэми. Полы устилали великолепные пунтийские ковры ручной работы, повсюду были разбросаны шелковые кхитайские подушки, расшитые сложными узорами и изображениями диковинных животных и птиц. Стены тоже были увешаны коврами и отлично выделанными шкурами тигров и горных львов.

Краем глаза глянув на облекавшую его плечи шкуру, затоптанную во время сражения с равахом и уже начинавшую попахивать гнилью по причине дурной выделки (Конан попросту натер ее золой и наскоро выскошил ножом), северянин подумал, что было бы неплохо получить в подарок одну из роскошных шкур, что так щедро украшали стены дворца шейха. Не то чтобы она была нужна — в жарком туранском климате подобное украшение можно было счесть излишним... и все же.

Стоило варвару заняться об этом, как тотчас же ему подали роскошную накидку из меха леопарда, отливавшую муаровыми черными пятнами на золотистом фоне, а безобразное, хоть и добытое с немалым трудом, одеяние с легким сожалением пришлось отдать расторопным слугам.

Из низкой дверцы одного из боковых покоев показался шейх, который за время, пока Конан осматривался и любовался новым плащом, успел переодеться и смыть с лица дорожную пыль. Подойдя к киммерийцу, Джагул почтильно-сдержаным тоном сообщил, что уважаемый гость может пройти в трапезную и утолить голод скромными дарами скудной земли Турана, после чего можно будет совершил небольшую прогулку и осмотреть дворцовый сад.

Конан согласился и проследовал за Джагулом в пиршественный зал, где взорам его предстало множество изысканнейших блюд в серебряной чеканной посуде, стоявшей прямо на ковре. Джагул провел Конана к почетному месту справа от небольшого возвышения, на котором должен сидеть хозяин дома. Тут Конан почувствовал, как у него засосало под ложечкой. Усевшись на подушки, он обозрел «скромные дары», оказавшиеся весьма обильными и разнообразными.

Молодой барашек с долькой апельсина во рту, коричневый, лоснящийся поджаристой корочкой, возлежал на огромном блюде подле влажных от вина и сладкого маринада телячьих окороков, нашпигованных бусинами чеснока и круглыми семенами кoriандра; горы риса, приправленного шафраном, желтели подобно восходящей луне; жареный миндаль, грецкие орехи, мелкий виноград с сизоватым налетом, изломанные корни имбиря, апельсиновые и лимонные цукаты, овсяные лепешки, с блестками кристаллов соли, множество маленьких, приземистых вазочек, наполненных разноцветными соусами и всячими пряностями,— от этого немыслимого для северного варвара изобилия рябило в глазах.

А вина!.. Конан слглотнул слюну, глядя на бесчисленные кувшины, усеявшие пол зала. Мускатные, сладкие, горькие, выдержаные не одно десятилетие в винных погребах и молодые, еще пахнущие свежесрезанной виноградной лозой, напитки так и манили отведать их великолепного букета.

— А я-то просто хотел попросить у них воды...— изумленно пробормотал Конан и, устроившись поудобнее, приготовился приступить к трапезе.

Но перед тем, как приближенные шейха начали расправляться с, казалось бы, неисчерпаемым запасом яств, Джагул аль-Баргэми поднялся и, поклонившись гостю, сказал следующие слова:

— О доблестные мужи и умудренные годами старцы — мои сыновья и братья, о правдивые и преданные советники мои, о верные мои слуги и неусыпная стража, дальние и близкие родичи! Рядом со мной, на почетнейшем месте, восседает наш гость — посланный самим Кемошем для спасения жизни нашей, великий герой, именующий себя Конаном Киммерийским. Высшие силы снизошли к мольbam, и в час бедствия, постигшего род наш, привели мужа сего туда, где ныне покоилась бы тленная плоть шейха вашего, равно как и тех, кто был с ним...

Далее последовало длиннейшее и расцвеченнное зачастую не совсем достоверными подробностями описание на-

падения раваха на караван шейха и последующей битвой песчаного черва с героем из далекой Киммерии. Говорил Джагул неимоверно долго, а потому, что никто не смел прикоснуться к пище, пока владыка оазиса не закончил, Конана терзали муки голода, многократно усиленные соблазнительными ароматами, исходившими от блюд, до которых следовало только лишь дотянуться, но проклятый восточный этикет (а нарушение его считалось у зуагиров неслыханным оскорблением) не позволял сделать это. И когда шейх наконец умолк, пригубив вина и дав тем знак к началу торжественной и одновременно поминальной трапезы, Конан ухватил румяный и сочный телячий окорочек и, вцепившись в него зубами, тотчас же забыл обо всем.

Трапеза окончилась, когда солнце уже почти исчезло за острыми вершинами Кезанкии, и Конан подумал, что для того, чтобы подняться на ноги ему сейчас потребуются недюжинные усилия — столько он не ел никогда. В то же время шейх продолжал настаивать, дабы гость отведал еще что-нибудь. Ну, к примеру, вот эту удивительно редкую на столе зуагиров кефаль, выловленную в Вилайетском море, тщательно поджаренную и закопченную, политую оливковым маслом и лимонным соком, сияющую ржавой корочкой с нефритовыми кляксами зелени... Конан слабо сопротивлялся.

Шейх, посмотрев на него хитрыми глазами, наконец предложил подняться и отправиться в сад, где киммерийца ожидал новый сюрприз.

— О, Конан, сейчас ты узришь то, что я берегу превыше всех драгоценностей и сокровищ рода. То, что я храню и лелею как зеницу ока моего. Но тебе, как человеку, которого зуагиры семьи Баргэми жаждали бы видеть среди своих кровных братьев, я покажу этот прекраснейший из цветов, когда-либо вскормленных плодородной почвой нашего осиянного благодатью оазиса.

Конан насторожился. Он прекрасно знал, что в Туране называлось «прекраснейшим цветком». А если еще вспомнить речи шейха о том, что победитель раваха с большой радостью принимался в род и семью, то дело принимало

достаточно интересный оборот. Тем более, что Джагул хочет именно показать сей «цветок» неожиданному гостю, а подобное на Востоке, как правило, не принято. Уж не сватать ли его собрались? Джагул встал первым, приглашая гостя следовать за ним. Крякнув, Конан с трудом поднялся и, осторожно ступая, двинулся вслед за хозяином. Выйдя в неприметную боковую дверь, они оказались в прохладной тени развесистых пальм, среди благоухающих цветов редкостной красоты и, лавируя по извилистой, аккуратно вымощенной гладким камнем дорожке, углубились в сад. В самом его сердце возвышалась белая мраморная плита, к которой лепились несколько чаш в виде многоцветных раковин. С верхней чаши из скрытого в толще камня источника по капле стекала, сверкая алмазными бликами, чистая родниковая вода; переливаясь через волнистый край каждой из чаш, она с мелодичным звоном капала вниз, в следующую купель, а затем собиралась в небольшой бассейн, где резвились среди пушистых водных растений редкие и очень дорогие золотые рыбки, украшенные длинными, прозрачными шлейфами плавников. А вокруг мраморного водоема гордо расхаживала пара павлинов, демонстрируя друг другу свои великолепные, отливающие изумрудом и лазурью, веера хвостов.

— Красиво... — сказал Конан, больше заботясь о том, как бы не нарушить приличия звуками рвущейся наружу после непомерно обильного пиршества отрыжки.

— Дочь наша, Мирдани! — возвзвал Джагул елейным голоском и на его лице появилась ласковая улыбка.— Выйди, о сокровище сердца моего!

«Ну, вот, началось,— подумал Конан,— сейчас будут сватать...»

Из-за пышного розового куста, усыпанного крупными, ярко алыми цветами, показалась женская фигурка, закутанная в белоснежный шелк с вышивкой золотом по краям.

— Подойди к нам, возлюбленная дочь,— проблеял шейх,— и поклонись спасителю отца твоего от безжалостного раваха. И я позволяю тебе, о Мирдани, поднять накидку...

Девушка легкой, воздушной походкой приблизилась к отцу, поклонилась гостю и, повернувшись лицом к шейху, с еле слышным вздохом откинула полуопрзрачное кисейное покрывало.

Представшая взору варвара красавица была смуглой, с длинными пушистыми ресницами, скромно прикрывавшими большие, миндалевидные, темные как агат, глаза. Конан, как большой ценитель женской красоты, залюбовался тонким носиком с легкой горбинкой, нисколько не портившей его изящную форму, маленькими, чуть припухлыми, как у ребенка, губками, правильным овалом лица, обрамленным иссиня-черными волосами, собранными в четыре тяжелые косы, лежавшие на узких плечах. Ростом дочь шейха была невелика, чуть полновата, но это придавало ее очаровательной фигуре особую прелесть. Мирдани молчала, глядя в землю, и слегка теребила край отброшенной с лица ткани, явно смущаясь тем, что ее лицо, которое можно было показывать только отцу и братьям, ныне пристально изучает чужой, незнакомый мужчина, да еще и прибывший из далекой, неведомой страны. Наконец, поборов в себе робость, прекрасная Мирдани осмелилась поднять глаза на суровое скуластое лицо мужчины и, слегка зардевшись, проговорить:

— Легок ли был твой путь, о чужеземец? — Голосок девушки прозвенел в неловкой тишине точно журчание воды, плещущейся в фонтане, находившемся неподалеку.— Позволишь ли поцеловать твою руку, державшую меч, что сохранил жизнь моему возлюбленному отцу?

Она уже взялась своими нежными ручками за грубую кисть северянина, но он отдернул руку, спрятав ее за спину.

— Еще чего! В моей стране принято по-другому.

Под ошарашенным взглядом шейха Джагула, Конан обнял другой рукой Мирдани за плечи, привлек ее к груди, и, склонив голову, коснулся губами, прохладных, бархатистых и восхитительно нежных губ красавицы. Девушка поначалу пыталась слабо отстранить его, упираясь ладонью в могучую грудь, но затем сникла, целиком отдавшись власти сильных, настойчивых губ чужеземца, забыв даже о присутствии отца...

— Мирдани, доченька... — жалобно пролепетал шейх, не осмеливаясь обидеть гостя, но в то же время понимая, что остановить киммерийца следовало бы немедленно. К его радости, пылкий поцелуй длился не слишком долго, и красавица, откинув голову и глубоко дыша посмотрела на Конана светящимися от неожиданно дарованного счастья глазами.

— Я хочу отдать Мирдани замуж за одного из сыновей эмира Шангара, — промямлил Джагул, переводя взгляд с киммерийца на дочь. Но оба точно и не слышали его слов, глядя друг на друга нескончаемо долгим взглядом, полным внезапно вспыхнувшей нежности.

— Тебе, о чужеземец, оказана большая честь видеть тот бриллиант, коим я дорожу пуще всего сущего, — сказал шейх уже немного строже, беря за локоть Мирдани и отводя ее от Конана. Дева вновь скромно потупилась и залилась алым румянцем. — Иди, дочь наша. Иди, отдохни. А я пойду устрою гостя в его покоях.

Мирдани закрыла лицо кисеей и легким шагом удалилась от фонтана, скрывшись в зелени сада. Конан, проводив ее взглядом, подумал, что было бы неплохо узнать, где находятся покой Мирдани. Шейх настороженно проследил за тем, как дочь вошла в густые заросли, за которыми скрывалась потайная дверца, ведущая во дворец, и, повернувшись к гостю, улыбнулся, скрыв за улыбкой тревогу.

Когда киммериец был препровожден на отдых в предоставленные ему апартаменты и остался, наконец, один, то понял, что спать пока не хочет, а валяться без дела было не в его привычках. Бесцельно побродив по комнате, Конан подошел к блюду с фруктами, взял крупный душистый персик, покрутил его и надкусил, но в этот момент в коридоре послышались шаги, дверь раскрылась и на пороге появился тот самый человек, что встретил караван у ворот крепости Баргэми.

— Я Самил, начальник стражи дворца шейха, — низко поклонился он.

— Ну и?..

— Не нужно ли чего почтенному гостю?

— Нет, не нужно, — отозвался Конан, подозревая, что Джагул мог прислать главного стражника проверить, на месте ли северянин и не отправился ли он бродить по дворцу в поисках красавицы Мирдани.

«Можешь передать старому хрычу, что я никуда не делаюсь, — с усмешкой подумал Конан, — по крайней мере, пока...»

— Мой шейх послал меня еще для того, чтобы узнать, не желает ли доблестный воин согреть свое ложе теплом любви?.. — вкрадчиво сказал Самил, не зная, какова будет реакция на эти слова.

— То есть? — переспросил Конан, прекрасно, однако, понимая, что подразумевает Самил под данным предложением. Однако же затеплилась надежда, что старик решится расплатиться за свое спасение принятым у некоторых племен зуагиров способом. Неужели сейчас здесь появится Мирдани?.. Было бы неплохо!

— Для услаждения твоего готов прислать тебе прекраснейшую из женщин, обитающих под сводами сего жилища.

— Это кого же? — снова спросил киммериец, уже будучи уверенным, что его надежды сбываются.

Самил поклонился снова и с радостной улыбкой сообщил:

— Свою любимую жену!..

У Конана вытянулось лицо. Вот ведь не повезло!

— Это что же, ту самую старушечку, которая омывала мне ноги?

— Нет, не бойся, почтенный, то была старшая жена, а любимая моложе ее на целых двадцать лет, — лукаво улыбнулся Самил.

«Так, «старшей», наверняка, под семьдесят, а «любимой», похоже, будет все пять десятков. Щедр шейх! Ну, уж нет!»

— Нет, спасибо, — вымолвил Конан, изображая на лице еще более лукавую улыбку. — Передай шейху Джагулу безграничную благодарность, но я не могу принять его подарок.

— Передам, конечно, передам, — закивал Самил. — В таком случае я еще хочу сообщить, что милостивый шейх

приказал поставить у дверей комнаты охрану, дабы никто не обеспокоил твой сон, о северный воитель. Спи же спокойно!

С этими словами, Самил, пятясь, вышел и тихонько прикрыл дверь. Конан успел рассмотреть, что с другой стороны, в коридоре, находятся четверо вооруженных копьями и щитами стражников.

«И с чего мне такая честь оказана? — смеясь про себя, подумал он.— А Джагул-то хитрец, хотел подсунуть мне свою престарелую женушку, надеясь, что тогда будут и овцы цели, и волки сыты. А теперь, чтоб я не пустился на поиски его драгоценной дочери, шейх еще и стражу поставил. Сейчас, небось, клянет собственное тщеславие, понимая, что совершил ошибку, показав мне Мирдани. Можно подумать, будто я не справлюсь с четырьмя стражниками или сколько их там...»

Сквозь узенькое окошко, затянутое цветной слюдой, было видно, как полная луна поднялась над садом, посеребрив верхушки пальм и превратив капли фонтана в изумительные драгоценности, сверкающие холодным голубоватым светом. Дворец шейха погрузился в сон. Изредка перекликалась меж собою ночная стража. Конан, который, наконец, почувствовал усталость, улегся на подушки и, вспоминая восхитительную свежесть коралловых губок прекрасной Мирдани, уснул.

* * *

Пронзительный, раздирающий душу женский вопль в ключья разорвал ночную тишину, когда луна скрылась за горами и ночь вступила в самый черный свой час. Мгновение спустя где-то в глубине дворца загомонили многие голоса. Конан проснулся, как всегда, мгновенно и, нашарив в темноте рукоять меча, вскочил на ноги, вслушиваясь. Паника нарастала, поглощая подобно волне весь дворец шейха Джагула, а когда чуткий слух киммерийца различил звякнувшее железо, стало ясно, что где-то совсем недалеко начался бой. Поспешно натянув штаны и накинув безрукавку, варвар рванулся к двери и распахнул створки уда-

ром ноги. Коридор заливал колеблющийся оранжевый факельный свет, но рядом со входом в покой, предоставленный киммерийцу, стражи не оказалось. Надо полагать, что, засыпав сигнал тревоги, все охранники ринулись туда, где сейчас звенели напуганные женские голоса, раздавались крики о помощи, и сталь ударяла о сталь. Держа меч на готове, Конан устремился по коридору, зацепив по дороге бесценную кхитайскую вазу в рост человека, которая с грохотом разлетелась на тысячи осколков. Даже не обернувшись, он выбежал к лестнице, миновал два ведущих наверх пролета и уже перед дверью, ведущей, как он полагал, в женскую часть дворца, едва не сбил с ног двух страных низкорослых существ с багрово горящими в темноте глазами.

— Это еще что такое? — рыкнул Конан, но, увидев наставленные ему в грудь древка необычного оружия — на толстую палку было насажено широкое изогнутое лезвие, похожее на ятаган, понял, что эти карлики и есть виновники случившейся во дворце шейха Джагула паники.

Конан поднял меч.

Глава третья

Конан чуть отступил назад и при слабом свете нескольких факелов, торчащих из настенных колец, попытался получше разглядеть противников. Тут одна из тварей ловко перевернула свое оружие так, что изогнутое черненое лезвие оказалось всего в двух ладонях от горла киммерийца, и Конан понял, что намерения у карликов более чем серьезны. Перерубив мечом древко похожего на алебарду странного инструмента, варвар опустил клинок на голову существа — на его темном капюшоне появилось расплывающееся пятно, и коротышка беззвучно рухнул на плиты пола. Второй карлик испуганно пискнул и, швырнув в варвара свой непомерно длинный ятаган, увернулся от следующего удара Конана, прыгнул к лестнице и, скатившись по ступенькам, исчез в темноте. Не став преследовать напуганную тварь, Конан быстро подошел к толстой резной двери, толкнул ее, но притвор не поддавался, оставаясь незыблемой преградой на пути туда, где до сих пор слышались крики и лязг металла. Тогда Конан отошел назад, разбежался, прыгнул и, ударив в узорчатую доску плечом, влетел в расположавшийся за ней зал в вихре щепок и обломков.

В большом мраморном зале было черно от кишащих повсюду карликов в темно-серых и черных плащах. Зажатая в дальнем углу помещения горстка стражников пыталась отбиваться от низкорослых созданий, которые облепили их как мухи, размахивая своим причудливым оружием.

Десятки карликов суетились возле других выходов из зала, вытаскивая из соседних комнат отчаянно визжащих и отбивающихся женщин, застигнутых врасплох нежданным нападением. Еще несколько уродцев заваливали выходы в другие помещения дворца всеми тяжелыми вещами, которые можно было найти на женской половине, чтобы ломящаяся в двери стража, набежавшая едва ли не со всей крепости, не могла пробиться к ним.

Конан отшвырнул ногой не вовремя подвернувшегося карлика, бегущего с подушкой к одному из выходов, и рванулся к кучке тварей, тащивших изгибающийся длинный сверток, в очертаниях которого угадывались контуры человеческого тела. Запеленатый человек пытался кричать и звать на помощь, но звуки его голоса заглушались плотной тканью. Несмотря на это, Конан понял, что карлики тащат женщину. В какое-то мгновение ему показалось, что голос ее был знакомым. Внезапно под ноги киммерийцу бросился один из коротышек, намереваясь помешать выручить похищенную женщину, и, споткнувшись, Конан не удержался на ногах и тяжело рухнул на пол.

Воспользовавшись его падением, карлики, издавая злорадный визг, кинулись на варвара. Мелькнули занесенные над головами лезвия. Сейчас оставалось сделать только одно — перевернувшись, киммериец стремительно подкатился к ногам кровожадных выродков и, лежа на спине, отмахнулся мечом им по ногам. Не менее четырех нападавших, подкошенные клинком Конана, рухнули прямо на него, заливая кровью одежду и расстеленный на полу ковер, а оружие остальных опустилось на прикрывшие варвара тела. Не теряя времени, Конан сбросил с себя корчившихся в агонии нелюдей, вскочил и, сжимая в одной руке меч, а в другой подобранный тут же ятаган поверженного карлика, оглянулся в поисках свертка с пленницей.

Не обнаружив его, он бросился к одной из дверей, куда могли скрыться карлики с похищенной женщиной. Там оказалась комната, в которой сидели, забившись в угол, несколько испуганных плачущих женщин. Сообразив, что ошибся, Конан метнулся обратно и увидел, что карлики,

побросав раненых и убитых, а заодно с ними и красавиц из гарема шейха, отступают к неприметной дверце, скрытой за настенным ковром.

Яростно рыча, Конан подобно тигру прыгнул вперед, пытаясь настичь убегающих нелюдей, его меч, сверкавший как молния, крушил их хрупкие тела, и, сметя со своего пути не менее полутора десятков низкорослых, но очень юрких и быстрых существ, киммериец оказался перед узким проходом, ведущим в непроглядную темноту. Он остановился, прекрасно понимая, что бездумно соваться в неизвестное и темное помещение без факела было бы глупо, ибо противник, который наверняка отлично видит в темноте, может нанести неожиданный и подлый удар в спину.

— Ты вновь пришел на помощь! — послышался за спиной варвара срывающийся голос Самила. В руке начальник стражи сжимал обнаженную изогнутую саблю. От наблюдательного киммерийца не ускользнуло то, что лезвие ее было чисто — туранец, скорее всего, не участвовал в битве с карликами наравне со своими товарищами. — Эти проклятые джавиды!.. Как маленькие негодяи смогли пробраться во дворец?!

Конан решил, что последние слова Самила были вопросом и, хмуро поглядев на него, сказал:

— А вот уж это тебе лучше знать... Что они хоть натворили?

Конан вновь внимательно осмотрел зал, заваленный барабахлом, среди которого лежали трупы джавидов и несколько тел стражников гарема.

— Они появились здесь нежданно, как дым просочившийся на женскую половину дворца. Откуда — ума не приложу. А потом начали врываться в обители жен шейха, пугая и вытаскивая их на свет, но не причиняя никакого вреда. Остальные карлики дрались со стражей, причем дрались яростно, не желая беречь свои жизни, словно речь шла о защите собственного дома, да рухнет его крыша им на головы!

— Я видел, как эти твои джавиды похитили одну из женщин, но не смог догнать их — мне помешали.

— Кого они похитили? Кого?! — вдруг прогремел голос Джагула, и у двери, ведущей в его покой, появился он сам в окружении многочисленных телохранителей с обнаженными саблями. — Ответь, о чужеземец, видел ли ты лицо той, что оказалась в руках мерзостных джавидов?

— Нет, — помотал головой Конан. — Но я слышал голос, и он показался мне знакомым.

— Чей это был голос? Чей?! — Старец бросился к киммерийцу, схватил его за запятнанную кровью шкуру леопарда и со слезами на лице пристально посмотрел в голубые глаза северянина.

— Не знаю, — отрезал Конан. — Лучше скажи старухам или евнухам, чтобы посмотрели, кого из женщин нет.

— Главного евнуха сюда! — провозгласил внимательно слушавший разговор Самил, и двое дюжих стражников подтащили трясущееся от страха существо, лишь отдаленно похожее на мужчину. Конан не без отвращения взирался на старшего из братии скопцов, хранивших и лелеявших дивный сад шейха. Северянин много раз слышал о несчастных, которые лишены одной из самых естественных и необходимых, по мнению киммерийца, радостей, дарованных человеку богами. Бедолага был высок ростом и непомерно толст — ширина его талии (если можно так назвать это место на его обширном теле) почти в полтора раза превосходила ширину плеч здоровенного варвара. На круглом, лунообразном лице, лишеннем всякой растительности, кроме бровей, застыло безразличное ко всему выражение, которое, впрочем, было присуще всем его собратьям по несчастью. Довольно долго главный евнух соображал, что же именно от него хочет шейх, но когда понял, поклонился владыке и воззвал тонким голоском:

— Зелим! Меср! Живо посмотрите по всем комнатам и посчитайте женщин! Быстро!

Последнее слово он выкрикнул столь пронзительным дискантом, что Конан поморщился и почесал пальцем ухо, обращенное к евнуху. Не дожидаясь результата поисков, киммериец кликнул начальника стражи. Схватив по факелу, они вдвоем выбежали в боковую дверь, скрытую под

ковром, все еще надеясь на то, что обнаружат какие-нибудь следы, по которым можно было бы узнать, куда делись карлики со своей ношей. Сразу за дверью оказалась винтовая лестница, крутыми витками уводившая вниз, в темноту.

— Может быть, они спустились по ней? — спросил Самил.

Конан не стал утруждать себя ответом и принялся быстро спускаться, освещая узенькие каменные ступеньки факелом. Лестница была невелика и закончилась в небольшом помещении, из которого вела только одна дверь наружу, и сейчас она была широко распахнута.

— Что это за место? — обернувшись, Конан посмотрел на окончательно павшего духом Самила, видимо, страшавшегося предстоящего наказания за небрежение к службе. Встрепенувшись, начальник стражиглянул за дверь, в темноту, и ответил:

— Это тайный ход из сада в гарем. Женщины иногда используют его, когда не желают лишний раз проходить через мужскую половину.

Конан вспомнил, что Мирдани минувшим днем исчезла из дворцового парка слишком быстро, скрывшись за завесой растений. Надо полагать, что она воспользовалась именно этим ходом в гарем.

...Мирдани!

Конан внезапно понял, почему голос пленицы джавидов показался ему знакомым. Теперь ясно, за кем охотились карлики, но зачем им была нужна Мирдани? Она, безусловно, очень красива, но, быть может, в гареме найдутся женщины прекраснее ее? Или нет? А что, если джавиды станут требовать за нее выкуп у безутешного отца, готового расстаться со всей своей сокровищницей, лишь бы вернули doch? Надо полагать, что для иных целей женщина джавидам вряд ли нужна...

Придется потом расспросить как следует шейха про племя карликов, если, конечно, узнав о похищении возлюбленной дочери, он будет в состоянии связать хотя бы пару слов.

Киммериец решительно отодвинул застывшего возле низкой дверцы Самила и нырнул в проход, надеясь отыскать в саду следы джавидов или хотя бы дыру, через которую они пробрались во дворец. Подняв высоко над головой факел, он прорвался сквозь заросли каких-то на удивление колючих кустов и выбрался на усыпанную мелким песком дорожку, ведущую к фонтану, неутомимо звеневшему неподалеку. Самил сопел позади, вполголоса проклиная садовника, утыкавшего весь сад непотребными колючками, на которых можно оставить не только одежду, но и кожу заодно. Неожиданно идущий впереди него киммериец, громко выругавшись, едва не упал, запнувшись о что-то темное, при ближайшем рассмотрении оказавшись трупом стражника. Самил глянул вниз и горестно воскликнул:

— Это Махуд! Да упокоится ныне он в царстве усопших!

Наклонившись, Конан осмотрел труп Махуда. Сзади его череп был рассечен страшным ударом ятагана — скорее всего, стражник даже не понял, кто убил его. И в этот же момент северянин краем глаза различил, что между кустов жасмина виднелась чуть приметная тропинка. Некоторые ветки были обломаны и, судя по свежим белеющим сердцевинам, совсем недавно. Киммериец, крепко сжав в руке клинок, медленно двинулся к кустам, ибо теперь был уверен — карлики скрылись именно там. Осторожно раздвинув усыпанные белыми цветами ветви, он всмотрелся в гущу зарослей и тихо произнес:

— А это еще что такое? Самил, подойди-ка сюда...

Тот с подчеркнутым опасением приблизился к варвару и, вытянув шею, посмотрел туда, куда он указывал.

— Первый раз вижу... — промямлил он. — Этого здесь никогда не было!

Конан шепотом проговорил какие-то слова, которые Самил вполне справедливо принял на свой счет и, возможно, в иной, не столь опасный миг позволил бы себе оскорбиться.

У самых корней жасмина виднелся широкий черный провал. Низенькая травка вокруг отверстия была примята

множеством ног. Конан подошел поближе, желая посветить в него факелом, но приостановился. С годами у киммерийца выработалось чутье на разные магические штучки, и в данном случае и простой человек мог бы заметить, что выход из ведущего под землю прохода более чем необычен! Поначалу создавалось впечатление, что на локоть в глубину дыра затянута едва заметной невесомой паутинкой, но сети обычных пауков никогда не светятся в темноте призрачным голубоватым огнем. Конан повернулся к Самилу, который, поборов страх, с интересом разглядывал переплетение слабо сияющих нитей, и, вытянув руку, попросил:

— Дай-ка мне твой кинжал.

Начальник стражи, не догадываясь, что затеял северянин, вынул из усыпанных драгоценными камнями и жемчугом ножен узкий клинок и протянул Конану.

— Возьми. Ты хочешь разрезать им паутину?

— Попытаюсь,— хмуро буркнул северянин. Он предполагал, что может сейчас произойти и, не желая рисковать своим мечом, решил, что кинжал Самила не представляет особой ценности. Сталь, конечно, хорошая, да и рукоять дорогая, но если что случится, то начальник стражи всяко сумеет найти ему замену в оружейной дворца.

Наклонившись над отверстием, Конан протянул руку с кинжалом и коснулся острием паутинки. Синеватый свет резко сменился белой вспышкой, и Конан, быстро отскочив, внимательно осмотрел оружие. Кончик клинка был аккуратно срезан чуть наискось, словно не металл это был, а полоска пергамента.

«Видел я уже когда-то такие фокусы. Стигийские колдуны иногда опутывают огненной сетью места, куда не должен соваться чужой. И всегда помогает, хоть от воров, хоть от кого другого! Но здесь заклятие слабенькое. Будь огненные линии потолще, кинжал просто в прах бы рассыпался. Но вот пройти туда никак не получится до утра. Заклятие паутины действует лишь от захода до восхода солнца...»

— Пойшли обратно,— подтолкнул Конан Самила.— Теперь я знаю все, что мне нужно.

Стражник с великим почтением посмотрел на могучего северянина, не убоявшегося даже магической преграды, и, вздохнув, загнал испорченный кинжал в ножны. Немного помявшиесь, он нерешительно произнес:

— Послушай, почтенный... Хм-м... Понимаешь ли, мне не слишком-то хочется возвращаться во дворец, а тем более попадаться на глаза шейху Джагулу. Я прекрасно понимаю, что меня ждет, в лучшем случае, лишение чина, а в худшем...— Самил провел ребром ладони по своей шее. Жест был более чем красноречивым.— Шейх — человек горячий. А я не желаю из-за недосмотра дурней-стражников лишаться головы. Так что лучше бы мне сейчас взять коня, да немедля покинуть Баргэми. Ты — человек мудрый и милостивый, чужеземец. Ты же не станешь чинить мне преград?

— Еще чего выдумал! — рявкнул на него Конан, возмущенный подобной трусостью.— Пойдешь вместе со мной к Джагулу и все ему объяснишь, а я, если что, за тебя словечко замолвлю.

За свою жизнь он немало сталкивался с наемниками, стражниками и обычными солдатами — но этот зуагир просто позорил воинскую честь! Киммериец не мог понять, как мог шейх позволить такому человеку занять столь высокий пост при своей особе. Не иначе, как тот получил место по родственной протекции...

— Твое слово вряд ли спасет меня,— взмолился дрожащий Самил,— отпусти! Я исчезну из дворца столь же незаметно, как ящерица исчезает в песке. Никто не заметит, клянусь!

Киммериец молча схватил за шиворот уже начавшего потихоньку отступать в темноту зуагира и решительно потащил за собой, не обращая внимания на сдавленные стоны всерьез перепуганного начальника стражи. Мысли о том, чтобы обнажить против северянина оружие, у Самила даже не возникло, ибо он понимал, что в этом случае смерть настигнет гораздо раньше, и палачу Джагула не придется лишний раз показывать свое искусство.

Крепко держа Самила за ворот халата, Конан легко взбежал по винтовой лесенке и, войдя в зал, застал шейха Джагула бушевавшим в неистовой ярости безграничного отчаяния. Едва Конан откинул рукой прикрывавший вход ковер, как его глазам открылось жуткое зрелище: главный евнух, тоненько подывая от нечеловеческого ужаса, стоял на коленях, а рядом с ним высыпал здоровенный детина в темном халате и тюрбане, поднявший над головой несчастного скопца, который был меньше всего повинен в случившемся, изогнутый меч с широким лезвием. В следующее мгновение, молодецки ухнув, палач низверг жуткое орудие на шею бывшего хранителя гарема шейха Джагула, раздался отвратительный тихий хруст, и на ковер хлынула алая волна крови. Голова, с глухим стуком упав на пол, подкатилась к ногам киммерийца.

«Пожалуй, шейх погорячился,— подумал Конан, отодвигая носком сапог окровавленную голову с трепещущими веками.— Не зря Самил так трусил».

Но, видимо, гнев владыки временно остыл, ибо жертвами его уже пали трое скопцов и начальник смены стражи, дежурившей у дверей гарема. Их головы были сложены жуткой кровавой пирамидой у ног господина, а тела валялись там, где свершилась скорая расправа. Едва увидев Конана, Джагул аль-Баргэми возопил:

— Ты нашел ее, о чужеземец?!

— Кого ты имеешь в виду, шейх? — бесстрастно произнес Конан.— Кого все-таки похитили?

— Мирдани! — Шейх выкрикнул это слово столь громко, что, казалось, осыпалась бисерная вышивка с его ночного халата.

— Я так и думал,— кивнул киммериец.— Найти ее мне не удалось, но зато доблестный Самил нашел место, где скрылись джавиды вместе с твоей дочерью.

— Самил? Этот подлый сын Нергала, да пожрет его тело равах?! Смерть ему! Эй, палач..

Самил, стоявший за спиной Конана, как подкошенный рухнул на колени, сумев сдавленно пробормотать одно-единственное слово:

— Пощади!..

— И в самом деле, не следует этого делать,— ровным голосом сказал Конан, понимая, что, вступаясь за растяпуштражника, рискует потерять расположение шейха.— Джавиды использовали магию, и когда я вместе с Самилом искал их след, он не убоялся их злобного чародейства...— Конан едва сдержал улыбку, вспомнив задрожавшие при виде магической паутины губы начальника стражи.— И кроме того, он был смел и безжалостен в битве с джавидами, я видел.

Это, конечно, было наглой ложью, ибо Конан отлично помнил, что Самил появился лишь тогда, когда карлики начали отступать из гарема, и обнажил саблю больше для вида. Однако обещания надо выполнять — киммерийцы всегда держат слово, кому бы оно ни было дано.

Самил на четвереньках пополз к ногам шейха, обернувшись на Конана и одарив его взглядом, в котором собачья преданность сочеталась с безграничной благодарностью, так что киммериец лишился раз поразился, что за рабская душонка скрывалась за столь внушительной внешностью бывшего стражника. Пылко облобызив туфли повелителя, тот простерся на ковре, бормоча неразборчивые призывы к милости великодушного владыки. Шейх недовольно пнул его в лицо и, скривив тонкие старческие губы, рыкнул:

— Прочь с глаз моих, собака! Благодари нашего гостя, подарил тебе жизнь он, а не я. С этого дня в моем дворце нет начальника стражи Самила аль-Мурди! Есть раб Самил аль-Мурди, и этого раба я дарю моему гостю и спасителю.

«И кто меня за язык тянул? — огорченно подумал Конан.— Конечно, ему бы отрубили голову, но, по крайней мере, я не остался бы в дураках! Что я теперь с ним делать буду? Пропью в кабаках Султанапура?»

Самил резво подполз к ногам Конана и хотел было приложить губами к его сапогам, но киммериец так свирепо прошипел: «Пошел вон, дубина!», что бывший начальник стражи проворно поднялся на ноги и, согнувшись в раболепном поклоне, начал пятиться к выходу из зала.

— Эй, раб! — вдруг окликнул его шейх, и Самил в ужасе снова грохнулся на колени, побледнев, как полотно.— Раб! Дай сюда свою саблю и кинжал! Оружие могут носить только свободные люди.

Дрожащими руками Самил снял с себя пояс и протянул его подошедшему палачу. Последний вынул кинжал, осмотрел его и швырнул на пол. Саблю же могучие руки заплечных дел мастера переломили надвое как прутик, а обломки он поднес шейху и положил у его ног. Только после этой церемонии Самил был отпущен и исчез из зала, как и обещал Конану — подобно ящерице в барханах.

— А кто такие эти джавиды? — обратился к шейху Конан.— Я никогда не встречал таких тварей, хотя по миру побродил изрядно.

— О, это премерзостное племя, порожденное отрыжкой Нергала! Их немного, и живут они, подобно иным карликам, в подгорных лабиринтах, но в отличие от племен рудознатцев, не делают ничего полезного, а лишь промышляют грабежом и убийствами. Маленькие негодяи облюбовали заброшенные ходы равахов, поселившись там. Наш благословенный оазис не раз подвергался набегам сих выродков, коих иные племена карликов считают гнусными изгоями. Но никогда доныне они не осмеливались на столь дерзостный набег. Лишь один Кемош знает, что джавиды учинят над моей бедной дочерью!

Глаза старца наполнились слезами, но, пересилив себя, он продолжил:

— Я никогда не слышал, чтобы джавиды похищали людей, и чувствуя, что здесь не обошлось без заговора со стороны моих многочисленных недругов! Какой-то мерзавец, наверняка, нанял их для того, чтобы завладеть самым дорогим моим сокровищем!

«С каких это пор женщина у зуагиров стала «величайшим сокровищем»? — удивился Конан про себя.— Надо полагать, старикан собирался выдать ее замуж за сынка какого-то эмира — вот и вся ее ценность! Не удивлюсь, если он сейчас начнет умолять меня спасти свое «сокровище». А, впрочем, кошелек мой не так уж тяжел...»

И точно. Шейх приблизился к киммерийцу и, молитвенно сложив на груди руки, заглянул ему в глаза:

— О, могучий воин, ты же видишь, как велико мое горе и не откажешь несчастному отцу в его слезной мольбе! Верни мне Мирдани! Я убежден, что боги послали тебя к нам в час несчастья как избавителя нашего рода и хранителя моей чести!

«Свою честь ты мог бы защитить и собственной саблей,— мрачно подумал Конан,— и, кроме того, я все-таки тороплюсь в Султанапур! Купец со своим караваном должен уже вернуться, а люди, с которыми я хотел бы встретиться, наверно, заjdались...»

— Сколько? — коротко спросил Конан.

— Что «сколько»? — недоуменно переспросил Джагул.— Сколько я дам тебе своих воинов в помощь?

— Нет, сколько ты мне заплатишь? А твоим... гм... воинам я не доверил бы даже охрану павлинов в саду.

Конан прекрасно понимал, что сложившаяся вокруг него аура посланника богов и бескорыстного героя после этих слов исчезнет бесследно, растворившись в сиянии золотых монет, но киммерийца, привыкшего зарабатывать своей силой и ратным умением на жизнь, это не слишком бы расстроило. И потом, он уже забыл, когда в последний раз служил «спасителем и избавителем» в ущерб собственному кошельку.

Джагул помолчал, недовольно пожевав губами, и наконец выдавил:

— Сто золотых...

— Оказывается, твое сокровище стоит не так уж и дорого! — усмехнулся северянин, не обращая внимания на потемневшее от гнева лицо Джагула и прокатившийся по залу ропот.— Тысяча, или я отправляюсь в Султанапур. А дочку свою поручи искать Самилу.

— Что-о? — протянул шейх, не веря своим ушам и аж присел от негодования и удивления.

— Тысяча туранских золотых,— отчеканил Конан.— И половину вперед. А то Мирдани я, может, и спасу, но вот вернется ли она домой — это еще вопрос. Я готов взять ее

себе в качестве оплаты за труды и, надо полагать, твоя дочь не откажется...

Дворцовая челядь, присутствовавшая в зале, замерла, ибо все были уверены, что сейчас на голову чужеземца обрушится ярость шейха и бывые заслуги киммерийца будут забыты. Но в этот момент варвар опять заговорил.

— Кроме того, мне нужен хороший конь — я выберу его сам на твоей конюшне, шейх, — запас пищи и воды, а лучше вина и еще... — Конан бросил с плеч запятнанную кровью шкуру леопарда, — заменить вот это.

— А конь-то тебе зачем? — ошарашенно спросил Джагул. — Ведь карлики обитают в подземельях! Неужели ты хочешь затащить туда лошадь?

«Тыфу, старый дурак! — мелькнуло в голове едва сдергавшегося от того, чтобы не сказать грубость, варвара. — Ты же богаче короля Аквилонии; а скрупишься, будто последний шемит-ростовщик! Но за жизнь Мирдани раскошелиться придется!»

— Лошадь? — задумчиво произнес Конан, глядя в потолок. — Пока я буду искать твою дочь в подземельях, конь постоит в конюшне, а если джавиды увезли ее куданибудь, то не пешком же мне за ними гнаться? А заодно, лошадь повезет мое золото...

От такой наглости, не виданной еще в стенах дворца Джагула, придворные заохали и стали перешептываться, пребывая в уверенности, что палачу недолго стоять без дела. Но шейх, немного подумав, кивнул:

— Будь по-твоему... гость. Пять сотен империалов чеканки короля Илдиза ты можешь получить хоть сейчас у главного казначея. Но вместо второй половины денег позволь мне предложить то, что пригодится любому воину. Стоимость этой вещи много больше, чем запрошеннная тобой награда. Эй, Мустаб! Принеси сюда аквилонский кинжал, который подарил мне в Аграпуре посланник из Хорщемиша.

«Ах, ты скряга! — Конана аж передернуло. — Сейчас всучит безделицу, которую можно купить на любом базаре за горсть серебра!..»

Казначей прибежал удивительно скоро, сжимая в руках парчовый сверток. Бережно развернув ткань, он вынул из ее складок казавшийся невзрачным кинжал-дагу, в простых кожаных ножнах без украшений, и с поклоном подал его шейху. Джагул, приняв оружие едва ли не с благоговением, вытянул клинок из ножен и, повернувшись к киммерийцу, торжественно произнес:

— В этот кинжале сосредоточена великая магическая сила — заклятие против чар последователей проклятого Сета наложил сам Раэн из Танасула — великий мудрец, живший около пяти столетий назад. Не смотри на простоту клинка, ибо за ней скрывается великая мощь магов. Кофиец неохотно расставался с этой вещью, но он отдал ее мне за одну услугу.

«Интересно, за какую такую услугу кофийский посол мог расплатиться с зуагиром столь «дорогим» кинжалом?» — Конан, поморщившись, взял оружие в руки и оценивающе оглядел его. Что ни говори, но сталь была действительно великолепна — легкая, гибкая и отлично отточенная. Может быть, и скрывалась в кинжале некая магическая сила, но сейчас она не выплескивалась наружу. Это было даже хорошо — киммериец недолюбливал магию, будь она белой, черной или же любой другой.

— На что он мне? — буркнул варвар, возвращая оружие шейху. — Я привык полагаться на меч и свою голову, а не на магические штучки. Забери обратно.

— Не заберу, — уперся Джагул. — Джавиды используют темное, чуждое людям колдовство. Ты же сам сказал, что вход в подземелье затягивала огненная сеть! Прими мой подарок!

— Ладно, — махнул рукой Конан. — Давай сюда твою игрушку.

Варвар пристегнул ножны к поясу, недовольный тем, что пять тысяч золотых вдруг превратились в никчемный ножик. В бою он обычно употреблял меч, который приходилось держать двумя руками, а работать двуручным мечом и дагой было бы крайне затруднительно...

— Рассвет еще не скоро,— сказал Конан,— волшебная паутина исчезнет только с первыми лучами солнца, и сейчас проникнуть в подземелье невозможно. Не думаю, что даже твой волшебный,— это слово он произнес с ноткой презрения в голосе,— кинжал сумеет ее рассечь... Я пошел спать.

Равнодушно развернувшись, киммериец покинул зал, оставил шейха и его челядь обсуждать его бесцеремонность и неучтивость, столь присущие всем варварским народам.

Глава четвертая

то был голос Самила...

Конан сидел в узком проходе, ведущем в огромный подземный зал, уже довольно долго, наблюдая за двумя десятками джавидов, расположившихся под сводами бывшего обиталища песчаного раваха. Они долго переговаривались на своем гортанном наречии, которого киммериец не знал,— как вдруг из темного туннеля, уходящего в глубины под песками, появился человек в сопровождении двух карликов. Он заговорил по-турански, и Конан тотчас же узнал его. Бывший начальник стражи и был тем, кто позволил джавидам беспрепятственно проникнуть в гарем дворца Джагула...

«Вот ублюдок! — выругался про себя Конан.— А я-то еще утром гадал, куда же смылся мой раб!»

Так оно и было. Проснувшись на рассвете, киммериец первым делом отправился ко дворцовому казначею за причитающейся ему мздой и покинул покой хранителя сокровищ только тогда, когда пять мешочеков, туго набитых империалами Турана, приятной тяжестью оттянули его пояс. Затем он отправился на конюшню и с вызывающей неспешностью выбрал себе великолепного гирканийского скакуна буланой масти. Эти животные ценились за свою выносливость и покладистый нрав, могли переходить большие расстояния без отдыха и отличались неприхотливостью в еде. Ну а кроме того, лошади гирканийцев без особого труда привыкали к новому хозяину, и едва Конан подошел к

выбранному жеребцу, как тот вытянул шею и ткнулся мягкими губами в его ладонь в поисках угощения.

— Ему бы еще седло и сбрую,— повернулся варвар к конюху, и последний немедленно принес требуемое снаряжение, ибо шейх приказал выполнять любые желания и прихоти гостя. Взнуздав и оседлав коня, и упрятав в седельной сумке кожаные кошели с золотом, Конан подозвал конюха и сказал:

— Он должен быть готов к моему приходу. А прийти я могу в любой момент.

— Слушаюсь,— отозвался конюх.

Киммериец предполагал, что утащившие Мирдани джавиды уже успели переправить ее если не к заказывавшему похищение, то хотя бы к его слугам или посредникам. Поговорив с шейхом, варвар выяснил, что поблизости нет ни одного оазиса, где могут спрятать девушки, и поэтому, скорее всего, путь похитителей лежит в Султанапур. Нашать на след дочери шейха он рассчитывал еще до полудня. Но нельзя было упускать из виду возможность того, что джавиды могли попросту спрятать красотку в своем подземелье и потребовать выкуп у шейха в золоте. Однако Джагул отверг подобную возможность, уверенный, что возлюбленное дитя стало жертвой интриг завистников. Кроме того, старый зуагир сказал Конану, что ни один джавид не посмел бы даже на полет стрелы подойти к стенам Султанапура, ибо воины эмира нещадно истребляли их, справедливо почитая за опасных и вредных тварей.

Конан неторопливо и обильно позавтракал, чем вызвал яростное, но скрытое негодование шейха, рассчитывавшего, что киммериец с первым лучом утреннего света ринется на поиски Мирдани. Собравшись, Конан уложил свои вещи возле конюшни, а потом под неусыпным надзором Джагула отправился в сад и заросли жасмина, среди которых он обнаружил минувшей ночью черный провал, загянутый светящейся паутиной. Как и подсказывали ему опыт и знания, полученные от некоторых встреченных ранее знатоков магии, простенькое охранное заклинание, посвященное Сету, рассеялось, едва забрезжил рассвет, и проход был сво-

боден. Но Конан прекрасно знал, что глубоко под землей, куда не проникает ни единственный солнечный луч, можно встретить подобную преграду даже днем. Открытую дыру прохода охраняли пятеро стражей, вооруженных пиками — Конан в душе посмеялся над «предусмотрительностью» того, кто занял место Самила. Варвар был уверен — теперь карлики не появятся в пределах оазиса Баргэми еще очень много дней.

— А ну-ка пропустите! — гаркнул Конан, отталкивая стражников, которые, впрочем, беспрекословно расступились, с уважением поглядывая на рослого чужестранца, собравшегося спуститься в подземелье раваха. По требованию Конана, ему была выдана веревка, и он, привязав один ее конец к извилистым и крепким стволам кустов жасмина, а другой намотав на руку, стал спускаться по наклонному ходу в темноту, придерживая небольшой светильник, висевший на шее на кожаном ремешке. Без света в туннелях раваха делать было нечего, и сейчас следовало благодарить одного из придворных, у которого завалялся среди прочих безделушек необычный сувенир — маленький кхитайский фонарик, представлявший собой слюянной куб, в который вставлялась свеча. Коснувшись ногами пола, Конан бросил веревочный моток на пол и отправился вглубь подземелья.

Киммериец долго шел по широкому округлому проходу, достаточно высокому, чтобы не касаться головой потолка — надо полагать, что живший здесь некогда равах был довольно крупным. В стороны отходили многочисленные ответвления, и если бы толстый слой пыли, скопившейся в брошенных песчаным червем подземельях, не были усеян следами джавидов, то можно было бы легко заблудиться в темных лабиринтах.

Впрочем, острый слух северянина не дал бы ему запутаться в путанице подземных ходов: Конан различал в отдалении неясные голоса карликов, и без труда мог идти на шум.

Джагул сказал правду: некоторые из ходов были обработаны людьми. Красноватый, плотно склеенный чем-то прозрачным песок кое-где устипался плитками, острые

углы были сглажены, а на стенах виднелась копоть от факелов.

«Здесь где-то должен быть ход в сокровищницу шейха... — подумал киммериец, оглядываясь. — Ну, да ладно, оставим посещение этого замечательного места на другой раз, если таковой случится».

Туннель шел под уклон. Через две сотни шагов Конан заметил, что четко отпечатавшиеся в пыли следы джавидов повернули в один из узких боковых коридоров. Ощущив в воздухе знакомое напряжение, он пригнулся, обнажил меч и осторожно начал пробираться по забирающему влево проходу. Варвар не зря доверял своим чувствам. Вскоре он обнаружил, что путь загородила точно такая же паутинка, как и виденная ночью — джавиды даже в собственных подземельях собирали предельную осторожность. Кроме того, Конан заметил разобранную карликами каменную кладку, перегораживающую выход из обследованных людьми шейха туннелей. Синеватый свет магической преграды заливал коридор, делая все вокруг каким-то неестественным, неживым, словно принадлежащим чужому миру — миру призраков и демонов. Даже кожа на руках киммерийца начала поблескивать трупным оттенком.

— Придется искать обходной путь, — огорченно прошептал варвар. — Или возвращаться назад...

Он развернулся, и в этот момент по стене прохода царапнуло что-то металлическое. Конан краем глаза заметил, что рукоять дареного кинжала задела застывшую поверхность обмазанного слюной раваха песка, и приостановился.

— В любом случае я ничего не теряю, — задумчиво пробормотал он. — Ну-ка, испробуем подарок шейха. А заодно и проверим, какие чары на нем лежат. Врал небось, подлец. Золота пожалел...

Убрав меч, Конан сжал кинжал в ладони и, приблизившись к пылающей синевой сети на расстояние вытянутой руки, коснулся острием одной из огненных нитей. Клинок налился ярко-белым светом, и неожиданно в подземном лабиринте стало светло, как днем. Стигийская сеть вдруг

начала менять цвет с синего на зеленый, затем потускнела, а через мгновение с чуть слышным шипением распалась на сотни гаснущих искр, рассыпавшихся на полу коридора.

— Недурно, — покачал головой варвар, глядя на исчезающий с граней клинка внутренний огонь, внезапно оживший в нем. — В кои-то веки мне пригодилась магическая игрушка. Интересно, а что она еще может?.. Великий Кром, а это кто такой?

Оказалось, что джавиды не ограничились одной лишь огненной паутиной, но и поставили за ней стражу. Конан отметил про себя, что не зря шейх Джагул предупреждал о магических талантах маленьких уродцев — по его словам выходило, что превзошли джавидов могут лишь стигийцы, у которых едва ли не каждый второй является колдуном. Карлики продемонстрировали свои способности, поставив охранять вход в свое логово тварь, очень напоминавшую демона, а скорее всего, им и являющуюся. Из коридора в круг света, отbrasываемого висящим на шее киммерийца фонариком, выползло отвратительное создание, подобного которому киммерийцу до сих пор встречать не доводилось.

Конан не без удивления взорвался на существо, напоминавшее помесь огромной жабы со столь же крупным скорпионом. Жабье туловище стояло на шести членистых ногах, а над спиной зловеще покачивался скорпионий хвост с заузбренным жалом, на котором поблескивали мутные капли яда. Зверюга была Конану по пояс, но все равно киммериец отступил на несколько шагов назад. Однако тварь почему-то не стала нападать на варвара, а, вращая выпученными красноватыми глазищами, беззвучно уселась возле места, где совсем недавно красовалась паутина Сета.

— Провести меня надумали, хитрецы? — проговорил Конан, усмехнувшись презрительно. — Не выйдет! Знаком я с такими фокусами!

Чудище оказалось безвреднее мухи — киммериец понял это, обратив внимание на то, что при движениях создание не издавало даже легкого шороха, а его лапы не поднимали пылевых облачков над полом. Это была доступная любому, даже начинающему магу шуточка — обыкновенный фан-

том. Иногда молодые и неопытные чародеи, желая преподнести приятный сюрприз своим знакомым или родичам, а то и просто напугать мирных обывателей, создавали монстров, по сравнению с которыми пялившееся сейчас на Конана нелепое создание показалось бы попросту детской шалостью. Когда-то прежде варвар мог почасться на такую удоочку, но те времена давно прошли. Конан, глазом не моргнув, двинулся прямо на фантома и преспокойно прошел сквозь него. Тварь пошевелила неповоротливой бородавчатой головой, и киммерийцу показалось, что во взгляде ее круглых выпуклых глаз скользнула обида.

— Извини, приятель,— бросил через плечо Конан.— Я тороплюсь...

Свет впереди забрезжил внезапно, и удвоивший осторожность киммериец задул теплящуюся в прозрачной коробочке свечу, а затем неслышно подошел к выходу из коридора и выглянул. Уходящий в сгущавшуюся вверху темноту куполообразный свод слабо освещался нескользкими факелами, воткнутыми прямо в песок. На полу широкого, шагов пятьдесят в поперечнике, зала сидели закутанные в свои мрачные одеяния джавиды и, судя по злобно-взглистой интонации их речей, переговаривались. У Конана появилась возможность как следует рассмотреть некоторых представителей низкорослого племени, ибо часть джавидов откинула с лиц капюшоны. Поросшие густой коричневой, местами рыжеватой шерстью плоские морды (язык не поворачивался назвать это лицом), малосенькие темные глазки, отсвечивавшие в темноте багровым, сливообразные и тоже волосатые носы, нависающие над широким губастым ртом, с углов которого на кудлатую бороду, стекала вязкая слюна, и к этому — странная мимика, шепеляво-картавый язык и движения коротких ручек и ножек, неприятно напоминавшие двухлетнего ребенка... Зрелище и жалкое и отвратительное одновременно. Конан как-то встречал настоящих гномов, правда, случилось это довольно давно, и они были куда более симпатичными, нежели джавиды. По крайней мере, у них не росли длинные, вислые уши, отчасти напоминавшие ослиные.

Почти два десятка уродцев, расположившихся на драных, явно ворованных, коврах, отчаянно спорили, а иногда старший из джавидов — наиболее хорошо одетый карлик, в волосах которого сквозила почтенная седина — отсылал некоторых своих согледенников в один из темневших справа ходов, но те возвращались очень быстро и, повизгивая, отрицательно крутили головами.

«Наверное, ждут кого-то,— решил Конан.— Может, и мне подождать? Если они поставили в этом коридоре магическую преграду, то, значит, со стороны выхода в сад никого не ожидают, да и сами сюда сунутся вряд ли. Одно плохо — пленницы нигде не видно. Или ее прячут в другом месте, или уже переправили, куда намеревались».

Так Конан проходил довольно долго, и, наконец, двое посланцев старого джавида привели за собой долгожданного гостя.

— Вы сделали все, как нужно,— не приветствуя карлика, с ходу начал человек. Говорил он на языке Турана.— Сейчас она уже на пути в город. Тот, кто нанял вас, обещает принести джавидам их драгоценность в течение двух лун. И, кроме того, Ниорг... — так, видимо, звали старейшину карликов,— ...я требую, чтобы ты заплатил мне за мои страдания! Ведомо ли тебе, как я пострадал из-за вас? Меня едва не казнили! И потом, я потерял должность при дворе Джагула и был обращен им в рабство! Хорошо, хоть бестолковый дикарь с севера, которому меня подарили,— последние слова Самил произнес с изрядной долей презрения,— заступил перед лицом шейха и не позволил проклятому Джагулу снести мне голову.

«Вот негодяй! — мелькнула у Конана злая мысль.— Я там распинаюсь перед обезумевшим от горя стариаком, прошу за него, а этот мерзваец, вместо благодарности, тут же сбегает! А теперь еще оказывается, что он сам и учил все это безобразие! Ну, ничего, я еще заявлю права на свою собственность — даром, что ли, шейх мне его подарил! Кстати, что там в Туране полагается делать с беглыми рабами?..»

Старший карлик поднялся на ноги и на скверном туранском наречии прошепелявил:

— Послушай, ты, лживый предатель! Как ты смеешь требовать от нас еще что-то? И это после того, как наш народ потерял столько воинов! Ты же обещал, что стражи будет мало! За такое предательство джавиды карают смертью!

С этими словами джавид махнул рукой остальным карликами, и те, мгновенно вскочив, бросились на Самила. Доселе скрытые в складках плащей кривые тяжелые мечи внезапно оказались в их руках.

— Эй, вы что? С ума посходили?! Отродья Сета! — закричал Самил, отскакивая в сторону. У него теперь не было даже сабли, чтобы защитить свою жизнь.— Остановитесь! Я ведь сделал все, как вы требо...

Его сполошный крик потонул в визге атакующих джавидов. Самил упал на пол, закрыв голову руками, не надеясь на спасение — в подземельях раваха никто не мог прийти ему на помощь, и теперь бывший начальник дворцовой стражи вознес немногословную молитву к Кемошу, уповая на то, что бог зуагиров, кстати, не терпящий греха предательства, все же помилует его и даст отдых на Серых Равнинах Мертвых.

И тут словно голос самого Кемоша раздался под песчаными сводами:

— Никому еще я не позволял посягать на мое имущество!

Для Конана не составило большого труда раскидать вонзящих карликов. Снеся головы тем, кто рискнул сопротивляться и распугав остальных одним своим видом, он загнал джавидов в уходящий во тьму коридор, однакоглядел, что их старейшина успел улизнуть, прихватив с собой несколько мешочеков. Наверное, с золотом, подумалось ему.

Киммериец подошел к неподвижно лежащему Самилу. Тот уже мнил себя бестелесным призраком на Серых Равнинах, в царстве Нергала, когда варвар пару раз пнул его, а потом, ухватив за шиворот, рывком поставил на ноги.

— Хо-хозяин?.. — промямлил Самил, повиснув в руке Конана, подобно крысе в зубах собаки.

— Хозяин, хозяин! — подтвердил киммериец.

— А как же Серые Равнины? Вас что, тоже убили подые джавиды?

— У тебя разум от страха помутился, пес? — рявкнул Конан и встряхнул Самила.— В Царство Теней ты всегда успеешь! А ну-ка говори, что вы тут с джавидами затеяли? Куда дели Мирдани? А?

— Я ничего не знаю! Я не виноват! — заскулил вторично спасенный Конаном от неминуемой смерти зуагир.

— Ax, не знаешь? — зловеще ухмыльнулся киммериец.— Подзабыл, может? Так я тебе сейчас напомню!

Конан сопроводил слова действием, двинув Самила об стену пещеры, причем не один раз. При каждом соприкосновении с твердым, как камень, песчаником, Самил издавал тихие короткие всхлипы и наконец взвыл так, что с потолка посыпалась пыль.

— Хозяин! Неужели ты спас меня только для того, чтобы убить?!

— Скорее всего, именно для этого,— спокойным голосом отозвался «хозяин», не прекращая мутузить своего нового раба об стену,— но для начала я вытрясу из тебя все, что ты знаешь о похищении дочери шейха!

— Да, да, я расскажу все, все, что знаю и что пожелает услышать от покорного слуги добрый хозяин,— простонал Самил в промежутках между ударами. Кровь из разбитого носа залила его губы и подбородок. Он понимал, что дальнейшие запирательства приведут к тому, что могучий северянин, в лучшем случае, сильно покалечит его, а то не нареком и убьет. Если выложить все, как есть, то, быть может, появится надежда оставаться в живых.

Конан отшвырнул Самила в центр зала, в круг света, исходившего от забытых джавидами факелов, на груду потрепанных ковров и встал над ним, широко расставив ноги и скрестив руки на груди.

— Ну? Начинай свою повесть,— задушевным тоном проговорил киммериец, однако Самил явственно различил в его голосе стальные нотки.

Сбиваясь и всхлипывая, размазывая по лицу текшую из носа кровь, Самил начал рассказывать, как однажды, когда

он был по делам в Султанапуре, его зазвал в свой дом пятитысячник султанапурского гарнизона Турлей-хан, сказав, что желает передать какой-то подарок шейху Джагулу.

— Кто этот Турлей-хан? — спросил Конан.

— О, это один из самых богатых и уважаемых людей в городе, — прохрипел Самил, — он командует всей кавалерией доброго государя нашего Илдиза, которая стоит в этой части империи. В его руках сосредоточена власть не меньшая, чем та, что принадлежит султанапурскому наместнику — эмиру Хааб-берди. Он любимец и дальний родственник самого Илдиза и пользуется его благоволением...

— Ну, и что тебе сказал Турлей-хан?

Самил поведал о «подарке», приготовленном турецким князем шейху зуагиров. Когда начальник стражи оазиса Баргэми прибыл в роскошный дворец Турлей-хана, тот предложил ему несколько однобокий выбор: либо умереть на месте (за спиной Самила тогда стояли четверо здоровенных чернокожих рабов из Кешана), либо, приняв от монаршего фаворита пять тысяч золотых, помочь нанятым им джавидам похитить дочь Джагула аль-Баргэми.

— Отчего это Турлей так невзлюбил твоего бывшего хозяина? — спросил Конан.

— Река оазиса несет в себе самоцветные камни и золото, — сказал Самил в ответ. — Пятитысячник, который почти столь же богат, как и Илдиз, хотел наложить руку на неиссякаемый источник сокровищ и пытался просить шейха отдать ему в жены Мирдани. Но Джагул понял, что в таком случае придется делить с алчным и ненасытным зятем приносимые рекой Баргэми сокровища, и твердо отказал, решив выдать дочь замуж за человека, которому не нужно золото — сына Шангарского эмира. С этим браком Джагул больше получил бы для себя, нежели отдал, тем более что он еще не выдал замуж старших своих дочерей! Турлей-хан в ответ решил отомстить шейху за обиду и теперь хочет сделать Мирдани своей рабыней и наложницей.

— А почему шейх не может принести жалобу в Аграпур, правителю?

— Какому правителю, помилосердствуй?! — взмолился Самил, проклиная в душе непроходимую тупость киммерийца, слабо разбирающегося в тонкостях дворцовых интриг на Востоке. — Да Илдиз и слушать не захочет о чести неизвестной зуагирской девицы, а скорее, наоборот — заставит Джагула ублажить своего любимчика!

— А что ты говорил про вещь, которой похититель должен расплатиться с карликами в течение двух лун? — вдруг нахмурился Конан.

— Я точно не знаю, — пролепетал бывший начальник стражи. — Знаю только, что она хранится в сокровищнице Турлей-хана, пятитысячника султанапурского эмира. Это какое-то древнее сокровище народа джавидов, по слухам, связанное с темной магией Сета.

— Как выглядит эта штуковина? — продолжал настаивать варвар. — Она дорогая?

Безошибочный нюх Конана моментально учудил возможность прибавить к полученным у Джагула пяти тысячам и магическому кинжалу (откровенно говоря, почти бесполезному) еще что-то ценное. Однако Самил пробормотал:

— Господин мой, не связывайся с джавидами и их магией. Этот народ поклоняется неведомым и тайным силам, несущим смерть всем, кто не принадлежит к их поганому племени. Они, подобно стигийцам, владеют силой, подаренной им злобным Сетом, а вещь, из-за которой джавиды пошли на столь большой риск и жертвы, очевидно, содержит в себе так много зла, что ты не унесешь его на своих плечах!

— Я спросил — она дорогая? — угрожающе повторил Конан. — Если она не представляет из себя хоть какой-то ценности, то почему хан держит ее в своей сокровищнице? Я не раз встречал очень дорогие безделушки, про которые болтали, будто они наполнены магией доверху, а на деле просто набивали цену.

— Кажется, эта драгоценность — некий сосуд. Я сам его никогда не видел, — ответил Самил. — Но Турлей-хан хранит его, потому что тот сплетен из вытянутого в нити стигийского белого золота...

«Белое золото? Ну и ну! Да за такой кувшинчик можно купить всю Аквилонию с Зингарой и Аргосом в придачу, и еще на вышивку останется! Про магию, может быть, и брехня, а вот саму вещичку посмотреть стоит. Я думаю, она нужна джавидам, несомненно, меньше, чем мне».

— А когда Турлей-хан передаст карликам сосуд?

— Не знаю, — проблеял Самил. — Они сами будут разбираться с пятитысячником, а то, что было поручено мне, я выполнил. Больше мне ничего не известно. Клянусь, господин!

— Ладно, — вздохнул Конан. — А с Мирдани-то что? Где она сейчас?

— Джавиды передали ее слугам Турлей-хана, и сейчас они уже, наверно, приближаются к Султанапуру.

— А ты уверен, что с дочерью шейха ничего... э... не случится в пути?

— На все воля Кемоша, — развел руками Самил, радуясь в душе, что нашел, наконец, возможность поддеть «нового хозяина». Но тут Конан метнул на него такой яростный взгляд, что, сникнув, Самил добавил:

— Я слышал, что Турлей-хан пригрозил страшной казнью тому, кто дотронется до Мирдани хоть пальцем. Так что, до времени, пока она не окажется в серале пятитысячника, самое большее что ей грозит — это ожоги от жаркого солнца пустыни...

— Ладно. На том и порешили. Поедешь со мной в Султанапур, — велел Конан, понимая, что сейчас действовать надо быстро.

— Господин, посмотри — джавиды!.. — сдавленным шепотом вдруг проговорил Самил, глядя широко раскрытыми от страха глазами на что-то за спиной киммерийца. Быстро оглянувшись, Конан увидел в темноте коридора несколько пар мерцающих красным глазок, рассмеявшись, поднял с пола забытый карликами глиняный кувшин, размахнулся и запустил его туда. Глазки исчезли.

— Боятся! — ухмыльнулся северянин и, повернувшись к Самилу, рявкнул: — А ну вставай, бездельник, пока я не

спустил с тебя твою вонючую шкуру или еще раз не двинул об стенку!

Зуагир проворно вскочил, приняв полусогнутую раболепную позу. Конан одобрительно кивнул и указал на коридор, который привел его в подземный зал.

— Пойдешь впереди меня. Можешь не пугаться, там сидит довольно противная тварь, но бояться ее не следует, это обычный призрак.

— А вот это — нет! — пискнул Самил, дрожащим пальцем указывая туда, где только что светились глаза карликов.

— Что ты имеешь в виду? — не понял Конан и, повернув голову, увидел...

— Проклятые слуги Сета натравили на нас своего демона! — испуганно заныл зуагир, прежде никогда не сталкивавшийся с подобными существами.

— Да не бойся ты, — махнул рукой киммериец. — Если карлики поставили охранять коридор, по которому я пришел, обычного фантома, то на большее они вряд ли способны. Смотри. Я сейчас пройду сквозь него, и он не сможет причинить мне никакого вреда.

Никогда не подводивший варвара инстинкт сейчас сыграл с ним злую шутку. Приглядевшись, Конан понял, что ошибся и зря хвастал. Выбредавшее из мрака существо оказалось вполне материальным, куда больше, чем хотелось бы киммерийцу. Перед ним стоял, человек — не человек, ящерица — не ящерица, а какая-то жуткая помесь того и другого. Надо полагать, что джавиды хорошо разбирались в людях и знали, что именно может напугать любого.

Но только не Конана.

Он спокойно, даже немного с удивлением, оглядывал мускулистую фигуру, один к одному похожую на его тело, однако же покрытую зеленоватой чешуйчатой шкурой.

«Маленькие мерзавцы еще и издеваются надо мной!»

На этом сходство и заканчивалось. Мощный торс демона венчала голова ящера. Из усеянной мелкими зубками полуоткрытой пасти выглядывал блестящий раздвоенный язык, который, как казалось, жил отдельной от хозяина

жизнью, крутясь во все стороны и точно что-то вынюхивая. Круглые, ничего не выражавшие глаза холодно смотрели на приготовившегося к бою киммерийца. В правой лапе человекоящер сжимал древко оружия, похожего на алебарду, разве что лезвие было выполнено в виде обвивающего пику змея, на хребте которого торчали острые шипы.

Конан замер, внимательно следя за каждым движением монстра. Его удивляло, что демон словно не видит своего противника и, крутя головой, озирает зал в поисках чего-то иного, нежели двух людей, находящихся прямо перед ним. Неожиданно, не выдержав напряжения, от которого, казалось вот-вот лопнут нервы, Самил со сдавленным воем кинулся к коридору, на который указывал Конан, как на ведущий к выходу из подземелья. И в этот момент тварь ожила. Молниеносным движением шишковатой лапы она метнула свою алебарду в Самила. Голова змеи выкованная из тусклой стали, острая как кинжал, с хрустом вошла в спину человека, пригвоздив его к полу. Самил не успел издать даже предсмертный крик. Демон поднял к потолку свою бугорчатую морду и заревел, подобно горному льву. Эхо разнесло его победный клич по мрачным подземельям песчаного раваха.

Затем чудовище, совершенно не обращая внимания на застывшего, будто статуя, киммерийца, подошло к мертвому Самилу, и прижав его ногой к песку, выдернуло пику.

Внезапно Конана осенило — демон способен видеть только то, что движется...

Глава пятая

Нанести удар первым Конану не пришлось. Демон улавливал даже самое незначительное движение, и когда меч слегка дрогнул в руках киммерийца — он уже изготовился к нападению, зная, что сейчас жизнь зависит лишь от собственной быстроты и ловкости, — чудище сделало стремительный выпад алебардой, заставив северянина отскочить в сторону, одновременно отводя страшной силы удар в песчаный пол. Острие пики проломило корку склеенного слюной раваха песка и вонзилось в рыхлую землю. Пользуясь мимолетным замешательством человека-ящера, пытавшегося выдернуть застрявшее в полу оружие, Конан рванулся вперед, выставив перед собой меч и надеясь проткнуть противника насеквэз. Клинок бессильно скользнул по зеленоватой чешуе, оказавшейся неожиданно прочной. В следующее мгновение тяжеленный кулак демона нанес мощный удар в челюсть киммерийца, который тот не успел парировать. Конану показалось, что песчаный свод пещеры обрушился ему на голову. Варвар, перекувырнувшись в воздухе, пролетел через весь зал. Его полет прервалася некстати подвернувшейся стенкой...

Киммериец не выпустил из рук меч и, тем самым спас свою жизнь. Демон, схватив секиру обеими лапами, с угрожающим рыканьем ринулся на сидящего возле стены и растерянно трясущего головой варвара, рассчитывая прикончить его одним ударом. Способность видеть вернулась к Конану в момент, когда острие пики в виде змеиной

головы стремительно летело к груди. Монстр зажал древко под мышкой, подобно пантенскому конному рыцарю, намереваясь поддеть человека алебардой. Привычным движением, не раз спасавшим ему жизнь, Конан поднял меч, защищаясь от удара сверху и инстинктивно отклонил голову, надеясь уйти от смертельного выпада. Высекая искры, стальная змея скользнула по длинному, широкому лезвию меча и со всей силой, вложенной демоном в удар, вонзилась в стену, к которой прислонился Конан. Раздался треск ломающегося древка, послышались булькающий хрип чудища, напоровшегося всей тяжестью своего тела на клинок, и сдавленное хрипение Конана; не удержавшись на ногах, монстр рухнул на варвара, но тут же вскочил и принял с сиплым визгом кружить по залу, пытаясь выдернуть меч варвара, торчащий из горла.

Киммериец защитил себя бессознательно, повинуясь инстинкту самосохранения, ибо столь сильный удар в голову, какой был получен от подчиненного джавидам демона, мог свалить замертво кого угодно. Огляделвшись в поисках какого-нибудь оружия, варвар наткнулся взглядом на засträgtвшее в стене лезвие алебарды и лежащий неподалеку кусок расщепленного древка. Пощатываясь, он подошел к валявшимся обломкам и не без труда вытащил некогда грозное оружие. Усмехнувшись, Конан взвесил в руке доставшийся ему «трофей» и подумал, что эта штука больше подошла бы палачу шейха Джагула. Но выбора сейчас не было. Схватив в левую руку кусок древка с торчащими из него в разные стороны острыми щепками, киммериец изготавлился к бою, и вовремя: раненое чудовище, скрывшись сперва где-то в темноте, теперь возвращалось, оглашая пещеру громкими хрюками и безуспешно пытаясь выдернуть все еще торчавший в шее меч.

— Надо бы эту тварь остановить, а то уволочет куданибудь мой меч, да и сдохнет в подземелье. Ищи его потом... — вполголоса пробормотал северянин.

Монстр несся прямо на Конана, явно не видя человека и ничего не соображая от боли. Киммериец решил, что на сегодня с него ударов об стенку хватит, и резво отскочил в

сторону, согрев при этом обезумевшего демона своим новым оружием по загривку. Человеко-ящер со всего размаха врезался в стену пещеры, как раз в той стороне, где только что стоял Конан, отлетел назад и упал на спину. Торчащий из горла демона меч вонзился еще глубже, причиняя чудищу невероятную боль. Лежа на спине, монстр ухватился своими безобразными передними лапами с бугристыми суставами прямо за лезвие клинка, отхватив себе при этом два или три пальца и сильно порезав остальные. Темная кровь вязко стекала по клинку и сочилась из порезанных пальцев бьющегося на полу демона. Даже и не вспомнив, что бить лежачего — недостойно воина, варвар бросился на ящера, осыпая градом ударов, не достигавших, однако, цели. Твердую чешую импровизированное оружие пробить не могло, оставляя на ней лишь неглубокие зарубки. Заметив, наконец, прыгающего вокруг человека, монстр, взъярившись, нашел силы подняться на ноги и броситься на противника. Конан каким-то чудом успел увернуться и, растянувшись на полу, замереть, помня, что зеленое чудище видит исключительно то, что движется.

«Так... Заколоть я его не могу, тем более той дрянью, что мне досталась вместо меча. Если буду двигаться, рано или поздно это плохо кончится: убить демон меня, может, и не убьет, а вот к стенке приложить сумеет так, что потом месяц не оправишься! А потом осмелевшие джавиды высокочат из темноты, и прирежут... — Чудовище, не видя человека, снова принялось за свои бесплодные попытки выдернуть глубоко засевший клинок. — И что теперь делать..?»

Стараясь двигаться как можно меньше, чтобы не привлечь нечаянным шорохом или слишком резким движением внимание демона, киммериец приподнялся на руках и осмотрелся — не показались ли джавиды? Но маленькие обитатели подземелья не выходили в зал, явно наблюдая за схваткой из безопасного и темного коридора. Зато на глаза северянину попался чадивший факел из числа тех, которые не затоптал метавшийся по пещере человеко-ящер.

«А ведь если света не будет, демон меня не разглядит... Наверное... Зато я его увижу! Там и разберемся...»

Отбросив бесполезный обломок древка, Конан стремительно вскочил на ноги, бросился к ближайшему факелу, сбил его и принялся затаптывать. Он успел погасить таким способом уже почти все факелы, когда монстр в очередной раз заметил движение в зале и кинулся на столь долго сопротивляющуюся добычу. Киммериец попытался отмахнуться горящим факелом, но, видя, что попытка обречена на провал, не нашел ничего лучшего, чем ткнуть пылающим оконечьем чудишу прямо в распахнутую, наполненную пузырящейся розоватой пеной пасть, пытаясь выиграть хоть немного времени.

Случившееся поразило даже видавшего виды северянина: факел исчез в бездонной глотке чешуйчатого гада, а мгновение спустя своды пещеры потряс странный звук, напоминающий многократно усиленный хлопок проколотого бычьего пузыря. Там, где только что стоял человеко-ящер, вдруг вспыхнул и, взметнувшись к потолку, моментально погас пламенный шар, а дымящиеся ошметки разлетелись по всему залу.

— А где меч? — мрачно спросил у самого себя Конан, озирая образовавшуюся в середине пещеры изрядных размеров яму и раскиданные вокруг бесформенные куски обгорелого мяса. Один из факелов чудом остался гореть, и, взяв его в руку, киммериец начал обшаривать пещеру. Меч напался в другом конце зала, наполовину ушедшим в стену, вокруг лезвия расходились в стороны извилистые трещины. Вытащив клинок, Конан убедился, что оружие почти не пострадало, за исключением едва заметных зазубрин.

Надо было возвращаться. Подземелья раваха и так преподнесли уже много неприятных сюрпризов, а нарываться на новые приключения у киммерийца не имелось никакого желания. Сомневаться же, что джавиды могут снова попытаться пронять незваного гостя, натравив на него что-нибудь подобное вызванному при помощи темной магии демону, не приходилося. Киммериец и так узнал все, что ему было нужно — Мирдани везли в Султанапур, к Турлей-хану, и искать ее следовало именно там. Ну, и потом, перед глазами Конана так и мерцали тысячи туран-

ских империалов, которые можно было выручить у любого ювелира за кувшинчик из белого золота. И пусть джавиды не мечтают, что их волосатые лапы будут держать сей сосуд — карликам он без надобности, это уж точно!..

Джавиды, видимо, сообразив, что с Конаном лучше не связываться, присмирили и затаились в темноте, не решаясь показаться на глаза человеку, повергшему демона, в которого они вложили столько труда и магической силы...

Конан подошел к коридору, ведущему в сторону дворцовых подземелий, и пнув ногой труп Самила, проворчал:

— Стоило обзавестись рабом, как его тут же порешили! Пусть теперь джавиды его и хоронят, а если появится желание, могут и пообедать...

Магия карликов рассеивалась: от фантома, сидевшего в проходе, осталась лишь бледная тень, неспособная напугать и ребенка. Киммериец невозмутимо прошел мимо, даже не посмотрев в его сторону. С его звериным чутьем найти обратную дорогу варвар мог бы и в полной темноте, но сейчас он держал над головой последний оставшийся непотушенным факел. Отданный киммерийцу челядинцем шейха фонарику сорвался с ремешка во время боя и, затоптанный в песок, валялся где-то в потерявшемся позади зале.

Миновав знакомые коридоры, Конан вышел точно к той дыре, сквозь которую джавиды проникли во дворцовый сад крепости Баргэми. Веревка лежала там, где он ее оставил — один конец шнура уходил наверх, откуда в подземный сумрак спускались пыльные полосы солнечных лучей. Подергав за веревку, Конан убедился, что она по-прежнему привязана, и, подпрыгнув, стал взбираться наверх. Глаза варвара настолько привыкли к темноте, что поначалу он едва не ослеп от яркого дневного света. Однако киммериец смог вовремя различить метнувшуюся к нему тень и, вжав голову в плечи, избежать удара сабли.

— Эй, вы, безмозглые твари! — громко рявкнул Конан, прибавив пару выражений, которые зуагирам знакомы не были, но общий смысл стал понятен моментально.

— Извини, господин, мы не узнали тебя! — нестройным хором ответили стражники, когда Конан, подтянувшись на

краю ямы, одним прыжком поднялся на ноги, и его огромная фигура угрожающе нависла над головами зуагиров.

Судя по тому, как стражи на него смотрели, варвар понял, что с ним не все в порядке и, оглядев себя, хмыкнул: — М-да...

Вся одежда была изгажена буровато-зеленою слизью и кровью демона. Киммериец даже не заметил, что когда монстра разнесла на куски неведомая сила, несколько ошметков его плоти прилипли к новой дареной шкуре, а брызги крови заляпали гриву темных волос. Кроме того, пыль, поднимавшаяся от гулявших по коридорам раваха сквозняков, осела на северянине толстым слоем. Немудрено, что стражники приняли выбравшееся из подземелья страшилище за губительное порождение магии карликов.

— Мне бы помыться надо,— сказал Конан старшему смены, охранявший вход в подземелье, но в этот момент в дворцовый сад выбежал шейх Джагул, услышавший возглас Конана, и налетел на киммерийца, как песчаная буря.

— Ну? Что?! Где она? Она жива?! — срывающимся голосом сыпал невнятные вопросы несчастный старик, мало обращая внимания на внешний вид северянина.

— Я, думаю, что Мирдани жива и, скорее всего, здорова,— невозмутимо произнес Конан.

— Так ты не нашел ее?! — взвыл Джагул.

— Да нет,— пожал плечами киммериец.

— Но я знаю, что твоя дочь сейчас находится на пути в Султанапур, к человеку приказавшему ее похитить. Я даже знаю его имя...

— Кто, кто этот сын раваха, зачатый в прелюбодейской связи с гиеной?!

— Его имя Турлей-хан,— сказал Конан и на всякий случай отошел на пару шагов назад, представляя, какой поток ярости выплеснется сейчас из Джагула.

Несколько мгновений стояла гробовая тишина, а сам Джагул аль-Баргеми наливался тяжелой багровой краской смертного гнева. Конан даже испугался, что с шейхом сейчас приключится то же, что случилось с демоном в подземельях раваха.

— Турлей-хан?! — прошипел Джагул и сразу же сорвался на истощенный крик, от которого с тоскливыми, испуганными криками, похожими на мяуканье, разбежались, суматошно махая коротенькими крыльями, павлины, копавшиеся в кучке сухих листьев неподалеку.

— Я так и знал, что этот змееныш, чье смрадное дыхание оскверняет воздух Турана, выкормыш старого, выжившего из ума Илдиза, рано или поздно припомнит мне, как я не возжелал породниться с подобной тварью! Этот лизоблюд только и думает, где бы набить свое прожорливое брюхо и не менее алчный кошель! Поганый сластолюбец, осквернивший не одно супружеское ложе Султанапура! Жалкий раб, чей язык почернел от вечного лобызания сапог своего хозяина! О, проклятый бесстыдник, в чьем доме сожительствуют мужчины с мужчинами и женщины с женщинами, и где он проводит дни в безобразных оргиях, от одного вида которых сам Сет содрогнулся бы! И в этот рассадник порока попадет моя бедная, нежная, невинная Мирдани! О, нет! Нет!

Джагул задохнулся и, прижав обе руки к груди, пошатнулся назад, тут же подхваченный стражами. Лицо шейха побледнело, губы приобрели неестественный синеватый оттенок, на лбу мелкими каплями выступил пот. Он повис на руках перепуганных стражников, запрокинув голову и хрипя. У рта старика выступила вязкая белая пена.

— Что это с ним? — недоуменно проговорил Конан.

— Лекарь! — раздался чей-то истощенный крик. Сквозь толпу челяди, прибежавшей вслед за шейхом в сад, протолкался маленький сухонький старичок с огромной сумкой через плечо и засеменил к Джагулу, заботливо уложенному на плащ одного из воинов.

Глядя, как лекарь хватает шейха за запястье, смотрит в закатившиеся глаза, суетливо роется в сумке, сует под нос повелителю какие-то пузырьки, Конан подумал: «Да, пожалуй, шейху Джагулу уже никто не поможет. Хватил удар беднягу... Жаль, конечно, забавный был старикиан, дочку свою любил... Кстати, дочка! Отправляться мне теперь за ней или не стоит? Турлей-хан, судя по словам шейха, мер-

завец тот еще, и Мирдани в его гареме делать совершенно нечего. Да и сосуд этот загадочный, опять же... Ладно, обещания следует выполнять, хотя бы из уважения к покойным». Последнюю мысль Конан едва не произнес вслух, всмотревшись в осунувшееся лицо и остеекленевшие глаза Джагула. Лекарь продолжал еще делать вид, что предпринимает все усилия для спасения господина, но сам уже понял, что шейх Джагул аль-Баргэми ныне на пути к Серым Равнинам, куда ведут все земные дороги.

Вдруг, немилосердно расталкивая толпу, к телу шейха подбежал человек в запыленной дорожной одежде зуагиров, склонившись над ним, пристально всмотрелся в окаменелое лицо и медленно, будто с тяжким усилием, положил руку на полуоткрытые мертвые глаза Джагула...

Не став дожидаться трагической сцены, которая неминуемо последовала бы за заключением лекаря, объявившего о смерти владыки, Конан прошел через сад во дворец. Воспользовавшись тем, что большинство слуг еще ничего не знало, он выяснил, где может смыть с себя следы боя с демоном, и сказал, чтобы ему принесли обед. Хорошенько отмокнув в горячей, отдающей благовониями воде бассейна и облачившись в новые одежды, принесенные рабами, варвар приступил к трапезе, которая оказалась не столь изысканной, как вчерашняя, но все же по-восточному щедрой. Ему накрыли в одной из уединенных частей дворцового сада.

Старателю обгладывая баранью лопатку, киммериец строил планы на оставшуюся часть дня. Безусловно, было необходимо выехать из крепости Баргэми как можно быстрее и направиться в сторону Султанапура, тем паче, что сейчас у Конана имелось все необходимое: добрый конь и куча денег. Единственное, необходимо было выяснить у того, кто займет место шейха Джагула, нужна ему Мирдани или нет.

«А если нет? — мелькнула мысль.— Еще чего доброго, потребуют назад денежки...»

Словно в ответ на его мысли возле бассейна появился высокий и статный мужчина лет сорока — сорока пяти в

окружении троих зуагиров в белоснежных нарядах, вооруженных сверкающими обнаженными саблями. Лицом он несколько походил на Джагула — надо полагать, что почивший шейх был таким во дни молодости. Суровые темные глаза в упор смотрели на киммерийца, лицо от виска и до подбородка пересекал узкий сабельный шрам, теряющийся в черной с серебристой проседью бороде. Судя по грозному виду явившегося зуагира и готовому к бою оружию телохранителей, можно было подумать, что они пришли схватить Конана и заточить его в темницу. Только вот за что? На всякий случай, киммериец положил ладонь на рукоять меча, с которым не расставался ни при каких обстоятельствах, и спокойно посмотрел в глаза незнакомцу. Он узнал человека, закрывшего глаза покойному шейху в саду.

— Ты ли Конан из Киммерии? — звучным баритоном осведомился бородатый.

— Может, и я, — осторожно ответил варвар, решив пока не говорить лишнего.

— Мое имя Джрафир аль-Баргэми. С этого дня я — шейх нашего рода.

«Ну, вот, начинается... — уныло подумал Конан. — Сейчас потребует назад деньги — мол, это все папашины дела, а я про них знать ничего не желаю. Всегда так бывает! Только золото он получит через мой труп. А скорее — через свой».

Мрачные предположения Конана, к счастью, не оправдались. Джрафир чуть склонил голову, приветствуя киммерийца, сел рядом с ним и жестом руки отоспал стражу. Конан, однако, не убрал ладони с гарды меча.

Помолчав немного, Джрафир заговорил:

— Как ты можешь видеть, чужеземец, в минувшие дни Кемош послал нашему роду множество испытаний. Наши души скованы цепью несчастий, начавшихся с того злосчастного часа, когда караван отца прошел над жилищем раваха, да будет семя его проклято всеми богами! Затем под покровом тьмы в дом наш пробрались мерзкие джавиды и, принеся смерть многим воинам рода, похитили возлюбленную сестру нашу Мирдани. И вот теперь весь род Баргэми

оплакивает своего любимого шейха, который в течение многих и многих лет защищал нас от врагов наших и укрывал детей своих, подобно орлу, простирающему крылья над птенцами своими...

Бесшумно появившиеся рабы принесли и поставили рядом с ними еще один столик с легкими угостями и вином и столь же незаметно удалились.

— Мне очень жаль, Джрафир,— сказал Конан попытавшись изобразить на лице сочувствие.— Ты что-нибудь хочешь от меня?

— Отец наш шейх Джагул щедро заплатил тебе, Конан, за то, чтобы ты вернул Мирдани в лоно родного дома. Когда ты сможешь исполнить обещанное?

— До Султанапура полный день пути, а похитители Мирдани, скорее всего, уже в виду городских стен.

Джрафир удивленно поднял бровь, и Конану пришлось рассказать новому шейху все, что произошло в подземельях раваха и передать ему признание Самила.

— Я всегда не доверял этому мерзавцу,— мрачно заметил Джрафир.— В Царстве Теней он будет самым последним рабом Нергала! Что ты собираешься делать сейчас, варвар?

Последнее слово Конан пропустил мимо ушей, потому что давно уже не обижался, когда его так называли. Он считал, что варваром быть ничуть не хуже, чем, скажем... зуагиrom.

— Я? — пробасил Конан.— Пожалуй, отправлюсь в Султанапур прямо сейчас. Я хорошо отдохнул и поел. Только вот... плащ бы неплохо новый, а то старый... загажен по-рядком.

— Плащ? — уголком рта усмехнулся новый шейх, помнивший, что Конан сменил уже как-то воинскую шкуру горного льва на великолепный мех леопарда, а последний — на шкуру барса. Если дело и дальше пойдет так, то придется заводить в Баргэми специальный зверинец, в котором будут выращивать всяческих красивых зверей на плащи киммерийцу. Чистое разорение!

— Ну, будет тебе плащ... варвар! — Джрафир щелкнул пальцами, и вскоре Конан, скрыв досадную гримасу, наки-

нул на плечи шкуру киммерийского лесного медведя. При этом Джрафир, сделав серьезное лицо, поведал северянину о том, что ему дарована очень дорогая шкура редкого северного зверя, купленная за внушительную сумму у купцов, побывавших в далеких холодных странах. Конан оценил по достоинству тонкий юмор Джрафира и, не скрывая усмешки, заметил:

— Спасибо, шейх. Я таких редких северных зверей,— эти слова он выделил голосом,— в свое время словно крыс давил, а их шкуры, что покупаются за баснословные суммы у пройдох-торговцев, у нас в Киммерии валяются в каждом доме, и на них спят охотничьи собаки...

— Ну, и прекрасно,— едва сдерживая улыбку, ответил Джрафир,— пусть этот плащ напоминает тебе о родине.

Конан не стал продолжать обмен колкостями и не без удовольствия отметил, что, наконец-то, встретил в крепости Баргэми хотя бы одного нормального человека, с которым можно иметь дело. Кивнув головой шейху, варвар поднялся и собрался было уходить, но сильная рука Джрафира легла ему на плечо. Конан обернулся.

— Послушай, варвар, я знаю про вашу сделку с отцом. Знаю, что он не дал тебе еще пять тысяч золотых, вручив в обмен какую-то магическую безделушку. Я немного разбираюсь в... э-э... магии и не верю, будто никчемный кинжал может тебе помочь больше, нежели золото. Так что перед тем, как отправиться в путь, зайди к казначею и возьми у него вторую половину денег. А кинжал оставь себе в память о шейхе Джагуле аль-Баргэми. Я надеюсь вскорости снова увидеть тебя. В день, когда ты привезешь Мирдани в этот дом, как я полагаю, целой и невредимой...

— Кстати,— с некоторым смущением сказал Конан,— не объяснишь ли ты мне, зачем это твой покойный отец показывал мне Мирдани, позволил открыть ей лицо, и ясно намекал, что хотел бы видеть меня своим родичем? А потом сказал, будто Мирдани обещана в жены сыну эмира Шангара...

Джрафир одарил Конана дружеской белозубой улыбкой, хитро подмигнул и ответил:

— Видишь ли, у меня много сестер, большинство из которых не замужем, а выдать их за кого-либо довольно трудно... Они, хм, мало похожи на Мирдани. Вот отец и показывал всем возможным женихам, и даже,— Джафир вздохнул,— Турлей-хану, именно ее, как самую красивую из сестер, подразумевая, что все его дочери таковы и даже еще лучше, ведь эта — последняя... Пара-тройка простаков купились на его нехитрую уловку и взяли в жены старших сестер Мирдани, которые, я скажу тебе, достаточно безобразны.— Он ухмыльнулся, всем своим видом показывая, как забавляли его хитрости отца.— Ну, что ж, теперь ты знаешь все. Я буду ждать от тебя вестей. Удачи тебе, варвар!

С этими словами Джафир повернулся и быстро пошел прочь. Киммериец посмотрел ему вслед, сказав вполголоса:

— А он парень не промах... Будь шейх свободным человеком, мы бы с ним могли дел натворить...

Конан был глубоко убежден: те, у кого есть семья и какая-либо должность, обречены жить в своем маленьком мире, и ничего интересного в их жизни произойти не может. Такие люди в большинстве своем и не хотят приключений. Киммериец даже слегка посочувствовал Джрафру, который теперь навсегда привязан к затерявшемуся в пустынях Турана оазису. Конан вышел в сад и, осторожно пробравшись мимо убитых горем многочисленных жен почившего шейха, собравшихся в кружок и оглашавших двор рыданиями и причитаниями, прошел по знакомой ему тропинке к казначейству.

Новый шейх не обманул варвара, и казначей с кислой миной выбрал из огромного сундука несколько горстей золотых монет, затем медленно, точно прощаюсь с каждым желтым кругляшом, под пристальным взглядом Конана отсчитал нужную сумму и ссыпал в кожаные мешочки. После чего, заложив руки за спину и задрав подбородок, отошел в сторону, не желая видеть, как удостоившийся неслыханной милости от молодого и не знающего цены золоту шейха северный дикарь присваивает себе то, что так долго, так мучительно собиралось и ревниво оберегалось при жизни славного, доброго Джагула. А Конан без всяких угрызений совести, но с

невозмутимым видом человека, получившего достойную оплату за честный труд, сгреб мешочки в охапку, тем более что он видел, насколько велико было богатство рода Баргэми и сколь ничтожно малы по сравнению с бездонными сундуками десять жалких кусочеков кожи, наполненных золотом, которые теперь будут лежать в седельной сумке гирканского жеребца. Напоследок Конан не удержался и поддел надувшегося казначея:

— А ты уверен, что здесь нет фальшивых монет? Может, стоит проверить?

Казначей, обернувшись на эти слова, застыл с открытым ртом, не в силах вымолвить и слова, а северянин только рассмеялся и, довольный, покинул сокровищницу Баргэми.

* * *

Огненный край дневного светила только что скрылся за неровной горной грядой. Лучи его золотым веером прорезали полосу облаков над горизонтом, подсветив их снизу яркой охрой. Небо наливалось густой вечерней синевой, слепящий белый цвет песков смягчился до оттенка старой бронзы, и теперь взгляд отыхал, скользя по плавным волнам барханов. Дневная жара медленно уползала, скрываясь в их глубинах, сменяясь легкой вечерней прохладой — наступило то время суток, которого ждет каждый путешественник в пустыне. Скоро пески накроет черным пологом ночь, и ее холодное дыхание развеет остатки дневного тепла, которое вновь народится только с восходом солнца.

Одинокий всадник на буланом коне двигался в сумерках к побережью моря Вилайет, где стоит торговый город Султанапур — северный оплот Империи Туран.

Конан оглядывал окрестности в поисках места для ночлега и, наконец, различил в сгущающейся темноте очертания полуразрушенной башни, некогда служившей сторожевым постом туранского войска, а заодно и маяком для запутавших караванов. Пустив коня рысью, Конан приблизился к развалинам и спешился. Накинув повод на один из сохранившихся в стене башни железных крюков, видимо служив-

ших коновязью, он осмотрелся и, поняв, что находится здесь один, без опасения вошел вовнутрь через отверстие, служившее когда-то входом. Оказавшись на первом этаже древнего строения, варвар догадался, что здесь не так давно кто-то побывал: на полу чернело свежее костище, а у стен была свалена огромная куча сухих колючек, предназначавшихся для костра.

— Вот и славно,— сказал сам себе Конан.— Спасибо неизвестному, позаботившемуся о моем ночлеге.

Бросив охапку колючек на пятно костища, киммериец заметил, как под слоем золы еще тлеют несколько угольков. Обрадовавшись, что не придется доставать кремень и мучиться с высеканием искры, Конан, набрав в легкие побольше воздуха, раздул огонь и, когда костер как следует разгорелся, решил поесть, благо в Баргэми его щедро одарили всевозможной снедью. Разложив еду возле костра, Конан устроился поудобнее на каменном полу, расстелив шкуру «редкого северного зверя», и собрался было откупорить кувшин с вином, как вдруг приметил у дальней стены нечто белеющее в полумраке. Конан отставил кувшин, встал и подошел поближе. У его ног лежал обрывок белой кисеи, украшенной по краю узором, вышитым золотыми нитями. Северянин без труда узнал покрывало, которым защищала от нескромных взглядов свое обворожительное лицо Мирдани.

— Что ж, я на верном пути,— сказал Конан, нагнувшись, поднял кусочек ткани и положил его за пазуху.

Глава шестая

Султанапурский базар шумел. Сотни рядов пестрели всем, что только мыслимо и немыслимо продаются, покупаться и обмениваться. Нескончаемой вереницей сменяя друг друга, кожевенный, посудный, ювелирный, кузничный, сапожный, скорняжный и десятки прочих рядов кипели жизнью. Золотые и серебряные монеты, звенья, перетекали из рук в руки в обмен на самые разные, нужные и не очень, товары.

Первые мгновения попавший в этот цветистый водоворот человек терялся, не зная, на чем остановить взор: на чеканных ли серебряных блюдах из Хоарезма, дивных рубинах, мерцающих подобно спелым семенам граната, в несравненных женских украшениях из Вендии; похожей на эбеновую статуэтку чернокожей рабыне, привезенной из Зембабве, или же на воздушных кхитайских шелках, поражающих своим многоцветием и изумительной легкостью.

Продавцы нахваливали свой товар на всех языках и наречиях, любыми возможными способами привлекая внимание к своим палаткам. Торговец из далекого Кхитая с ловкостью фокусника продевал широкое шелковое полотнище сквозь колечко, которое едва бы смогла надеть на мизинчик десятилетняя девочка; оружейники выгибли кругой дугой тонкие узкие сабли, пытаясь коснуться острием оконечья рукояти, а один аграпурец, распалившись, под восторженные возгласы столпившихся вокруг зевак, при-

нялся сбивать свою бороду огромным двуручным мечом, длина которого превосходила его рост.

Конан тоже находился в числе глазевших на чудака, гадая, отхватит он себе голову вместе с бородой или нет — меч, на опытный взгляд киммерийца, действительно был хорош.

Стоявший рядом с киммерийцем купец, чья лавка располагалась напротив, не выдержав зрелица столь явного торжества конкурента, выкрикнул:

— Я дам тому, кто своим мечом перерубит несравненный клинок вендинской стали, подобные коему продаются лишь у меня, столько золота, сколько будет весить оружие героя, совершившего это! Клянусь Эрликом, во всем Султанапуре не найдется клинов лучше моих!

Несколько молодых людей, явно из богатых семей, обернулись на призыв, последовав за купцом к его шатру. Толпа зевак немедленно потянулась вслед в предвкушении новой потехи, оставив раздосадованного аграпурца в одиночестве добирать вторую половину лица.

Хотя Конан пришел на базар вовсе не от скуки, как, например, молодые туранцы, сейчас изо всех сил пытающиеся разрубить своими кривыми саблями короткий клинок, лежащий обеими концами на двух деревянных чурбаках, он все же подошел к ним. Некоторое время варвар с усмешкой наблюдал за усилиями юнцов, двое из которых уже сломали клинки, а третий привел саблю в полную негодность, иззубрив ее лезвие подобно пиле. Когда желающих испытывать качество вендинской стали совсем не осталось, Конан тряхнул головой, и перекрывая людской гомон, громко сказал:

— Хороший клинок! Но мой — лучше, и весит он достаточно, чтобы обеспечить владельцу безбедную старость.

С масляной ульбочкой купец сделал широкий приглашающий жест и даже слегка поклонился высоченному варвару, предлагая испытать товар. Зеваки поутихли, ожидая необычного, но каждый горожанин был уверен, что силы у могучего чужестранца хватят лишь на то, чтобы сломать свой собственный меч.

Конан невозмутимо обнажил клинок, особо не примеваясь, коротко размахнулся и нанес удар. Брызнул яркий сноп искр, на булыжники рыночной площади посыпались осколки стали, а киммериец как ни в чем не бывало опустил клинок, на котором появилась одна незаметная зазубрина, а затем бросил его на прилавок перед потрясенным купцом со словами:

— Взвешивай! Все слышали, что ты поклялся Эрликом.

Толпа восторженно взвыла, а побледневший торговец дрожащими руками поднес к глазам меч Конана и осмотрел его, будто не веря в произошедшее.

— Прекрасная сталь! — пролепетал он.— Я такой доныне никогда не видел.

— Немудрено,— усмехнулся Конан.— А знал бы ты, купец, где я добыл этот меч...

— Это совершенно не важно! — воскликнул купец и поспешно добавил, увидев сурово сдвинутые брови варвара: — Я ни в коей мере не сомневаюсь, что добыт он в великой битве как награда за подвиг силы и мужества, о воин!. Я, конечно же, сдержу свою клятву — я честный купец, а не какой-нибудь там проходимец-фокусник (этот реплика относилась к позеленевшему от злости полубородому коллеге), и ты получишь золота столько, сколько весит твой чудесный клинок, но если у тебя есть желание получить золота в пять раз больше его веса, тогда продай мне меч.

— Не дождешься. Ты должен понимать, что такие мечи не продаются.

— Понимаю, понимаю... А не согласишься ли ты пройти в мой шатер, пока приказчик отвесит необходимое количество золота?

— Ну, пошли,— ответил Конан, и у него мелькнула мысль, что купец наверняка знает все последние новости и сплетни Султанапура.

В шатре было сумрачно и прохладно. Наблюдая краем глаза, как приказчик бросал на правую чашу весов монеты, пытаясь уравновесить ее с левой, на которой лежал меч, Конан прихлебывал из кубка легкое мускатное вино и

слушал болтовню купца. Торговец опять завел речь о продаже меча.

— О доблестный воитель,— осторожно говорил он,— я прекрасно знаю, что расстаться с таким замечательным оружием очень нелегко, но поверь, на те деньги, которые я предлагаю, ты можешь купить оружие ничуть не хуже этого...

— Тогда зачем мне его продавать? — справедливо заметил киммериец. Купец же продолжал мягко настаивать, побаиваясь, однако, что могучий варвар может разозлиться и учинить погром. Но желание обладать чудесным клинком пересиливало опасения.

— Но если ты не хочешь обменять благородную сталь на презренное золото, быть может, тебя заинтересует нечто другое?

— Что, например? — лениво осведомился Конан, подумывая, не начать ли ему самому расспрашивать купца о султанапурских новостях.

— Ты можешь выбрать любую вещь в моей лавке или же попросить об иной услуге...— купец замялся.— Я могу уступить тебе любую из моих наложниц. У меня их много, и они не менее прекрасны, чем...— тут купец понизил голос и наклонился к Конану: — Чем та новая наложница, которую прибрел почтеннейший Турлей-хан.

«Вот оно!»

— Наложница Турлей-хана? И чем же она отличается от иных женщин?

— Это держится в строжайшем секрете,— зашептал купец, оглядываясь по сторонам, хотя в шатре кроме них никого не было — приказчик, уравновесив чаши весов, вернулся в лавку.— Но со вчерашнего вечера в городе ходят слухи, будто та дева могла бы послужить украшением гарема самого Илдиза!

— Где ж он достал такое сокровище? — разыгрывая недоверчивость, спросил Конан.

— И это никому не известно, но говорят, что девушка была украдена у одного из зуагирских шейхов и ее привезли во дворец лишь минувшей ночью. Дикий прекрасный цветок, понимаешь!

— Хороши же эти ваши «строжайшие секреты», известные всему базару,— презрительно заметил Конан.

— Что поделаешь....— туманно отозвался купец, разведя руками.— Так ты заглянешь сегодня вечером в мой дом, чтобы выбрать красавицу, какую только пожелаешь?

— Нет,— скривился варвар, продолжая изображать простачка с севера, явившегося в большой восточный город.— Я... э-э... женат. А законы моей страны не позволяют заводить более одной жены.

— Так я же не жену тебе предлагаю! — обиделся торговец.

— Менять меч на женщину я не желаю, а вот если ты мне кое-что расскажешь, то я...— Конан с некоторым сожалением посмотрел в сторону желтеющей на чаше весов горки монет,— ... пожалуй, освобожу тебя от клятвы. И мы оба останемся при своем, идет?

Обрадовавшийся неожиданному повороту дела купец выложил Конану все, что знал и не знал, но предполагал, а также слышал о том, что интересовало варвара.

Покинув шатер словоохотливого торговца, Конан прямиком направился в сторону, где, по рассказам купца, находился дворец Турлей-хана, благо он немного ориентировался в городе, сохранив воспоминания о Султанапуре со времен службы в армии Илдиза.

Султанапур делился на две части: Верхний город, где располагались дома знати и людей богатых, и Нижний город, населенный людом попроще. Кварталы Верхнего города располагались на возвышенностях, плавно спускавшейся вниз к морю и торговым гаваням, так что прибывающие из других земель купцы и путешественники видели Султанапур с его лучшей стороны, ибо бедняцкие кварталы, примыкавшие не к морю Вилайет, а к пустыне, были так же грязны и неприглядны, как и во всех иных странах Востока и Запада.

Миновав кривые улочки Нижнего города, ведущие от базара к стене, отделяющей дворцы от лачуг, Конан прошел в ворота, нимало не обращая внимания на покосившихся в сторону высокорослого и странно одетого чужеземца страж-

ников, оказавшись на широкой улице. По обеим сторонам за узорчатыми оградами цвели пышные ухоженные сады, сменявшиеся высокими глухими стенами, за которыми стояли дворцы. Помня указания купца, Конан без труда нашел дом Турлей-хана, выстроенный недалеко от хором султанапурского эмира.

Северянин приблизился к воротам в момент, когда хозяин дворца возвращался с прогулки в окружении свиты. Сам Турлей-хан восседал на белой коринфской кобыле, покрытой попоной, украшенной золотой вышивкой, а сбруя сверкала всеми драгоценными камнями, которые только можно было достать. Даже несведущий в вопросах вкуса Конан подивился, насколько нелепо выглядело животное, увшанное таким количеством побрякушек.

Не менее смешно смотрелся и всадник. Гигантский зеленый тюрбан, увенчанный тремя пышными белыми перьями, покачивался на слишком маленькой и узкой для него голове туранского пятитысячника. Длинные тощие ноги, согнутые в коленях, торчали из-под расширенного бисером халата чуть ли не под прямым углом к бокам лошади. Сбоку свисала кривая сабля, настолько длинная, что, на взгляд Конана, вытащить ее без посторонней помощи из ножен Турлей-хан не сумел бы. Вслед за лошадью пятитысячника восемь дюжих чернокожих рабов несли бирюзовый паланкин, отороченный серебристой бахромой.

«Уж не Мирдани ли там несут?» — мелькнула мысль, и Конан быстро подошел поближе к процессии, остановился в тени, возле стены, чтобы не привлекать к себе особого внимания, и стал наблюдать.

Турлей-хан спешился при помощи слуг, запутавшихся при этом в стременном ремешке и громко лязгнув саблей о мостовую.

«Ну и болван! Если все туранские пятитысячники подобны этому петуху, то чего теперь стоит войско царя Илдиза? Неужели за те несколько лет, что меня не было в этой стране, армия Турана пришла в такой упадок? М-да...»

Тем временем рабы опустили паланкин на землю и, склонившись, попятались. Турлей-хан подошел к нему и на

его вытянутой, покрытой прыщами физиономии расцвела слашавая улыбочка.

Конан напрягся, будучи уверенным, что сейчас увидит ту, ради которой он ввязался в эту авантюру.

Шторки раздвинулись, и, опираясь на протянутую руку Турлей-хана из паланкина вышел... юноша лет шестнадцати, одетый во что-то, напоминавшее женский наряд, но правда без кисеи, закрывающей лицо.

Конан не смог сдержаться.

— Да уж, мозгов у пятитысячника туранского войска явно еще поменьше, чем у его кобылы... — презрительно фыркнув, громко произнес Конан.

Довольная улыбка сползла с лица Турлей-хана подобно чернилам, смываемым водой с листа пергамента.

— Что-что? — гнусавым носовым голосом переспросил он, картино кладя ладонь на рукоять сабли.

Конан издевательски ухмыльнулся, сложил руки на груди и участливо осведомился:

— Ты вытащишь саблю сам или нужна моя помощь?

Вельможа сумел взять себя в руки. Еще не хватало прилюдно вступать в ссору с чужеземцем, выглядевшим подобно дикарю, а скорее всего и являвшимся худшим из таковых. Однако так просто проглатывать оскорбление Турлей-хан не собирался. Дабы не запятнать свое достоинство разговором с человеком, не принадлежащим к его сословию — высшему сословию! — пятитысячник с брезгливым выражением лица окинул гордым взглядом киммерийца, а затем повернулся к телохранителям и прогнулся:

— Уберите отсюда... это... этого... — Он еще раз оглядел Конана так, как обычно смотрят на дохлых собак, над которыми вьется туча мух. — Он слишком много говорит!

Северянин не изменил своей ленивой позы, с усмешкой, светившейся в синих глазах, наблюдая, как четверо здоровенных и вооруженных до зубов охранников Турлей-хана двинулись к нему. Оружие, однако, они не обнажали. Ну что ж, значит, останутся живы...

Туранцы видели, что стоявший перед ними человек вполне способен противостоять не то что четверым, но и полному десятку. Выглядел варвар грозно, пускай даже руки его поколились на груди, а оружие оставалось в ножнах. Поэтому один из телохранителей, подойдя к Конану почти вплотную, тихо сказал:

— Шел бы ты своей дорогой, а? К чему...

Тут сзади раздался повелительный окрик:

— Я же сказал — гоните его отсюда, болваны!

Турлей-хан, в отличие от своих охранников, был настроен куда более воинственно, но сам подойти к обидчику опасался и стоял по-прежнему возле паланкина. Услышав приказ господина, один из четверых (надо думать, самый несдержанный или самый глупый) попытался толкнуть Конана тупым оконечьем копья...

Некоторые горожане, ставшие свидетелями произошедшего у ворот дворца пятитысячника, рассказывали обувиденном по-своему, расходясь в деталях, но все до одного утверждали следующее: в момент, когда древко копья коснулось груди иноземца, с неосторожным телохранителем случилось нечто странное — он, будто обретя крылья, взвился в воздух, и, пролетев несколько шагов, рухнул всей тяжестью на шелковый паланкин, сломав тонкий ореховый каркас и запутавшись в складках синей ткани. Падая, он бессознательно ухватился за Турлей-хана, как за единственную опору, и увлек вельможу за собой в синий водоворот.

Пока стражник находился в воздухе, произошло еще несколько событий — двое из подошедших к киммерийцу, не успев даже выхватить сабли, издав громкий, отчаянный вопль, внезапно согнулись в три погибели и медленно побрали прочь. Конан в этот момент уже сжимал в руке копье, отобранное у телохранителя и послужившее причиной столь внезапного отступления тех двоих — им досталось древком по месту, донельзя обидному и весьма болезненному. Спустя мгновение четвертый охранник, подобно мешку с песком, покатился по уличным булыжникам...

— Ну, я пойду, что ли? — бросил Конан в сторону, где пятитысячник со стражником баражтались, тщетно пыта-

ясь выпутаться из шелка, а женоподобный юнец аккуратными движениями тонких холеных пальцев пытался распутать ком смятой и разорванной ткани укрывшей господина.

— Держите его! — взвизгнул Турлей-хан, вырвавшись, наконец, из плена.— Я хочу, чтобы его голова украсила собой шест перед дворцом эмира!

— А я этого вовсе не хочу,— буркнул киммериец, оглядывая еще с десяток телохранителей и чернокожих рабов, которые начали быстро окружать его полукольцом.

Острый язык снова подвел киммерийца, и теперь он проклинал себя за несдержанность. Он-то надеялся прорваться в дом пятитысячника без особого шума, а потом столь же быстро скрыться вместе с дочерью Джагула. А теперь в городе только и будет разговоров про то, как высокий темноволосый варвар напал на людей самого Турлей-хана! Ну, а сейчас, зная, что последний вполне может привести в исполнение свою угрозу, киммерийцу необходимо было немедля скрыться. Это оказалось делом нетрудным.

Как ни искусны были телохранители пятитысячника, однако же поспеть за молниеносными движениями северянина они не смогли. Двоих варвар свалил мгновенными ударами в челюсть, еще трое отлетели от него, будто тряпичные куклы — не обнажая меч, Конан продолжал работать отнятым копьем — и путь к лошадям был свободен.

«Давненько я не занимался конокрадством! — подумал Конан, вскакивая в седло первой попавшейся лошади.— А насколько я помню, в Туране за такое преступление положено исключительно тяжелое наказание. Еще пара дней в Султанапуре, и я заработаю не меньше дюжины смертных приговоров...»

О том, что туранские власти уже много лет разыскивали негодяя по имени Конан, промышлявшего разбоем и воровством в Замбуле, варвар как-то и не вспомнил...

— Стой, мерзавец! — рявкнул вдруг Турлей-хан и, проявив неожиданную прыть, кинулся к лошади, захваченной

киммерийцем. Со всех сторон к кобылке бежали телохранители пятитысячника и даже стража, выскочившая из ворот.— Остановись, тебе приказывает вельможа самого государя Илдиза!

Конану было абсолютно наплевать как на государя, так и на монаршего любимца, поэтому он с силой пнул вцепившегося в стремя Турлей-хана в лицо, и, ударив пятками коня, рванулся по уже знакомому пути к выходу из Верхнего города в кварталы, прилегавшие к пустыне. На удивленные лица стражников возле ворот киммериец внимания не обратил. Погони, к своему изумлению, варвар тоже не заметил.

...Конан появился в Султанапуре утром этого дня и остановился на постоялом дворе «Пустая Тыква», заслужившем столь необычное название тем, что постояльцев привлекали не вывески, но три огромных, выдолбленных тыквы, на которых были вырезаны жуткие рожи. По ночам в них вставлялись цветные фонарики, отчего зрелище становилось еще более устрашающим.

Впрочем, киммерийца привлекли не нелепые ухищрения хозяина, а то, что постоялый двор находился невдалеке от городских ворот, в относительно спокойном квартале, куда эмирские стражники заглядывали не слишком часто. И вдобавок, цена, запрошенная хозяином, Конана вполне устраивала, а вина в общем зале подавали хорошие, что было несколько странным для такой дыры... Устроив подаренного шейхом аль-Баргэми коня и проследив за тем, хорошо ли его накормили, напоили и почистили, Конан, не откладывая, отправился на базар...

И вот сейчас, нимало не смущаясь, он въехал во двор и сразу же наткнулся на владельца гостиницы, который только что проводил какого-то важного и богатого гостя. Хозяин уже хотел было отвернуться и пойти обратно в дом, но после короткого взгляда на новую лошадь киммерийца у него отвисла челюсть.

— Почтеннейший! — пролепетал он, когда Конан спрыгнул на землю. — Меня обманывают глаза? Откуда у тебя эта великолепная кобыла?..

— Подарили,— буркнул Конан. Он еще по дороге успел разглядеть, что украденная лошадь принадлежала самому Турлей-хану. Впрочем, киммерийца больше заботило то, что он теперь выглядел полным посмешищем, восседая на разукрашенном до безобразия животном, которое вдобавок было отнюдь не боевым конем, а раскормленной и быстро устающей тварью — подобных лошадей держали исключительно для парадных выездов.

— П-подарили? — заикнулся хозяин.— Ты знаком с самим Турлей-ханом?

— Это не я с ним знаком, а он со мной,— хохотнул Конан. — Послушай, я хочу продать эту кобылу. И побыстрее. Возьмешь? Я дорого не попрошу.

— Так ты украл ее? — ахнул владелец постоялого двора и схватился за голову.— Украл и привел в мой честный дом?

— Я тебе, кажется, понятно говорю — подарили! — отрезал Конан.— И я хочу ее продать! Зачем она мне нужна... такая? Остальное тебя не касается.

— Но ее же узнает любой! Эта сбруя, эта попона...

— Вот как? — Конан почесал в затылке.— Дело поправимое...

Киммериец быстро расседлал лошадь, освободил ее от украшений, предварительно аккуратно срезав драгоценные камни и золотые подвески. Осмотрев сбрую и убедившись, что она теперь ничем не отличается от сбруи его собственной лошади, разве что порезана в нескольких местах и кое-где разорвана, Конан свернул ее в клубок и подал хозяину со словами:

— Ну, кинь в очаг. Ну, похожа теперь эта раскормленная кляча на великолепного скакуна Турлей-хана?

Хозяин, покачав головой, молча взял то, что когда-то было сбруей, и пошел в дом. Оглянувшись у дверей и увидев, чем занят варвар, он снова тяжко вздохнул и скрылся в гостинице. Конан, подведя лошадь к луже, черпал грязь обеими руками и щедро окроплял ею белоснежную шкуру несчастного животного, которое только испуганно всхрапывало и косило глаз на своего мучителя. Когда шерсть

приобрела серо-коричневый цвет в темных подтеках, Конан удовлетворенно кивнул:

— Вот так-то лучше. Эй, кто-нибудь! Позовите сюда конюха и хозяина этой... как ее... «Тыквы»!

Первым подошел конюх и, подозрительно оглядев лошадь, задумчиво произнес:

— Странная масть... Никогда такой не видел.

— Теперь будешь знать. Вот такие красавицы стоят в конюшнях самого Турлей-хана! Принеси все необходимое, чтобы можно было отвести ее на рынок.

— О, Эрлик! Что ты учинил над этим благородным животным? Кому я ее теперь продам? — воскликнул хозяин, едва появиввшись в дверях.

— И вовсе это не Эрлик учинил, а я. Ведь тебе же не понравилось, что она очень напоминает лошадь пятитысячника, вот и пришлое ее немногого... хм, перекрасить. Теперь можешь вести лошадь на рынок, а деньги оставь себе в уплату за комнату и корм для моего коня.

Хозяин, повздыхав и поохав, все же увел обезображенную, нервно всхрапывающую кобылу, а Конан, вытирая перепачканные в грязи руки о белую занавеску, которую жена хозяина повесила сушиться после стирки, пребормотал себе под нос:

— Хотелось бы мне, чтобы кобылу купил конюх Турлей-хана...

Когда руки, наконец, стали более-менее чистыми, Конан вспомнил, что в Султанапуре у него есть еще одно дело, собственно то, из-за которого он направлялся в город изначально. Что ни говори, слово надо держать, и, хочешь — не хочешь, а к купцу Маджиду идти придется, хотя бы ради того, чтобы получить вторую половину денег. Конечно, эти деньги не идут ни в какое сравнение с богатством, которое было получено из рук обоих шейхов Баргами, однако киммериец не привык упускать возможность подзаработать, к тому же болтливость торговца на рынке навела его на мысль, что все представители купеческого сословия не прочь почесать языком, особенно если попадется благодарный слушатель.

Он знал, где живет купец Маджид, и, не теряя времени, направился к его дому, расположившемуся у самых стен Верхнего города. Опасаясь, что его уже ищут, Конан проскользнул тихими улочками, полагая, что стражники обычно ходят вокруг кварталов, не углубляясь в хитросплетения узеньких переулков, переходящих друг в друга маленьких двориков и совсем уж неприглядных помоек Нижнего города.

Купец оказался дома, и Конана немедленно впустили к нему — привратник был предупрежден о возможном появлении рослого черноволосого варвара с длинным мечом за спиной. Когда варвара провели в дом, стало ясно, что купец уже принимает одного гостя. Войдя в трапезную, Конан увидел двоих мужчин, возлежащих на подушках около ковра, установленного всевозможными угощениями и винами, причем последние находились в явном большинстве. Чуть поодаль валялись опустошенные кувшины, ковер был изрядно заляпан соусами, подливками, кое-где были разбросаны обглоданные кости, огрызки яблок, груш, абрикосовые и персиковые косточки. Воздух был пропитан виннымиарами, а сам купец и его гость, обнявшись, громко и немелодично, нестройными голосами мычали печальную песнь про кочевников, потерявшихся в пустыне, оставшихся без воды, под палящим солнцем, и доедающих своего последнего верблюда.

— Я пришел, — сообщил Конан, — и, судя по всему, к обеду...

Обернувшись, купец взглянул на него мутными, полуприкрытыми набрякшими веками глазами, некоторое время молчал, соображая, и, наконец, икнув, проговорил:

— О, К-конан... И-из Ким-мерии... Садись, дружище, угощающейся...

И он сделал такой широкий гостеприимный жест, что потерял равновесие и ткнулся лицом в блюдо с рисом. Конан присел напротив, поняв, что рядом с пиরющими ему будет слишком тяжело дышать, и, присмотрев еще непочатый кувшин, придвинул его к себе.

Купец, оторвавшись от блюда и оттерев физиономию просторным рукавом парчового халата, вновь уставился на Конана.

— С-слушай, а почему ты... ик!.. еще жив, а?

— Так получилось,— уклончиво ответил Конан.— Я выполнил твое поручение и нашел, на мой взгляд, безопасный путь.

— Путь? А куда? — Маджид откинулся назад, сосредоточенно глядя перед собой, и, вспомнив, резко вскинул голову: — А-а! Так ты обошел горы с се-севера? Да? Т-ты смотри! — Купец повернулся к своему собутыльнику и, увидев, что он уставился в свой пустой кубок, мучительно вспоминая, откуда там обычно берется вино, взял его сзади за волосы и приподнял голову.— Нет, ты посмотри! Он обошел г-горы с севера! И не умер!.. Ик!

— К-кто... обошел? — с трудом выговорил гость.

— Конан! — уверенно сказал Маджид.— Конан-варвар.

— А к-кто это?

— Это я,— спокойно сказал Конан, отклебывая из кувшина и закусывая виноградом.

Приятель купца, наконец, углядел перед собой смутную фигуру кого-то третьего, незнамо как появившегося в трапезной, и, обратив к Маджиду широко раскрытые, испуганные глаза, шепотом спросил:

— Это кто? И... к-как он с-сюда попал?

— Он пришел из Н-немедии. Да, из Н-немедии...

— Пешком? — искренне изумился собутыльник и взрёлся на Конана так, словно перед ним сидел демон.— Но... но ты же г-говорил, он из Ким-мерии...— На его лице возникло настолько тоскливо-непонимающее выражение, что Конан не удержался и прыснул от смеха, да так, что вино брызнуло из кувшина на изгаженный ковер.

— Ну да, из К-ким-мерии, Конан. Он там... там родился, в Киммерии... Конан...— терпеливо объяснял Маджид.

— А это д-далеко? — последовал вопрос.

— Очень,— сказал Конан, с трудом сдерживая рвущийся наружу хохот.

— А... а... зачем он сюда пришел... пешком... из Не... Немедии, а? — Гость Маджида никак не мог увязать в голове происхождение, путешествие и теперешнее присутствие Конана в доме купца.

— Он нашел дорогу,— ответил Маджид.

— К-куда?

— В Немедию.

— Так он же оттуда пришел?! — возопил несчастный гость и уткнул лицо в ладони, издавая всхлипывающие звуки.

Это было последней каплей в чаше терпения, и Конан, повалившись на спину, закатился беззвучным смехом. Остановили его только следующие слова Маджида, который ткнул измазанным в жире пальцем в безутешно рыдающего гостя:

— Э, К-конан, а ты... ты знаешь, кто это? Эт-то мой друг!

— В самом деле? — простонал Конан, утирая слезы.

— Да,— гордо ответил Маджид и размашисто кивнул для убедительности.— И он... ик!.. начальник стражи самого... этого... как его?.. Ах, да! Турлей-хана! Вот.

Глава седьмая

Великий Кром, вина-то у Маджида оказались не очень... — Конан, потерев большими пальцами виски, поднялся с со скамьи, застеленной несколькими ткаными одеялами. Киммерийца разбудили на редкость немелодичные звуки какого-то восточного инструмента и бессвязное пение, доносиившиеся со двора. Конан подошел к окну, отметив про себя, что пол под ним почему-то шатается, и выглянул наружу.

Посреди двора, в той самой луже, грязь из которой послужила вчера такой хорошей краской для лошади Турлей-хана, сидел конюх, немилосердно терзая струны инструмента, называемого туранцами дутаром, и орал донельзя неприличную песнь, посвященную, вероятно, дочери хозяина постоянного двора.

— Эй, ты, скотина, заткнись! — рявкнул Конан и поморщился от резкой головной боли, тупо бившейся в висках и затылке.

Конюх медленно поднял голову, осматривая окна дома в поисках источника беспокойства, и его осоловелый взгляд остановился на киммерийце. На лице пьяницы возникла широкая улыбка и он, воздев руки (причем инструмент сплюхнул в лужу), заплетающимся языком возопил:

— Б-благодетель! А нет ли у т-тебя еще одной ло-лошади на пр-родажу?

Окончательно озверев от такой наглости, Конан схватил первую попавшуюся под руку вещь, которой оказался трех-

ногий табурет, и изо всех сил запустил им в окно. Но рама оказалась слишком узкой, и в руке варвара осталась лишь одна из ножек, а все остальное с грохотом разлетелось по комнате.

Вовремя сообразив, что от нежданно взъярившегося «благодетеля» ничего хорошего ждать не приходится, конюх, пошатываясь, встал и нетвердой походкой скрылся в конюшне, оставив свой замыганный инструмент одиноко плавать в луже.

— Ничего себе, денек начался... — пробормотал Конан, и тут у него громко и требовательно заурчало в желудке. — Однако неплохо бы позавтракать. Интересно, этот негодай-конюх повара тоже напоил?

Спустившись вниз, киммериец не без удовольствия отметил, что повар, к счастью, вполне трезв и быстренько подал на стол обильный и на невзыскательный вкус Конана вполне съедобный завтрак. Сидя за шатко стоявшим на кривых четырех ногах столом, повидавшим на своем веку многое, если судить по многочисленным надписям, зарубкам и круглым пятнам от кружек, северянин строил планы на грядущий день.

Теперь Конан был уверен, что управитель Маджида, пользуясь неразборчивостью хозяина и его гостей, неплохо наживается, наверняка разбавляя и без того дешевые вина верблюжьим кумысом, если не чем похуже. От хороших, настоящих вин у Конана подобного похмелья еще никогда в жизни не было...

Однако, невзирая на вчерашний кутеж, память не подвела киммерийца — он ясно помнил все, что было необходимо для осуществления его планов. Едва услышав, кем является отчаявшийся понять что-либо о Конане из Немедии и Киммерии, собутыльник Маджида, варвар немедленно присоединился к попойке и начал расспрашивать аль-Ахара (так звали начальника охраны дворца Турлей-хана) о расположении комнат во дворце, порядке смены караула, размещении постов, делая вид, что воистину восхищен хитроумием и предусмотрительностью почетного гостя. Последний, растроганный похвалами Конана, хоть и плохо владел

языком, но на осторожные и точные вопросы киммерийца отвечал честно, правда, несколько бессвязно — ему в голову явно не приходила простая мысль, что он разбалтывает первому встречному сведения, за разглашение которых Турлай-хан вполне мог бы бросить начальника стражи в яму со змеями или посадить на кол.

Когда аль-Ахар, не без труда поняв, что Маджид не может (или не хочет) предоставить для него ночлег и, соответственно, девиц из своего сераля, все трое, по призыву Конана, отправились посреди ночи подышать свежим воздухом, что было весьма странно для столь почтенных граждан, как именитый купец и военачальник туранского войска. Их прогулка длилась недолго, а завершилась в первом попавшемся из многочисленных домов утех, располагавшихся в Нижнем городе, обитательницы коего очень обрадовались поздним посетителям...

За все заплатил Маджид, оставшийся на ночь в веселом квартале. Конан же с начальником стражи дворца Турлай-хана, после того, как недурно провели время среди прекрасных гурий, дружески обнявшись, отправились в «Тыкву», намереваясь продолжить веселье. Однако до гостиницы киммериец добрался в гордом одиночестве, совершенно не помня, где и при каких обстоятельствах потерял своего нового знакомца.

Как это ни удивительно, но в краткий миг прояснения разума, затуманенного винными парами, Маджид сумел записать со слов Конана найденный киммерийцем безопасный и краткий путь через пустыню и даже заплатил вторую половину обещанных денег.

* * *

Поглощая завтрак, Конан пришел к выводу, что сейчас, при свете дня, ему в Верхнем городе делать нечего, и все планы придется отложить на время, когда солнце скроется за горами на западе и станет темно. Теперь, зная необходимые детали предстоящего трудного и опасного дела, киммериец решил как следует отоспаться перед грядущей бурной ночью.

В назначенный час Конан проснулся. За окном уже смеркалось, и на небе высыпали первые звезды. Поднявшись с ложа, киммериец достал необходимые ему сегодня вечером вещи и разложил их на полу: меч, кинжал подаренный шейхом Джагулом аль-Баргэми, моток прочной веревки и простенький женский плащ, предусмотрительно купленный днем на базаре.

Собравшись, Конан спустился вниз, миновал общий зал, где вовсю шумели постояльцы «Тыквы», и вышел на улицу, направляясь к Верхнему городу тем же путем, каким шел и днем. Зная, что ворота на ночь закрываются, он отыскал заранее примеченный сад, некогда принадлежавший какому-то богатому горожанину, а ныне заброшенный и разросшийся. Некоторые из деревьев свешивали толстые, узловатые ветви через стену, разделяющую город на две части, и выглядели достаточно прочными, чтобы выдержать вес киммерийца.

Без особого труда перебравшись по ним за ограду Верхнего города, Конан спрыгнул на крышу одноэтажного здания, прилепившегося к стене с другой стороны, и едва успел укрыться в тени нависших над ним густых ветвей дерева, увидев проходящих по двору вооруженных стражников. Дождавшись, когда они вошли в дом и плотно закрыли за собой двери, Конан спустился на землю и огляделся. Он оказался на заднем дворе какого-то богатого дома.

Заметив валявшуюся неподалеку старую оглоблю, варвар приставил ее к стене и перелез через ограду двора на улицу. Сориентировавшись, он пошел в ту сторону, где высился тонкие и острые башенки дворца эмира Султанапурского, стараясь шагать уверенно, непринужденно поглядывая по сторонам, изображая возвращающегося домой степенного горожанина. Не пройдя и двадцати шагов, Конан наткнулся на внезапно вынырнувший из-за угла патруль из трех человек. Он понадеялся, что стражники не обратят на обычного прохожего внимания, ибо час был не столь уж и поздний. Однако, все трое быстрым шагом направились к киммерийцу и преградили дорогу.

— Стой! Ты кто такой и куда идешь? — раздался голос старшего из стражей, островерхий шлем которого венчало белое перо. Двое других привычным движением стали по бокам и чуть сзади от Конана.

— Я? — переспросил северянин, надеясь оттянуть время и придумать сколько-нибудь правдоподобный ответ. Не найдя ничего лучшего, он решил сказать правду:

— Я иду во дворец Турлей-хана.

— Зачем?

— Охранять его сон,— сказал Конан без тени улыбки. Стражники переглянулись, и спрашивавший чуть заметно кивнул своим товарищам. Это движение не ускользнуло от глаз Конана, и он понял, что в Верхнем городе, наверно, уже каждый оповещен о вчерашнем происшествии у ворот дворца Турлей-хана, и стражникам несомненно известны приметы возмутителя спокойствия, а также отдан приказ его задержать. Следующие слова начальника стражи дали киммерийцу возможность убедиться в истинности своего предположения:

— А где же ты был вчера утром, около полудня? Тоже охранял покой пятитысячника? — Туранец недобро усмехнулся и прищурил глаза, причем, и без того узкие, они превратились в черточки, точно у зажмутившейся кошки.— Отдай свой меч и следуй за нами.

— Не отдам,— коротко отозвался Конан.— Зачем он тебе? Еще порежешься или отхватишь себе чего ненароком...

Даже в темноте стало видно, как залилось краской гнева лицо стражника, и он крикнул:

— Взять его!

Это были его последние слова. В следующий момент туранцу на голову обрушилось навершие рукояти того самого меча, о котором только что шла речь. Движимый инерцией клинок едва не разрубил надвое воина стоявшего слева, глубоко пробороздив ему грудь, а правому в тот же миг досталось тяжелым сапогом в солнечное сплетение. От удара он согнулся и упал на колени. Конан добил его, ударив мечом плашмя по хребту. Не теряя

времени, киммериец быстро оглянулся, и убедившись, что никого более на тихой и темной улице нет, оттащил всех троих к живой изгороди из пышных розовых кустов, тянувшейся вдоль улицы, и спрятал в густых ветках. Трупы можно было бы обнаружить лишь после рассвета...

Киммерийцу удалось добраться до дворца без дальнейших приключений, но теперь он не шел посреди улицы, а держался в тени изгороди. Подкравшись почти к самым воротам, варвар увидел, что там находится больше стражников, чем говорил ему аль-Ахар. Их было около десятка и вдобавок два офицера, отдававших какие-то распоряжения. Конан понял, что попал на смену караула. Он бесшумно отошел назад и замер, наблюдая.

Вдруг ночную тишину разорвал нарастающий цокот копыт, и вскоре со стороны эмирского дворца появился большой отряд всадников. У многих из них в руках были факелы. Возглавлял кавалькаду богато одетый человек, охраняемый таким количеством телохранителей, что Конан, выругавшись, метнулся в колючие кусты и, упав на землю, застыл, надеясь, что его не заметят. Ночная тьма помешала рассмотреть лицо подъехавшего вельможи, и Конану оставалось лишь строить предположения.

«Кого это еще Нергал принес среди ночи? Неужели Турлей-хан такой трус, что таскает теперь за собой всю армию Турана?.. Что ж, придется мне всех их перебить, но кто тогда будет служить в войске царя Илдиза, я один, что ли? Ну уж, нет! Хватит, наслужился!»

Тем временем прибывший в сопровождении двух телохранителей въехал в ворота, а остальные сопровождающие развернули лошадей и рассыпались по прилегающим ко дворцу улицам. Ворота закрылись, караул встал по местам, и вновь воцарилась тишина, нарушааемая лишь отдаленным топотом копыт.

«Так, в главные ворота, стало быть, не войти. Помнится, этот пропойца, начальник охраны дворца, что-то плел про боковую дверь, через которую ходит прислуга и возят припасы. Придется пойти и поискать ее».

Конан выбрался из своего убежища и пошел вдоль стены. Этот путь оказался далеко не безопасен, так как охранники неизвестного гостя пятитысячника добросовестно обезжали улицы, внимательно следя за всем, что могло вызывать малейшее подозрение. Одного из них киммерийцу пришлось бесшумно обезвредить — конь внезапно появился из темноты прямо перед Конаном, и в тот же миг всадник полетел на землю с кинжалом в горле — варвара приятно поразило, что клинок Джагула ничуть не уступает самым лучшим метательным ножам, и возможная магия тому не помеха.

Дверь быстро нашлась и, к удивлению киммерийца, снаружи никем не охранялась, правда, была заперта изнутри. Толкнув ее, он заметил, что дверь закрыта на деревянный засов, державшийся на одном гвозде. Просунув кинжал между створками, варвар легко приподнял и повернул засов. Путь во дворец Турлей-хана был открыт.

Конан оказался в маленьком квадратном дворе. Впереди темнело низенькое длинное здание, в его окнах горел свет, сутились людские тени, слышался звон посуды и чьи-то сердитые окрики. Судя по доносившимся запахам, это была кухня.

«Что здесь происходит? Я-то думал, все слуги уже угомонились, а тут точно к празднику готовятся. Все-таки кто мог пожаловать к пятитысячнику? Уж не новый ли... хм... воздыхатель?»

Подобравшись к низко расположенному окну, киммериец осторожно заглянул внутрь, оставаясь в тени. Так он мог прекрасно видеть, что происходит на кухне, не боясь быть замеченным.

— Да пожрет Сет прожорливого гостя нашего господина! — ругался маленький, тощий человечек в замызганном переднике, который, очевидно, был поваром, но совершенно не походил на такого по облику: Конану почему-то всегда думалось, что повара должны быть пышными и румяными, как булочки. — Мало того, что меня подняли с постели посреди ночи, так еще и приходится все делать самому,

потому что, видите ли, Турлей-хану требуется не обычная еда, а самая изысканнейшая, подобная той, что подают к столу самого государя нашего Илдиза!

— Ты бы придержал свой болтливый язык, — рядом с поваром стоял высокий, дородный человек в форме дворцовой стражи. — Ты, несчастный, хоть знаешь, кто почтил своим присутствием этот дом?

— Не знаю и знать не хочу! — продолжал брюзжать повар. — Я знаю только то, что меня... — Тут его голос сорвался на визгливый крик: — Убери свои грязные пальцы из соуса, мерзавец! И вообще — вон отсюда! Избавь меня от созерцания твоего рыла, более всего напоминающего свиное — вон то, что лежит на столе!

Стражник тщательно облизал пальцы, которые только что щедро обмакнули в свежеприготовленный соус, неторопливо повернулся и побрел прочь, бросив на ходу:

— Запомни — у нас сегодня в гостях сам солнцеликий эмир сultанапурский Хабб-берди! И если ему не понравится твоя стряпня, я посмотрю, как ты тогда запоешь!

«Надо же! А эмира-то чего сюда понесло среди ночи?» — удивился Конан.

Повар буркнул ему вслед что-то невразумительное, а стражник вышел во двор, ворча себе под нос что-то о том, как некоторые наглецы не ценят своего счастья и дюжина плетей живо научила бы их почтительности.

Глядя на ничего не подозревающего солдата, стоявшего возле поленница и с задумчивым видом орошавшего дрова, Конану пришло в голову, что форма дворцового стражника заметно облегчит его задачу, и, судя по телосложению этого малого, одежда скорее всего придется северянину как раз впору.

...На поленнице перед туранцем беззвучно выросла грозная, высокая тень, и одновременно чьи-то железные пальцы сомкнулись у него на горле.

— Будешь орать — глотку перережу, — пригрозил Конан онемевшему от ужаса толстяку. — Раздевайся! Да по-быстрее! — добавил он, тряхнув охранника, широко раскрытыми глазами уставившегося на темный силуэт.

Тот, наконец, сообразил, что это всего лишь тень, и как мог покосился назад, силясь углядеть ее обладателя. Рассмотреть нападавшего стражнику не удалось — мощные руки сжали горло еще сильнее, и он решил, что связываться с неизвестным не следует, а лучше беспрекословно выполнять все его приказания — краем глаза незадачливый стражник заметил в левой руке злодея посверкивающее лезвие кинжала.

Туранец стянул с себя форму, и вскоре Конан, придирчиво оглядывая себя, одевал новую одежду. Она оказалась почти впору, разве что провисало на животе да треснули швы на плечах — прорези пришлося прикрыть плащом, который надежно спрятал все недостатки костюма. Шлем же был несколько маловат но на затылке держался.

Толстый стражник, оставшийся в одном исподнем, был заботливо связан по рукам и ногам куском веревки, которую Конан взял с собой, уложен между поленницей и стеной, во рту у него оказался кляп, отрезанный от его же собственной рубашки. Увалень так жалобно смотрел на киммерийца, что тот, уходя, не преминул его обнадежить:

— До утра не помрешь, а с рассветом тебя найдут...
Может быть.

Тихонько насиживая старую пиратскую песенку, Конан направился к двери, ведущей, по его мнению, в караульное помещение. Он бесцеремонно открыл ее пинком ноги, вошел в небольшую комнатку и увидел охранника, сидящего за столом спиной к нему и наливавшего из кувшина в деревянную кружку какое-то дурно пахнущее пойло. Быстро обернувшись на вошедшего, тот опрокинул кружку себе в рот, шумно выдохнул, грохнул посудиной о стол и разразился бранью:

— Явился, наконец, недоносок! Где тебя Нергал носил?!
Опять небось на кухне брюхо набивал, обжора! Да я тебе...

Что хотел стражник послать своему миному напарнику, так и осталось неизвестным, ибо его энергичная тирада была прервана оглушающим ударом кулака по затылку. Затем Конан, ухватив его за сальные волосы, приложил лицом об стол и швырнул в угол. Туранец,

тяжело рухнув на пол, остался лежать там в позе, неестественной для живого человека: голова его была странно запрокинута, сквозь оскаленные зубы проступила пена, скрюченные судорогой руки и ноги мелко подергались и обмякли.

— Да что тут у вас, в конце концов, происходит? — Потягиваясь и зевая, в караулку ввалился третий охранник. — Мы же договорились: спать будем по очереди!

— А как же, — спокойно ответил Конан, поворачиваясь к нему. — Теперь твоя очередь... — Киммериец сгреб его за шиворот и несколько раз крепко стукнул об стену.

Стражник медленно сполз по стене на пол, оставляя на камне кровавую полосу.

Даже не посмотрев в его сторону, Конан вышел в коридор, ведущий, по словам аль-Ахара, в маленький внутренний садик, примыкающий к гарему, где, как он надеялся, находилась Мирдани. Приосанившись и печатая шаг, северянин с деловитым видом бравого вояки, выполняющего срочное поручение, проследовал мимо нескольких постов дворцовой охраны, приветствовав их легким кивком, точно старых знакомых. Очутившись в саду, он осмотрелся, обнаружил скрытое наполовину в гуще кустов и деревьев длинное одноэтажное здание без окон, казавшееся игрушечным на фоне темнеющей слева громады дворца, уверенно направился к нему.

Неожиданно вынырнув из темноты перед двумя охранниками, стоявшими навытяжку по обе стороны от низенькой, неприметной дверцы, Конан единным ударом снес голову стоявшему от него справа, а второго едва ли не перерубил пополам. По счастью, никто из этих двоих и пикнуть не успел, а Конан подумал, что неплохо бы успеть найти Мирдани до очередной смены постов. Это какой же крик поднимется, когда найдут всех повстречавшихся Конану людей...

Ударом ноги выбив запертую изнутри на щеколду дверь, он, держа перед собой меч, прыгнул внутрь, машинально проткнув при этом евнуха, выскочившего на шум. Убедившись, что его появление больше никого не заинтересовало,

варвар, вытерев с клинка кровь, одним движением забросил меч в ножны за спиной и двинулся по длинному коридору, завешанному толстыми коврами с пушистым ворсом, гасившим все звуки, тускло освещаемому свисающими с потолка цветными кхитайскими фонариками. В коридор выходило множество дверей, и Конан, подходя к каждой, прислушивался.

Он предполагал, что в случае чего Мирдани не будет вести себя тихо и покорно, но за дверьми либо стояла тишина, либо доносились негромкие голоса мирно беседующих женщин. Так он прошел весь коридор и остановился перед богато украшенной дверью, в которую упирался коридор. Одна из створок была слегка приоткрыта. Конан протиснулся в щель и, оказавшись в небольшом промежутке между дверью и тяжелой бархатной занавеской, едва не наткнулся на чай-то широкий зад.

Обнаженный по пояс огромный чернокожий, вооруженный широким ятаганом, подобным тому, который носил палач во дворце шейха Джагула, был настолько увлечен зрелищем происходящего за шторами, что даже не заметил появления киммерийца. Конан протянул руку и, слегка тронув его за плечо, шепотом спросил:

— Интересно?

Чернокожий повернулся и, подняв влажные, мутные от вожделения глаза на северянина, наконец, понял, что находится здесь уже не один.

— А ты кто такой? — просипел он.

— Смена караула, — издевательски сказал Конан.

— Как так? — удивился гигант. — Ты же из гвардии Турлей-хана, а меня никто менять не должен.

— Значит, побудем здесь вдвоем, — подмигнул вконец ошарашенному негру киммериец.

— Но у меня приказ!..

— Да плевал я на все приказы! Думаешь, мне не хочется посмотреть?

— Нельзя... — пробасил чернокожий и потуился.

— Но ты же смотрел! — Конан продолжал заговаривать зубы этому типу, судя по всему, являвшемуся телохраните-

лем гостя Турлей-хана, а сам прикидывал, как бы его свалить без шума.

Собственно, так и получилось. Незаметно вынув из ножен кинжал, варвар резко всадил его в глаз чернокожему. Лезвие с хрустом пробило глазницу и глубоко вошло в мозг. Подхватив оседающее тело, он аккуратно опустил его на пол и, чуть раздвинув шторы, посмотрел внутрь.

Киммериец увидел ярко освещенный зал; полы устилали мягкие ковры, а по ним были беспорядочно раскиданы цветастые шелковые подушки. Посреди зала находился бассейн, в центре которого был фонтан в виде небольшого мраморного фаллоса. Возле поребрика возлежали в расслабленных позах двое, одного из которых Конан сразу же узнал по прыщавой туповатой физиономии. Третий, заложив руки за спину, расхаживал взад-вперед по залу. Вокруг бассейна кружились в танце несколько юношей и девушек, одетых в кисейные шаровары, под которыми не угадывалось более никакой одежды.

«А они тут неплохо устроились», — подумал Конан, наблюдавший, приподняв одну бровь за происходящим.

В дальнем конце зала, обняв колени руками и глядя исподлобья на танцующих и гостей, сидела Мирдани. На ней красовался полуупрозрачный халат, расшитый бисером и золотыми нитками. Было видно, что дочь Джагула с трудом сдерживает рыдания, а на ее лице остались блестящие дорожки от слез.

«Пожалуй, тут слишком много народа, чтобы начинать действовать, — рассудил киммериец. — Если появиться сейчас, то поднимется переполох и сбежится вся стража дворца. Придется подождать... Бедная девочка!»

Тем временем Турлей-хан лениво махнул рукой, и танцующие упорхнули из зала через какую-то неприметную дверцу.

«Хм, это надо запомнить!» — мелькнула мысль в голове Конана.

— Ну, что ж, дорогой мой Хааб-берди и друг Радбуш, настало время отведать вкуса чудесного цветка, что я хра-

нил для друзей,— с медоточивой улыбкой сказал пятитысячник.

— Цветы не едят, глупец! — сварливо проговорил человек в темно-синем халате с замысловатыми узорами из крупных жемчужин, все продолжавший расхаживать вокруг бассейна.— Не умеешь выражаться изысканно, так говори, как можешь.

— Радбуш, мне кажется, ты не слишком любезен с нашим хозяином! — произнес гость, возлежавший рядом с Турлей-ханом. Конан догадался, что это и был эмир султанапурский Хааб-берди. Лицо тридцатилетнего правителя было красивым — тонкие черты, красиво очерченный рот, нос с горбинкой, аккуратная черная бородка — но на нем уже лежала печать многочисленных возлений и привычного распутства.

Турлей-хан поднялся, медленно приблизился к Мирдани, и на лице его заиграла похотливая улыбка.

— Ну, цветочек, пришла пора распустить лепесточки! — лукавым голоском проворковал пятитысячник.

Мирдани подняла голову и, стараясь унять дрожь в голосе, ответила:

— Убирайся прочь, негодяй!

— А цветочек-то колется!.. — сообщил Турлей-хан, обернувшись к своим гостям.

— Да хватит тянуть! — рыкнул Радбуш.— Тоже мне, жених! Тащи ее сюда, а то сиятельный эмир ждать устанет!

«Интересно, кто же такой этот Радбуш, если позволяет себе такие вольности не только с пятитысячником, но и с самим эмirem?..»

Турлей-хан, отбросив фальшивую церемонность, сгреб девушку, не обращая внимания на ее слабое сопротивление и сдавленные тихие стоны. И вдруг пятитысячник издал не совсем приличествующий его сану визг, подобный поросятчику, и, отпихнув Мирдани, выкрикнул:

— Она укусила меня, змея зуагирская!

— Надеюсь, она ничего тебе не откусила? — заботливо осведомился Радбуш.

— И откушу, если понадобится! — звонким голосом решительно заявила Мирдани.

— Хорошая девочка! — ехидно улыбнулся ей Радбуш и добавил: — Пока...

«Молодец, девка! — не без удовольствия отметил про себя Конан. — Еще и огрызается, хотя прекрасно знает, что ей грозит!»

Хааб-берди встал и со вздохом произнес:

— Ох, не умеете вы обращаться с женщинами. Ладно, как всегда, все придется делать самому...

— Да уж куда нашему пятитысячнику! — встярал Радбуш.— Он у нас все больше по лошадям да по солдатам, и то в приказном порядке!

— Да прекрати ты, наконец! — взвыл Турлей-хан, потирая укушенную руку. Радбуш невозмутимо пожал плечами, явно не понимая, что именно он должен прекратить.

Эмир подошел к Мирдани, которая словно затравленный зверек, смотрела на него покрасневшими глазами, и изящным движением сбросил с плеч халат. Мирдани окинула эмира с ног до головы оценивающим взглядом и разочарованно пощекала языком. Ей было очень страшно, и она нарочно вела себя вызывающе, пытаясь таким образом подавить ужас.

Присев перед Мирдани, Хааб-берди заговорил с ней своим приятным, мягким голосом, надеясь, что контраст между его истинно аристократическими манерами и неуклюжим солдафонским обращением Турлей-хана успокоит девушку.

— Солнышко, не надо меня бояться. Я вовсе не желаю тебе зла и обещаю, что не причиню тебе никакого вреда. Иди ко мне!

Он попытался заключить Мирдани в объятия, но та оттолкнула его и отползла назад. Эмир, ласково улыбаясь, укоризненно произнес:

— Ну, Мирдани, деточка, мы же договорились...

Очередная попытка овладеть девушкой опять потерпела неудачу — Мирдани шлепнула его по рукам и отодвинулась. Так они ползали некоторое время по залу: один тер-

пеливо уговаривая и мягко, но настойчиво притягивая к себе, другая — отстраняясь и огрызаясь, точно загнанная в угол собачонка. Наблюдавший за этой сценой Турлей-хан давал множество полезных, но абсолютно неуместных в данной ситуации советов («Заходи с фланга!.. В угол ее, в угол зажми!.. Окружай!» и тому подобные), а Радбуш покачивался со смеху, присев на поребрик бассейна и держась обеими руками за живот.

Наконец терпение эмира иссякло. Он, поднявшись на ноги, рявкнул на обоих:

— Чем зря зубы скалить да сыпать советами, лучше бы помогли!.. Ну подержите же ее, в конце концов!

Состроив зверские физиономии, пятитысячник и смеющийся Радбуш, навалились на Мирдани и, без труда одолев девушки, прижали к полу.

Зал огласился пронзительным женским визгом.

«Пожалуй, Мирдани одной с этими кобелями не справиться...» — сказал себе Конан, все это время пристально следивший за происходящим. Глупость и грубость султана-пурских владык поразили его — любой из тех, кого эти высокорожденные презрительно именовали варварами, нашел бы подход к испуганной девочке куда скорее, без всей этой нелепой, унизительной суэты. Если они и государством правят так же «ловко», как обращаются с девственницами в гареме, то неудивительно, что дела в Султанапуре идут все хуже и хуже... Ну, ничего, сейчас он покажет им!.. И, раскинув занавески, северянин ворвался в зал с криком:

— Эй, вам помочь не нужна?

Глава восьмая

Первым из чрезмерно увлекшшейся троицы под руку Конана попался Радбуш. Вернее, не под руку, а под ногу, и только из-за того, что он был первым, обернувшимся на возглас киммерийца. Конан наградил его таким пинком, от которого гость Турлей-хана кубарем покатился по ковру и стукнулся головой о поребрик бассейна. Он попытался подняться, но, не удержавшись на ногах, издал слабый стон и рухнул в воду. В тот же миг Турлей-хан и эмир резко оглянулись... Пятитысячник так и не успел понять, какая сила отшвырнула его, точно тряпичную куклу, к самой стене. Прежде чем свет померк в его глазах, он успел увидеть несколько чьих-то выбитых зубов на ковре, забрызганном кровью и подумать: «Боги, неужели это мои...»

Эмир, быстро сообразивший, что к чему, откатился в сторону от грозной фигуры невесть откуда взявшегося стражника Турлей-хана, быстро вскочил и встал в боевую стойку. Меча при нем не было, однако, подобно многим знатным турецким, Хааб-берди с детства обучался приемам рукопашной борьбы у специально для этих целей приглашенного кхитайского мастера.

Правду сказать, учитывая, что из всей одежды у эмира оставалась только золотая цепочка на шее и несколько драгоценных перстней на пальцах, представшее перед киммерийцем зрелище было достаточно забавным. Не удержавшись, Конан во весь голос захохотал, чем еще больше

смутил и без того растерянного эмира, видевшего перед собой высоченного громилу, ни чертами лица, ни телосложением не похожего на жителя империи Туран. Не меняя положения, из которого можно было так же легко атаковать, как и защищаться, эмир недоуменно вопросил:

— Ты кто такой и что здесь делаешь?

— Ах, сколько людей мне сегодня уже задавало этот вопрос,— устало вздохнул Конан.— И многие из них умерли еще до того, как я успел представиться...

— Как разговариваешь со мной, пес?! Да ты знаешь, кто я такой? — прорычал Хааб-берди, сознавая при этом в глубине души, что выглядит он, мягко говоря, не совсем обычно для наместника владыки Илдиза и владыки Султанапура.

— А если и знаю — что с того? — сквозь смех проговорил Конан.

— А то, что завтра твоя голова украсит собой кол, вбитый посреди базарной площади!

— Это вряд ли,— усомнился Конан.— Моя голова останется при мне.

— А вот я так не думаю,— прошел сквозь зубы эмир и атаковал первым. Смертельный для любого незнакомого с данным видом единоборства человека удар ногой в голову не достиг своей цели: мгновением раньше Конан слегка уклонился, чуть присев, отведя правой рукой удар, перехватил эмира за лодыжку и дернул вверх. Не ожидавший от нахального незнакомца такого знания приемов кхитайской борьбы Хааб-берди не смог предотвратить падения и тяжело шлепнулся на ковер, но тут же, кувырнувшись через голову, снова оказался на ногах.

Уверенный, что встретил в лице незнакомца достойного противника, владеющего тем же искусством, что и он сам, эмир решился применить один из тайных приемов. Учитель-кхитаец клятвенно уверял, что в мире не найдется другого бойца, способного противостоять ему...

Присев, он сделал несколько обманых движений руками, будто примеряясь ударить противника в область паха, а затем, резко выпрямив ноги, рванулся на него, рассчиты-

вая поддеть врага плечом и, повалив на пол, добить ударом пальца в смертельную точку на горле.

Конан же поступил просто, применил, как и в первый раз, обычную уловку из арсенала уличных дракунов: отступил на шаг назад и выставил навстречу кулак. Хааб-берди слишком поздно заметил этот подлый прием, не имеющий никакого отношения к древним кхитайским боевым искусствам, и со всего размаха налетел лицом на железную длань киммерийца, а падая, наткнулся на заботливо подставленное Конаном колено. Оказавшись на полу, эмир последним усилием приподнял голову, увидел сквозь золотисто-розовую пелену непоколебимо возвышавшегося над ним северянина и услышал словно издалека его насмешливо сочувственные слова:

— Я в самом деле этого не хотел, солнцеликий. Ты сам виноват...

После этой фразы сознание эмира благосклонно померкло.

Конан быстро подошел к Мирдани, лежавшей к его удивлению в обмороке, легонько похлопал ее по щекам и тут же пожалел об этом. Едва раскрыв глаза, девушка размахнулась и отвесила киммерийцу звонкую и весьма увесистую оплеуху, а затем яростно выкрикнула:

— А ты-то что, верблюжий выкормыш?! Тебе велели сторожить у входа, так и убирайся туда!..

Конан совершенно забыл, что на нем по-прежнему красуется наряд дворцовой стражи пятитысячника, и, перехватив занесенную для следующей пощечины руку Мирдани, слегка встрихнул ее и сказал:

— Полегче, полегче, детка! Я хотел только передать тебе привет от твоего братца Джафира, а ты... Кто же так встречает друзей?

Услышав имя любимого брата, Мирдани встрепенулась, внимательно взгляделась в лицо северянина и вдруг просияла.

— Чужеземец!.. Ты...

— Ну, вот, совсем другое дело! — усмехнулся Конан.— Будешь теперь руки распускать?

— Нет! — замотала головой девушка.

— То-то же! Кстати, меня зовут Конан, как мне помнится, я не успел представиться... тогда... И давай-ка выбираться отсюда, да побыстрее. Потом поговорим, у меня есть, что сказать тебе.

— Но...— Мирдани растерянно оглядела свое прозрачное, порванное местами одеяние.— Как же я пойду...

Киммериец молча достал из заплечного мешка, спрятанного под плащом, скромную серую накидку и закутал в него Мирдани. Они уже собирались скользнуть в потайную дверцу, куда удалились танцовщики, как вдруг раздался истошный вопль:

— Вытащите меня отсюда! Здесь слишком глубоко — а я не умею плавать!

Конан изумленно обернулся и, приоткрыв рот, взорвался на несчастного Радбуша, плескавшегося в бассейне. Тому удалось каким-то образом добраться до фонтана в центре водоема и теперь, обняв его руками, приятель Турлей-хана взывал о помощи.

— Здорово, Сет его побери! — с долей восхищения в голосе проговорил Конан, глядя на разодетого вельможу, обхватившего обеими руками символическую скульптуру, на редкость нескромную даже для гарема. Мирдани хихикнула, прикрыв рот рукой.

— Нет уж, пусть освежится немного. Ему это только на пользу.

Они юркнули в дверь и оказались в коридоре, один к одному похожем на тот, по которому Конан добрался до зала удовольствий дворца Турлей-хана.

— По этому коридору можно выбраться в цветник, куда меня сегодня водили гулять, — сообщила Мирдани.

— И дальше что? — спросил Конан, идя по коридору быстрым шагом и крепко держа Мирдани за руку.

— Дальше?.. Дальше я не знаю... — жалобно проговорила девушка.

— Ладно, разберемся.

Они выбежали в благоухающий сад. Конан остановился, оглядываясь и прислушиваясь. Перед ними был неширо-

кий коридор между двумя рядами густых кустов белого шиповника, шагах в десяти плавно сворачивающий налево.

— Этот цветник похож на лабиринт, и мне ни разу не удавалось найти выход, сколько я ни пыталась, — задумчиво сказала Мирдани.

— Ничего, как-нибудь выкрутимся, — ответил Конан, соображая, как бы покороче добраться до одного из известных ему выходов из дворца. Киммериец не стал утруждать себя блужданиями по лабиринту, а, пройдя по тропинке до поворота, выхватил меч и рубанул наотмашь по кустам. Расчищая таким образом себе дорогу, он выбрался, наконец, на открытое пространство, увидел перед собой стену и, вспомнив рассказы аль-Ахара, сообразил, что где-то неподалеку должна быть дверь, ведущая в конюшню, расположенную за внутренней стеной, рядом с воротами, через которые обычно выезжал патруль. Указав Мирдани туда, где, по его мнению, находилась дверь, он сказал:

— По-моему, нам туда...

— А по-моему, нет! — неожиданно рыкнул кто-то из темноты, позади Конана, и Мирдани тихо ойкнула, тут же зажав рот рукой. Киммериец спокойно обернулся и ответил:

— Уж мне лучше знать, куда я иду, — и с этими словами он ткнул мечом в неясную тень, видневшуюся в двух шагах от них. Раздался яростный вопль, и Конан, не дожидаясь дальнейшего развития событий, перехватив Мирдани за талию, со всех ног бросился туда, где, как ему думалось, находилась конюшня. Девушке было очень неудобно и немного больно, но она, обняв одной рукой Конана за шею, а другой вцепившись в кожаный пояс, молча терпела.

Вопли раненого не прекращались, он уже не просто кричал от боли, а звал на помощь, которая не замедлила появиться, о чем киммериец догадался, услышав позади голоса. Оглянувшись, он увидел с десяток факелов и побежал еще быстрее.

Перед беглецами внезапно появилась дверь, и Конан, не обратив внимания на то, что она совсем не похожа на вход

в конюшню, не имеющей верхней балки и по обычаю, принятому у восточных народов, украшенный подковой, ударом ноги распахнул ее настежь.

Мирдани не издала ни звука, а только еще крепче обняла мощную шею киммерийца, а тот, несколько опешив, произнес:

— Кажется, нам действительно не сюда...

На них уставилась дюжина стражников, мирно игравших в своей караулке в кости в ожидании смены.

— Слушайте, ребята, а где здесь конюшня?

Он вовремя вспомнил, что все еще одет в изъятую у толстяка форму.

— Вон там,— машинально ответил один из стражников, вытянув руку.

— Спасибо,— вежливо ответил Конан, поудобнее перехватил Мирдани, и круто развернувшись на каблуках, хотел было скрыться в указанном направлении, но был остановлен резко прозвучавшим в царившей изумленной тишине вопросом:

— Эй, а кто ты такой? И зачем тащишь девку на конюшню?

— Ну как зачем...— замялся Конан, и неожиданно Мирдани поддержала его, прохрипев:

— А ты что, сам не можешь догадаться, красавчик?!

— А-а! — судя по всему, стражник удовлетворился ответом Мирдани и, поглядев на своих, добавил: — Новенький, что ли? Что-то я его раньше не видел... Ты где...

Договорить он не успел, потому что Конан ускользнул в темноту, а спустя несколько мгновений в караулку ворвались несколько раскрасневшихся, запыхавшихся и донельзя злых телохранителей Турлей-хана, один из которых прорычал:

— Где они?!

— Кто «они»? — последовал резонный вопрос.

— Двое!

— Какие двое?! К нам тут заходил новенький с бабой под мышкой, спрашивал, где конюшня. Он что, украл ее из гарема?

— Да! — заревел спрашивавший, подобно раненому льву.— Все за мной, болваны!

Безропотно повинуясь приказу, все, кто был в караулке, похватав оружие, высипали наружу и толпой ринулись к конюшне.

Конан бежал вдоль стены к длинному зданию, откуда слышалось ржание и похрапывание лошадей. Однако ему пришлось резко остановиться и прижаться к стене, потому что один из отрядов стражи появился возле ворот конюшни и, развернувшись в цепь, преградил дорогу. Позади уже топали телохранители Турлей-хана, стражники, сидевшие в караулке, и присоединившаяся к ним охрана эмира.

— Не нравится мне это,— пробормотал Конан и поставил Мирдани на землю, сказав ей: — Постарайся держаться у меня за спиной и не делай глупостей.

Оглядел приближающихся туранцев, Конан задумчиво почесал подбородок. Ему не раз приходилось сражаться одновременно с большим числом противников, и, как правило, выходить победителем — много нападающих сразу людей мешают друг другу, создают толчек и человек, который хорошо владеет мечом, без труда может справиться с ними, выводя из строя по одному. Сейчас же ситуация была иной, так как его окружали отлично обученные и знающие свое дело воины, которые не станут лезть на рожон почем зря, а предпочтут взять противника измором. Кроме того, Конан знал, что туранцы ничуть не уступают гирканийцам в ловкости владения арканом.

— Вот они! Окружай! — раздался крик.

Конан видел, как со всех сторон к месту у внутренней дворцовой стены, где он стоял, заслонив собой Мирдани, сбегались десятки стражников и разворачивая строй полу-кольцом, выставляли перед собой пики. Шагах в пяти они остановились, не предпринимая больше никаких действий.

— Ну, что встали? Боитесь? Кто первый, налетай! — подзадоривал Конан.

Никто из туранцев не шевельнулся. Мирдани, не выдергивая напряжения, уткнулась лицом в спину киммерийцу и тихо заплакала.

в конюшню, не имеющий верхней балки и по обычаю, принятому у восточных народов, украшенный подковой, ударом ноги распахнул ее настежь.

Мирдани не издала ни звука, а только еще крепче обняла мощную шею киммерийца, а тот, несколько опешив, произнес:

— Кажется, нам действительно не сюда...

На них уставилась дюжина стражников, мирно игравших в своей караулке в кости в ожидании смены.

— Слушайте, ребята, а где здесь конюшня?

Он вовремя вспомнил, что все еще одет в изъятую у толстяка форму.

— Вон там,— машинально ответил один из стражников, вытянув руку.

— Спасибо,— вежливо ответил Конан, поудобнее перехватил Мирдани, и круто развернувшись на каблуках, хотел было скрыться в указанном направлении, но был остановлен резко прозвучавшим в царившей изумленной тишине вопросом:

— Эй, а кто ты такой? И зачем тащишь девку на конюшню?

— Ну как зачем...— замялся Конан, и неожиданно Мирдани поддержала его, прохрипев:

— А ты что, сам не можешь догадаться, красавчик?!

— А-а! — судя по всему, стражник удовлетворился ответом Мирдани и, поглядев на своих, добавил: — Новенький, что ли? Что-то я его раньше не видел... Ты где...

Договорить он не успел, потому что Конан ускользнул в темноту, а спустя несколько мгновений в караулку ворвались несколько раскрасневшихся, запыхавшихся и донельзя злых телохранителей Турлей-хана, один из которых прорычал:

— Где они?!

— Кто «они»? — последовал резонный вопрос.

— Двое!

— Какие двое?! К нам тут заходил новенький с бабой под мышкой, спрашивал, где конюшня. Он что, украл ее из гарема?

— Да! — заревел спрашивавший, подобно раненому льву.— Все за мной, болваны!

Безропотно повинуясь приказу, все, кто был в караулке, похватав оружие, высипали наружу и толпой ринулись к конюшне.

Конан бежал вдоль стены к длинному зданию, откуда слышалось ржание и похрапывание лошадей. Однако ему пришлось резко остановиться и прижаться к стене, потому что один из отрядов стражи появился возле ворот конюшни и, развернувшись в цепь, преградил дорогу. Позади уже топали телохранители Турлей-хана, стражники, сидевшие в караулке, и присоединившаяся к ним охрана эмира.

— Не нравится мне это,— пробормотал Конан и поставил Мирдани на землю, сказав ей: — Постарайся держаться у меня за спиной и не делай глупостей.

Оглядев приближающихся туранцев, Конан задумчиво почесал подбородок. Ему не раз приходилось сражаться одновременно с большим числом противников, и, как правило, выходить победителем — много нападающих сразу людей мешают друг другу, создают толчек и человек, который хорошо владеет мечом, без труда может справиться с ними, выводя из строя по одному. Сейчас же ситуация была иной, так как его окружали отлично обученные и знающие свое дело воины, которые не станут лезть на рожон почем зря, а предпочтут взять противника измором. Кроме того, Конан знал, что туранцы ничуть не уступают гирканцам в ловкости владения арканом.

— Вот они! Окружай! — раздался крик.

Конан видел, как со всех сторон к месту у внутренней дворцовой стены, где он стоял, заслонив собой Мирдани, сбегались десятки стражников и разворачивая строй полу-кольцом, выставляли перед собой пики. Шагах в пяти они остановились, не предпринимая большие никаких действий.

— Ну, что встали? Боитесь? Кто первый, налетай! — подзадоривал Конан.

Никто из туранцев не шевельнулся. Мирдани, не выдергивая напряжения, уткнулась лицом в спину киммерийцу и тихо заплакала.

Конан, не понимая, почему стражники не нападают, покачал мечом и издевательски проговорил, надеясь, что эти слова их расшевелят:

— Вонючие ублюдки! Отродья Сета! Плевки Нергала! Сколько же вас должно собраться, чтобы напасть на одного?!

— Дорогу! — раздался громкий крик позади кольца стражников.— Дорогу, кому говорю!

Стражники расступились, образовав живой коридор, по которому стремительной походкой шел мокрый с головы до ног и злой, как шакал, Радбуш.

«О, выплыл! — подумал Конан.— А сюда-то этот ублюдок чего приперся? Хочет, что ли, лично перерезать мне глотку? Ну, так у меня найдется, чем его встретить!»

— Где этот мерзавец? — возвзвал Радбуш, выскакивая на свободное пространство перед Конаном.

— Это я, что ли? — не потеряв и капли самоуверенности, отозвался Конан.— Здесь, перед тобой! И не дергайся так, скоро высохнешь!

— Я-то высохну,— срывающимся от гнева голосом проговорил Радбуш.— А вот ты, пожалуй, сейчас обуглишься!

— Не понял...— удивился Конан.

— А я? — перестав плакать, поинтересовалась Мирдани.

— И ты тоже! — Теперь зверское выражение на лице Радбуша уже не было шутливым. Запрокинув голову, он вскинул руки, и между его ладонями зазмеились синеватые нити молний.

«Великий Кром! Да он маг!» Лишь теперь Конан понял, почему так дерзко вел себя в гареме этот красавчик.

Посреди переплетения тонких, искрящихся струек огня возник и начал быстро увеличиваться в размерах комок голубовато-белесого пламени. Цвет его, постепенно меняясь, достиг густого фиолетового оттенка, и тогда Радбуш, глухо ухнув, движением пальцев направил его на Конана и Мирдани, невольно прижавшихся к стене от изумления и страха. Шар сорвался с рук мага, с легким свистом распа-

рывая воздух, прочертывая сияющую дугу к Конану. Мирдани издала отчаянный визг.

«Конец!» — только и успел подумать киммериец, и тут произошло нечто необыкновенное.

За мгновение до того, как созданный чародеем шар должен был ударить в северянина, вокруг Конана вспыхнул мерцающий, белый с золотым отблеском ореол. Огненный комок натолкнулся на него, будто на некую мягкую преграду, и, бесшумно скользнув немного вбок, устремился к стene.

Что случилось потом — не понял никто, включая и самого мага. Ослепительная вспышка озарила ночное небо над Султанапуром, взметнулся столб пыли и каменного крошева, а затем раздался оглушительный грохот падающих обломков стены.

Когда пыль понемногу рассеялась, оцепеневшим от ужаса туранцам и стоявшему с открытым ртом и все еще воздетыми руками Радбушу предстало впечатляющее зрелище: могучая фигура мужчины и прижавшаяся к нему женщина, окутанные мерцающим сиянием, на фоне зияющего черного провала в стене; вокруг них беспорядочно громоздились каменные глыбы; чуть поодаль лежали несколько обугленных, дымящихся трупов — и стремительно уносился прочь огненный шар, сокрушая все на своем пути.

В мертвей тишине прозвучал дрожащий голос Радбуша:

— Проклятье! Но меня уверяли, что никто... — он запнулся.

Эти слова вывели Конана из оцепенения, он оглянулся и, увидев пролом, хрипло проговорил:

— Ну, нам, пожалуй, пора.

Подхватив Мирдани, он, перепрыгивая через завалы, скрылся в пробитом огненным шаром проходе на глазах до сих пор не пришедших в себя стражников и углубившегося в раздумья мага, тупо глядящего прямо перед собой...

Прыгая по обломкам, Конан нечаянно коснулся рукой кинжала, прицепленного к поясу, и выругался, отдернув ладонь: рукоять была накалена едва ли не докрасна...

* * *

— Я больше не могу... — выдохнула Мирдани, вытягивая ладошку из руки Конана, и села прямо на камни мостовой.

— Надо где-нибудь раздобыть лошадь... — пробормотал киммериец, остановившись. — Вот что, красавица, давай-ка я возьму тебя на руки.

Бешеная гонка по улицам ночного Султанапура продолжалась уже довольно долго. Конан давно понял, что заблудился, петляя по закоулкам, скрываясь от немедленно кинувшейся им вслед погони. Множество патрулей теперь рыскало по Верхнему городу, и сейчас они хорошо знали, кого ищут — высокого темноволосого северянина в форме стражника Турлей-хана и красивую зуагирскую девушку в сером плаще, под которым прятался богатый наряд. Несколько воинам армии Илдиза, наткнувшимся неожиданно на беглецов, уже не пришлось продолжать поиски, ибо после короткой схватки они остались лежать посреди улицы в лужах крови.

Ночь подходила к концу, и звезды на востоке уже начали бледнеть. Улицы города, наполненные фиолетовыми предутренними сумерками, были пока пустынны (если, правда, не считать многочисленных патрулей, как конных, так и пеших). Киммериец предполагал, что они с Мирдани успели отбежать на достаточно большое расстояние от дворца пятитысячника, однако же стены, отгораживающей богатые кварталы от Нижнего города, пока не замечал.

— Кром! Я уже не помню, когда последний раз в жизни так плутал! — зло процедил Конан сквозь зубы. — Какой дурацкий день!

Легко подхватив на руки Мирдани, которая сразу прижалась к его широкой груди, обхватив руками шею, он направился вниз по улице, уходившей под уклон, не переставая прислушиваться к самым мельчайшим шорохам — как ни странно, в этом районе Верхнего Султанапура стражи было мало. Надо полагать, что направление поисков сменилось в сторону городской стены и Нижне-

го города. Киммериец еще раз пристально осмотрел улицу и наконец догадался, почему здесь так спокойно и тихо.

Стены домов тут были необычны для турецкой архитектуры — на Востоке издавна принято строить дома так, чтобы окна выходили во дворик, а ни в коем случае не на улицу. В этом же квартале все было наоборот. Высокие, двух- и даже трехэтажные здания напоминали те, которые киммериец видел в городах Немедии и Аквилонии. Здесь жили иноземные посланники и купцы, а также люди, которых судьба заставила покинуть родину и найти прибежище в Туране.

Без сомнения, здесь жили люди очень богатые (пусть даже и не являвшиеся подданными Туранской империи), и, соответственно, никто из командиров отрядов, отправившихся на поиски негодяя, покусившегося на особу самого эмира султанапурского, не мог подумать, что в приличных домах кто-либо будет скрывать северного дикаря, похитившего наложницу пятитысячника. Поэтому-то на улицы иноземного квартала были посланы все-го два-три патруля, обмануть которые киммерийцу не составило большого труда.

Стук копыт донесся из узкого переулка, и Конан метнулся было под арку, будучи уверенным, что опять наступил на разъезд стражи, но, осторожно выглянув, понял — случай послал ему то, что и требовалось: лошадь. Да какую!..

Усадив Мирдани на землю, киммериец выскочил на дорогу перед всадником, и бедная лошадка так шарахнулась от внезапно появившегося и настолько неприятно знакомого ей человека, что старый и седой наездник едва не свалился на мостовую.

— Нет, ну, вы подумайте, кого на этот раз принесло на мою старую голову? — прокарталил восседавший в седле старец. — Юноша, у тебя с головой все в порядке или, может, отвести тебя к лекарю?

Старый длиннобородый шемит взирал на Конана из-под густых черных бровей крайне неодобрительно. От резкого

рывка лошади пышный тюрбан его сполз на затылок, а сам он судорожно вцепился в луку седла.

— Мне нужна твоя лошадь,— твердо заявил Конан, с легким изумлением оглядывая кобылу, прежде принадлежавшую Турлей-хану, и которую не далее как вчера сам отдал владельцу «Тыквы». Ну и встреча!

— Юноша, а почему ты считаешь, что она мне не нужна? — поднял одну бровь шемит.— И, кроме того, что за манера бродить по городу по ночам?

— Лошадь отдай,— тихо, но очень настойчиво повторил киммериец.— Слезай!

— Зачем? — поднял вторую бровь шемит.— Ты и вправду нездоров, юноша! Зачем разумному человеку эта старая и жирная кобыла, которой давно место на живодерне?

Конан протянул руку к узде, но лошадь снова отпрянула от варвара, будто от волка, бешено сверкнув белками глаз. Грязь уже начала сходить с ее боков, обнажая белую шерсть, отчего некогда красивое и благородное животное теперь казалось пораженным лишаем.

— Слезай с лошади, старый дурень! — рявкнул Конан.— Или ты лишишься не только ее!

— То есть? — невозмутимо спросил шемит, явно не понимая, что играет с огнем, но отчего-то ярость у киммерийца сменилась весельем.

— Я не один, а с женщиной,— заговорщицким шепотом произнес варвар.— Она сбежала из дома. Мы хотим скрыться из города. Так ты дашь нам лошадь?

— С э-э... женщиной? Она из почтенной семьи? — заинтересованно спросил старец.— Как, наверно, огорчатся ее родители...

— Я заплачу за твоего скакуна,— снова зашептал киммериец.— Дорого!

— Да разве за такого красавца, верней, красавицу...

— Дорого! — подтвердил Конан, не желая выслушивать дифирамбы в адрес кобылы, которую лично украл у пятитысячника не далее, как две ночи назад.

— Сколько? — серьезно сдвинув брови, спросил шемит.

— А сколько ты хочешь? — не отставал Конан.

— А сколько у тебя есть?

— А почем ты ее брал?

— Юноша, отчего ты всегда отвечаешь вопросом на вопрос?

— Разве?

Шемит сдался. Покрутив пальцем бороду, он неодобрительно глянул на Конана, и, вздохнув, сказал:

— Твоя мать, случайно, не была шемиткой? Видит Митра, это чистое разорение, но ты дашь за кобылу десять империалов Илдиза?

— Почему не дать? — подхватил киммериец, и, понизив голос, добавил:

— А у тебя, часом, не было внебрачного сына?

— Как знать,— ухмыльнулся старец.— Когда я могу получить деньги?

— А когда ты слезешь с моей лошади?

Несмотря на то что препирательства со старым шемитом доставляли массу удовольствия, Конан оглядывался по сторонам, ожидая в любой момент появления разъезда. Улица была достаточно широкой, чтобы легко заметить в предрассветных сумерках грязно-белую лошадь, ее всадника и еще двух человек.

— И все же где мои деньги? — продолжал настаивать шемит, с кряхтением выползая из седла. Конан вежливо подал ему руку, помогая утвердиться на ногах.— Ах, молодой человек, когда бы ты знал, где мне пришлось провести эту ночь — а теперь еще придется добираться до дома пешком, калеча и без того больные старые ноги. Если бы ты знал, как я болен, ты бы дал мне двенадцать империалов... А как дороги лекарства и услуги лекарей?! А еще я хотел съездить в Асгалун — это в Шеме, ты знаешь... Там живет троюродная сестра моей покойной матушки, и представь только, у нее та же самая болезнь, что и...

— Ладно, хватит болтать,— буркнул Конан, отвязывая мешочек с золотом от пояса.— Разве самому не надоело?

— А как мне могут надоесть мои болезни — это же все, что у меня осталось, после того, как я отдал тебе лошадь за бесценок?..

— Мирдани, иди сюда,— обернулся Конан, но, когда девушка подошла, шемит снова забормотал, ни на миг не желая замолкнуть:

— Так это ты украл из родительского гнезда? Деточка, да как же ты согласилась на такое?

— Так получилось,— пожала плечами Мирдани и, теребя уголок капюшона, которым по привычке попыталась закрыть лицо от неизвестного мужчины, смущенно добавила: — Меня и не спросили...

— Бедное дитя! — всплеснул руками шемит.— Скажи, у тебя было богатое приданое?

— Папа говорил, что богатое...

— Хватит болтать! — рыкнул Конан.— Держи свои деньги и ступай своей дорогой. Да советую тебе забыть, что ты нас видел.

— Вы хотите купить кусочек моей памяти? — хитро прищурив глаза и склонив набок голову, воскликнул старец.

— Ах ты... Ладно, вот тебе еще пять империалов и проваливай!

Конан начал вытряхивать из мешочка золотые монеты, но тут Мирдани приглушенно вскрикнул и дернула киммерийца за рукав.

— Факелы! — она указала вверх по улице, где мелькнули несколько красноватых огоньков. В тот же миг до слуха киммерийца донесся топот копыт. Вот сейчас терять время совсем не стоило, и северянин, швырнув на землю мешочек так, что монеты рассыпались золотым дождем по мостовой, сгреб Мирдани в охапку, усадил на кобылу, а затем сам вскочил в седло позади девушки и ударил пятками испачканные подсохшей грязью бока животного. Кобыла рванулась, взяв с места в галоп, с непривычной для нее прытью, и киммериец так и не услышал последнюю фразу старика-шемита, который, нагнувшись, собирая столь неожиданно свалившееся на него состояние одной рукой, а другой потирая согбенную спину:

— И все таки этого молодого человека просто необходимо сводить к лекарю...

Свернув на темную уличку, Конан придержал лошадь, пустив ее шагом — погони пока не было слышно, и не стоило переутомлять изнеженную тварь, бока которой уже порядочно взмокли, и к потекам грязи добавились темные пятна пота. Этот квартал киммерийцу был совершенно не знаком, но теперь Конан сориентировался и видел, что город здесь плавно спускается с холма к гавани.

— Ну, пока, красавчик! Надеюсь, тебе понравилось? — В утренней тишине резко и странно прозвучал грудной женский голос с мягкой хрипотцой. В десяти шагах от Конана открылась дверь на улицу, и на пороге возникли две фигуры: мужская и женская, причем последняя была раза в два шире и на голову выше первой. Мужчина, пошатываясь, беспрестанно оборачиваясь и помахивая рукой, двинулся по мостовой неуверенным зигзагом, а дама, по-хозяйски оглядела улицу, остановила взгляд больших, с поволокой, глаз на всаднике, прищурилась, сделала пару шагов на встречу, наморщила лоб, словно что-то вспоминая. Вдруг лицо женщины неожиданно озарила широкая, радостная улыбка.

— Великая Иштар! Это откуда же к нам такого красавца занесло?

Дородная красавица заняла своим мощным торсом едва ли не пол-улицы, преградив дорогу лошади киммерийца, ткнула кулаки в бока и, насмешливо глядя в лицо Конана, произнесла:

— ...И, конечно же, опять с бабой! Конан, душка, где тебя носило столько лет?!

Глава девятая

С тейна!.. Ты?! И как всегда вовремя! — воскликнул Конан, спрыгивая с лошади. Мирдани скромно молчала, наблюдала.

— Надеюсь, за тобой опять гонятся? — с лукавой улыбкой проворковала Стейна, склонив голову набок.— И, конечно же, тебе опять нужна я? Ах, ты душка!

Стейна ему и вправду требовалась, но немного в другой роли, нежели в старые добрые времена...

— Послушай, детка! — серьезно сказал киммериец.— Сейчас нет времени на долгий разговор. Если поможешь нам исчезнуть ненадолго, то моя благодарность превысит все твои ожидания.

— Да разве я когда тебе отказывала в чем-либо? — мило улыбнулась Стейна и, прищурившись, придирчиво оглядела лошадь и сидящую на ней девушку, которая со спокойной гордостью выдержала ее оценивающий взгляд.

— Так... Клячу — на конюшню, а вы двое идите за мной.

Стейна повернулась к двери, гаркнула на слугу, высунувшего любопытный нос на улицу, и тот поспешил кинуться выполнять приказ хозяйки. Киммериец, сняв Мирдани с седла, быстро прошел за Стейной, успев заметить мелькнувшие неподалеку отблески факелов патруля.

— Где мы? А кто эта женщина? — шепотом спросила Мирдани Конана, но тот ограничился неопределенной отговоркой:

— Я тебе потом объясню... Если раньше сама не поймешь.

Втроем они поднялись по лестнице, устланной ворсистым красным ковром, навеявшим на Мирдани неприятные воспоминания о гареме пятитысячника. А когда Стейна провела неожиданных гостей через большой, богато украшенный зал, стены которого были украшены gobelenами с недвусмысленными сюжетами, дочь Джагула начала потихоньку соображать, что приличной девушке из патриархальной семьи не следовало бы даже появляться здесь. Однако Конан явно чувствовал себя в своей тарелке и бодро вышагивал за Стейной, которая, судя по всему, была владелицей этого заведения.

Внезапно Мирдани вырвала руку из широкой ладони Конана и резко остановилась.

— В чем дело? — недоумленно поднял бровь варвар, обернувшись к ней.— Что-то не так?

— Как ты смел притащить меня в этот дом?!

Стейна тоже остановилась, вежливо отступив на пару шагов, и вперила зеленовато-голубые глаза в лепной потолок, стараясь скрыть ехидную улыбочку. Такие сцены ей приходилось видеть частенько.

— Ну, и что дальше? — спокойно сказал Конан, сложив на груди руки.

— Как что? Как что?! — неистовствовала Мирдани.— Чтобы я — дочь шейха Джагула аль-Баргэми — ступила в этот дом разврата и вместелище похоти?! Да я...

Конан осторожно заткнул ей рот ладонью и приложил палец другой руки к губам.

— Да, дочь шейха Джагула, да,— ласково проговорил он.— Только кричать-то зачем? Ты же сейчас всех перебудишь. А если уж тебе так здесь не по нраву, то мне не составит труда вернуть тебя к Турлей-хану, дворец которого не просто вместелище похоти, а самый ее рассадник. Ну, что?

Мирдани ничего не ответила, окинув киммерийца презрительным взглядом, где благодарности за спасение не было и в помине.

— Долго вы собираетесь стоять здесь? Может быть, все же желаете устроиться в теплой постельке? — пробасила Стейна.— У меня для вас, голубки, найдется отличная комната, где вы и разрешите благополучно свои споры и сможете чуденько поразвлечься.

По лицу Конана невольно поползла улыбка, которая тут же была сметена размашистой оплеухой, а по виду Мирдани можно было предположить, что она вот-вот свалится в обморок при мысли о том, что ей придется оказаться в одной комнате с мужчиной.

Стейна, усмехнувшись, сделала гостеприимный жест рукой и сказала:

— Давайте-ка за мной, дети мои. Ваше счастье, что сейчас утро, и все девочки еще работают — занимают тех... э... гостей, которых могло бы заинтересовать ваше появление. А ну, быстренько!

Мирдани, выглядевшая как оскорбленная до глубины души королева, трагическим жестом запахнула плащ и последовала за киммерийцем и Стейной. Ничего другого ей просто не оставалось делать.

Хозяйка устроила Конана и его строптивую подружку в очаровательной комнатке, приведшей варвара в восторг, а Мирдани — в состояние панического ужаса. Большую часть помещения занимала гигантская кровать, выполненная из красного дерева в виде раскрытой морской раковины, края которой были завешены нежнейшим кисейным шелком, а внутренняя поверхность верхней створки раковины представляла собой зеркало, составленное из нескольких частей, каждая из которых отражала постель розового атласа с разных сторон.

Конан присвистнул, осмотрев это великолепное сооружение.

— Знаете, голубочки, — с гордостью сообщила Стейна, — это одна из лучших моих комнат. Сюда любят приходить очень важные персоны! — Она понизила голос и, заговорщики подмигнув Мирдани, прошептала: — Здесь предавались любовным утехам сам Турлейхан и...

Раздался мягкий стук упавшего тела. Конан и Стейна оглянулись и увидели Мирдани, лежащую без сознания на ковре. Изумленно переглянувшись, они подняли ее и положили на кровать.

— Так кто тут еще был, с пятитысячником? — с бессердечным любопытством поинтересовался Конан.

— Радбуш, кто же еще!

* * *

Конан, утопая в мягкой перине, блаженно вытянулся. Все-таки здорово, что его занесло в этот квартал, к этому дому, к Стейне, в ее жаркие объятия...

— Ну, что, вспомнил меня, душка?.. — сладким голосом проворковала Стейна, томно посасывая длинный чубук, тянувшийся от серебряного кальяна. — Может быть, ты все-таки поведаешь своей кошечке, где тебя носило столько лет?

— Долго рассказывать... — лениво произнес Конан, отрывая сочные черные виноградины от крупной грозди с сизым налетом, лежавшей вместе с другими фруктами на подносе, который служанки поставили прямо на постель.

— Ну, расскажи, котик! — по-детски надув губки, прогу-дела Стейна. — А я тебе расскажу, как дошла до жизни такой.

Она откинулась на подушки, разметав темно-каштановые волосы и счастливо вздохнула. Да, Конан был настоящим мужчиной...

Продолжая неторопливо поглощать фрукты, запивая их терпким мускатным вином, киммериец коротко рассказал о своих приключениях за те несколько лет, что отделяли его от последней встречи с некогда стройной Стейной, которая в те времена была лишь очаровательной гурией в одном из домов наслаждений Аграпура. Когда-то Конан питал к ней определенные чувства, и даже теперь, когда подруга молодости располнела (пусть и не утратив остальных качеств), он продолжал относиться к ней с былой нежностью.

— Ну, а что ты делаешь в Султанапуре сейчас? И, кстати, где ты откопал эту вздорную дикарку?

Конан нехотя раскрыл причину своего появления в городе и, зная, что Стейна скорее язык себе откусит, нежели разболтает хоть что-то, могущее повредить варвару, подробно рассказал о всех событиях минувшей ночи и вызвал у хозяйки здоровый хохот, красочно описав плавающего в бассейне придворного мага.

— Да, мой мальчик,— сказала Стейна, отсмеявшись.— Влипли вы... Девицу-то спрятать — труды невелики, а вот что с тобой делать? Не будешь же ты сидеть взаперти, пока не уляжется переполох? Просто счастье, что Иштар привела тебя к моему порогу, как раз когда я вышла наружу проводить этого сластолюбивого кофийского посланника, у которого не жена, а демон, причем сотворенный из льда!

— Ну, о тебе-то такого не скажешь! — довольно протянул Конан, и обняв Стейну за пухлые плечи, поцеловал в губы.— Так что ты мне посоветуешь?

— Что посоветую? — томно выдохнула Стейна.— Не забивать свою голову всякой ерундой, а поручи мне устроить все дела. А сейчас, зайчик, давай займемся чем-нибудь более приятным, чем все эти разговоры и воспоминания.

В этот момент в дверь постучали, и Конан, пробормотав про себя проклятие, крикнул:

— Ну, кто там еще?!

— Госпожу просят спуститься. К нам стучатся воины городской стражи! — прошелестел за дверью нежный женский голосок. Стейна, решительно отодвинув от себя киммерийца, ругнулась так, что у него глаза на лоб полезли, накинула халат и уже от двери прошипела Конану:

— Сиди смирно, птенчик! Если я сказала, что все устрою, значит, так тому и быть — мое имя кое-что значит в этом городе! И не вздумай устроить тут побоище! Ковры у меня слишком дорогие, чтобы маразм их кровью...

Она послала ему воздушный поцелуй и упорхнула за дверь с легкостью, какой могла бы позавидовать шестнадцатилетняя девушка.

Конан на всякий случай оделся в свое старое платье (форму стражника сожгли по приказу Стейны еще под утро) и положил в пределах досягаемости меч, слегка выдвинув его из ножен. Достаточно толстые стены не позволяли ему расслышать, что происходит внизу, но, отыскав небольшую отдушину, выводящую на улицу, он склонился к ней и услышал низкий, мяукающий голосок Стейны, беседовавшей со стражниками тоном любящей, но строгой матери.

— Мальчики, что же вы беспокоите нас в такую рань? Мы с девочками только глаза сомкнуть успели! — напирала Стейна, не давая стражникам и слова вставить.— Зачем вам беспокоить честную женщину, которая с таким трудом зарабатывает себе на хлеб, в тот самый час, когда она, умирая от усталости, собирается хоть немного отдохнуть от праведных трудов?

«Вот уж у кого язык подведен!» — восхитился Конан,приникая поближе к отдушине и стараясь не пропустить ни одного слова хозяйки.

— Мы... — попытался заикнуться один из туранцев, но был остановлен очередной бурной отповедью, в которой Стейна сетовала на свою несчастную судьбу, жизнь, полную всяческих лишений, и бедность, граничащую с нищетой. И все потому, что «все вы, сластолюбивые самцы, норовите урвать побольше и подешевле, а то и даром, ничуть не думая о том, что бедные женщины вынуждены трудиться из последних сил, чтобы не умереть с голodom!..»

Случайно бросив взгляд на туалетный столик Стейны, на котором в беспорядке громоздились жемчужные ожерелья, бриллиантовые кольца и колье, золотые серьги, украшенные драгоценными камнями браслеты и прочая дорогая мишуря, Конан, присев на корточки и нагнув голову, с трудом сдерживая смех.

«Да, в этой комнате и вправду можно умереть с голоду. Кроме безделушек и фруктов есть здесь попросту нечего, — подумал киммериец.— За что люблю Стейну, так это за прямоту и честность. Чудная женщина!»

— Прости, госпожа,— сумел, наконец, прервать прочувствованный монолог хозяйки заведения старший стражник.— Мы ищем опасного преступника, а последний раз его видели неподалеку отсюда...

Некоторое время царило напряженное молчание, слышалось только тяжелое дыхание Стейны, которая явно набиралась сил для новой убийственной тирады, и, наконец, гроза разразилась, да такая, что Конан изо всех сил зажал рот руками, опасаясь выдать свое присутствие непозволительно громким в такой ранний час хохотом.

— Так! Хорошо! Вы смеете думать, что я — Стейна! — ...это слово она выкрикнула так, словно это было имя почитаемой богини,— что я стану впускать в эти стены, коими не пренебрегает даже наш солнцеликий эмир и его достойные вельможи, каких-то уличных проходимцев, за которыми гоняются все стражники Султанапура? Многие из вас, между прочим, убегают отсюда, позабыв свои драные штаны и сабли, даже не заплатив моим девочкам за их труд! И это вместо того, чтобы ловить настоящих преступников, нарушающий покой честных горожан!

Далее последовала длительная и запутанная история о том, как одну из «девочек», работающих у Стейны, ограбили ночью, изнасиловали, избили и пригрозили еще, что если она будет жаловаться — умрет страшной смертью! И, несмотря на это, она рассказала все хозяюшке, потому что знала: единственный человек в городе, кто сможет защитить неправедно обиженнего — это «бедная пожилая женщина, вынужденная быть храброй в мире подлецов и убийц, пока доблестные туранские воины, призванные охранять мир и тишину на улицах этого города, предаются порокам пьянства и сластолюбия, вместо того чтобы с оружием в руках оберегать...»

Конан, уже лежавший на полу, откатился от слухового отверстия и, уткнув побагровевшее лицо в подушку, задыхался от сжимавших горло приступов смеха. Сил слушать дальше этот разговор у него не осталось...

Через некоторое время дверь в комнату распахнулась, и на пороге показалась Стейна с видом полководца, выиграв-

шего решающую битву, обеспечив себе блестящую победу в войне.

Киммериец, оттерев с лица слезы, взорвался на свою подругу.

— Ты плакал, милый? — участливо поинтересовалась Стейна, чем вызвала еще один взрыв неудержимого хохота у Конана.

— Хватит... Хватит! Остановись! — простонал варвар, держась обеими руками за живот.— Да я в жизни столько не смеялся!

— М-да? — недоуменно произнесла Стейна.— А вот я не вижу в этом ничего смешного! Мало того, что ты перебил всю охрану пятитысячника, избил эмира, оскорбил почтенного Радбуша, который из-за тебя разрушил чуть ли не полгорода, так ты, негодяй, еще и ограбил старика, отняв у него последнюю лошадь!

— Да я дал этому сквалиге в десять раз больше, чем эта коняга могла стоить! — Конан задохнулся от возмущения.

— Этот сквалига, между прочим,— хозяин дома, где мы сейчас с тобой находимся. И стражникам он рассказал совсем другую историю.

— То есть? — не понял киммериец.

— Ты совершенно непочтительно отнесся к нему, к его сединам и высокому положению в городе, угрожал, издевался над больным человеком, отобрал лошадь, заставив идти пешком...

Тут Стейна, живо представив себе все это, не выдержала сама и опустилась на ковер, а плечи ее мелко затряслись от смеха. Наконец, она взглянула на Конана и с трудом произнесла:

— Знаешь, красавчик, при каждом твоем появлении спокойная жизнь прекращается и становится очень весело...

Стейна поднялась, сбросила явно тяготивший ее халат, и нырнула под одеяло. Конан последовал ее примеру.

— Может быть, ты просто объяснишь мне, что хотели эти туранские недомерки? — спросил он.— Я был со-

вершенно не в состоянии дослушать ваш разговор до конца.

Стейна, томно вздохнув, начала рассказывать. Конан узнал, что переполох в дворце пятитысячника перекинулся на большую часть Верхнего города, а после того, как огненный шар, сотворенный Радбушем, угодил в одну из казарм гвардии Турлей-хана, во всем Султанапуре, пожалуй, не осталось ни одного спящего воина — солдаты, выскочив в чём мать родила из загоревшегося здания, столкнулись на улице с поднятыми на ноги офицерами, которые, сами ничего не зная, кроме того, что какой-то негодяй едва не сровнял с землей дворец Турлей-хана, немедленно погнали подчиненных в облаву, которая затронула практически весь город. Султанапур наполнился слухами, и к утру полтора десятка подвернувшихся под руку киммерийцу телохранителей и стражников превратились в несколько сотен погибших. А еще старший офицер патруля сообщил Стейне, что, скорее всего, это был не человек, а демон — ведь на него не подействовало даже заклинание искусного мага. И, кроме того, Стейна с удивлением выяснила, что сам Хааб-берди сейчас якобы находится при смерти, после того, как неизвестный разбойник, одержимый злыми духами и потому неуязвимый, покусился на его драгоценную жизнь...

— Не понимаю, — задумчиво сказала Стейна. — С чего это им приписывать тебе все эти невероятные способности? Может быть, ты за эти годы успел заделаться магом?

— Не думаю... Хотя.... — Конана внезапно осенило, и он, свесившись с постели, нашарил лежавший на полу кинжал, подаренный шейхом Джагулом. Киммериец вспомнил, что когда он его коснулся, убегая вместе с Мирдани из дворца пятитысячника, стальная рукоять была горячей. Варвар недоуменно осмотрел клинок и протянул Стейне со словами:

— Похоже, жизнь мне спасла именно эта штука, — Я же тебе рассказывал, как зуагирский шейх всучил мне эту железяку вместо пяти сотен золотом.

Стейна повертела кинжал в руках, внимательно его изучив, а потом вернула Конану.

— Знаешь, дорогой, я в этом не разбираюсь, но...

Она сделала паузу и наморщила лоб, будто что-то вспоминала. Наконец Стейна хлопнула себя по щеке, воскликнув:

— Слушай, я вспомнила, где видела его раньше! Помнишь человека, которого я провожала, когда ты подъехал к дому?

— Кофийского посланника?

— Точно! Этот парень увлекается всячими магическими штуковинами, и я подозреваю, что он и сам колдует помаленьку.

— И что из этого?

— Да просто твой кинжал — или точно такой же — я видела у кофийца около года назад. Я тогда удивилась, как такой богатый и знатный человек может носить столь простую и дешевую вещь? А потом ножик исчез... Дагарнус в те дни принимал у себя какого-то владыку кочевников, а когда пришел ко мне, рассказал, что кинжал подарил.

«Так, это вполне сходится с рассказом Джагула о происхождении оружия, — подумал Конан. — Великий Кром, объясни мне, какая связь может быть между шейхом зуагиров и кофийцем, находящимся на посольской службе у своего короля?»

— Послушай... — нерешительно начал варвар. — Стейна, как ты думаешь, этот твой кофиец, как его?

— Дагарнус? — уточнила Стейна.

— Вот-вот. Он верный человек? Ты ему доверяешь?

— Вообще-то да, — осторожно сказала женщина. — В своей жизни Дагарнус видит мало тепла, а у меня ему хорошо. Кажется, он даже немножко влюблен в меня... А что ты, собственно говоря, хочешь? А, проказник?

Конан ненадолго задумался, потом взъерошил волосы и уставился на Стейну.

— Видишь ли, моя прелесть, у меня такое ощущение, что я влиз в очень неприятную историю...

— А раньше ты об этом не догадывался? — невинно поинтересовалась Стейна.

— Я о другом,— отмахнулся Конан.— Мне кажется очень странным, что в историю с похищением девицы впутано очень много народу. Сама посуди: не может быть, чтобы джавиды, шейх Джагул, пятитысячник, придворный маг эмира и, наконец, этот самый посланик были бы связаны меж собою по чистой случайности. Я нутром чую: каждый из них, а теперь я и ты, втянуты в очень странную заваруху, цель которой мне неясна. Я уверен — есть некая цель, объединяющая проклятых подземных карликов, султанапурских вельмож, кофийцев и кочевников из пустыни. Только вот что это?

Стейна потянулась, зевнула и, прильнув к Конану, обняла его.

— Не забивай голову всякой ерундой,— проворковала она.— Я считаю, что ты просто устал и тебе все представляется в черном свете...

— Постой! — перебил Конан.— Когда Дагарнус придет сюда снова?

— Сегодня вечером,— пожала плечами Стейна.— Он предпочитает не ночевать дома.

— Ты можешь устроить мне встречу с ним? И потом, можно ли быть уверенным, что кофиец не сдаст меня городской страже?

— Он? — усмехнулась Стейна.— Да он будет счастлив напакостить эмиру и его слугам. Туранцев он считает варварами и дикарями... Хорошо, ты сможешь сегодня поговорить с Дагарнусом. Только я не вижу в этом никакого смысла.

И Стейна, еще крепче обняв киммерийца, закрыла ему рот поцелуем.

* * *

Мирдани спала посреди обширной постели, свернувшись калачиком. Когда Конан, стараясь ступать как можно тише, вошел в комнату, на ее губах играла безмятежная улыбка ребенка, не знающего еще всей жестокости мира. Вдруг девушка резко вскинулась и, тихо вскрикнув, испуганным голосом спросила:

— Кто здесь?

— Это я,— тихо отозвался Конан.— Выспалась?

— А ты все это время не сомкнул глаз, охраняя мой покой?

— Э-э... Почти.

— Когда ты уведешь меня из этого нечистого дома? — вдруг повысив голос почти до крика, требовательно спросила Мирдани.

— В городе сейчас нельзя и шагу ступить, не нарывавшись на патруль. Нам... Тебе придется несколько дней провести здесь, пока я не найду возможности выбраться из Султанапура.

Мирдани некоторое время недовольно молчала, а затем, снова подняв глаза на Конана, усевшегося на одну из низеньких табуреточек, обитую бархатом, спросила:

— Ты мне так и не рассказал, кто эта женщина?

Конан услышал в ее голосе знакомые нотки: почти таким же ревнивым тоном Стейна расспрашивала о Мирдани.

— Она моя старая знакомая из тех, кому я могу доверять.... Надеюсь, вы подружитесь.

— Я? С этой продажной женщиной? Никогда! — возмущенно воскликнула Мирдани.— Уж лучше я подружусь с рабыней, чем...

— Ну и дура,— невозмутимо отозвался Конан,— если бы не Стейна, ты сейчас не в этой постели нежилась, а в другой — искупая свою вину перед эмиром, его приятелями, солдатами и слугами, после чего тебя можно было пристроить сюда же, но не в качестве гостьи, а как новеньющую девочку. Представляю...— Фантазии киммерийца были прерваны звонкой пощечиной. Ошаращеный Конан увидел, как вскипевшая было от гнева Мирдани сперва едва не задохнулась от возмущения, а затем по ее щекам потекли слезы. Упав на кровать, она уткнулась лицом в подушку и тихонько заплакала.

«Кром! Ну зачем я с ней связался? — раздосадованно подумал киммериец.— Я верну ее братцу все золото, и еще заплачу столько же, только пусть заберет эту раз-

мазню обратно! Как обманчива красота, Сет меня подери!»

Наплевав на оскорбленное достоинство дочери шейха и немного пожалев о том, что Стейна предоставила им только одну комнату — отдохнуть от взбалмошной девицы было попросту негде — киммериец устроился на полу возле кровати и, немного поворочавшись, уснул. Позади были утомительная ночь и еще более утомительное утро. Засыпая, Конан с большим удовольствием подумал, как хорошо иметь верных друзей, которые появляются неожиданно, но всегда вовремя. А это, собственно, и есть настоящие друзья.

Когда уже смерклось, его разбудил тихий женский голос. Подняв голову, варвар рассмотрел в полумраке комнаты одну из девушек Стейны.

— Господин, проснись! — раздался ее журчащий голос.— Тебя зовет хозяйка. Просит немедленно прийти к ней. Я провожу...

Глава десятая

Конан окончательно проснулся. Если Стейна зовет так рано (по мнению киммерийца, сейчас было время заката), значит, она хочет сказать что-то важное. Уловив мрачный взгляд Мирдани, он только пожал плечами, посоветовал ей сидеть в комнате, никуда не выходить и вообще вести себятише мыши.

— А когда ты придешь? — капризным голосом спросила Мирдани. Конан выругался про себя.

«Великие боги, она начинает считать меня своей собственностью! Когда приду... Да может, и никогда!»

Варвар молча развернулся и вышел вслед за девушкой в коридор, не забыв, однако, прихватить с собой оружие — пускай в этом доме ему бояться нечего, но... Всякое может случиться. А так, если встретится кто из посетителей, то в полумраке, может быть, примут за вышибалу...

Стейна сидела у себя. Когда Конан неслышно вошел в ее комнату, хозяйка «Врат СтаУдовольствий» (так, оказывается, называлось это заведение) занималась столь же приятным, сколь и необходимым делом: сосредоточенно пересчитывала выручку за прошедшую ночь, и, надо сказать, немаленькую.

— Явился! — сказала она, мельком глянув на Конана.— Вино на столике, угощайся. Я сейчас закончу.

— Нищая пожилая женщина пересчитывает последние медяки? — поддел ее киммериец.— Я надеюсь, что на кусок черствого хлеба и кувшин затхлой воды тебе хватит?

— Наверное, даже и на два,— парировала Стейна.— И не смей называть меня пожилой — я старше тебя всего лет на семь или восемь! Наконец-то все девочки сдали деньги и, сам понимаешь, мне надо привести дела в порядок. Девочки оставляют себе треть, еще третья идет на оплату найма дома, на продукты и вино...

— А еще последняя третья? — поинтересовался Конан.— Тебе, конечно же?

— Я хочу обеспечить свою старость,— вздохнула Стейна.— Впрочем, речь сейчас не о том. Пока ты отсыпался в компании своей бешеной зуагирки, я ездила в город по делам...

— И что? Тебя обсчитали на базаре, нищая ты моя? Намного?

— Избавь меня от своих дурацких шуточек! — сдвинула брови Стейна.— Если бы не наша старая дружба, и не будь ты Конаном из Киммерии, то первое, что я сделала бы — натравила на тебя всю стражу города. Сегодня на площади перед дворцом эмира был объявлен указ солнцеликого. За твою голову дают пять тысяч золотом!

— Так мало? — разочарованно протянул Конан.— Иногда давали и больше! Ну, а дальше что?

Стейна сгребла монеты со стола, пересыпала в небольшой стальной сундучок и немедленно заперла его, а малюсенький ключик спрятала у себя на груди. Конан подумал, возникни у кого желание найти ключ — искать придется очень долго.

— Дальше? — сказала Стейна, с притворной строгостью посмотрев на варвара.— Я не понимаю, как один человек может устроить такой невероятный переполох! Будет просто счастьем, если ты сможешь покинуть Султанапур через три дюжины дней. Раньше шум не уляжется. Твоего имени пока никто не знает, но приметы известны всем и каждому, а особенно военным и городской страже. Из города никто не выпускается без обыска и осмотра, в порту целый гарнизон разместился, а в Нижнем городе обыскиваются все постоянные дворы и...

— ... заведения вроде моего. Пятитысячник уверен, что ты прячешься где-то там.

— Ну и чудесно,— улыбнулся Конан.— В таком случае, я уверен, что никто не помешает нам провести вместе несколько незабываемых дней.

— Тебе бы все шутить! — нахмурилась Стейна.— Турлей-хан и эмир настолько злы, что не успокоятся, пока не перевернут весь город. И потом, не забудь, что тебя последний раз видели недалеко от моего дома. Обыски могут перекинутся и на Верхний город... Кстати, головы уже полетели — начальник стражи пятитысячника был казнен сегодня утром.

— Аль-Ахар? — переспросил Конан.— Ну и поделом ему. Если б он не пил столько вина и не разбалтывал первым встречным секреты своей службы, то прожил бы еще довольно долго. Что-то от всех начальников стражи, которых я встречаю в последнее время, счастье отворачивается...

Стейна плеснула себе вина из кувшина и, одним глотком опорожнив кубок, возврата на беззаботно улыбавшегося северянина. Наконец она произнесла:

— Я хотела тебя предупредить — сегодня вечером к нам приедет Радбуш. Он послал мне с нарочным записку — хочет повеселиться и отдохнуть в моем обществе. Очень прошу тебя, дорогуша — после полуночи даже не высовывайся.

— Я постараюсь,— кивнул головой Конан.— А ты уверена, что позвала меня лишь для того, чтобы сообщить эту потрясающую новость?

Он встал и, подойдя к Стейне, заключил ее в объятия. Едва их тела соприкоснулись, и киммериец ощутил жар губ своей спасительницы, как все его надежды рухнули. Стук в дверь раздался, как всегда, не вовремя.

— О, Великий Кром! — простонал Конан.— В конце концов, где я нахожусь — в доме утег или во дворце вонючего ханжи-министра, который не может отдохнуть от бесчисленных просителей? Стейна, я тебя умоляю, выгони их всех!

— Я на работе,— саркастически усмехнулась хозяйка.— И не могу тратить время на...

Стук раздался снова, и дверь чуть приоткрылась. За ней показалось лицо девушки, которая привела сюда Конана. Наверно, эта красавица — одна из наиболее приближенных к хозяйке. Стейна ей явно доверяла.

— Госпожа, пришел почтенный Дагарнус,— тихо сказала девица, ничуть не обращая внимания на Конана, словно его тут и не было.— Прикажете проводить его к вам?

— Зови,— кивнула хозяйка и повернулась к Конану.— Ты, кажется, хотел поговорить с ним? Вот случай и представился. Только потом изволь убраться прочь. Господином посланником занимаюсь я лично.

— Да пожалуйста,— киммериец и ухмыльнулся.— Работа есть работа, ведь верно?

— Ага,— подтвердила Стейна.— И, между прочим, я Дагарнусу вместо матери, сестры и жены, да достанется благоверная самому Нергалу на том свете!

Ожидать пришлось недолго. Не успел Конан снова наполнить чашу вином, как раздалось деликатное постукивание, дверь тихо приоткрылась и чуть хрипловатый голос произнес:

— Стейна, дорогая, можно к тебе?

Киммериец, наклонив голову набок, рассматривал вошедшего так, что посланник покраснел, от гнева или от смущения. Ростом кофиец был невысок и широк в плечах, а небольшое брюшко и сеть морщин у глаз выдавали возраст — Конан решил, что Дагарнусу не меньше пятидесяти лет. Одежда темных тонов, пусть дорогая и искусно пошитая, еще больше усиливала впечатление, что посол далеко не молод, и жизнь провел отнюдь не легкую. У пояса висел тонкий, длинный меч — обычное оружие кофийских нобилей — и киммериец предположил, что хозяин наверняка недурно обучен с ним обращаться.

— Входи, входи,— Стейна расплылась в улыбке и указала Дагарнусу рукой на кресло, приглашая.— Извини, пожалуйста, за то, что я не одна. Я хочу тебя позна-

комить с моим старинным другом, Конаном из Киммерии.

— Из Киммерии? — подозрительно спросил Дагарнус, не представляя, как надо вести себя в обществе дикаря-варвара. Но тут Конан встал и вежливо кивнул головой.

— Я покинул родину много лет назад,— сказал он кофийцу, улыбаясь,— и за это время научился разговаривать с приличными людьми. Не стоит думать, будто все выходцы из Киммерии одеты в звериные шкуры и не могут связать двух слов...

— Что вы, я вовсе так не думаю,— слегка смущившись, сказал Дагарнус, оглядывая северянина.— Просто я не ожидал застать у Стейны еще кого-либо...

Посланник повернулся к хозяйке, которая уже встала и намеревалась выйти из комнаты, памятая, что Конан хотел поговорить с кофийцем один на один.

— Стейна, мне подождать? Или ты пришлешь ко мне эту пышную красавицу Сайю?

— Нет, нет,— отозвалась хозяйка.— Я уйду совсем ненадолго — надо бы проверить, как управляются на кухне. А вы пока поговорите...

Стейна исчезла, как всегда, с легкостью бабочки.

— И давно вы с ней... м-м... знакомы? — обратился к Конану Дагарнус и в голосе его звучала если не ревность, то обида. Киммериец, решив, что совсем не следует разочаровывать месьора Дагарнуса в его утешительнице (и почти возлюбленной!), примирительно поднял руки со словами:

— Мы знаем друг друга уже лет десять, и, смею заверить, мы только друзья и... ну почти ничего больше. Я попросил Стейну, чтобы она позволила нам поболтать немного наедине — хотел задать теке пару вопросов.

Кофиец еще раз смерил Конана оценивающим взглядом, в котором сквозили холодок и недоверие, и прощедил сквозь зубы:

— И что же ты желаешь у меня узнать? Предупреждаю, я нахожусь на посольской службе короля Страбонуса и не должен...

— Меня не интересуют придворные тайны,— поморщился Конан.— Вот, взгляни лучше на эту вещицу.

Киммериец снял с пояса кинжал шейха Джагула и протянул Дагарнусу. Тот даже рот открыл от изумления, принял клинок в руки как величайшую драгоценность, а потом поднял глаза на варвара.

— Откуда это у тебя?

— Это подарок шейха Джагула аль-Баргами, умершего несколько дней назад.

— Умершего? — Пораженно переспросил Дагарнус.— Как?

— Доблестный шейх умер от удара при известии, что его дочь похитили джавиды.

— Джави... — Посланник временно потерял дар речи, когда услышал о вислоухих карликах, а потом неожиданно спросил: — Это шейх Джагул послал тебя ко мне?

И тут Конан решил рискнуть. В любом случае, он ничего не терял, а приобрести мог многое. По крайней мере, ухватить кончик нити, потянув за который, можно было бы распутать странный клубок из сплетенных воедино джавидов, пятитысячника, шейха зуагиров и прочих рабахов.

— Да,— кивнул киммериец.— Меня послал Джагул, сказав, что от тебя я получу дальнейшие распоряжения.

— Шейх нашел его? — быстро спросил Дагарнус, глянув в синие глаза Конана, но тот не смущился и, продолжая блефовать, развел руками, не издав ни звука.

— Так, значит, Джагул даже не смог вступить в переговоры с джавидами? — продолжал спрашивать кофиец.— И, конечно же, местонахождение кувшина так и не выяснено?

«Кувшина? — осенило Конана.— Так значит, и тебе нужен стигийский кувшинчик? Не в этой ли вещице первоначала всех событий, а? Как же я мог в этой суматохе позабыть о сосуде белого золота, ради которой джавиды напали на дворец шейха? Ну а ты, бесценный Дагарнус, сейчас у меня попляшешь!..»

— Ты говоришь о кувшине, сделанном из переплетенных нитей белого золота? — спросил Конан, желая под-

тврдить свои подозрения.— Почтенный шейх Джагул, да упокоится его душа на Серых Равнинах, полностью доверял мне и сказал перед смертью, что я могу открыться тебе.

— Да, да, я говорю именно о нем! — нетерпеливо подтвердил Дагарнус.— Если Джагул доверял тебе, ты должен знать, что этот кинжал был подарен мною шейху, дабы он мог оброниться от темной магии подземных карликов...

Мало-помалу, осторожно задавая наводящие вопросы, Конан вызнал почти все, что хотел, но легче от этого ему не стало. Киммериец понял, что предчувствия его не обманули, и он, можно сказать, обеими ногами вляпался в историю, затрагивающую интересы многих, причем судьба Мирдани особой роли, как выяснилось, в ней не играла.

Поначалу Дагарнус мялся, явно не желая рассказывать северянину все и не до конца доверяя ему, но когда Конан сказал, что знает настояще местонахождение кувшина, и потребовал прояснить все детали этого дела, кофиийский посланник выложил варвару все или почти все — киммериец видел, как запрыгали огоньки в глазах Дагарнуса при словах о том, что кувшин довольно скоро может оказаться в его руках.

— Послушай, приятель, — прищурив глаза, кофиец метнул острый взгляд на Конана.— А ты случайно не тот человек, которого сейчас разыскивает весь Султанапур?

— Случайно тот, — подтвердил Конан и дальше начал врать напропалую.— Минувшей ночью я пытался выкрасть кувшин у его нынешнего владельца и заодно освободил дочь Джагула, похищенную джавидами. Шейх Джагул заплатил мне за это и сказал, что вторую половину денег я смогу получить от тебя. Но о золоте потом. Сейчас — рассказывай, или я попросту откажусь работать.

История, поведанная Дагарнусом, была очень странной. По его словам, маг из Алой Цитадели, Тсота-Ланти — при упоминании имени мага из Кофа Конан поморщился, будучи наслышан о нем с далеко не лучшей стороны — посо-

ветовал его величеству, королю Страбонусу найти некую драгоценную вещь, с которой связана старинная и мрачная тайна народа джавидов. Посланник, используя самые вычурные выражения, поведал о том, что королевству Коф прямо-таки не дают жить злонравные соседи, вроде Шема и Аквилонии, только и мечтающие оттяпать у Страбонуса кусок территории. Ну и конечно же, королю совершенно необходимо иметь хоть какую-то защиту от наглых притязаний пограничных держав. Сосуд же может помочь великому магу Тсота-Ланти и королю обронить границы своего государства.

«Ну-ну,— подумал Конан.— Какая трогательная и печальная история! Несчастный Страбонус, которого обожают все, кому не лень, и, конечно же, его прихвостень-маг — этот спит и видит, как защитить своего несчастного монарха от гнусных посягательств... Так я ему и поверили! Если в кувшинчике находится нечто, способное принести пользу Тсота-Ланти, то тогда сосуд следует попросту выкинуть в море, откуда достать его будет трудновато даже ему. Не иначе, как этот подлец Страбонус замыслил задать соседям жару с помощью темной магии Сета. Посмотрим, что Дагарнус мне еще напоет!..»

Несколько лет подряд Дагарнус пытался найти подземных карликов, пока не выяснил, что часть малого народца обитает в старых подземельях раваха под оазисом Баргэми. Сделав все для того, чтобы подружиться с шейхом Джагулом, посланник кофийского мага сумел убедить старика, что тому следует попытаться отыскать джавидов и, послав им несметные богатства, выкупить кувшин. Кинжал был подарен Джагулу в надежде, что его сила защитит и шейха, и оазис, если карлики вздумают сделать что-либо дурное.

«Так, так,— думал Конан.— Из всего сказанного следует, что кувшин, сам по себе стоящий кучу денег, совершенно необходим этой твари Страбонусу, по которому, в случае его смерти, никто не будет плакать. Также он нужен джавидам — видимо, это древнее сокровище их народа — а на самом деле, кувшинчик находится в сокровищнице прыща-

вого пятитысячника, который, как я полагаю, и не подозревает, что вокруг вещицы, хранящейся в его казне, началась такая свистопляска.»

— А для чего Тсота-Ланти кувшин джавидов? — прямо спросил Конан.— Он что, может защитить кофийский трон от неведомого врага, способного погубить и мага, и Страбонуса? Что же в этом кувшине такого?

— Не знаю,— помотал головой Дагарнус.— Какое-то колдовство. Оно сделает кофийского монарха непобедимым. Но, впрочем, это не важно. Когда ты сможешь достать кувшин и у кого он сейчас? Видимо, у самого Турлей-хана, во дворце которого ты учинил такой погром?

— Может, и у него,— уклончиво ответил Конан.— Узнаешь, как только я получу свои деньги. Джагул нанимал меня, приказав узнать, где хранится вещь, а уж выкрасть ее... За это положена отдельная плата.

— Получишь, сколько попросишь! — скривился посланник.— Куда доставить деньги?

— Пять тысяч туранских империалов,— невозмутимо ответствовал киммериец.— Они должны быть у Стейны как можно быстрее.

— Хорошо,— кивнул Дагарнус, и по виду посланника Конан с огорчением понял, что он мог заплатить и пятьдесят тысяч, деньги для него не проблема.— А теперь скажи, сколько ты попросишь, за то чтобы выкрасть сосуд? Только пожалуйста, в пределах разумного.

— Ну...— Конан тряхнул головой.— Еще десять тысяч сверху.

— Идет,— мигом согласился кофиец, и киммериец опять подумал, что продешевил.— Когда?

— Как только уляжется паника в городе,— сказал варвар.— Сейчас мне на улицах, сам понимаешь, появляться опасно. Дней через десять-пятнадцать я смогу взяться за это.

— Договорились,— коротко сказал Дагарнус, и Конан заметил на его лице облегчение, словно с посланника свалился тяжкий груз.— Сейчас я пойду домой и немедленно распоряжусь, чтобы первые пять тысяч доставили

сюда. Еще десять получишь, только когда кувшин будет заперт в моем личном сундуке с королевской тайной почтой.

«Ну и ну,— изумлялся про себя Конан, наблюдая, как Дагарнус проворно исчезает за дверью.— Это что же должно быть в кувшине, чтобы посланник Кофа, не моргнув глазом, отвалил за него пятнадцать тысяч золотом? Невероятно!»

— Поговорили? — отвлек его от мыслей голосок незаметно вошедшей Стейны.— Никогда не видела, чтобы Дагарнус покидал мой дом с такой быстротой! Он что, принесет все деньги сюда?

— Откуда ты...— Конан изумленно воззрился на хозяйку, но она лишь сделала неопределенный жест рукой.

— Подслушивала.

* * *

Конан пересчитывал груду денег, принесенную двумя слугами Дагарнуса, а Стейна, жадно пожиравшая золото глазами, едва ли не пускала слюни от вожделения.

— И что ты собираешься делать с такой...— Стейна не смогла закончить фразу, так как задыхалась от волнения.

— Пока что оставлю тебе... на сохранение,— Конан закончил пересыпать монеты в один большой мешок из грубой кожи.— Если тебе будет не хватать на хлеб, можешь взять отсюда немножко, но не больше, скажем... сотен пяти.

— Ты один из самых щедрых моих друзей! — хихикнула Стейна.

— А кто самый щедрый? — поинтересовался киммериец, и ответ нежданно пришел сам собой.

Послышался приглушенный стук копыт, и с улицы донеслись неразборчивые голоса людей. Конан подумал о том, что строители дома очень правильно сделали, проведя в стенах множество слуховых отдушин — Стейна в своей комнате могла слышать все, что происходило в заведении и на улице у входа. А сейчас, надо полагать, пожаловал важный гость. Так и оказалось.

— Быстро исчезни! — приказала Стейна, догадавшись, кто именно прибыл.— Это Радбуш и его телохранители. Хвала Иштар, что своих громил он оставляет караулить вход. Иди к зуагирке и не смей даже носа высунуть! Радбуш человек хороший, но он еще более хороший маг, и если встретит здесь обидчика, искупавшего его в фонтане, то от моих «Врат Студовольствий» может и камня на камне не остаться.

Конан, четко запомнивший, как пройти к комнате, где находилась Мирдани, выскользнул из кабинета хозяйки, а та, мигом оказавшись возле зеркала, раскрыла шкатулку с благовониями и красками для лица и со сноровистостью опытной гурии принялась приводить себя в порядок.

Мирдани встретила Конана колючим взглядом исподлобья и обиженно спросила:

— Ну что, тебе было хорошо с этой жирной шлюхой?

— Я думаю, лучше, чем тебе с Турлей-ханом,— огрызнулся киммериец, бесцеремонно заваливаясь на кровать рядом с Мирдани, которая шарахнулась от него, как от ядовитой змеи, и, забившись в угол, прошипела:

— Только пальцем меня тронь, дикарь!

Конан угрюмо посмотрел на нее, оскалил свои ровные белые зубы, прорычав:

— Я тощих не ем!

Равнодушно отвернувшись, он накрылся с головой одеялом и сделал вид, будто хочет заснуть. Мирдани, еще немнога посидев в уголке, наконец, успокоилась, осмелела, с опаской поглядывая на Конана и, видя, что тот не пытается даже пошевелиться, стала осторожно ходить по комнате, скрестив руки на груди. Так прошло довольно много, по мнению киммерийца, времени, и он начал проваливаться в сон.

Конан уже преодолел тонкую грань между сном и явью, но не успел еще крепко заснуть, как в комнату вломилась разъяренная Стейна и тряхнула его за плечо. Варвар мигом вскочил, озираясь, но, увидев Стейну, расплылся в улыбке, не обращая внимания на Мирдани, опалявшую ненавидящим взглядом хозяйку «Врат».

— Что, уже? Так быстро? — поинтересовался Конан.—
А я думал, что Радбуш — сильный мужчина...

— Заткнись, животное! — рявкнула Стейна.— Этот колдун что-то пронюхал. Видел бы ты его!..

Стейна перевела дух и рассказала следующее. Как только Радбуш вошел в ее комнату, он стал как-то странно крутить головой, точно охотничья собака, почувствовавшая запах зверя. Потом, очевидно, решив, что померещилось или будучи не в силах распознать нечто, насторожившее его, он сел рядом со Стейной, обнял, стал говорить ласковые слова. Все шло как обычно, только Радбуш был словно слегка пьян — путался, замолкал иногда, уставившись в стену, будто тщась поймать неясную мысль, отвечал невпопад... И вдруг с криком: «Вот оно что!» вскочил и, напрочь забыв про Стейну, почти бегом покинул комнату. Стейна побежала за ним, но Радбуш уже успел выскочить на улицу, почему-то оставив часть телохранителей у входа, которые не выпустили Стейну, несмотря на ее увещевания и проклятия.

— Он что-то почуял, но только что? — недоумевала Стейна.

— А Сет его знает, мага проклятого! Надо, пожалуй, приготовиться к драке. Мирдани, подойди сюда! Да не бойся ты, дуреха!

Девушка подошла к нему, глядя исподлобья, точно дикий зверек — настороженно и опасливо. Конан отстегнул от пояса ножны с магическим кинжалом и протянул его Мирдани.

— Держи. Это тебе на всякий случай. Стейна, переодень ее, как свою девочку, так будет безопаснее.

Мирдани замахала руками, не в силах даже слова сказать от негодования, но Стейна молча открыла небольшой сундучок, стоявший у стены, покопавшись в нем, вынула яркие шальвары и коротенькую рубашку, едва доходившую до пупка, и сунула все это дочери шейха.

— Переодевайся!

— Не буду! — Мирдани топнула ногой и попыталась вырвать из рук Стейны ненавистное одеяние, но тут хозяй-

ка отвесила ей такую пощечину, от которой девушка повалилась навзничь и неожиданно расплакалась.

— Не реви и одевайся,— приказала Стейна, но уже немного мягче — в женском сердце затеплилась жалость к запуганной, измученной страхом и лишениями девушке.

Дверь без стука распахнулась, и бледная служанка дрожащим голосом доложила:

— К нам ворвались гвардейцы! Они все переворачивают, обыскивают каждую комнату, выволакивают посетителей в коридор!.. Ужас, что творится!

— Стейна, сделай так, чтобы Мирдани исчезла! — сказал Конан, и хозяйка, рывком подняв девушку на ноги, увлекла ее за собой из комнаты.

— Удачи тебе! — шепнула она напоследок, а Мирдани только виновато посмотрела на варвара.

Шум в доме нарастал. Слышался женский визг, возмущенные голоса посетителей, короткие приказы десятников, треск ломаемой мебели и звон битого стекла.

— Ну, что, будем прорываться! — сказал сам себе Конан и обнажил меч. Выскочив в коридор, он увидел в противоположном его конце нескольких военных в форме имперской гвардии, которые его тут же заметили и с криками кинулись к северянину.

— Сюда, ребята! Я тут! — крикнул Конан, добавив к этим словам несколько крепких киммерийских фраз, касавшихся мужских достоинств и происхождения нападавших.

Громко лязнули клинки, и Конан, легко парировав несколько направленных ему в грудь и голову ударов, схватил одного воина за шиворот и, используя его в качестве щита, начал продвигаться вперед в большой зал, который следовал сразу за входом в дом. Это ему удалось, а труп гвардейца, убитого своими же товарищами, пришлоось швырнуть под ноги очередным желающим получить пять тысяч золотых.

В зале было столько военных и городских стражников, что Конан понял — настолько легко, как из дворца Турлей-

хана, из «Врат Студольствий» ему выбраться не удалось.

— Ну, кто тут самый жадный?! — отчаянно заорал киммериец и, вскинув клинок, начал со свистом вращать его над головой.

— Взять его! Живым! — крикнул кто-то из десятников.

— Или мертвым! — подхватил еще один офицер, у которого жажда золота пересилила осторожность, и он, обнаружив саблю, со зверским оскалом кинулся на Конана, за что немедля поплатился: сабля с отрубленной кистью отлетела в угол, а туранец завыл от жуткой боли и упал, зажимая левой рукой обрубок, из которого хлестала ярко-алая струя крови.

«Ну, вот, ковры Стейне я все-таки испачкал,— огорченно подумал Конан, одновременно отбивая обрушившиеся на него со всех сторон удары.— Надеюсь, она купит себе новые за деньги, которые получены от Дагарнуса...»

Вокруг него валялось уже с десяток трупов, как вдруг раздался громкий и отчетливый приказ, пришедший из-за спин осаждавших киммерийца гвардейцев. Голос показался Конану знакомым.

— Всем стоять и не двигаться! Назад, я сказал! Дайте мне пройти!

Конан увидел, как не успевших вовремя расступиться гвардейцев расталкивает в разные стороны какая-то невидимая сила, исходящая от темной фигуры Радбуша, идущего в центре бешено вращающегося вокруг него вихря холодно голубоватого пламени.

— Надеюсь, ты не простудился после купания? — невозмутимо осведомился Конан. Радбуш молча приближался и, остановившись в нескольких шагах, произнес глухим твердым голосом:

— Не прошло и суток, друг любезный, а я тебя уже нашел!

Резким движением ладони Радбуш разрубил огненный вихрь и, оттолкнув его, направил на Конана. Светящийся кокон развернулся, точно полотнище, и, достигнув Конана, свернулся, плотно заключив в себе киммерийца. Конан по-

пытался поднять меч, желая хоть как-то отразить удар мага, но почувствовал, что рука перестала слушаться его, сама собой плотно прижалась к телу, а меч, выскользнув из ладони, со стуком упал на пол. Северянин не мог даже пошевелиться, однако видел, слышал и понимал происходящее по-прежнему.

«Вот теперь-то я точно влим,— признался себе Конан.— Да так, что не придумаю, как выпутаться...»

— А знаешь, что тебя выдало? — прозвучал насмешливый голос Радбуша.— Та самая магическая игрушка, которую ты таскал с собой. Кстати, не подскажешь ли, где она? Мне было бы любопытно взглянуть на вещь, которая смогла противостоять моей магии прошлой ночью... Впрочем, я могу найти ее и сам...

Глава одиннадцатая

Эй, ты! Долго будешь в потолок смотреть? Запомни, у меня с тобой разговор короткий будет — получишь двадцать плетей и останешься без вечерней похлебки. — Голос старшего надсмотрщика Мораддина звучал, как всегда, спокойно и глухо, но это делало угрозу более весомой, нежели грубые окрики его подчиненных, сопровождаемые пинками и зуботычинами.

— Я устал и хочу пить, — угрюмо сказал Конан, но, перехватив колючий взгляд серо-стальных глаз, почувствовал себя несколько неуютно — как будто холодок пронесся внутри. Страха перед Мораддином Конан не испытывал, но на память невольно пришли боязливые разговоры узников между собой по ночам, когда их всех сгоняли в большую, пропахшую потом и нечистотами пещеру.

Конан знал, что сам Мораддин никогда не ударил ни одного узника, никто не видел его в ярости или кричащим, но боялись его на медных рудниках Кезакии все. Внешний вид начальника стражи, казалось, не должен был внушать никакого страха или почтения — роста ниже среднего, коренастый, с округлым бледным лицом и близорукостью прищуренными глазами. Доверие внушал и мягко очерченный подбородок, обрамленный жиденькой бородкой. Благоприятное впечатление на людей, не знающих Мораддина близко, производили его манеры — никаких резких движений, тихая вежливость, спокойная речь, а также совершенно

нехарактерные для бывшего военного, а подходящие скорее всего провинциальному чиновнику гладко зачесанные назад темные волосы с двумя залысинами.

Но, несмотря на все это, не каждый отваживался заговорить с ним первым, а уж о том, чтобы косо посмотреть или сказать что-то скверное о «господине старшем надсмотрщике» даже за глаза, никто и подумать не смел. Поговаривали, будто тихоня Мораддин отличался удивительной по своей изощренности жестокостью (которая, правда, выплескивалась из него крайне редко), но тогда искренней жалости достоин был тот несчастный, на чью голову изливалась глубоко скрытая, не знающая пределов ярость.

До того, как попасть на одну из самых ответственных должностей в далеких от столицы и потому почти не контролируемых властями рудниках, Мораддин служил в тайной гвардии правителя Илдиза, именуемой между собой знавшими об ее существовании людьми «хэрд», что на одном из туранских наречий было названием местного насекомого, которое, отличаясь неуемной прожорливостью и всемядностью, уничтожало все, попадавшееся на его пути: будь то дерево, постройка, раненое или больное животное, а зачастую просто падаль. Вдобавок ко всему, хэрды были исключительно ядовиты, их укусы являлись безусловно смертельны для человека, и самое прочное здание, изъеденное ими, обречено было в скором времени рухнуть и превратиться в труху.

Прослужив там около пятнадцати лет, Мораддин смог получить солидную должность, но внезапно, при каких-то загадочно-зловещих обстоятельствах, был разжалован и отправлен на рудники в качестве старшего надсмотрщика. О странном происшествии, послужившем причиной отставки, ходило множество слухов, одни других мрачнее, но подлинные события так и остались неизвестны никому, кроме непосредственных участников. Один из них поплатился жизнью: его жуткий, обезображеный до неузнаваемости труп (точнее, останки, в которых сохранилось мало чего человеческого) был найден в одном из подземелий дворца Илдиза.

Высказывались робкие догадки, что несчастный погиб от рук Мораддина — тем более нашлись свидетели их неоднократных ссор, а следы увечий, от которых наступила смерть истязаемого, очень походили на изощренные кхитайские казнения, о которых Мораддин любил рассказывать во время редких и внезапных приступов разговорчивости...

— Ты разве не слышишь меня? — все тем же ровным, бесстрастным голосом спросил Мораддин.

— Почему же, нет, слышу, только вот... не хочется мне слушать это, — подражая ему, ответил Конан. Некоторые из работавших неподалеку кандалников опустили свои кирки и, не смея посмотреть в сторону Конана и Мораддина, осторожно прислушались. Кто-то еле слышно прошептал:

— Жить надоело недоумку!

На памяти немногих каторжников, проведших на рудниках несколько лет (как правило, дольше десяти в медных копях никто не выдерживал), были некоторые строптивцы, осмелившиеся поспорить с Мораддина. Особенно долго помнили одного, тоже, кстати, северянина, по прозвищу Серый Пес, позволившего себе однажды ослушаться приказа Мораддина и сказать ему дерзость. Тогда главный надсмотрщик просто молча развернулся и ушел, но наутро Серый Пес не вышел в забой, а днем один из узников наткнулся на его труп: несчастный был задушен цепью собственных ножных кандалов, а из сломанной шеи, сзади, торчали острые обломки позвонков. И вот теперь новый безумец претендовал на подобную участь...

— А ну-ка встать! — тихо приказал Мораддин.

— Не хочу, — коротко ответил Конан.

— Я настаиваю, — почти ласково проговорил турец; такая интонация была характерна для опытных и чтивших свое благородное ремесло палачей.

— Наплевать!

— Мне кажется, что ты излишне много говоришь, — вздохнул Мораддин. — Придется тебя наказать. — Он даже чуть развел руками, словно сожалея о столь жестоком, но, увы, необходимом и справедливом решении.

Теперь уже все кандалники, слышавшие их разговор, оставили свои занятия, с легким ужасом наблюдая за Конаном, точно за помешанным, собиравшимся выйти в окно вместо двери в полной уверенности, что поступает правильно.

Конан и сам чувствовал, что совершенно не следует пререкаться с этим человеком, но ничего не мог поделать со своей вечной привычкой дразнить судьбу. Ну что стоило киммерийцу просто встать и продолжить лениво помахивать иззубренной киркой, делая вид, что честно трудится на благо Великого Илдиза?.. Только теперь уже поздно было становиться послушным рабом.

Мораддин спокойно нагнулся и, взявшись правой рукой за цепь, соединяющую наручные кандалы варвара, коротким резким движением рванул вверх. Конан ответил таким же движением, но направленным вниз, и заодно попытался оттолкнуть туранца. Не удалось. Запоздалое сожаление о содеянной глупости пришло к Конану в момент, когда он ударился всей своей тяжестью о неровную стену штольни, противоположную той, у которой сидел. Каторжники стояли, открыв рты, не понимая, как невысокий и кажущийся не особо сильным человечек сумел отшвырнуть эдакого здоровяка, который был тяжелее Мораддина, по меньшей мере, в два раза и выше на три головы. Ударившись о камень, Конан сильно прикусил язык, и из уголка его рта вытекла тонкая струйка крови. Оттерев ее ладонью, он зверем посмотрел на Мораддина, стоявшего неподалеку, скрестив на груди руки и смотревшего на киммерийца с почти отцовской жалостью.

— Встретился бы ты мне, дохляк, в поле да с мечом, уж я бы поразвлекся... — прохрипел Конан, превозмогая боль в ушибленной спине.

— Я думаю, и тогда бы ты не добился успеха, глупец, — безразлично произнес Мораддин. — Иди работай.

С этими словами надсмотрщик развернулся и неторопливо пошел прочь, оставив киммерийца беситься в глухой ярости. Едва фигура туранца скрылась в темноте коридора, по штольне пронесся единственный вздох облегчения, а некото-

рые старожилы подземелья посмотрели на Конана так, будто он уже был трупом.

* * *

...На медных рудниках в Кезанкийских горах Конан находился почти десять дней, хотя ему казалось, что это время растянулось на год, если не больше. Предшествовали зодворению в копи несколько суток, проведенных в подземельях дворца придворного мага — Радбуш, изловив наконец Конана, не пожелал отдавать его пятитысячнику или эмиру, которые тут же снесли бы киммерийцу голову, а предпочел сам дознаться до причин, подвигших северянина на безумную авантюру с нападением на дворец Турлейхана и похищением новой наложницы. И, безусловно, Радбуш жаждал вызнать у необычного пленника, отчего магический огненный шар, сотворенный магом, не попал в цель.

Конан, быстро уяснив, что откровенная ложь будет немедленно разоблачена, сказал допрашивавшему его чародею правду, по возможности стараясь не говорить лишнего. По словам киммерийца выходило, будто он лишь выполнял просьбу шейха Джагула аль-Баргэми и ничего более. О том, что кинжал обладает волшебными свойствами, он и знать не знал, и вообще во все эти штучки он не верит, а работал исключительно ради денег... Одним словом, Конан довольно успешно разыграл из себя туповатого наемника, однако обмануть проницательного и доцкого султанапурского мага до конца не удалось, что было даже и хорошо — любопытство, гло давшее Радбуша, сохранило киммерийцу голову. Решив, что в непонятной истории следует подольше покопаться (опущение, будто Конан что-то не договаривает, не оставляло Радбуша), маг отправил варвара на рудники. И в столице глаза мозолить не будет, и не исчезнет, точно ветер в поле — маг предлагал, что для северного молодца преграда не существует и он способен сбежать откуда угодно. Но ведь рудники прекрасно охраняются, а преодолеть расстояние от копей до ближайшего оазиса без еды и питья — дело невозможное даже для киммерийца.

Конан не представлял себе, что случилось с Мирдани, какова судьба денег, оставшихся у Стейны, и с некоторым сожалением вспоминал свое соглашение с Дагарнусом, который теперь, наверняка, будет искать нового сорвиголову, согласного добыть вожделенный кувшин. О стигийской драгоценности, кстати, киммериец даже не упоминал в разговорах с Радбушем. Последний смотрел на Конана больше с удивлением, чем с неприязнью, а то, что варвар говорил правду, не пытаясь вилять, наверняка убедило Радбуша в его полезности в дальнейшем. Ну, а пока пускай на рудниках посидит да подумает...

Конан и вправду думал, но совсем не о том, о чем хотелось Радбушу. Все мысли киммерийца сосредоточились на побеге. От своих товарищей по несчастью варвар знал, что все известные им попытки покинуть копи оканчивались, как правило, одинаково: сбежавшего ловили и казнили. Или труп его находили в пустыне некоторое время спустя. Естественно, Конан старался придумать что-нибудь поудачнее, нежели подкуп или убийство стражника, или поиск заброшенного штрека, ведущего на волю. Все эти способы были заведомо обречены на провал.

Поразмыслив, Конан решил запастись едой и питьем на несколько дней, ночью пробраться к одному из старых коридоров, где, как варвар уже успел проводить, был забаленный выход, устранил стражу и оказаться на воле, а там уж — как повезет. Кое-что у киммерийца уже было готово — он припрятал свою миску, сказав, что она разбилась, и, получив вторую, склеил обе хлебом, размоченным в похлебке, выдолбил отверстие на стыке, и слепил, опять же из хлеба, локона собственных волос, а также кусочка ткани затычку. Получилось некое подобие фляги, куда поместился бы запас воды на пару дней. Кроме того, у Конана было припрятано несколько хлебных корок да пары луковиц.

Что делать с кандалами, варвар пока не придумал, но, как обычно, рассчитывал на случай, который всегда приходит на помощь в безвыходных ситуациях. Несколько раз киммериец пытался разогнуть толстые кольца цепей, но то

ли силы у него поубавилось от тяжелой работы да скучной пищи, то ли кузнец знал свое дело и постарался на славу.

Но, несмотря на то, что план побега был трудно осуществим, Конан не терял надежды и вел себя так, будто в каторжных колях оказался случайно и долго задерживаться не собирается. Многие узники тоже считали, что дни его на каторге сочтены, но совсем по другой причине. Все знали, что Мораддин никогда ничего не забывает.

* * *

Глухой звук гонга, возвещавшего об окончании бесконечного рабочего дня, разнесся по лабиринту подземных ходов, источивших гору. Засвистели бичи надсмотрщиков, прекратились продолжавшиеся, казалось, целую вечность удары железа о камень. Серая безликая масса узников потянулась в коридор, ведущий в широкий зал, где они ели и спали. Там стояли несколько грязных котлов, от которых пахло каким-то прокисшим варевом, да две бочки с несвежей водой.

Конан встал в колонну, выстроившуюся к котлам. Стоявшие вдоль нее стражники, похлопывая бичами, следили, чтобы никто не лез первым, не устраивал давку и не схватил больше, чем положено.

Киммериец протянул свою плошку, раздатчику, который был таким же рабом, но добился своей легкой работы всем известным, но презираемым способом. Вдруг Конана окликнули. Северянин обернулся и увидел Мораддина, стоявшего неподалеку и глядевшего на него в упор своими ничего не выражавшими серыми глазами.

— Пойдем,— коротко приказал он.

— Готов...— сказал кто-то шепотом за спиной киммерийца, но Конан и ухом не повел, а лишь глянул исподлобья на Мораддина и буркнул:

— Я еще не поел.

— Не беспокойся, я тебя... накормлю,— невозмутимо ответил старший надсмотрщик.— Оставь свою миску иди за мной.

Мораддин развернулся и медленно пошел к выходу из пещеры, в сторону, где находилось помещение для стражи. Надсмотрщики также жили на рудниках, разве что с большими удобствами. Конан пожал плечами, спрятал миску и пошел вслед за Мораддином. В какой-то момент у варвара возникло желание прихлопнуть надзирателя, точно мууху, но следом топали двое охранников, и Конан послушно шел туда, куда его вели.

В самом дальнем конце коридора Мораддин открыл неприметную дверцу, вошел в помещение и, пропустив Конана, знаком велел страже удалиться. Окинув беглым взглядом небольшую комнату, Конан первым делом увидел недурно накрытый стол, затем оглядел стены, где на потертых коврах висело самое разнообразное оружие, да в таком количестве, что его запросто хватило бы для вооружения всех узников на рудниках. А они, дурачки, горбатятся и не знают о таком богатстве!..

Вдруг прямо в лицо киммерийцу метнулось с птичьим свистом что-то белое, маленькое и крылатое. Звякнув кандалами, Конан отпрянул и отмахнулся рукой, коснувшись горячего мохнатого тельца. Непонятное существо шарахнулось, заверещало и, облетев северянина, вцепилось в плечо Мораддина. Тот поднял руку и прикрыл ей животное.

— Садись, ешь,— сказал он северянину, но тот продолжал подозрительно смотреть на высывающиеся из-под ладони Мораддина розовые перепончатые крылья. Таких тварей он еще никогда не видел и решил, что здесь попахивает магией. Но, заметив взгляд Конана, Мораддин усмехнулся и тихо произнес:

— Это всего-навсего летучая мышь. Я думал, что ты уже привык к ним и не боишься.

— А почему она белая? — угрюмо спросил Конан.— Они всегда черные... Или коричневые.

— Уродилась такая,— пожал плечами Мораддин, показывая, что не намерен больше говорить на эту тему. Между тем странный зверек выбрался из-под своего укрытия и уселся на плечо хозяина, уставившись на незнакомца малюсенькими красными глазками. Конан, не заставив Морадди-

на повторять дважды, сел за стол, громыхнув кандалами, и, более не обращая внимание на него, с наслаждением принялся за еду.

Старший надсмотрщик неторопливо ходил по комнате, поглаживая летучую мышь-альбиноса, и с усмешкой поглядывал на варвара, уплетавшего за обе щеки запеченное баранье жаркое с рисом. Насытившись, Конан, рыгнув, сказал:

— Запить бы... — Он знал, что ведет себя непозволительно дерзко, но ему уже было все равно.

Мораддин молча поставил на стол кувшин с вином и три кружки. Наполнив две из них, он подвинул одну Конану, а другую взял сам.

— Кому третья? — поинтересовался киммериец, со стуком поставив пустую кружку на стол. Он по-прежнему не понимал, зачем его привели сюда, накормили, напоили... Может быть, перед смертью? Принято у них так, что ли?..

— Увидишь, — мрачно усмехнулся Мораддин.

— Мне спать пора — завтра работать, — пробурчал Конан, утомленный этой нелепой игрой в загадки. Уж скорей бы все это кончилось...

— Ну, работать ты, может, и не будешь, — многозначительно произнес Мораддин, — а высаться еще успеешь.

«Ну, точно, никак в последний раз покушать пришло... Интересно, он мне тоже шею сломает? Надорвется!..» Конан осторожно поглядел по сторонам, ища возможные пути к бегству и подходящее оружие, которое можно было быстро схватить со стены.

Внезапно летучая мышь сорвалась с плеча Мораддина, покружила по комнате, причем Конан пару раз инстинктивно пригнул голову, когда она пролетала над ним, и прицепилась, повиснув вниз головой и закрывшись крыльями, на гарде меча внушительного размера, прикрепленного над выложенным камнем очагом. «Молодец, мышка! Именно этим я и воспользуюсь, если что...» — усмехнулся про себя Конан.

Некоторое время в комнате царило молчание. Мораддин, неслышно ступая по ковру, ходил из угла в угол, заложив руки за спину, а Конан, не теряя попусту времени,

наливал себе кружку за кружкой. Наконец Мораддин заговорил первым:

— Дагарнус передает тебе свое почтение.

Конан медленно опустил поднесенную к губам кружку и, кашлянув, проговорил:

— А кто это?

— Десять тысяч, которые тебе обещаны, ждут, — Мораддин остановился, и, прищурившись, пристально поглядел на киммерийца. Тот сидел, отстраненно уставившись в кружку с вином, мучительно соображая, что теперь делать и как отвечать. А старший надсмотрщик продолжал:

— Ты покинешь копи сегодня. Я знаю, что ты сможешь пройти по подземным ходам той твари, которую у нас называют...

— Равахом, — кивнул головой Конан. — Видел уже...

— Значит, все-таки видел?.. — В голосе Мораддина послышалось торжество. — Ну, что ж, теперь можно поговорить начистоту.

Вдруг из-под пола, прямо под ногами Конана, послышалось легкое поскребывание, а затем троекратный стук.

— А вот, собственно, и тот, для кого предназначена третья кружка, — сказал Мораддин. — Привстань-ка!

Конан встал, лязгнув кандалами, и, отодвинув табурет, стал с интересом наблюдать за каменной плитой на полу, которая медленно приподнялась и отодвинулась в сторону. Из темноты показалась подозрительно знакомая низенькая фигурка, закутанная в темно-серый плащ, капюшон которого закрывал лицо пришельца. Впрочем, Конан догадался уже, как могла выглядеть физиономия карлика.

— Джавид! — Конан сказал это так, словно увидел невероятно противное насекомое.

Карлик откинулся на киммерийца маленькими темными глазками, пылавшими жгучей злобой. Он долго смотрел на него, а затем возмущенно прошамкал:

— А, это ты, человечье отродье! Убийца!

— Кажется, я свел вас не для того, чтобы вы начали грызню, едва встретившись, — тихо сказал Мораддин, по-

сматривая то на Конана, непроизвольно шарившего по поясу, в поисках оружия, то на джавида, дрожавшего от праведного гнева.

Конан со стуком отодвинул стул подальше от стола и сел на него, всем своим видом показывая, что и гость, и хозяин ему глубоко противны, и он сидит тут лишь потому, что некуда уйти.

— Садитесь, почтенный Ниорг,— Мораддин даже слегка поклонился, протягивая руку карлику и помогая ему взобраться на высокий стул у очага.

— Может, объяснишь, наконец, с какой стати я тут прохладжаюсь? — угрюмо проворчал Конан.

— Объясню, отчего же нет,— спокойно ответил Мораддин.— Ведь твое имя — Конан из Киммерии, не так ли?

— И что с того?

— Я думаю, что мое ты знаешь, а нашего гостя тебе, судя по всему, представлять не обязательно. Вы, я вижу, успели познакомиться раньше.

Мораддин закончил расхаживать по комнате и, присев на табурет рядом с Конаном, вынул из-за пояса ключ и начал размыкать замки кандалов на руках киммерийца.

— Давно бы так... — проговорил тот, глядя на покрытые ссадинами и синяками запястья.— Ну, а дальше-то что?

Мораддин нагнулся и, царапнув ключом по тяжелым колодкам на ногах киммерийца, снял оковы и отпихнул их носком сапога.

— Дальше? — буркнул он.— Дальше ты пойдешь с ним.

Старший надзиратель кивнул на сидевшего поодаль Ниорга. Джавид посматривал на Конана со злобой, но молчал, сжимая в мохнатых руках кружку с вином.

— Может, ты все-таки объяснишь... — начал было киммериец, но наткнулся на ледяной взгляд Мораддина. Тот встал, мягкой походкой направился к стене, некоторое время стоял, рассматривая свой внушительный арсенал и, наконец, выбрав длинный прямой меч в простых кожаных ножнах с бронзовыми накладками, снял его и подал Конану.

— По-моему, ты мог бы и сам догадаться, в чем причина твоего освобождения,— пробурчал Мораддин.— Посланнику Кофа это обошлось очень недешево...

«Везде одно и то же,— почему-то с привычным разочарованием подумал Конан.— Если я когда-нибудь увижу честного тюремщика, то, клянусь Кромом, это случится очень нескоро. А, скорее всего, вообще никогда...»

— Ниорг — мой друг,— продолжил Мораддин.— Он выведет тебя к обитаемым землям, а именно — к оазису, который располагается неподалеку. Вы пройдете по пустым подземельям раваха, и путь будет не очень долг... А я вас немного провожу.

— А никто не пронюхает, что я... — Конан пошевелил двумя пальцами, изображая идущего человека, и присвистнул.

— Да нет,— пожал плечами Мораддин.— Все подумают, что ты сейчас кормишь крыс в старом отвале. Все видели, как мы с тобой сцепились сегодня. А они прекрасно знают, что человек, перебежавший дорогу бывшему капитану тайной гвардии Аграпура.... Надсмотрщик сделал и дураку понятный жест, ткнув большим пальцем в пол пещеры. — Твоего исчезновения никто не заметит. А заметят — промолчат, поскольку не привыкли много говорить.

Мораддин повернулся к Ниоргу, вопросительно посмотрев на него, и старый джавид, неразборчиво бурча себе под нос, сполз с высоковатого для него табурета, не без натуги сдвинул каменную плиту, закрывавшую проход в подземелье, и скрылся под полом. Мораддин подтолкнул Конана в спину, и киммериец, не раздумывая, нырнул в узкую темную дыру, стараясь не соскользнуть по наклонному ходу. Старший надсмотрщик двинулся за ними, предварительно прикрыв люк и оставив в нем лишь небольшую щелку, в которую просачивался неровный свет факелов.

В руках у Ниорга неведомо откуда оказался небольшой светильник. Приглядевшись, Конан различил, что это была хрустальная сфера с пылающим в ней маленьким, но очень ярким огоньком. Судя по тому, что Ниорг держал его прямо в ладони, пламя было холодным.

«Оказывается, они своей магией не только чудовищ создают...»

В ярком, режущем глаза при прямом взгляде на источник, свете киммериец увидел широкий проход со знакомыми, характерно округлыми, блестящими стенами, постепенно опускавшийся вглубь земли и в отдалении забирающий вправо. Тоннель один к одному походил на норы, оставленные гигантскими червями под оазисом аль-Баргами — Конан подумал, что некогда огромные равахи обитали под пустыней и Кезанкайскими горами в великом множестве. Жутковатое было времечко, видно!.. Впрочем, от проложенных каторжниками на рудниках штолен тоннель не слишком отличался, разве что был шире, а стены поражали своей гладкостью.

Ниорг шел быстро, и державшийся чуть позади Конан с любопытством рассматривал его низенькую коренастую фигурку и вислоухую голову, с которой был откинут капюшон. Без сомнения, джавиды состояли в близком родстве с гномами, но встречавшийся с подгорными карликами киммериец счел, что настоящие гномы пришли бы в ярость при любом упоминании о родстве с этими мохнатыми уродцами. За плечом Конана слышалось чуть учащенное дыхание Мораддина, замыкавшего небольшой отряд, все глубже уходивший в мрак подгорных лабиринтов. Киммериец собрался было обратиться к Мораддину с вопросом, но, обернувшись и наткнувшись на ледяной взгляд старшего надсмотрщика и колючие красные глазки ощерившей пасть белой летучей мышки, выглядывавшей из капюшона Мораддина, счел за лучшее не вступать с ним в разговор. Однако любопытство было сильнее, и Конан, тронув джавида за плечо, чуть слышно спросил:

— Ниорг, а джавиды... м-м-м... кто вы такие?

— Ты действительно хочешь это знать, человек? — спросил Ниорг, не поворачивая головы, и его последнее слово прозвучало так, будто было оскорблением.

— Расскажи, Ниорг. Ему это будет полезно,— сказал Мораддин с легкой ехидцей в голосе.

Ниорг некоторое время покашливал, пыхтел, шлепал губами, видимо, собираясь с духом и думая, с чего лучше начать. Конан с интересом наблюдал за ним, и когда джавид, наконец, заговорил, увлекшийся необычной и эмоциональной мимикой нелюдя северянин поначалу даже не уловил смысла его слов.

— Трудно мне начать эту печальную повесть... Но веришь ты или нет, варвар, облик наш, что так омерзителен тебе, да, впрочем, и мне тоже, есть кара роду моему за жадность и тщеславие...

Ниорг помолчал и, тяжело вздохнув, продолжил:

— Родился я гномом; отец мой был старейшиной весьма многочисленного и очень древнего рода. Безмерно было богатство наше; с малых лет своих я ни в чем не имел нужды, и все прихоти мои беспрекословно выполнялись. По этой ли причине или какой другой, но чем богаче становился род, тем сильнее хотелось мне, чтобы все богатство принадлежало только мне одному. Но не меня одного мучила жажда золота. Стала она причиной бедствий рода нашего и смерти отца моего, Нирафа.

Так это было: извечный враг народа нашего Тергунт — великий маг, падший затем по злобе и гордыне своей — решил покончить с родом гномов, и это ему почти удалось. В сокровищнице Тергунта находилась великая драгоценность рода гномов... — Конан увидел, как при этих словах глаза Ниорга вспыхнули, но тут же потухли, а голос его неожиданно громко разнесся по подземелью. — В давние времена Тергунт, этот проклятый служитель Сета, подло выкрадал сосуд белого золота, откованный Первым из Гномов и названный им Нейглам, сам по себе стоивший всего, что есть под небом. Но Великий Длиннобородый Отец Всех Гномов, Нираф, скрыл... скрыл в сосуде нечто, исполняющее желание... Только одно... — Ниорг замолк, задыхнувшись в бессильной ярости. — Подлый ублюдок Тергунт проведал о магическом свойстве сосуда, что передавался бесконечное число поколений из рук в руки, от отца к сыну, — последние слова Ниорг произнес почти шепотом. — Укрывшись в своей крепости, маг открыл сосуд. По злой воле

Тергунта на многие мили вокруг реки пересохли, леса и поля обратились в прах... Некогда цветущая страна в мгновение ока обратилась я в пустыню — он надеялся завладеть всеми богатствами края, в котором жил. Но собственная злоба погубила его: Тергунт был человеком, всего лишь человеком, и должен был есть и пить. Хотел бы я видеть проклятого мага, когда он понял, отчего умрет,— Ниорг как-то странно забулькал, и Конан понял, что джавид смеется — ни единий из людей, будь он стократно магом, не может стать хозяином изначальной силы гномов.

Мораддин и Конан остановились, ожидая, когда Ниорг успокоится и сможет продолжать.

— Бросив Нейглам, который больше ничем ему не мог помочь, Тергунт отправился пешком через созданную им самим пустыню. Костей его так и не нашли... Или нашли... стервятники.

Прошло очень много лет — а гномы, как известно, живут много дольше людей — и в год, когда я должен был по обычай принимать власть из рук отца, сокровище нашлось...

А случилось это так. Некий Дуалкам, нерадивый раб, да проклянут его имя все боги, брошен был один в пустыне хозяином своим за леность и воровство на смерть от голода и жажды. В краю том не водились даже хищные звери... О, если бы лев разорвал его, избавив от мучений... Но боги отвернулись от такого ничтожества, и даже Владыка Мертвых не принял его на Серых Равнинах... Злая воля Нергала вывела Дуалкاما к древним развалинам посреди пустыни. Дурная слава ходила о том месте.

Предания гласили о цитадели некоего могущественного мага, возвышавшейся некогда там — люди оставили память о Тергунте. Но всего лишь груду камней да высокий источник нашел умиравший от жажды и голода Дуалкам, приползший в проклятое место. Он надеялся найти воду. Ее там не было, но Дуалкам заметил кувшин, лежавший на песке у пересохшего фонтана. Жадно схватил он его, отчаянно надеясь, что внутри окажется хоть немного воды, которой могло бы хватить, чтобы напиться и размочить

горсть чечевичных зерен, случайно оказавшихся в кармане его изорванного халата. Кувшин оказался пуст, но едва Дуалкам открыл его, как в мгновение ока на месте развалин появилось озерцо, наполненное чечевичной похлебкой, а источник ожила. Так исполнилось величайшее желание Дуалкама: более всего на свете он хотел пить и есть.

Осознав, что это чудо было сотворено некоей силой, находящейся в сосуде, он попытался заставить Нейглам исполнить еще что-нибудь. Несколько дней, пока не обмелело озерцо с чечевицей, Дуалкам возился с волшебным кувшином, но ничего не смог добиться. И наконец, понял, что у него была возможность исполнить только одно желание. Ну почему он тогда не наложил на себя руки, осознав, как глупо использовал силу Нейглама?! Быть может, от самоубийства человека удержала мысль, что кто-то другой сумеет заставить кувшин выполнить его единственное желание... А желание это могло быть навязано самим Дуалкамом... Догадка погнала бывшего раба на поиски хоть какого-нибудь живого и разумного существа. Набив карманы размоченной чечевицей и наполнив кувшин водой, он отправился в путь.

— Уж я бы не похлебки пожелал... — заметил варвар, усмехнувшись, и ярко представил себе, что можно было бы заказать гномьей посудине. Только как все это увязать в одно-единственное пожелание?..

Ниорг метнул в Конана злобный взгляд и прошипел:

— Дуалкам тоже так думал. Будь проклят день, когда этот мерзавец появился на пороге дома моего отца. Бывший раб поведал ему о кувшине и попросил половину того, что отец сможет получить, открыв сосуд, если решится на это. Он все продумал и полагал, что гном даже перед лицом смерти не сумеет отказаться от золота и драгоценных камней. Но не мог Дуалкам предвидеть, что Нираф, узрев в руках неизвестного инородца древнее сокровище народа гномов, откажется делиться со своим случайным благодетелем. Нираф не желал торговаться с человеком за вещь, принадлежащую гномам по праву, изначальному праву, и попросту отобрал у Дуалкама сосуд.

Дуалкама изгнали с позором. Проклиная весь наш род, он пообещал, однако, вернуться и отомстить... А кувшин остался в сокровищнице отца, и в этот год Нираф передал мне, старшему сыну, свою корону и удалился от дел. На сей раз таинство посвящения происходило, как заведено было от века... Прошло двадцать лет. Царствование мое, освященное силой, заключенной в Нейгламе, ничто не омрачало. До поры...

Тут Ниорг замолк, приостановился и повернулся к Мораддину.

— Послушай, мы зашли уже достаточно далеко,— прошепелявил джавид, глядя на туранца.— Тебе лучше вернуться. Я доведу этого варвара куда ты указал.

— Ты прав. Слушая твою повесть, я и сам не заметил, как далеко зашел вместе с вами. До свидания, почтенный.

Конан с изумлением увидел, что Мораддин поклонился карлику, а, уже собираясь уходить, бросил через плечо:

— Надеюсь, что тебя, Конан, варвар из Киммерии, я больше не увижу...

Маленький белый, крылатый зверек выглянул из капюшона Мораддина, зыркнув на Конана красными глазками, и снова спрятался в складках ткани.

Глава двенадцатая

Ниорг стоял, неподвижно уставившись в сторону, куда уже довольно давно ушел Мораддин. Главный стражник незаметно растворился во мраке, царившем в бывшем жилище раваха. Конан с удивлением отметил про себя, что у Мораддина не было с собой никакого светильника. «Он что, в темноте видит, как кошка, или зажжет такой же фонарь, что и Ниорг?» — подумал Конан, заметив, что светильник в руках джавида тускнеет и начинает слегка мерцать.

— Ниорг! — окликнул джавида киммериец.

Тот вдруг дернулся, как будто звук его имени, негромко произнесенного Конаном, пробудил карлика от глубокого сна. И тотчас странный источник света в его руке засиял с новой силой.

Ниорг посмотрел на Конана так, будто видел его впервые, а затем, встрепенувшись, заговорил:

— Да, так вот... Прошло двадцать самых счастливых лет жизни моей. Отец знал, что Дуалкам вернется, обязательно вернется. Этот человек...

— Слушай! — осторожно прервал его Конан.— Зачем ты мне про это рассказываешь?

Маленькие глазки Ниорга хитро покосились на киммерийца. Пауза была недолгой, и ответ джавида несколько озадачил варвара.

— Мне кажется, что ты рано или поздно столкнешься с вещью, называемой нами Нейгламом. Когда ты коснешься

кувшина, вспомни о маленьком народе, на который свалилось столько несчастий...

Ниорг умолк, а Конан, поразмыслив, задал еще один вопрос:

— Почему этот сосуд считают стигийским, а про вашу магию думают, будто она — наследие Сета?

— В самом деле? — насмешливо прошамкал старый джавид. — Эти твои слова доказывают, что ты, Конан, уже слышал о Нейгламе, а, быть может, даже видел его... Но это не важно. Клянусь тебе памятью Изначального, Отца Гномов — мы никогда не имели отношения к черному колдовству, а плавить белое золото умеют не одни стигийцы. Точнее, они переняли это искусство у нас, гномов. Наш народ владеет собственной магией, чуждой людям. А теперь позволь мне досказать свою историю.

Конан поморщился, так как слушать заунывно-велеречивое шамканье джавида ему порядком надоело. Но он вспомнил, что гномы очень трепетно относятся к истории своего рода и неуважение к ней является тяжким оскорблением. А уж о злопамятности и мстительности низкорослого народца он знал не понаслышке. Поэтому он лишь угрюмо проворчал:

— Досказывай...

Ниорг откашлялся, немного погримасничал и продолжил:

— Так вот. Дуалкам, однажды открывший Нейглам и так жестоко наказанный за ничтожность желаний своих, все эти годы провел в учениках одного мага. Если бы мы тогда знали о его замыслах, то сумели бы подготовиться к встрече. — Джавид жестко усмехнулся, и Конан подумал, что не пожелал бы оказаться на месте Дуалкана. — А в один далеко не прекрасный для нашего рода день Дуалкам привел своего сына к вратам гномьего царства. Щенок мало отличался от папаши. Тот сумел воспитать его так, что этот жалкий выродок только и умел, что ненавидеть всех и вся, а превыше всех — нас, гномов.

Не стану вдаваться в подробности того, как двое него-дяев с помощью магии, вероломства и подкупа сумели обладеть кувшином...

Ниорг замолчал, несколько раз глубоко, тяжело вздохнул и тихим, скорбным голосом произнес:

— Сила, вложенная в Нейглам, обратилась против нас. Проклятие, наложенное на род моего отца, тяготеет над нами по сей день вот уже тридцать с лишним лет. Ты знаешь, что означает слово «джавид»?

— Нет, — буркнул Конан. — Разве оно что-то означает?

— «Джавид» — «проклятый»... Сын Дуалкана не стал губить нас, ибо жестокость его не знала границ! Он изменил облик гномов и сделал нашу многочисленную семью изгоями собственного рода. Мы потеряли все — богатства, пусть и небольшое, но свое, подгорное королевство... И потеряли надежду на будущее. Этот паршивый пес знал, что даже самая мучительная смерть для нас лучше участи презренных отщепенцев.

— Так что же вы тогда руки опустили? — с удивлением спросил киммериец.

— Так ли уж сложно добыть этот кувшин? Теперь-то мне понятно, отчего вы осмелились напасть на оазис шейха Джагула. Ведь выкупом за его дочку должен был быть ваш... этот... Нейглам, что ли?

— Больно много ты знаешь, как я погляжу! — Ниорг покосился на Конана с недоверием. — Только не все так просто, как кажется. Как ты, варвар, думаешь, знающий маг, представляя себе моць, сосредоточенную в кувшине, не пожелает ли им обладать? На счастье, Турлей-хан почитает Нейглам заурядной, пусть и очень дорогой безделицей. И не в наших интересах было открывать ему эту тайну. Вот то-то же!

Конан тихонько рассмеялся, хлопнув себя ладонью по бедру. Перехватив удивленный взгляд джавида, он пояснил сквозь смех:

— А я-то, болван, все голову ломал, чего ради столько народа за вашим горшком гоняются! Воображаю, какую армию сможет создать тот же Страбонус, окажись кувшин у него в руках!

— Не понял... — Ниорг поднял кустистые седые брови. — О чём это ты? Какой еще Страбонус?

— Веселенькая история! Ты хоть знаешь, почему сейчас ведешь меня на свободу, а?

— Мораддин попросил... — угрюмо ответствовал Ниорг после недолгого молчания, словно не очень хотел признаться. — Если бы не он, то гнить тебе на каторге — кстати, за какой грех тебя туда упекли? — или же от родичей моих кинжал в бок получил бы ночью. Думаешь, забыли джавиды тот проклятый день, когда Нергал занес тебя в крепость Баргэми?

— Они погибли в честном бою, — отмахнулся Конан. — А что ты скажешь, если узнаешь, что Мораддина своего подкупил посланик короля Страбонуса, нанявший меня не столь давно? Догадываешься, для чего?

Ниорг остановился, губы его гневно тряслись, а глаза смотрели так яростно и зло, что если бы джавиды умели испепелять взглядом, от Конана осталась бы кучка угольков.

— Ты останешься в этом подземелье навеки! — прошипел Ниорг, брызгая слюной, и начал медленно отступать в темноту. Светящийся шарик в его руке постепенно гас.

— Эй, погоди! Да стой ты! — поднял руку Конан. — Ты думаешь, я стану работать на этого помещанного Страбонуса и его мага-недоноска? Да я к ним и на десять лиг не подступлюсь — дерьяма не нюхать! К тому же, скоро ты получишь свой золотой горшок от Турлей-хана...

— Не получу! — гулко отозвался из полумрака Ниорг, все еще продолжая отходить от киммерийца. — Он обманул! Вернее, девицу старого шейха у него похитил какой-то негодяй, и Турлей-хан отказывается платить нам за нее выкуп.

— История... — почесал в затылке Конан, скрывая ухмылку, хоть веселиться повода не было. Теперь у Ниорга имелись все основания бросить киммерийца на произвол судьбы в бесконечной путанице подземелья, в которой мог разобраться один лишь гном. Или джавид.

— Ладно, — сказал Конан, звонко ударив ладонью о ладонь. Решение варвар принял, как всегда, немедленно и не раздумывая. — Достану я тебе кувшин.

Некоторое время стояла полнейшая тишина, нарушающая лишь сопением Ниорга. Огненный шарик в его ладони продолжал неровно мерцать, а потом вдруг вспыхнул с такой силой, что Конан зажмурился.

— А не обманешь? — прохрипел джавид.

— С какой стати? — жестко произнес Конан. — Я сказал. А слово у меня одно.

Ниорг еще немного помолчал, а потом подошел к киммерийцу, заглянув ему в глаза.

— Знаешь старую сторожевую башню в пустыне, на полпути от Баргэми к Султанапуре?

Конан кивнул.

— Отлично. Там есть вход в подземелье. В течение одной луны в башне тебя будут ждать. Если вернешься кувшин — мы простим тебе смерть сородичей и, кроме того, не забудь — сила Нейглама сможет выполнить и твою просьбу. Но только одну.

«Ого!.. Да все деньги кофийского посланника не идут ни в какое сравнение с такой возможностью, — молнией мелькнула мысль в голове Конана. — Плевать мне на Дагарнуса, Турлей-хана и Мирдани скопом! Теперь главное — достать кувшин. И тогда...»

Киммериец невольно потер руки и глянул на Ниорга, в глазах которого засветилась надежда.

— Веди к выходу, — бросил Конан.

Дальнейший путь проходил почти в полном молчании, и варвар с удивлением обнаружил, что Ниорг ведет его к оазису шейха Джрафира. Старый карлик прекрасно знал, что северянин может получить от подданных молодого шейха и лошадь, и пищу, да и деньгами разжиться. Миновав череду темных широких коридоров, Конан, ведомый джавидом, оказался в памятной пещере, где начальник стражи Баргэми Самил нашел свое последнее пристанище. Его разлагающийся труп Конан обошел с отвращением. Затем Ниорг вызвал киммерийца в тоннель,

выходящий непосредственно в оазис, и указал рукой в темноту.

— Иди туда. Отсчитай отсюда восемьдесят шагов, и по правую руку найдешь проход наверх.— Потом джавид отрывисто поклонился и бросил напоследок: — Ты дал слово.

— Нет нужды напоминать,— мрачно ответил киммериец.— Но и ты тоже обещал кое-что...

Конан повернулся на каблуках и начал отсчитывать восемьдесят шагов, стараясь держаться стены справа...

* * *

Да, это место было Конану знакомо. Не зря старый Ниорг говорил, что приведет туда, где встрече с киммериемцем будут рады. Полубавлившаяся кладка один к одному походила на стену, которой некогда жители аль-Баргэми отгородили подземелья под дворцом шейха от уводящих в пустыню и под Кезанкийские горы ходов раваха... Недалеко должны быть кладовые с сокровищами рода аль-Баргэми, но сейчас Конана не заботили золото или самоцветы — скорее бы покинуть мрачные коридоры, проложенные червем пустыни, да выйти наверх, туда, где светит солнце и живут люди...

Киммериец остановился возле того самого наклонного прохода, по которому много дней назад джавиды пробрались в дворцовый сад, и ненадолго задумался, глядя вверх. Взобраться по довольно широкой и не столь уж крутой норе, прорытой карликами, было делом нетрудным, но, когда Конан бывал здесь в последний раз, наверху находились ожидавшие его люди, да и выйти на поверхность можно было сквозь отверстие, сейчас наверняка заваленное, причем накрепко.

— Воображаю, какой поднимется переполох, когда меня увидят,— сам себе сказал киммериец, заглядывая в выводящую наверх нору и пытаясь пристроить подаренный Мораддином меч за спиной.— Ну вперед, что ли...

Подтянувшись, он перевалился за край прохода, начинавшегося на высоте человеческого роста, и стал карабкаться, изредка изрыгая проклятия — пальцы соскальзывали с камней и под ногами осыпался песок. О том, что вся работа может оказаться тщетной и на пути вдруг встанет неодолимая преграда, Конан старался не думать. Пару раз он не сумел удержаться и сполз на несколько локтей, но с истинно киммерийским упорством, не обращая внимания на падающие сверху камни и сыпавшуюся в глаза песчаную пыль, продолжал ползти, пока, наконец, не уперся головой во что-то твердое. Судя по всему, это и был завал на месте выхода из норы.

«На ощупь вроде бы дерево,— Конан провел пальцами по шершавой и занозистой преграде,— так и есть, доски! Только бы сверху камней не наложили!»

Он уперся спиной и ногами в стену прохода, надеясь, что сыпучая почва выдержит, и, поднатужившись, попробовал оттолкнуть деревянную крышку плечами. Никакого результата. Лишь доски чуть затрещали.

— Так...— скав зубы, рыкнул киммериец.— Ну, мы еще поборемся...

Чуть отодвинувшись от наклонной стены, он нашарил рукоять меча, осторожно вынул его из ножен, стараясь случайно не порезаться в темноте, а пальцами левой руки начал ощупывать деревянную преграду, пока не почувствовал, что нашел щель в плотно пригнанных досках. Осторожно вставив в нее острие клинка, Конан что есть силы вогнал меч в узенький зазор больше чем наполовину, и, еще раз устроившись потверже, насколько это было возможно, принялся расшатывать доски. Еще немного поработав мечом, Конан расширил отверстие настолько, что в образовавшийся узкий — с палец — зазор хлынул солнечный свет. И тотчас до слуха киммерийца донеслись приглушенные встревоженные крики — стражи или гулявшие в саду женщины гарема почувствовали неладное.

— Теперь подождем,— буркнул Конан, не переставая, однако, подрезать толстенные доски клинком.— Если заметили, значит свобода близка...

— Только он собрался срезать лезвием меча одну из наиболее толстых щепок и уже примеривался нанести по едва державшемуся куску расщепленной древесины короткий, но сильный удар, способный разбить центральную перекладину люка, как тяжеленная крышка отлетела в сторону. Конан оказался ближе к смерти, а не к свободе. Жизнь киммерийцу спас случай — будучи ослепленным бьющим в глаза утренним солнцем, он не заметил целивших в него лучников, и, когда тяжелая, со стальным наконечником стрела ударила по гарде меча в волоске от пальцев, он потерял равновесие, шатающийся под ногой камень выскохнулся, с шуршанием покатившись вниз, а сам киммериец кубарем скатился локтей на десять, успев заметить, что несколько стрел с окрашенным синей краской оперением с глухим стуком вонзились в землю вырытого карликами хода, там, где мгновение назад находился он сам — с такого расстояния мощные луки зуагиров пробивали любой панцирь, а уж обычный человек мигом отправился бы в царство Нергала.

— Именем шейха Джрафа! — заорал Конан, ибо имя наследника старика Джагула должно было произвести впечатление на не в меру ретивых стражников крепости аль-Баргэми. — Именем шейха Джрафа, не стрелять! Вы, отродья Сета, окажетесь на колу, если другу шейха будет нанесена хоть одна царапина! А ну, помогите вылезти, негодяи!

В круге света наверху показался силуэт чьей-то головы в белом тюрбане. Человек осторожно заглянул вниз, и Конан расслышал его недоверчивый голос:

— Кто здесь? Нет веры пришедшему из проклятых подземелий, пусть даже он и упомянул имя нашего владыки!

— Мое имя Конан, я родом из Киммерии, — надсаживаясь, заорал северянин. — Я был в Баргэми двадцать дней назад, когда на крепость напали джавиды! Джраф знает меня. Вы что, забыли, кто спас его отца от песчаного раваха?

Наверху случилась некоторая заминка, и Конан решил было, что ждать придется долго — пока сообразят,

пока пошлиют за шейхом... Но не успел он пробормотать и пяток самых изощренных словечек, касавшихся ума, физических достоинств и родословной тупоумных зуагиров, как вдруг сверху полетела добротная, с увязанными через каждые полтора локтя узлами, веревка, и Конан понял, что в оазисе его имя пока не успели забыть.

— Добро пожаловать, господин! — Высокий смуглый зуагир (надо полагать, занявший место бедняги Самила) склонился перед Конаном, едва тот выбрался на поверхность. Киммериец быстро огляделся и удивленно хмыкнул. Что ни говори, а Джраф за последнее время сделал многое для того, чтобы обезопасить свой дворец: кусты жасмина, закрывавшие раньше часть сада, куда вел ход джавидов, были беспощадно вырублены, сама дыра в земле закрывалась тяжеленным, со стальной оковкой по краям, люком. Мелькнула мысль, что если бы пришлось и дальше прорубать себе проход наверх мечом, то он провозился бы до самого заката. А в саду сейчас находилось столько стражи, что хватило бы на охрану дворца самого эмира султанапурского. И у многих луки и копья были направлены на Конана.

Зуагир с павлиньим пером на тюрбане вопросительно смотрел на варвара, и тот, решив, что восточная вежливость сейчас явно неуместна, прямо перешел к делу:

— Мне нужен сиятельный шейх Джраф аль-Баргэми. Отведи меня к нему!

— О почтеннейший! Твой слуга Райдид аль-Асар готов служить и исполнить любое твое желание, — Конан понял, что Райдидом кличут как раз этого смуглого красавца, возглавлявшего насупленных и сердитых стражей, и уже начал морщиться, предвидя длинную, изысканную, но пустую речь. А Райдид, сложив ладони на груди, продолжал, ничуть не обращая внимания на скривившегося гостя из подземелья:

— Мы счастливы почтить могучего победителя раваха и спасителя...

— Короче — рявкнул Конан. — Где шейх?

Стражник запнулся, выдавил кислую улыбку (ну что с дикаря возьмешь?!), но величавого тона не изменил, сказав:

— Мое сердце тонет в источнике сожаления, о воитель, но мудрого шейха нет в крепости Баргэми. Вчера на восходе он уехал, а куда — то мне неведомо. Шейх Джрафир взял с собой лишь шестерых лучших воинов и ускакал в пустыню, на восход...

— Так.... — только и сказал Конан. Он-то надеялся получить от Джрафира помощь — если уж не золотом, то хотя бы конем. А теперь даже о верблюде, видимо, мечтать не придется. Изволь до Султанапура пешком добираться! Эти скучные-кочевники, небось, и самого тощего мула пожалеют. Однако следующие слова Райдида развеяли мрачные мысли киммерийца.

— Почтенный! — начал стражник.— Шейх Джрафир предупредил нас, что, если ты появишься с добрыми вестями или даже дурными, то люди рода аль-Баргэми должны выполнить все твои просьбы. Но мы не ждали, что ты придишь... — Райдид выразительно глянул в сторону черневшего провала.— ...придишь оттуда. У меня приказ — убивать каждого, кто попытается прийти в наш оазис из подземелей. Там обитают одни враги...

Конан прищурился, внимательно посмотрел на стражника и усмехнулся.

— Все просьбы, говоришь? Хм...

— Что пожелаешь, почтенный! — поклонился Райдид. По лицу зуагира было видно, что его терзает желание задать Конану множество вопросов, но врожденная вежливость восточных кочевников не позволила спрашивать гостя первым, до поры, пока он сам не начнет рассказывать.

— Бассейн, много еды, вина и свежую лошадь,— решительно заявил киммериец, подумав, что пользоваться господствием Джрафира и его людей можно с полной бесцеремонностью.— И еще новую одежду!

— Будет исполнено, господин,— снова поклонился Райдид, во взгляде которого тонко смешивались удивление и некоторая брезгливость. Одеяния Конана и впрямь

больше подошли бы беглому рабу, а о том, что он таким ныне и является, киммериец предпочел умолчать... Пускай и короткое пребывание на медных каторжных копях превратило некогда добротную одежду варвара в ветхие лохмотья, к тому же донельзя грязные и попахивающие характерным ароматом общей пещеры... Конан блаженствовал, развалившись в роскошном мраморном бассейне. Что ни говори, но его расположение к семейству аль-Баргэми возросло до всех мыслимых пределов. Поглотив отличный обед, сдобренный не менее прекрасными винами, киммериец расслабленно лежал в нагретой солнцем, прозрачной, как горный хрусталь, воде и уж подумывал было остаться в оазисе на денек-другой — отдохнуть как следует после многодневного, изматывающего труда на проклятых рудниках. Но все последние события подталкивали Конана к действиям: он понимал, что донельзя странная история, в которую он волей-неволей оказался впутанным, должна быть доведена до конца, и именно им самим.

Конан никак не мог увязать воедино все детали — понятно, что странный водоворот закрутился вокруг кувшина джавидов, и за таинственной вещицей сейчас охотятся по меньшей мере две стороны: посланник из Кофа, подгорные карлики, жаждущие вернуть себе истинный облик, и вместе с джавидами он сам, Конан. Этим можно объяснить похищение Мирдани и те огромные деньги, что обещал заплатить Дагарнус человеку, что доставит ему кувшин джавидов. Становится ясно, отчего сосуд нужен королю Страбонусу — Сила, заключенная в древнем сокровище джавидов, может сделать его непобедимым...

Но вот вопрос: султанапурскому магу наверняка известно, что именно хранится в сокровищнице ничего не подозревающего пятитысячника. Но почему же тогда Радбуш доныне не прибрал кувшинчик к рукам? И потом, Джрафир, как сын шейха Джагула, тоже может быть осведомлен о вещи, которая даст ему все, что он только пожелает. Может быть, и нынешний шейх аль-Баргэми был бы не прочь завладеть Нейгламом? Ну и конечно же, нельзя списывать

со счетов Мораддина. Конан терялся в догадках, отчего бывший капитан личного хэрда царя Илдиза питает такую симпатию к джавидам — вряд ли обычный человек, да еще такой честолюбивый и некогда занимавший очень влиятельный пост, к тому же отличный боец, так запросто, по доброте душевной, подружится с уродливыми карликами, пускай и бывшими когда-то самыми настоящими гномами...

— Гномами?!

Конан выкрикнул это слово так громко, что прохаживавшиеся возле бассейна с видом разодетых в парчу и шелка вельмож павлины с удивленно-испуганными криками шарахнулись к близлежащим кустам белых роз и затаились, посматривая на вскочившего, расплескивая вокруг тысячи брызг, человека. Киммериец хлопнул себя по затылку, отбросил со лба темные мокрые волосы и, прокричав: «Головой, дурень, думать надо, а не тем, чем на седло садишься!», снова рухнул в воду, окунувшись с головой. Прогуливавшийся неподалеку (якобы для порядка) здоровенный стражник вздохнул, украдкой постучав себя пальцем по лбу. И как только шеих подобных дикарей у себя привечает?

«О Кром и все великие боги, как же я сразу не догадался!» — смятенно подумал киммериец. Сейчас Конан был убежден, что не ошибается. Когда-то давно он встречался с подгорными гномами и, надо сказать, что их общение не принесло ни ему самому, ни маленьким рудознатцам ничего хорошего. Впрочем, вспоминать историю про то, как он хотел завладеть сокровищами гномов, Конан не собирался — дела прошлые и прочно подзабыты — но вот внешность истинных представителей гномьего племени он помнил преотлично... И теперь знал, на кого похож Мораддин, этот бывший гордый гвардец агралпурского монарха, а ныне — жалкий старший надсмотрщик на забытых всеми богами каторжных колях, принадлежащих царю Турана.

Все сходится! Невысокий рост Мораддина, невероятная для такого коротышки сила, потрясающее владение ору-

жием и истинно гномья вежливость и любезность... Ну да, и люди встречаются, наделенные такими качествами. Но есть у гномов одна отличительная и малоизвестная непосвященным примета: ложа ногтей у подгорного племени не розовые, как у людей, а светло-коричневые, да большой палец на руке не в пример людскому сильнее и длиннее. Конан заметил темные ногти на руках Мораддина еще в его пещерке на каторжных колях, когда старший надсмотрщик подавал вначале кружку с вином, а потом меч. Только тогда Конан не придал этому значения.

Ошибки быть не может. А если вспомнить, как Ниорг отослал Мораддина обратно, почитай на полпути к оазису, и тот пошел в полнейшей темноте к своим рудникам, да так уверенно, словно над головой солнце светило... Гномы видят в темноте не хуже кошек. Добавить к тому почтительность, с которой Мораддин обращался к Ниоргу, едва только в ноги ему не падая... Да и для человека у Мораддина слишком уж небольшой рост при ладно сложенной, коренастой и мощной фигуре; борода опять же, а туранцы ее обычно бреют...

Впрочем, уж больно много в этом странном начальнике охраны рудника и человеческого — надо полагать, что гном он только наполовину, либо по отцу, либо по матери. Что ж, и такое бывало...

«Да-а-а... — Конан отрешенно глядел на стоящий у бортика бассейна кувшин с вином. — Если правда, что Мораддин в прямом родстве с гномами, то загадок только прибавилось. Кто ответит, как Дагарнус мог связаться с Мораддином и выкупить мою свободу? Или, может быть, они работают вместе? А что скорее, джавиды через Мораддина хотят выйти на Дагарнуса и вызнать, в чьих руках находится этот проклятый кувшин. А если джавиды знают, что я единственный, кто сумеет вывести их к сокровищу, способному изменить судьбу маленького народца? Очень уж все запутано...»

Ладно, надо ехать в Султанапур и плевать на усталость! У Стейны отосплюсь, да заодно узнаю, как там Мирдани...

Сет их всех пожри! А ведь в тот проклятый день я просто хотел попросить у зуагиров воды!..»

И все-таки Конана не оставляло странное ощущение, что за всеми событиями минувших двадцати дней стоит некая фигура, до сей поры ему неизвестная. И это, конечно же, не Ниорг, не Дагарнус и не прыщавый Турлей-хан. Инстинкт варвара подсказывал киммерийцу, что золотой кувшинчик джавидов очень и очень интересует кого-то еще, пока что искусно скрывавшегося в тени.

Глава тринадцатая

Конан, как и рассчитывал, добрался до Султанапура глубокой ночью. Городские ворота были закрыты, но возле стен горело несколько костров — пришедший из Замбулы караван не поспел к заходу солнца — ворота Султанапура закрывались на ночь, и купцы, даже не разбивая шатров, коротали ночь прямо под стенами, терпеливо ожидая рассвета. Киммериец знал наверняка, что городская стража не успела забыть грандиозной облавы на человека, покусившегося на персону эмира и собственность Турлей-хана, и, конечно же, его приметы еще помнят — с такой разительно отличающейся от облика жителей Турана внешностью трудно будет остаться незамеченным. А до безопасного убежища — дома Стейны — идти придется через весь город. Попадать же в руки пятитысячника или снова оказаться на рудниках у Конана не было никакого желания.

Оазис Баргэми он покинул после полудня, вытребовав у Райдида отличного коня, запас еды и питья, а также новый меховой плащ. Вспоминая выражение лица казначея, в очередной раз по настоятельной просьбе варвара разорившего сокровищницу шейха, Конан с ухмылкой подумал, что обязательно вернется туда еще раз, просто так, и даже просить ничего не будет... Стоит снова посмотреть на трясущиеся руки хранителя сокровищ и его исполненное оскорблённого достоинства лицо. Старик выдал киммерийцу десять империалов с таким видом, будто ему пришлось расстаться с полови-

ной несметных богатств шейха. А вот куда уехал сам Джифир, которому Конан хотел сообщить хорошие новости про Мирдани, так и осталось неизвестным.

Киммериец передал через начальника стражи, что сестра сиятельного шейха в безопасности и, возможно, скоро вернется в отчий дом. Впрочем, сам киммериец не был уверен в своих словах — не исключено, что Стейна не сумела спрятать Мирдани от гнева Радбуша и пятитысячника...

Конан подъехал к караванщикам, едва посмотревшим в его сторону — под стенами Султанапура опасаться разбойников не приходилось — и, выискав человека в самых богатых одеждах, приблизился к нему. Толстый пожилой замбулец поначалу неохотно заговорил с подозрительным типом, но Конан, ничуть не смущаясь, представился ни больше, ни меньше, как личным телохранителем Турлейхана, которого хозяин отправил с важным поручением в один из близлежащих оазисов.

К утру, когда прекрасное тонкое вино многолетней выдержки, прихваченное варваром из подвалов крепости Баргэми закончилось, торговец из Замбулы уже готов был считать Конана отличным парнем, а байки киммерийца о «службе» в гвардии Турлей-хана выслушивал с серьезностью — надо полагать, купец смекнул, что недурно иметь такого знакомца в Султанапуре.

С восходом солнца раздался оглушительный рев труб — сигнальщики на башнях у городских ворот оповещали людей, что проход в Султанапур для торгового люда открыт. Караванщики поднимали верблюдов, гасили костры, собирали поклажу, а замбульский купец, которому принадлежал весь караван, подъехал к человеку, собиравшему подать за въезд в город и налог на ввозимые товары. Показав ему подорожные и уладив денежные дела, толстяк махнул рукой своим, и цепь верблюдов и мулов потянулась в город.

Конан рассчитал правильно — натянув на лицо капюшон, он поехал рядом с мулом купца, а городская стража приняла его за одного из караванщиков или личного охранника толстого, пожилого торговца. Еще раз возблагода-

рил всех богов за то, что стражники во всех городах мира одинаково тупы, нелюбопытны и поленятся лишний раз проверить все как следует, Конан проехал в город и, тепло попрощавшись с купцом, довольным столь удачным знакомством, направился к Верхнему городу.

— Эй! — вдруг раздался позади голос замбульца, и Конан, обернувшись, увидел озабоченное лицо толстяка. — Скажи, как тебя найти, если мне понадобится аудиенция у какого-нибудь вельможи? Мы же договорились, что ты мне поможешь, если появится надобность!

Конан, мгновение подумав, фыркнул и, любезно улыбнувшись торговцу, ответил:

— У охраны дворца Турлей-хана спроси, как найти Конана. Тебя тут же отведут ко мне или прямо к нему самому.

Торговец заговорщики подмигнул киммерийцу, кивнул и, пнув мула пятками, направился за своими верблюдами, которых погонщики уже направили к торговой площади, а Конан, все еще посмеиваясь над своей шуточкой, пустил лошадь рысью. Без всяких приключений он добрался до Верхнего города, благополучно миновал патрули и, оказавшись в посольском квартале, быстро разыскал дом Стейны, который, внешне ничем не выделяясь между строгих зданий, имел к солидной дипломатической службе весьма косвенное отношение...

Спешившись у крыльца, он привязал поводья к коновязи, и требовательно постучался в оказавшиеся запертymi двери. Через некоторое время створки приоткрылись. В узенькой щелке показалась заспанная физиономия охранника.

— Чего ломишься? Закрыто уже, — пробасил он и собрался было захлопнуть дверь, но Конан придержал ее носком сапога.

— Мне нужна хозяйка, — заявил он властным тоном.

— Сказано же тебе — закрыто! Вечером приходи. Мы работаем, сам понимаешь, не с утра! — Вышибала пытался затворить дверь, но киммериец всем телом налег на створку, толкнув ее бедром и правым плечом, а его левый кулак

нанес молниеносный сокрушительный удар под ребра охраннику «Врат Студольствий». Тот, коротко крякнув, отлетел вглубь коридора, к лестнице, ведущей наверх и, скорчившись на полу, молча страдал, не в силах сделать вдоха. Конан спокойно вошел, прикрыл дверь, перешагнул через грузное тело вышибалы, и стал подниматься к общему залу, памятному по его неудачной схватке с султанапурскими стражниками и придворным магом эмира.

Где-то наверху хлопнула дверь, и Конан тихонько засмеялся, услышав:

— Великая Иштар! Что за похотливые кобели! Какому сыну Нергала приспичило на рассвете?! Что, до вечера не потерпеть? Так на то есть простые уличные потаскухи!

На верхней площадке возникла сама Стейна, запахнутая в просторное одеяние, которое лишь снатяжкой можно было назвать халатом. Голова хозяйки была замотана широкой полосой мягкой ткани, кожа лица блестела и лоснилась, щедро умащенная целебными маслами, а голос старой знакомой киммерийца гремел, подобно боевым трубам.

— Стейна, детка моя! — широко улыбнулся Конан. — Если ты так встречаешь всех своих гостей, то скоро разоришься.

Возникла продолжительная пауза. Стейна внимательно разглядывала стоящего на несколько ступеней ниже Конана, который, вдобавок не оборачиваясь, отвесил пинка очутившемуся охраннику, пытавшемуся сзади напасть на обидчика.

— Я ожидала тебя со дня на день! — пробасила, наконец, женщина. — Пошли, что ли? — Она кивнула головой, приглашая Конана следовать в дом. Не ожидавший столь равнодушного приема киммериец пожал плечами и, погрозив кулаком смотревшему на него волком вышибале, двинулся за Стейной к ее комнате. Миновав общий зал, он не без удовольствия отметил, что далеко не все следы учиненного им побоища устраниены — кое-где на мебели виднелись глубокие царапины, оставленные оружием, но ковры Стейна все же успела заменить на новые. Вот интересно, сколько теперь осталось от тех пяти тысяч, что дал Дагарнус?

— Морду за такие дела бить надо! — заявила Стейна, перехватив любопытный взгляд Конана. — Ведь просила по-человечески не портить мне обстановку, так нет же!..

Оказавшись в своих покоях, хозяйка, ничуть не стесняясь, сбросила прозрачную накидку и устала рухнула на кровать.

— Следуй моему примеру, — сказала она варвару. — Я до сих пор обижена на тебя и теперь требую возмещения. Если хочешь вина — возьмешь сам. Все объяснения потом.

— Нигде мне покоя нет! — проворчал Конан, расстегивая пояс с подаренным Мораддином мечом. — Будет сейчас тебе... возмещение...

* * *

— Ну, что ж, я вознагражден за десять дней каторги... — изрек Конан. Он лежал на спине, закрыв глаза, и поглаживал по щеке Стейну, положившую голову ему на грудь. Наконец-то варвар чувствовал себя отдохнувшим, и только легкая приятная истома разлилась по телу. Не хотелось даже тянуть руку за стоявшим на резном столике бокалом вина.

— А я даже рада, что ты попортил ковры, — прошептала Стейна, потервшись, как кошка о гладкую кожу на широкой груди киммерийца. — Иначе мне с тебя не пришлось бы требовать награду.

Конан с хрустом потянулся и лениво проронил:

— А я и бесплатно могу, чего уж там... — Голос его вдруг изменился и стал серьезным. Он осторожно убрал руку Стейны, ласкавшую его густую черную гризу. — Ладно. Поговорим о делах. Где зуагирка?

— Мирдани? — уточнила Стейна.

— Да.

— В тот же вечер, когда тебя... м-м... схватили, за ней приехали от Радбуша и увезли к нему во дворец. Насколько я знаю, с ней там неплохо обращаются.

— Представляю... — вздохнул Конан. — Ты совсем не смогла ее спрятать?

— Радбуш потом, когда тебя уже увезли, рыскал по всему дому, будто принохиваясь. Я подумала, ищет что-то. Так и оказалось...

— Кинжал? — перебил Конан. — Можно было догадаться не давать его Мирдани! Эти проклятые маги чуют волшебные игрушки за лигу. Тьфу!..

Он встал и, подойдя к столику с фруктами, взял самый большой персик, перебросил его Стейне, а сам занялся огромным яблоком. Некоторое время слышался лишь сочный хруст, а затем Стейна, отерев губы шелковым платочком с тонкой вышивкой, стоившим, скорее всего, не меньше полуимпериала, небрежно бросила его на пол и, подняв глаза на Конана, продолжила:

— Я знала, что Дагарнус собирается выкупить тебя с категори. Он сказал, у вас осталось какое-то дело, которое не успели довести до конца.

— Но почему ему нужен именно я? — тихо, словно сам себе задавая вопрос, пробормотал Конан и, глянув на Стейну своими пронзительно-синими глазами, добавил уже громче: — Что, кофиец не мог попросить тебя найти подходящего человека для этого дела? Думаю, в Султанапуре немало пройдох, способных выкрасть у Турлея ту штуковину.

Стейна хмыкнула и покачала головой.

— Спросишь у него сам. Сегодня я пошлю за Дагарнусом. Он не сомневался, что, сбежав с коней, ты вернешься именно ко мне. Кофийцу пришлось выложить немало золота какому-то негодяю там, на рудниках. Не помню его имя... То ли Мораддин, то ли Морадан...

— Он не негодяй, — проворчал Конан, — хотя, кто он такой, я толком и не знаю даже. Но человек он, по-моему, неплохой. Или не совсем человек... А, может быть, и совсем не человек...

— То есть? — У Стейны округлились глаза. — Ну-ка, ну-ка, рассказывай, он что, демон?

Повествование о приключениях после неожиданного нападения турецкой гвардии во главе с Радбушем на заседение Стейны заняло у Конана довольно много времени. Своей старой подруге киммериец доверял безоглядно и

поведал все, начиная от долгих допросов в темнице мага и заканчивая разговором со старым джавидом и неожиданной догадкой о происхождении Мораддина. Стейна слушала спокойно, не перемежая рассказ Конана обычными для женщин «ахами» и «охами», лишь изредка щекочала языком да головой покачивала.

— Ну, так, — сказала она, когда киммериец закончил, — ты хоть понимаешь, во что ввязался сам и впутал меня, а?!

— Да вроде бы... — мрачно отозвался Конан, — и представляю, каковы ставки.

Стейна откинулась на подушки, закатив глаза, и воззвала:

— О великая Иштар, за что ты наказываешь на старости лет свою верную ученицу, посылая мне наказание в виде тупого разбойника-варвара! — Хозяйка схватилась за голову, а затем снова уставилась на Конана. Тот уловил страх в ее глазах. — Ты, медведь киммерийский, понимаешь, что все, кто посвящен в тайны, связанные с высшей магией, да еще и не человеческой, долго не живут?! Я еще недостаточно насладилась жизнью, чтобы меня прирезали шпионы Страбонуса, вислоухие карлики или этот твой головорез Мораддин! Мильй мой, запомни навсегда, что каждый, знающий о вещи, способной даровать если не господство над всем миром, то по меньшей мере любой трон или любую корону, ходит по краю пропасти, дно которой — Серые Равнины!

— Брось, — отмахнулся Конан, — я заберу кувшин у Турлей-хана, отдам джавидам, а от Дагарнуса мы сумеем отвязаться. Джавиды спрячут сокровище надежно. Оно не принесет вреда никому.

— Вот как? — Стейна задумалась. — А что ты там говорил о желании, которое выполнит заключенная в сосуде магия гномов?..

Конан расхохотался, и, подсев к подруге, обнял и поцеловал ее.

— Детка, магия никогда не приносila добра людям. Опасно связываться с ней вообще, а уж с магией гномов и подавно! Так что давай лучше попробуем задурить голову Дагарнусу, вытянуть из него побольше золота, чтобы обес-

печить тебе безбедную старость. А Нейглам оставил Ниоргу и его народцу. Так что теперь я хочу еще раз навестить дворец Турлей-хана, забрать кувшинчик и спокойно заняться делами, ради которых я и направлялся в Султанапур из Немедии. А обо всем прочем забыть навсегда!

Стейна посмотрела на него, как на безумца, намеревавшегося либо вычерпать Вилайетское море ковшом, либо объявившего себя наместником Митры на земле.

— Я всегда считала, что с головой у тебя не все ладно, но чтобы настолько!.. И, кроме того, кувшин, о котором ты толковал, сейчас вовсе не у Турлей-хана.

— Что?! — поднял брови Конан. — Что ты сказала?

— Что слышал! — грубо ответила Стейна и, встав с постели, набросила на плечи свое невесомое одеяние. — Кувшин у Радбуша. Я знаю это достоверно.

— Но откуда?! — изумился киммериец. Чуток подумав, он поморщился, догадавшись, почему Стейна настолько осведомлена в делах придворного мага султанапурского эмира. — Он тебе сам сказал?

— Хвастался! — бросила Стейна презрительно. — Полагаю, Радбуш так и не сумел приручить твою дикую зуагирку и ищет утешения у меня. Третьего дня явился по мою душу...

— По душу, ты уверена? — хохотнув, перебил Конан.

— Заткнись, болван, и слушай, что мамочка говорит! — рявкнула Стейна и даже слегка стукнула кулаком по столику. — И оставь при себе свои варварские шуточки!

Хозяйка прошлась по комнате, чтобы немного успокоиться, и киммериец подумал, что сейчас она похожа на флагманский корабль, идущий на врага. Наконец, Стейна развернулась к Конану и продолжила:

— Радбуш рассказал, что нашел в сокровищнице Турлея некую вещицу, содержащую в себе магии больше, чем вся Стигия со своими колдунами и богами вместе взятыми. Он так и светился от счастья... Заплатил в тот вечер вчетверо больше обычного, кстати. Ну, да это тебя не касается... Все мне выложил, полный вечер трещал, ровно канарейка! Я его таким никогда не видела. Рассказал, будто выкупил

у Турлей-хана золотой кувшин, а тот, дурачина, почитал волшебную вещь никчемной, пусть и дорогой, безделушкой. Намеки делал, когда язык от вина развязался, что эта штука позволит ему вскоре в Агралпуре обосноваться, да не простым магом, а кое-кем посерьенее. А после того, что я сейчас узнала, даже женского ума хватит понять, что Радбуш мог задумать. Догадываешься?

Конан сидел с открытым ртом — настолько серьезного оборота событий он не ждал. Значит, теперь сокровище джавидов во дворце мага, и не стоит забывать, что он не последний по силе и дарованию. Дело здорово осложнялось. Впрочем, оставалась небольшая надежда успеть добить Нейглам прежде, чем Радбуш пожелает им воспользоваться. Магу будет необходимо время на подготовку. И потом, надо помнить, что Мирдани сейчас в серале колдуна, и если попытаться с нею встретиться и уговорить помочь...

— Дагарнус знает? — коротко спросил Конан, и Стейна отрицательно покачала головой.

— Я ему не говорила. Кажется, кофиец по-прежнему убежден, что гномий сосуд у Турлея. А знаешь, почему Дагарнус добивался твоего освобождения?

— Почему? Впрочем, понимаю. Господину посланнику не хочется посвящать в тайну новых людей. Чем меньше народу в Султанапуре знает о причине появления здесь Дагарнуса, тем лучше. Так?

— Наверно, — вздохнула Стейна. — Если б ты знал, как я устала от этого всего! Грабители, магия, гномы... киммерийцы дикие... Уф! Но ты прав, голубок — я сдуру сболтнула Дагарнусу о некоторых твоих прежних похождениях, и теперь он уверен, что ты — единственный, кому он может довериться. Не забудь, он считает тебя еще и верным служащим покойного шейха Джагула, посвященным в эту историю изначально...

— Точно! — Конан заходил по комнате взад-вперед, взъерошивая обеими руками волосы.

«Да, ведь Дагарнус в тот раз рассказал мне о Нейгламе, — вспомнил киммериец, — хотя всей правды не сказал, конечно...

но. Уверял, будто сосуд может использовать лишь ученый маг. И про силу, скрытую в Нейгламе, особо не распространялся. А когда кувшинчик окажется у него, кофийский посланник найдет способ заткнуть рот варвару-наемнику — хоть золотом, которого у короля Страбонуса немерено, хоть ядом или кинжалом. Что ж, посмотрим, кто кого перехитрит — шпион из Кофа или варвар из Киммерии!»

— Так мне посыпать за Дагарнусом? — осторожно спросила Стейна, искоса поглядывая на Конана. Он решительно кивнул и начал быстро одеваться.

Стейна, позвав одну из девушек, немедля приказала ей под любым предлогом и как можно быстрее привести в дом кофийца, днем обычно находившегося в здании Посольской Канцелярии Кофа, а сама, исчезнув на краткое время в боковой комнатке, привела себя в надлежащий вид.

— Эй, Конан! — вдруг послышалася ее бас из-за ширмы. — А у меня для тебя есть подарочек, моя прелесть! Иди-ка сюда.

Она стояла перед зеркалом, пряча что-то за спиной, и, как заметил варвар, эта вещь была довольно увесистой. Конан не был расположен к игре в загадки и спросил прямо:

— Что там еще?

— Фу, какой ты неблагодарный! — фыркнула Стейна, скривив губки. — Между прочим, сохранила специально для тебя. Держи и будь счастлив, что я по-прежнему остаюсь твоим другом, несмотря на урон, причиненный этой проклятой штуковиной!

Она протянула Конану его собственный меч, тот самый, что много лет сопровождал варвара во многих приключениях и выпал из его руки в миг, когда Радбуш сковал киммерийца своими чарами.

— Стейна!.. — только и смог выговорить Конан, бережно принимая оружие из ее рук. — Детка, дай я тебя расцелую!

— Целуйся со своим... м-м... ковыряльником! — осклабилась Стейна, довольная тем, что доставила удовольствие Конану возвращением воистину дорогой для киммерийца вещи. — Со мной еще нацелуешься, если не надоест.

— Это вряд ли! — весело воскликнул Конан и, выхватив клинок из ножен, проделал пару замысловатых финтов, да так лихо, что Стейна взвизгнула и испуганно отскочила в угол.

— Зеркало, дурень, расколотишь! И вообще, попал вон! Не мешай мне одеваться!

— Да пожалуйста! — бросил через плечо Конан и, продолжая рубить перед собой воображаемых врагов, вернулся в спальню. Некоторое время он оглядывал комнату, точно промериваясь к креслам, маленьким табуреткам, вазам и прочим хрупким предметам; вдруг прыгнул, как играющий тигр, на кровать, подхватил с покрывала подушку и, подбросив ее в воздух, разрубил пополам. В мальчишеском азарте он совершенно позабыл, что подушки обыкновенно набивают перьями или пухом, и, когда Стейна вошла в комнату, то перед ней представал растерянный киммериец с обнаженным мечом в руке окруженный вихрем белоснежного пуха, медленно оседавшего на его волосы, плечи, на ковры и мебель.

Стейна оценила открывшуюся ей картину одним коротким словом, от которого даже видавшему виды Конану стало как-то неуютно.

— Да брось ты! — смущенно проговорил он, слезая с кровати. — Это я от радости. Такой подарок!

— Я впишу на твой счет и стоимость этой подушки, — сварливо пробасила Стейна, не в силах более сдерживать смех. — Ты и так мне задолжал.

— Ну, ты же знаешь, как я отдаю долги. И с какими процентами!..

Скрипнула дверь, на пороге возникла девица, посланная хозяйкой за Дагарнусом. Она вернулась быстро — жилище кофийского посланника в Султанапуре располагалось всего через улицу от «Врат Студовольствий». Отмахиваясь от круживших в воздухе пушинок и удивленно рассматривая гостя Стейны, прятавшего в ножны меч, девушка нерешительно шагнула к хозяйке и, слегка поклонившись, запечатала ей на ухо.

— Можешь идти, — сухо сказала Стейна и, когда дверь за служанкой закрылась, серьезно посмотрела на Конана.

— Что-то случилось? — спросил он, видя тревогу на ее лице.

— Странные дела, — тихо произнесла женщина. — Дагарнус-то придет, и скоро. Но есть новость, уж не знаю, хорошая или плохая. Утром кто-то пытался убить Турлейхана, когда он выезжал из своего дома, направляясь ко дворцу эмира на доклад. Рано утром... Ты же явился сразу после восхода, и ворота в город открыли незадолго до покушения на пятитысячника. Твоя работа?

Конан приподнял бровь и улыбнулся углом рта:

— А ты как думаешь, подружка?

— От тебя можно ждать чего угодно! — заявила Стейна, резко развернувшись и села на край кровати, раздраженно отмахнувшись от летавшей у лица, подобно назойливой мухе, пушинки. — Так что скажешь?

— Нет, я к этому делу отношения не имел. Но такое чувство, что покушение на жизнь нашего прышавого вояки связано с... Ну, ты понимаешь.

Стейна с размаху саданула ладонью по перине, и пух, густо усыпавший постель, снова взвился в воздух. Конан подозрительно посмотрел на ее ставшее злым и некрасивым лицо. Наконец, она сказала:

— Это только начало. Сердцем чувствую, надо ждать большой беды.

* * *

Дагарнус даже не вбежал, а скорее влетел в покой Стейны. По его раскрасневшейся, взъерошенной физиономии Конан определил, что кофийский посланник ждал этой встречи долго и с большим нетерпением. Едва успев захлопнуть за собой дверь, Дагарнус уставился на киммерийца и, прежде чем тот успел раскрыть рот для приветствия, выпалил:

— Наконец-то! Наш уговор по-прежнему в силе, как я понимаю?

Конан выдержал многозначительную паузу, намеренно желая чуточку поиграть терпением шпиона Страбонуса, и, встав с кресла да заложив руки за спину, медленно прошел-

ся по комнате, из которой служанки уже успели вымести большую часть гусиного пуха.

— В силе, — с серьезным видом подтвердил он. — Кстати, я хочу поблагодарить тебя. На рудниках было очень неуютно...

— Ерунда! — отмахнулся Дагарнус. — Подкупить этого тушицу Мораддина было делом простейшим! Если знаешь — несколько лет назад он потерял все состояние и должность при дворе Илдиза и сейчас нищ, как последний наемник, пропивший жалованье в кабаке! Он с удовольствием согласился сделать так, чтобы ты получил свободу, а на копях считали, будто ты умер. — На лице нобиля появилась кислая мина и, вздохнув, он добавил, как бы невзначай: — Пятьсот империалов, однако...

— Можешь это вычесть из моей награды, — сказал Конан, поморщившись. — Надеюсь, мои десять... э-э... девять с половиной тысяч ждут — не дождутся нового хозяина?

— Конечно, — кивнул кофиец и хитро улыбнулся. — Точно так же золотому кувшинчику не терпится отправиться в Хоршемиш, к его величеству Страбонусу и господину Тсота-Ланти. Итак, когда ты примешься за дело? Желательно побыстрее...

Конан снова примолк, дотянулся до кувшина с вином, раздумывая, рассказал ли Дагарнусу о том, что Нейглам сменил хозяина, затем налил только себе и, осушив кубок одним глотком, проворчал:

— Хоть сегодня. Только... За время моего отсутствия положение немного изменилось.

Дагарнус насторожился и сжал кулаки, предполагая, что варвар сейчас снова начнет торговаться. Но Конан лишь хотел осторожно выведать у кофийца некоторые детали, которых сам он не понимал.

— Турлейхана убить хотели, — тихо сказал киммериец. — Случайно не знаешь, кто и почему?

— Слышал об этом... — буркнул Дагарнус. — Весь город с утра только и говорит о покушении. Прошу поверить, что я не имею ни малейшего представления о причинах, вызвавших это, равно и о личности нападавшего. Возможно,

дворцовые интриги или что-то наподобие... Сам понимаешь, мне смерть пятитысячника не на руку.

— Кстати, — Конан внимательно посмотрел на посланника, так и сверля его взглядом. — Скажи-ка, любезный, если Страбонус через тебя так просто выкладывает наемнику пятнадцать тысяч золотом, то отчего ты не мог попросту выкупить кувшин у Турлей-хана, а?

Дагарнус разочарованно взглянул на варвара, словно желая сказать: «Что ж, никто и нетам сомневался в твоем скудоумии, киммерийский громила», но ответил вежливо:

— Дело в том, что моего государя не очень... уважают в Туране. Попытка купить, даже за огромные деньги, казалось бы, ничего не значащую вещицу может вызвать подозрения у пятитысячника, и он, несомненно, оповестит эмира и его мага. А Радбуш вполне способен учゅять магическую мощь, упакованную в кувшин, и тогда — прощай все надежды...

Конан потер шею ладонью, размышляя, и задал новый вопрос:

— Насколько я знаю, Тсота-Ланти, прямо скажем, не образец доброты и праведности. Не пойму, сожри меня Нергал, отчего кофийский маг дал тебе кинжал, наполненный белой магией? Как я считаю, светлые силы никогда не используют оружие темных и наоборот. А кинжалчик-то определенно... ну... не черный.

— Кинжал я использовал без приказа Тсота-Ланти, — нехотя пробормотал Дагарнус. — Дело в том, что Раэн Танасульский вложил в него силу, способную противостоять любой, — он выделил голосом последнее слово, — любой магии. Даже нечеловеческой.

— Понятно, — кивнул киммериец, подумав про себя: «Так, значит, скотина, ты знаешь, что магия гномов-джавидов никак не относится к стигийскому черному колдовству, а просто чужда людям! А пугал Стигиец и Сетом! Ну, теперь держись у меня!..»

— Кувшин уже у Радбуша, и я знаю это достоверно, — не задумываясь, выложил Конан свою последнюю карту и твердым голосом добавил, желая добить побледневшего Дагарнуса окончательно: — Еще пять тысяч золотом сверху.

За дополнительную опасность. И сохранение полнейшей тайны, — и сам изумился последовавшей тираде почтенногого нобиля. Если быть точным, то лицо Дагарнуса вначале вытянулось, затем сменило сразу три цвета — с багрового на белый, а потом зеленый — и достойный посланник, не справившись со своими чувствами, в кратких, но донельзя цветистых и вычурных выражениях изложил все, что думает о султанапурском маге, кавалерийском пятитысячнике и всяких разных киммерийцах, которые способны меньше чем за день пустить по миру как короля Страбонуса, так и всех его подданных. Высказавшись, Дагарнус потребовал объяснений.

Конан с невинным видом сообщил кофиюцу все, что рассказала Стейна, не раскрывая, понятно, источник, откуда были почерпнуты эти сведения, и развел руками, как бы говоря, что теперь ни один нормальный и здравомыслящий человек не возьмется за столь опасное дело.

— Только представь: обмануть бдительность стражи, проникнуть в сокровищницу мага (*мага, прошу заметить!*), преодолев множество преград (*магических, опять же!*), выкрасть оттуда вещь, не привлекая внимания Радбуша... Сампонимашь, такой подвиг достоин дополнительного вознаграждения...

— Ну хорошо, — стиснув зубы, прошипел Дагарнус. — Еще пять. Итого — четырнадцать с половиной. Деньги доставить сюда?

— Ага, — простодушно кивнул Конан. — Первую половину можно прямо сейчас. А остальное утром. Когда кувшинчик будет стоять на этом столике.

— Скотина... — едва слышно произнес кофиец и, не дожидаясь ответа Конана, вскочил, бросив через плечо: — Будет тебе половина! — и исчез за дверью, хлопнув ею так громко, что с потолка полетели белые крошки краски.

«Ну вот, — ядовито усмехаясь, подумал Конан. — Семь с лишним тысяч еще до заката будут лежать здесь, а наутро посмотрим, чья возьмет! Только дожить бы до утра...»

Глава четырнадцатая

Из дома Стейны Конан вышел незадолго до заката, как раз в то время, когда во «Врата СтаУдовольствий» начали стекаться гости. Хозяйка, как и всегда, устроила все в лучшем виде. Конь киммерийца был отведен на конюшню, где уже давно стояла белая кобылка, принадлежавшая некогда Турлей-хану. Животина на этот раз отнеслась к Конану спокойнее, видимо, подзабыв тот жуткий день, когда похититель перекрашивал ее грязью из зловонной лужи. Сам киммериец был одет в темную куртку и такие же штаны, меховой плащ сменила более скромная черная накидка с широким капюшоном — в запасе у Стейны было множество разнообразных одеяний на все случаи жизни. Кто знает, не придется ли в один прекрасный день хозяйке процветающего дома терпимости спасаться бегством из города? Всякое может случиться, особенно если поведешься с киммерийцами...

Конану после ухода Дагарнуса не пришлось ничего объяснять подруге — Стейна, по своему обыкновению, подслушивала и не пропустила ни единого слова из их беседы. Она возмущенно добавила, что столь наглого, поистине, варварского грабежа среди бела дня в жизни не видела. Подумать только — так разорить посольскую казну!

— Можешь брать с Дагарнуса поменьше за услуги, — предложил ей Конан в ответ на это. — А сейчас, милая моя, скажи, не бывала ли ты в доме Радбуша?

Выяснилось, что Стейна несколько раз заезжала к магу по его личному приглашению, и однажды Радбуш в приступе безудержной доброты, какие порой посещали мага после особенно бурно проведенной ночи, показал ей весь свой дворец, за исключением подземелий и кабинета, где маг занимался своим ремеслом. Она прекрасно помнила расположение коридоров, верхних комнат и даже нарисовала Конану корявый, но достаточно подробный и понятный план. К сожалению, Радбуш не повел тогда Стейну в сокровищницу, и где она располагается, хозяйка «Врат» представления не имела.

— Безумная затея, — спокойно сказала Стейна Конану, ведя его в обход общего зала и комнат для гостей к задней двери, выходящей в соседний переулок. — Если ты не вернешься, я буду скучать по тебе. Сам знаешь, связываться с Радбушем небезопасно, хотя человек он не такой уж и плохой... Просто очень впечатлительный и... одержимый какой-то. Кстати, за деньги свои можешь не переживать — я из Дагарнуса все вытяну, до последнего. И оставлю на память о тебе...

— Не сомневаюсь, — ответил Конан. — Только, во имя Крома, не трать их на ковры, — он толкнул дверь и чмокнул Стейну в щечку. — Счастливо, красавица. Жди ночью или к утру, да на всякий случай предупреди своих вышибал, иначе они все зубы потеряют. Некрасиво получится!

...Сейчас киммериец шествовал, закутанный в темный плащ, в складках которого прятался меч, по улицам Верхнего города, освещенным закатным солнцем. Он надеялся, что ничем не выделяется среди других горожан, вышедших на вечернюю прогулку, разве что своим высоким ростом. Конану показалось, что стражи на городских улицах несколько больше, чем обычно, но он решил, что это связано с загадочным и неудачным покушением на Турлей-хана сегодня утром, о котором толком ничего не было известно даже Стейне, чей дом был одним из главных центров городских сплетен и новостей. Говорили лишь, будто неизвестный выпустил в пятитысячника арбалетную стрелу, но промахнулся, а строй телохранителей, мигом сомкнувшись вокруг господина, не

позволил ему закончить свое дело. Неудачливый убийца скрылся, и никаких вестей о его поимке пока не было...

Конан не желал утруждать себя бессмысленными раздумьями о причинах, подтолкнувших кого-то стрелять в прыщавого вельможу, но в голове упорно вертелась мысль, что и здесь не обошлось без сокровища джавидов. Только при чем тут Турлей? Нейглам же давно у Радбуша... «Узнаю знакомые места! — оглядываясь, думал киммериец.— Эта улица ведет к дворцу Турлей-хана, а за ним еще через два квартала должен быть дом Радбуша. Пока совсем не стемнело, следовало бы хорошенко осмотреть все подходы к нему и разузнать пути к отступлению».

Конан прибавил шагу, желая добраться до цели как можно быстрее, а когда позади раздался конский топот, не стал обращать внимания на нагонявшую его кавалькаду всадников. Лишь гулко разносившийся по улицам зычный голос глашатая, ехавшего впереди, заставил варвара обернуться и прижаться к стене дома.

— Дорогу сиятельный Турлей-хану! — надрывался передний всадник.— Дорогу!

И точно — в окружении не менее тридцати телохранителей и гвардейских офицеров, обнаживших сабли, ехал сам пятитысячник. Конан разглядел его голову, увенчанную сейчас не тюрбаном, а островорхим стальным шлемом, и презрительно хмыкнул: «У страха глаза велики! До чего же его утром напугали, беднягу!»

...Дальнейшие события разворачивались столь стремительно, что Конан не успел толком разобраться во всем происходящем. Когда всадники миновали стоящего у стены северянина, строго оглядывая прохожих, окна и крыши домов в поисках злоумышленников, чуткий слух киммерийца различил среди ударов копыт о каменную мостовую, тихий, донельзя знакомый звук. Щелчок арбалетной тетивы. И тотчас один из всадников молча, вскинув руки, вылетел из седла. Короткий стальной арбалетный болт угодил Турлей-хану в горло справа, понизе кадыка.

Пятитысячник тяжело рухнул на булыжники мостовой, а одна из лошадей, что скакали позади, не успела остановиться

и отвернуть, так что тело — Конан не сомневался, уже мертвое — попало ей под копыта. А дальше началась паника.

Крики телохранителей, свист стрел, направленных на крышу дома справа, конский топот и ржание, испуганный гомон благонамеренных горожан, женский визг... Все слилось в единый вопль ужаса и смятения, и Конан, осознав, что нужно немедленно уносить ноги, рванул вниз по улице, пока охрана Турлей-хана, парализованная суматохой, не додумалась хватать или рубить каждого, оказавшегося поблизости. Мельком киммериецглядел смутный силуэт, метнувшийся по крыше дома, с которой был произведен смертельный для пятитысячника выстрел, но присматриваться было некогда. Позади уже гремели подковы конной стражи, рассыпавшейся по улицам и наверняка получившей наконец чей-то вразумительный приказ перекрыть весь квартал. Натужно и отчаянно заревел боевой рог, объявлявший тревогу — еще немного, и здесь будет чуть не вся стража города.

Конан вихрем влетел в узенький темный проулок, пробежал его до конца, свернулся к проезду, уводящему от дворца Турлей-хана к стене Верхнего города, и, лишь достигнув ее, позволил себе перейти на обычный спокойный шаг. Отправившись вдоль стены в обход опасного места, киммериец продолжал оглядываться и при виде любых подозрительных конников или же спешно подтягивавшихся к центру Верхнего Султанапура патрулей старался скрыться в тени домов. У него и мысли не возникло перенести посещение дома Радбуша на другой вечер. Непредвиденная смерть Турлей-хана была даже на руку Конану — это может отвлечь большую часть стражи на облаву в городе, а надзор за другими зданиями и их охрана наверняка ослабнет. Но в то же время опасность возрастила — в случае поимки киммерийца безусловно опознают и, кто бы ни был убийцей пятитысячника, подозрение непременно падет на Конана. Впрочем, варвару не впервые было играть со смертью в прятки — и в который раз он пошел напролом, полагаясь лишь на верный меч, да на хитрую лису-удачу.

* * *

«Выходит, тот, кто замышлял убийство пятитысячника, не отступил после утренней неудачи и повторил попытку на закате,— думал Конан, шагая по окраинным улицам к дворцу Радбуша.— Это как же надо было невзлюбить Турлей-хана, чтобы осмелиться снова в него стрелять в тот же самый день, да еще когда стражников вокруг полно, и все готовы глотку перегрызть любому, если им хоть что-то покажется неладно. Кром, кто ответит — кому потребовалось убивать Турлея так поспешно и безрассудно? Ох, не похоже это на дворцовые интриги, совсем не похоже!» Впрочем, кто бы это ни совершил, Конан признавал, что замысел был исполнен на славу — никто из охраны толком ничего не успел понять, а Турлей-хан уже валился замертво с седла испуганной лошади. По тревоге подняли не только городскую стражу, но и личную гвардию эмира, а вдобавок к ним — стоявшую в казармах возле гавани кавалерию, которой прежде командовал пятитысячник. И теперь вся эта орда, громыхая оружием и размахивая факелами, носилась по начинающим затихать улицам города, распространяя панику и недоумение среди перепуганных горожан, ничего не понимавших в происходившем.

Кое-где вошедшие в азарт погони вояки уже хватали показавшихся подозрительными людей, тут же на месте устраивая допрос с пристрастием и выясняя, что этот бедняга делает на улице в час, когда добропорядочным горожанам полагается сидеть по домам и наслаждаться заслуженным отдыхом. Киммериец сам дважды едва не нарвался на подобные засады — в первый раз он увидел рыскающих по улицам стражников чуть раньше, чем они заметили его, и успел метнуться в глухую тень кипарисов, ограждавших богатый дом, а в другой пришлось прыгать через забор и прятаться в каком-то саду, выжидая, пока стражники уберутся прочь.

Конан совершенно не хотел рисковать и объясняться со стражей о причине поздней прогулки, наличии оружия и необычной для туранца внешности — безусловно подозрительной и внушающей недоверие. К тому же, чем Сет не

шутит, еще попадется какой-нибудь ретивый недоумок, который узнает его...

Он прошел еще несколько кварталов, все больше убеждаясь в том, что сами стражники явно не имеют представления о том, кого они ищут, однако изо всех сил стараются навести побольше шума, видимо, в надежде заставить человека, напавшего на Турлей-хана, покинуть свое убежище и удариться в панику. В наведении страха на мирных жителей султанапурские власти преуспели вполне — то и дело в домах с шумом распахивались окна и встревоженные горожане окликали соседей, интересуясь, что происходит.

Слухи, один страшнее другого, расползлись по городу юркими змейками едва ли не быстрее продвигавшихся по улицам отрядов, и вскоре Конан с интересом услышал от позднего прохожего, бегущего что есть сил по узкому проулку и затравленно озирающегося по сторонам, совершенно достоверную весть: на город движутся ордой объединившиеся гирканские кочевники. Они уже на побережье и вот-вот начнут штурм ворот... А с ними идут пираты с Вилайета, и зуагиры, и... Дальше северянин дослушать не успел, потому что в конце улицы загромыхали копыта и показалась патруль, числом не меньше двух десятков человек. Горожанин тут же порскнул куда-то, как крыса, а Конан поспешил скрыться за углом.

Следуя указаниям Стейны, киммериец нашел обиталище придворного мага довольно быстро — приземистое, расползшееся во все стороны, точно осьминог, здание находилось неподалеку от дворца эмира. Вполне возможно, оно было связано с покоями султанапурского наместника тайным подземным ходом — и такую возможность следовало учитывать. Ворота в стене, отделявшей дворец Радбуша от улицы, были почему-то приоткрыты, охрана возле створок отсутствовала. Конан быстро оглядел пустынную пока еще улицу и проскочил в щель, оказавшись во внутреннем дворе. Впереди темнело двухэтажное строение. Ни в одном из узких длинных окон не было видно света. Странная, неестественная тишина повисла над домом. Конан пересек двор, подошел к массивной двери из редкого черного дерева с

бронзовыми украшениями и с удивлением отметил, что она открыта. Он увидел, что кованый железный брус, служивший засовом на внутренней стороне двери, был «с мясом» вырван из удерживающих его скоб и одним концом уткнулся в пол, не позволяя двери захлопнуться. Киммериец осторожно вытянул меч из ножен и его кончиком слегка толкнул дверь, оставаясь по-прежнему снаружи. Оторванный засов проскряжал по полу, дверь неохотно распахнулась, и Конан заглянул внутрь.

За дверью начинался довольно длинный коридор, уводящий вглубь дома, и при свете одиноко чадящего факела на стене Конан увидел, что сразу за порогом вповалку лежат не менее пяти человек. Темные ручейки только начавшей подсыхать крови собирались кое-где в лужицы, а некоторые тянулись дальше по коридору.

«Ну, знаете ли! Что, в конце концов, происходит в этом проклятом городе? — Варвар осмотрел трупы, обнаружив, что часть стражей была убита саблями, а двое заколоты кинжалами. — И такое — в доме мага самого эмира! Как это прикажете понимать? Что за странные игры ведут высшие сановники Султанапура? И, главное, кому они проигрывают?..»

Перешагнув через мертвых охранников и прихватив факел, Конан, настороженно прислушиваясь, медленно двинулся по коридору. Вскоре он выявил, куда вели кровавые следы от порога — двое раненых стражей пытались отползти и, наверное, позвать на помощь, но нападавшие догнали их и прикончили. Интересно, что сталоось с прочими обитателями дома? Почему Радбуш не защитил своих людей? И где, собственно, он сам?

Коридор выходил в просторный зал с несколькими дверями и лестницей, ведущей на второй этаж. На ступеньках неподвижно лежал человек, и, наклонившись над ним, северянин понял, что этот, в отличие от стражи у дверей, не зарублен и не заколот. Человек — судя по одежде, слуга либо помощник Радбуша — был задушен тонкой стальной нитью. Глубокий ровный порез на шее не кровоточил, и варвар разглядел, что стальная струна

подобно острейшему лезвию разрезала несчастному гортань и перерубила хрящи на горле. «Ничего не понимаю, — честно признался себе Конан. — Походж, кто-то решил, как крыс, извести всех представителей власти в городе? Сначала Турлей-хан, теперь эти горы трупов у Радбуша... Великие боги, да как же можно перебить столько народу в центре города, рядом с дворцом эмира, и не поднять переполох? У меня так ни разу не получалось... Тут, пожалуй, есть чему поучиться».

Во дворце стояла странная тишина. Варвару почему-то вспомнилось, как десять — или двенадцать? — лет назад он стоял над грудой тлеющих развалин, что когда-то назывались фортом Венариум, уничтоженным в одну ночь спустившимися с гор киммерийцами. Тогда руины аквилонской цитадели окруживало такое же зловещее молчание...

Конан поднялся по лестнице на один пролет, но там не нашлось ничего, указывающего на личность неизвестных, учинивших во дворце разгром. Лишь к деревянной стене был пригвожден стрелами охранник. Стрелы, впрочем, никакими особенностями не отличались — самые обыкновенные, с тремя перьями пустынного ястреба, подкрашенными синей краской. Такие связками продаются на городском базаре... Судя по всему, верхние этажи нападавших мало интересовали — пристрелив выскочившего навстречу стражника, они не пошли дальше, а, надо полагать, просто перекрыли выходы — высокие фаянсовые вазы, украшавшие площадку на лестнице, остались целы, а в случае драки их бы непременно разбили. И вот вопрос: куда делись налетчики? Ведь штурм дворца происходил совсем недавно, наверняка во время покушения на Турлей-хана или даже позже. Трупы остыть не успели! Что же, надо идти вниз, к сокровищнице... Те несколько дней, что варвар провел пленником мага в дворцовой темнице, не забылись, и дорогу туда киммериец помнил, однако в тот раз Конана доставили в дом с другого входа... Сейчас же оставалось лишь отыскать лестницу, ведущую к подземным помещениям, и Конан снова спустился в зал первого этажа и по очереди

проверил все двери. За одной оказался пустующий темный зал, за другой — библиотека, чьи стеллажи были до верха набиты пергаментными свитками и толстыми фолиантами в роскошных переплетах.

Следующая дверь упорно не желала открываться, и Конан решил пока не тратить на нее времени. Наконец, отворив очередные тяжелые створки, варвар попал в длинную и узкую галерею, большую часть которой занимал массивный стол, загроможденный множеством серебряных и медных предметов, о назначении которых киммериец мог только догадываться. Судя по тому, что на столе имелся также оправленный в золото хрустальный шар для гадания, Конан предположил, что именно здесь Радбуш занимался своей магией. Часть стеклянных магических приспособлений была перебита, над осколками поднимался едко пахнущий дымок, а из трещин колб, ванночек и трубок вытекли струйки разноцветных жидкостей, образовав на полу радужные разводы.

Быстро осмотрев помещение, Конан решил было, что других выходов отсюда нет, но, приглядевшись, заметил чайто сапог, торчавший, как ему сперва показалось, прямо из стены. Он метнулся туда — очередной мертвый охранник с метательным ножом, наискось вошедшим в горло, застрял в потайной двери, и его тело не дало тяжелой створке закрыться. За дверью обнаружилась узкая винтовая лестница, уходившая вниз, в темноту. Наполовину прогоревший факел сыпал искрами, едва освещая путь. Конан спускался по лестнице, то и дело натыкаясь на трупы — охранники Радбуша сражались до последнего, шаг за шагом отступая вниз. Он насчитал еще около десятка мертвцев (убитых самым разнообразным оружием) и почти сотню ступеней, когда лестница закончилась в сводчатом коридоре, тускло освещенном несколькими уцелевшими лампами с масляными фитилями внутри. Коридор киммериец узнал с первого взгляда — его бывшая камера выходила в похожий, если не в этот же самый.

«Но что же тут произошло? — недоумевал Конан, тихо ступая по каменным плитам коридора и время от врем-

мени заглядывая в камеры и укромные закутки — не уцелел ли кто-нибудь из защитников дома. — Такое впечатление, что нападавшие ворвались, зарубили растерявшихся от неожиданности стражников у входной двери чем-то вроде легких сабель, а затем начали действовать по обстоятельствам — душили, метали ножи, некоторых подкарауливали за углом... Оставшиеся в живых разбежались или попытались уйти в подвал, чтобы оттуда выбраться из дворца. А может, они рассчитывали найти здесь какую-то помощь? Судя по всему, ни то, ни другое оборонявшимся не удалось... Но где же сам Радбуш? Или на дворец напали в его отсутствие?»

Не представляя, что и делать, варвар плонул на осторожность и негромко прокричал:

— Эге-гей! Есть тут кто-нибудь?

Эхо гулко отдалось в коридоре и стихло. Похоже, что в этом большом пустом доме, полном залов, переходов, потайных лестниц и комнат, он был единственным живым существом, если не считать рычащих где-то в подземельях зверей, которых Радбуш, надо полагать, использовал для своих магических и ученых изысканий.

Впереди мелькнул свет, гораздо более яркий, нежели тот, что давали масляные светильники на стенах, и Конан прижался к холодному камню, торопливо опустив свой факел. Но свет не приближался и не удалялся, и, выглянув из-за угла, киммериец увидел источник странного сияния — проем между стеной и чуть приоткрытой маленькой железной дверью. До нее было не более десяти шагов, и Конан осторожно заглянул в комнату за дверью, но поначалу не смог ничего разглядеть. Яркий свет лился из лежавшего на полу полупрозрачного шара, и ослепленный киммериец откатил его в сторону, набросив сверху темную тряпку, попавшую под руку. Режущее глаз сияние ослабло, варвар увидел стоящие вдоль стен огромные сундуки, окованные полосами стали, а затем — распростершееся под бесформенной грудой тряпок мертвое тело, из-под которого натекла большая и тускло мерцающая в приглушенном свете шара темная кровавая лужа.

Конан осторожно перевернул на спину лежавшего ничком на полу человека и, узнав его, от неожиданности отступил, негромко выругавшись. У его ног покоилось бездыханное тело личного мага султанапурского эмира Радбуша, убитого одним ударом кинжала в сердце. На лице мага застыло удивленно-недоумевающее выражение застигнутого врасплох человека...

Нож Конан тоже узнал. Это был его собственный кинжал, подарок шейха Джагула аль-Баргэми. Оружие аквилонского мага, жившего в древности.

«Просто замечательно! А что, если бы еще до того, как я сюда попал, здесь оказалась бы стража или сам эмирский судья? Вот бы потеха! На кого бы они подумали в первую очередь? У кого прежде видели этот кинжал? У меня — вряд ли. Я его никому не показывал — кроме Радбуша, но он едва ли сможет теперь на меня показать. А вот у почтенного месьора Дагарнуса его прежде видели многие. И пойди докажи, что он его подарил какому-то зуагиру?! Не-ет, здесь действует кто-то очень умный и хитрый. А кинжал я все-таки заберу, пригодится. Радбуш не последний маг на этом свете».

Конан наклонился, выдернул всаженный по самую рукоять клинок, и тут сзади прозвучал тихий и вежливый голос:

— Объясни, зачем тебе это понадобилось?

Конан развернулся, вскидывая меч, но успел остановить руку, уже готовую нанести удар. Убивать неожиданного гостя он не собирался. В дверях стоял старший надсмотрщик Кезанкийских медных рудников Мораддин, а из складок его капюшона выглядывала маленькая летучая мышь. Белый зверек скалил мелкие и острые как иголки зубы, сердито шипя. Мораддин покачивался с носков на пятки, бесстрастно осматривая сокровищницу, и терпеливо ожидал ответа на свой вопрос.

— Я его не убивал,— мрачно сказал Конан.— Когда я пришел, Радбуш уже был мертв... А ты сам что здесь делаешь?

— И я должен тебе верить? — Мораддин, не обратив внимания на вопрос варвара,sarкастически поднял бровь.— Может, ты скажешь, что и стражу дворца перебил не ты?

— Соображаешь, что говоришь? — огрызнулся киммериец, усилием воли подавив острое желание придушить настырного коротышку и поскорее смыться отсюда. Инстинкт да и обычная логика подсказывали ему, что дому Радбуша недолго стоять пустым.— Я, знаешь ли, пусть и недурно владею мечом, но положить пятьдесят человек, не поставив на уши всю Туранскую империю, не в состоянии...

Старший надсмотрщик беззвучной скользящей походкой вошел в комнату, тщательно осмотрел тело бывшего султанапурского мага, покачал головой и сожалением признал:

— Пожалуй, я склонен тебе поверить. Если бы ты один устроил всю эту бойню, едва ли тебе удалось бы застать Радбуша врасплох. Да и кинжал ему всадили под каким-то странным углом. С твоим ростом так бы не вышло... Хорошо, допустим, что убил мага не ты. Тогда кто?

— А я почем знаю? Тот же, кто расправился со стражниками. Точнее, те же.

— Верно. Но сколько их было? — задумчиво спросил то ли у Конана, то ли у самого себя Мораддин.

— Откуда мне знать? Может, сотня. А может, человек пять или шесть. Очень хороших бойцов, если они смогли справиться с ним...— Конан кивнул на труп мага.— Он хотел здесь спрятаться, или же у Радбуша в этом подземелье хранилось нечто, способное одолеть нападавших...

— Наверное,— Мораддин покачал головой, видимо, в ответ на собственные мысли, затем быстро обошел сундуки, пытаясь поднять крышки, но ни одна не шелохнулась.— Интересно, они нашли то, что искали? Мне почему-то кажется, что нашли...

— А я думаю, что если мы будем здесь торчать, то никому не докажем, что не имеем к этому делу никакого отношения,— перебил Конан.— Мне-то все равно, я уже

покойник, причем дважды... А вот у тебя будет полно неприятностей. И кстати, как ты здесь оказался?

— Через дверь и по лестнице,— без тени улыбки ответил Мораддин.— Но, похоже, я пришел чуть раньше тебя и чуть позже них... Просто дольше искал вход. А насчет того, откуда и почему я здесь взялся... Мышка нащептала.

Он пощекотал пальцем пушистую грудку крылатого зверька, и тот с готовностью подтвердил слова хозяина тихим писком. Поняв, что поиски ни к чему не приведут, Мораддин задумчиво произнес:

— Его здесь нет. Они его забрали.

— Кого — его? — уточнил Конан.

— Кувшин, конечно,— терпеливо пояснил Мораддин.— Только не говори мне, будто ты пришел сюда не за Нейгламом, а для философской беседы с почтенным Радбушем.

— Ну да, за Нейгламом,— признал Конан.— А... А тебе-то он зачем?

Не отвечая, Мораддин покинул сокровищницу, вышел в коридор и направился к лестнице. Конан, озадаченно посмотрев ему вслед, пробормотал: «Ну дает старина Ниорг — похоже, послал за своим сокровищем всех, кого только мог! Если у одного не получится, то другой уж точно пробьется!» — и отправился следом. Варвар догнал Мораддина уже на середине лестницы — старший надсмотрщик, судя по всему, очень торопился.

— Тебя, как мне кажется, послал Ниорг,— быстро сказал ему киммериец вдогонку.

— И что же? — негромко вопросил Мораддин, обернувшись.

— Да тол! Я тоже явился к Радбушу по его поручению.

— Дальше? — Голос Мораддина был по-прежнему бесподобен.

— Если цель у нас одна, то почему бы не объединиться? — Конан выпалил это, не слишком задумываясь над своими словами. Он редко предлагал кому-то действовать заодно, предпочитая любой опасности противостоять в одиночку. Но Мораддин был ему по душе — а в этом запутан-

ном деле хотелось найти кого-то, кто сможет при необходимости прикрыть тебе спину...

Конан в упор смотрел своими синими глазами на низкорослого полугнома, и тот, после краткого раздумья, вздохнул и протянул ему руку.

— Ты не лукавишь,— сказал Мораддин.— Я умею чувствовать такие вещи.— И вдруг, сдержанно и тихо рассмеявшись, добавил: — М-да, хорошая компания подобралась — бывший капитан хэрда и северный дикарь!.. Ладно, пошли.

Конан невольно поморщился — рукопожатие Мораддина оказалось уж больно крепким для такого коротышки. Да, сила гномьего племени в нем жива... Что ж, такого человека лучше иметь в союзниках, чем во врагах.

Глава пятнадцатая

Первым опасность почуял Мораддин. Со стороны длинной сводчатой галереи, шедшей вдоль всего первого этажа дома Радбуша, доносились неясные шорохи и лязг железа. Конан, шедший вслед за своим бывшим надсмотрщиком, решил было, что в той стороне прячутся уцелевшие после разгрома дворца люди или кто-то из раненых пытается выползти во двор, но Мораддин, подняв ладонь, остановил киммерийца, прислушался, а потом едва слышно прошептал:

— Шесть человек. Все вооружены и, насколько я могу судить, раненых там нет...

Конан не успел подивиться, откуда его спутнику ведомы такие подробности, как вдруг Мораддин, схватив варвара за запястье, быстро потянул за собой к коридору, уводящему в западную часть дворца. Киммерийцу пришлоось последовать за ним, но для порядка он нагнулся и прошипел:

— Куда тащишь? Выход в другой стороне!

— Помолчи, пожалуйста,— пробурчал Мораддин.— Всем сердцем чувствую, что через главные двери нам уже не выйти. Где шестеро — там и шестьдесят. Так что боковой вход нам подойдет скорее.

Они прошли еще с десяток шагов, миновав коридор и оказавшись возле лестницы, ведущей наверх. Два трупа на нижних ступенях не вызвали у них особого интереса. Но тут Конан резко остановился, вспомнив кое-что важное. И как только он мог забыть об этом?! Впрочем, немудрено...

— Э, постой,— окликнул он своего спутника.— А где здесь женская половина?

Мораддин запнулся от неожиданности о край ковра и изумленно уставился на варвара снизу вверх.

— Тебе не кажется, что это несколько не ко времени? — спросил он. — Или так не терпится?

— Заткнись,— рыкнул Конан.— Я не о том! В доме была женщина, ее похитили, и семья хотела, чтобы я ее отыскал.

Мораддин вздохнул, оглянулся и, после некоторого раздумья, указал на лестницу, ведущую ко второму этажу.

— По-моему, там.— Он потянул носом воздух и сказал уже увереннее: — Точно, наверху. Попахивает благовониями и ароматическими маслами... Идем?

Конан рванулся вверх по лестнице, перепрыгивая через две-три ступени. Когда он оказался на верхней площадке, то увидел массивную дверь, выложенную плитками самоцветных камней и, само собой разумеется, труп стражника. Этот был убит особенно необычно и изощренно — из пустотой, вытекшей глазницы торчала длинная металлическая игла. Киммериец уже собирался толкнуть дверь, предварительно сняв с ручек саблю незадачливого стражера, положенную на них сверху так, чтобы створки было невозможно открыть изнутри, когда сзади послышался голос Мораддина.

— Удивляюсь, какими искусствами были нападавшие.— Он кивнул в сторону мертвого охранника.— Метательные иглы с ядом употребляются лишь в одном месте, в Туманных горах, и обращению с ними надо учиться долго... А ему точно в глаз попали. Что стоишь, пора взглянуть, что там внутри...— Мораддин тихонько толкнул дверь ногой и, решительно отстранив Конана, юркнул в узкий коридор первым. Не привыкший идти в арьергарде киммериец мигом догнал Мораддина, хмыкнув:

— Так кому из нас не терпится?

— Я думаю, ему,— невозмутимо произнес Мораддин, указывая в стеннную нишу. Там, забившись в самый дальний угол, сидел человек, судя по напряженному, шумному

дыханию, живой и невредимый.— И не терпится ему очень быстро и коротко рассказать нам о произошедшем...

Могучая рука киммерийца выволокла из щели человека, по ближайшему рассмотрению оказавшегося пожилым евнухом в темных длинных одеждах. Стариакашка трясясь от ужаса, взирая на двух вооруженных людей так, словно они были демонами Нергала, явившимися забрать его живьем в царство теней.

— Ты кто такой? — рявкнул Конан и тут же получил от Мораддина локтем под ребра. Вспомнив, что поблизости уже вовсю разгуливает городская стража, варвар понизил голос, и, тряхнув евнуха за воротник, повторил: — Я тебя спрашиваю, кто ты?

— Я Габир ад-Дин,— пропищал толстяк, с нескрывающимся страхом взирая на громадного северянина.— Я — старший евнух в серале...

— Был старшим,— бессердечно поправил Конан.— Ты знаешь, что произошло во дворце?

Старик, пытаясь унять дрожь в голосе, пару раз шумно выдохнул, а затем дрожащим голосом начал рассказ:

— Я не видел, как они напали. Стражу перебили очень быстро, а потом ворвались сюда...

— Кто — они? — снова потряс евнуха за шиворот киммериец.— Как выглядели?

— Они походили на людей с востока. По-моему, кхитайцы... Человек восемь, может быть, больше. И с ними один — явно их хозяин — этот, скорее всего, турец. Пришли, напугали женщин, едва не убили меня...— старец бормотал все тише, и Конану приходилось подбадривать его легкими пинками. Евнух был напуган так, что боялся даже слово лишнее о неведомых налетчиках обронить.— А новая жена господина Радбуша обрадовалась, бросилась к нему и вместе с ними сбежала. Что я теперь скажу господину?!

— Он у тебя теперь едва ли теперь потребует ответа,— пренебрежительно усмехнулся Конан. И вдруг, почуяв неладное, спохватился и вновь принялся трясти несчастного скопца: — А как ее имя? Имя новой жены?

— Мирдани...— выдохнул евнух.— Она из племени зуагиров...

— Кром! — схватился за голову киммериец.— Да что, в конце концов, происходит? Ты уверен, что напавшие на дом люди были кхитайцами?

— Да,— едва не плача, простонал старик.— Они говорили между собой на своем языке, а я знаю достаточно слов по-кхитайски, чтобы опознать это наречие... У господина несколько жен из Кхитая...

Конан, осталбенев, замолчал, пытаясь увязать воедино убийства Радбуша и Турлей-хана, уничтожение почти всех слуг и охранников придворного мага, неизвестно откуда свалившихся кхитайцев, которым обрадовалась Мирдани, и заодно появление Мораддина... Если бы последний не дернулся киммерийца за рукав, то у Конана от усиленной работы мысли повалил бы из ушей дым.

— С нами, мне кажется, хотят побеседовать,— быстро проговорил Мораддин, указывая в сторону площадки наверху лестницы.— Не думаю, что эти люди просто желают осведомиться о нашем здоровье...

Евнух Габир, взвизгнув коротко и обреченно, вырвался из ослабевших на мгновение рук Конана и со всех ног кинулся дальше по коридору в полумрак, а сам киммериец выхватил меч, заметив появившиеся силуэты людей. Явно военных или стражников.

— Беда в том, что в гареме лишь один выход,— огорченно заметил Мораддин, оценивающим взглядом смерив приближившихся туранцев. — Как это не досадно, но придется прорываться с боем. Вот и посмотрим, на что ты способен, Конан из Киммерии... Только позволь мне сказать первое слово...

Потомок гномов левой рукой захихнул выползшую на плечо мышку поглубже в капюшон, правой порылся под одеждой, и варвар не успел разглядеть, как неожиданно вывернулась ладонь Мораддина, из которой с протяжным свистом вылетели одна за другом несколько метательных звездочек.

Конану показалось, стражников было четверо. Северянин убедился в этом, переступая через трупы. Он лишь

уважительно пробурчал что-то под нос, заметив в горле у каждого по четырехконечной серебряной звезде, размером с монету. Мораддин одним движением руки сумел уложить всех четверых так, что ни один даже не пикнул.

«Недурного попутчика мне послали боги! — мелькнуло в голове у Конана.— Если бы я на руднике знал, с кем связываюсь, Кром свидетель, был бы поосторожнее!»

— В Туране в последнее время появляется все больше кхитайцев — среди них бывают и отличные бойцы, у которых есть чему поучиться,— пояснил Мораддин, неспешно извлекая свое невесомое, но смертельное оружие из ран, и снова пряча где-то в складках одежды.— Так, насколько я понял из твоей беседы с этим... почтенным старцем, женщины, которую ты искал, здесь нет?

— Похоже, что нет,— мрачно отозвался Конан.— А вот загадок прибавилось. Как тут могли оказаться кхитайцы? Чем им не угодил Радбуш, и зачем им далась Мирдани? Ты, похоже, сталкивался с ними побольше моего — объясни! Или это и не кхитайцы вовсе, а кто-то другой?

— Как они здесь оказались, не могу понять. Но это их работа, можешь мне поверить,— со знанием дела подтвердил Мораддин.— Уж я подобного насмотрелся еще в хэрде владыки Илдиза. И ничего удивительного в том, что десяток великолепно обученных убийц без шума смогли захватить дворец в самом центре города. Нас самих такому учили... Знать бы только, кто их нанял для этой работы? Ну да ладно, давай лучше выбираться отсюда...

— Сложновато будет,— заметил киммериец, прислушиваясь к грохоту сапог на первом этаже здания.— Пока мы тут болтали, в дом сбежалось столько стражи, что прорываться придется с боем.

— Прикрывай меня со спины,— бросил Мораддин и, не дожидался возражений несколько ошеломленного таким требованием варвара, шагнул к лестничной площадке.— Внизу — по коридору налево. И быстро!

Они обрушились на ошеломленных стражников внезапно, словно лавина с горы. Трое были повержены Мораддином в считанные мгновения — они не успели даже понять,

что происходит. Но когда первый испуг прошел и в зале разнеслись боевые кличи и стоны раненых, Конану и Мораддину пришлось несладко.

Опешившие поначалу стражники довольно скоро разобрались, что напали на них лишь два неизвестно откуда выскочивших человека. Разумеется, никто не стал утруждать себя вопросом — а имеют ли эти двое вообще какое-либо отношение к событиям во дворце? Конан понял, что в любом случае именно он с Мораддином будут считаться виновниками произошедшего побоища. Он вскоре уяснил, что любая попытка прикрывать Мораддина являлась делом заведомо бессмысленным — невозможно прикрывать человека, находящегося в трех или четырех местах одновременно. Киммериец успел услышать, как снова свистнули, рассекая воздух, метательные звездочки, увидел стражников, валявшихся на пол, а потом ему стало не до коротышки-полугнома. Обозлившись не на шутку, стражники взялись за дело всерьез.

...Уже через мгновение вокруг Конана образовалась круговорть из кричащих людей, стремительно взлетающих кривых сабель, и растущий завал из тел убитых и раненых врагов. Вообще-то, в общей свалке есть и хорошая сторона — чем больше противников, рвущихся вперед и желающих показать собственное геройство, тем чаще они мешают сами себе, помогая обороняющимся. Северянин уже не раз попадал в подобные переделки, и прекрасно знал, что главное в таком бою — успевать следить за тем, что выделяют лежущие через головы друг друга нападающие, и не позволять слишком близко подбираться к себе — всегда может найтись какой-нибудь удачливый идиот, перед смертью подаривающий тебя своим оружием...

Легкие туранские сабли так и не сумели пробить брешь в щите, сплетенной тяжелым и длинным мечом северянина. Когда первая волна нападавших отхлынула и туранцы, сообразив, что так просто, с наскоку, огромного и мощного варвара не возьмешь, Конан мельком взглянул, как дела у Мораддина. Судя по валявшимся на полу поверженным гвардейцам, старший надсмотрщик справлялся со своей

задачей очень прилично. Его летучая мышка, кстати, тоже принимала участие в сражении — ничуть не испугавшись множества людей и горящих факелов, она выбралась из капюшона Мораддина, взлетела и вцепилась в физиономию одного из нападавших. Судя по раздавшимся воплям, когти и зубы у маленького крылатого негодяя были довольно острые...

Киммериец поиском взглядел коридор, о котором говорил Мораддин, и с некоторым удивлением обнаружил, что стоит шагах в пяти от входа в него. Правда, эти пять шагов следовало еще преодолеть, ибо отступившие было стражники, то ли набравшись смелости, то ли получив подкрепление, явно собирались повторить атаку.

— Эй! — рявкнул Конан, привлекая внимание Мораддина.— Пора уходить!

В два длинных прыжка киммериец добрался до открытой двери, по пути проткнув мечом одного из чересчур ретивых стражников, а спустя мгновение за варварам в темный коридор вылетел Мораддин. Они быстро захлопнули дверь, тотчас задрожавшую под ударами, задвинули ее слишком надежный на вид засов и бросились по проходу.

— Долго не продержится,— на бегу бросил Конан, оглядываясь на тонкие деревянные створки.— А драка вышла неплохая, что скажешь?

— Да,— коротко согласился Мораддин.— Но меня больше интересует, сколько людей может находиться во дворе...

Такое соображение Конану в голову как-то не приходило, но менять направление было поздно — обогнув поворот коридора, они выскочили прямо во двор. К счастью, выход располагался на приличном расстоянии от главных дверей дома и никто из стражников, заполнивших пространство перед дворцом, не ожидал, что отсюда появится враг. Карапул, конечно, здесь поставили, но справиться с тремя не слишком бдительными охранниками оказалось делом недолгим... Один из стражников упал, схватившись за распоротое звездочкой Мораддина горло, второго Конан попросту приложил об угол окованной тяжелой двери, а третьему тяжелый меч киммерийца снес полчерепа, несчастный рух-

нул навзничь, с размаху ударившись затылком о каменные плиты двора, и его мозги брызнули во все стороны, испачкав сапоги Мораддина.

Возле дома Радбуша тоже имелся сад, пусть и не столь густой, как у дворца пятитысячника, но вполне обширный, чтобы скрыть двух человек. Судя по донесшемуся вскоре грохоту и радостному вою, дверь в коридоре наконец вышибли, и уцелевшие после кровопролитного боя у входа в сераль воины высыпали во двор, немедленно рассыпавшись в поисках негодяев, учинивших только что настоящий разгром в рядах султанапурской гвардии?

Негодяи же сидели в кустах, прислушиваясь к каждому шороху, и шепотом обсуждали, как бы скорее и незаметнее покинуть негостеприимный дворец. Конан был уверен, что в царящей сейчас суматохе двоих беглецов никто не заметит, а потому надо попросту подобраться к воротам и в подходящий момент рвануть наружу.

Невозмутимый, рассудительный Мораддин, однако, заметил на слова варвара, что «подходящего момента» может и не случиться, а кроме того, выбравшись на улицу, великий риск натолкнуться на бесчисленных стражников, до сих пор рыщущих по городу в поисках убийцы Турлей-хана. По мнению старшего надсмотрщика, следовало пока отсидеться и посмотреть, как станут развиваться события. Не исключено, что лучше всего им вернуться во дворец и спрятаться в комнатах... Ведь, как известно, лучшее убежище — место, осмотренное врагом.

— Ноги моей в этом проклятом доме не будет! — пропищел в ответ Конан, чуть громче, чем следовало. Возмездие за несдержанность наступило немедленно.

— Там кто-то есть! Я слышал голоса! — крикнул кто-то из стражников, с треском вламываясь в кусты.— Дайте сюда факел!

Мораддин сокрушенно вздохнул, запустил в чрезмерно ретивого туранца своей звездочкой, попал, после чего быстро сообщил Конану, что больше метательных орудий не осталось и теперь, хочешь не хочешь, а придется уходить через ворота. И все из-за пагубной привычки некоторых

северян орать по любому поводу, вместо того, чтобы говорить, как нормальные люди... Киммериец пропустил слова Мораддина мимо ушей, ибо его внимание привлекло нечто более интересное, нежели брюзжание бывшего начальника или рвущиеся сквозь заросли стражники и гвардейцы. Лошади. Около десятка коней, оседланных и готовых в любой момент сорваться с места. Правда, под охраной, но какое это имеет значение?

— Мораддин, ты верхом ездить умеешь? — спросил Конан, потому что не очень представляя, как невысокий полугном, чья голова едва выглядывает над спиной лошади, сможет забраться в седло без посторонней помощи.

— Умею.— Во всегда спокойном голосе Мораддина мелькнуло что-то похожее на раздражение.

— Тогда — вперед,— и киммериец, не дожидаясь согласия спутника, под прикрытием кустов двинулся в сторону, где пофыркивали и звенели уздечками, настороженно пряная ушами, лошади. Конан уже почти добрался до цели, когда гвардеец, стороживший лошадей, заподозрил неладное, окликнул напарника и, подняв факел повыше, подошел к темным кустам барбара.

— Я — дальнего, ты — этого,— шикнул над ухом киммерийца Мораддин, стремительно бросаясь вперед. Конан мельком подумал, что, даже пробираясь через довольно густое переплетение ветвей, коротышка производит шума не больше, чем крадущаяся кошка.

Все было проделано тихо и относительно незаметно. Прежде, чем стражники во дворе и на улице сообразили, что происходит нечто подозрительное, двое верховых вылетели из ворот дома Радбуша и галопом понеслись по ночному городу в направлении посольского квартала.

* * *

Их обоих спас опыт Мораддина, прекрасно знавшего еще по своей службе в Аграпуре порядки в туранской гвардии и секретной службе. Несомненно, два всадника без форменной одежды, скачущие во весь опор по городу, в котором

после убийства пятитысячника были подняты на ноги все войска, не могли не привлечь пристального внимания.

На одних перекрестках Мораддин во весь голос орал, чтобы дали дорогу посланцам эмира, на других попросту сметал вставших поперек дороги незадачливых охранников, выкрикивая при этом какие-то непонятные слова... Позже Мораддин объяснил Конану, что в тайной службе владыки Илдиза приняты в качестве пароля некоторые фразы на древнем гирканском наречии, и мало кто из простых стражников рискнет остановить человека, их произнесшего: слишком уж велик страх этих служак перед всемогущим и грозным хэром.

— Куда едем? — выкрикнул Мораддин, поворачиваясь к Конану. Только что позади остался еще один пост стражи, рассыпавшейся в стороны, едва заслышив голос бывшего начальника тайной службы государя.— У тебя есть надежное убежище?

— Еще бы! — гаркнул Конан.— Гони за мной!

— Если оно в городе, то коней стоит оставить квартала за два до того,— услышал киммериец голос Мораддина.— Потом придется идти пешком. Нас могут найти по лошадям, больно уж они приметные. Видел тавро на левой ноге, почти у хвоста?

«Молодец, соображает! — с уважением подумал Конан.— Того бы мне пришлось без него...»

Завидев знакомые дома посольского квартала, киммериец натянул поводья, едва не подняв лошадь на дыбы, заставил ее остановиться, спрыгнул на землю и кивнул своему неожиданному союзнику, предлагая сделать то же самое. Еще пара улиц — и должен показаться дом Стейны.

— Пошли! — Варвар махнул рукой и пружинистой походкой зашагал вверх по улице, не забывая посматривать по сторонам. В посольском квартале патрулей было значительно меньше, нежели вокруг домов городской знати и вельмож, но нарываться на очередные неприятности не хотелось.

— Подожди-ка,— сказал Мораддин.— Сперва отправлю лошадей в другую сторону, чтобы не навели на след.

— Это как? — заинтересовался киммериец, обернувшись. — Напугаешь?

— Наподобие, — буркнул гном, и, прикрыв глаза, сложил ладони возле рта лодочкой, быстро что-то прошептав, а затем дунув в сторону взмыленных и тяжело дышащих лошадей. Те подняли головы, огляделись, а затем, к удивлению Конана, легкой рысью уверенно отправились в сторону, откуда только что прискакали.

— Магия? — настороженно спросил варвар.

— Да какая там магия! — отмахнулся Мораддин. — Так, умение от предков. Лошадки вернутся к хозяевам. Я много кем побывал за свою жизнь, но становиться конокрадом не хочу. Не в наших это традициях...

— Ну-ну, — только и сказал киммериец. Интересно, «наши традиции» — это чьи? Гномья, что ли? Конан помнил встреченного однажды гнома, по имени Алвари — маленького рыжего негодяя, который был куда менее разборчив в средствах достижения цели. Впрочем, у подгорного народа много разных племен, и среди них встречаются как те, кто свято чтит законы, так и самые обычные подлецы, воры и прохвосты... Варвару отчаянно не терпелось расспросить Мораддина о его происхождении, но времени пока для этого не было. А в родстве его с бородатыми рудознатцами киммериец уже не сомневался — пусть и ростом повыше, да и человеческого в Мораддине много, но внешность и некоторые типичные гномы повадки выдают.

Они двинулись по улице, мимо купеческих и посольских домов. По мнению Конана, уже давно перевалило за полночь, и, соответственно, во «Вратах Студовольствий» сейчас самое веселье, даже несмотря на последние события в городе. Разве что военных да офицеров городской стражи поменьше, а то и совсем нет. Ну и отлично — не придется пробираться в дом, будто ворам. Но все одно, ввалившись через парадную дверь им не с руки...

— Видишь? — киммериец указал пальцем на роскошное здание вдалеке с двумя вычурными красными лампами у входа. — Нам туда.

— Забавно, — чуть улыбнулся Мораддин. — Надежное убежище, говоришь? У тебя там что, друзья?

— Подруга, — уклончиво сказал Конан. Он не сомневался, что Стейна примет их обоих, но варвар также ясно представлял, в какие слова хозяйка «Врат» облечет вполне справедливое недовольство новым и опасным постояльцем.

— Именем эмира! Вы, двое — стоять! — Голос прогремел из темного проулка, в котором скрывался наряд стражи. Оттуда им прекрасно была видна вся улица и каждый прохожий, а сами стражники оставались в тени, почти невидимые и незаметные. Мораддин, не раздумывая ни единого мгновения, повернулся и шагнул навстречу вышедшему из темноты офицеру, а Конан, недобро ощущаясь, уже положил ладонь на рукоять скрытого под плащом кинжала.

— Кураб дазах. — Видимо, эти слова Мораддина были одним из тайных паролей, потому что лицо десятника, за спиной которого маячили еще четверо вооруженных туранцев, недоуменно вытянулось. Сделав паузу, полутоном чуть поклонился офицеру, и сказал:

— Мое имя... Сах-ад-Дин, капитан хэрда Агропура. — Он ткнул рукой в стоявшего рядом Конана, добавив: — Этот человек со мной. У нас свободный проход через посты.

Десятник помолчал, оглядывая подозрительных субъектов, а потом медленно и тяжело произнес:

— Пароль изменен шесть дней назад. Капитан хэрда его величества не может не знать об этом... Говори правду, недомерок, кто ты такой и почему используешь чужое имя?

Офицер едва заметным движением руки дал понять своим, что задержаны необычные и вызывающие сомнения люди. Стражники, выступив из полумрака переулка и обнажив оружие, встали по сторонам, закрывая Конану и Мораддину путь к отступлению. Киммериец еще раз убедился в незаменимости нового напарника. Конан едва успел выхватить меч из ножен за спиной и пронзить солдата, имеющего неосторожность приблизиться к варвару на рас-

стояние удара — а Мораддин за это время голыми руками уложил двоих стражников, а затем и офицера.

Первый беззвучно отлетел к стене купеческого дома, пораженный молниеносным ударом под ребра справа, второго Мораддин завалил на землю в прыжке, сломав ему шею странным приемом — локоть полугнома ударили туранцу в левый угол нижней челюсти, а вторая его рука в этот же момент коснулась правого виска стражника, в результате чего голова неестественно вывернулась и послышался короткий, но ясно различимый хруст позвонков. Мигом позже подошва сапога бывшего гвардейца Илдиза соприкоснулась с физиономией десятника. Конан искренно удивился, увидев, как офицер падает на мостовую, прижав обе руки к глазнице, из которой хлынула кровь вперемешку с содержимым глазного яблока. «Не забыть бы спросить, что за мастер его обучал,— мелькнуло в голове у киммерийца.— Если этот парень где-то поблизости...»

— Эти твои,— отвлек его голос Мораддина, но Конану указания не требовались. Остолбеневшие при виде мгновенной гибели командира солдаты были не в силах даже поднять саблю, не то что оказать киммерийцу достойное сопротивление. Его меч беззвучно мелькнул в воздухе, задев двух оставшихся стражей в самые уязвимые места на шее, и те, захлебываясь своей кровью, рухнули на плиты, коими была вымощена улица.

— Какая досада, что изменили пароль,— с искренним сожалением в голосе сказал Мораддин, мрачно оглядывая поле боя.— Если бы все оставалось как прежде, они ушли бы живыми. Хотя... хорошо уже и то, что о новом пароле не вспомнили те, кого мы встретили раньше, пока ехали сюда. А то неприятности начались бы куда раньше!

Конан нагнулся над десятником, уже не подававшим признаков жизни и, внимательно изучив в свете уличного фонаря странную рану на его лице, в недоумении повернулся к полугному.

— Слушай, а как ты это... Сапогом?

— Неужели никогда не видел? — изумился Мораддин, и выставил вперед правую ногу.— Посмотри на носок.

— Ну и дела,— выдохнул киммериец, выпрямившись после внимательного осмотра необычной обуви своего спутника. Из подошвы мягкого сапога Мораддина выглядывало меньше чем на ноготь острие темной стальной иглы. А когда тот по особенному стукнул каблуком о камень, игла вдруг выскочила почти на ладонь вперед и тут же вновь исчезла.

— А внутри иголки — узкий канал с ядом,— как бы невзначай заметил коротышка.— Ладно, давай пока оттащим их вон к тому сарайчику.

Предложение было совершенно верным — не следовало оставлять следы своей бурной деятельности всего в двух шагах от возможного убежища. Дом Стейны, после того как Радбуш захватил там киммерийца, все еще оставался под подозрением.

Убедившись, что поблизости, кроме них, никого нет, варвар вместе с Мораддина мигом перетащили все пять трупов в переулок к огороженному невысоким и редким заборчиком сараю, и забросали их сеном, которого нашлось достаточно для воздвижения туранским воинам небольшого и недолговечного надгробного памятника в виде округлого стожка. Из главного входа в заведение Стейны высунулся вышибала, не столь давно избитый Конаном, и киммериец, сочтя за лучшее не попадаться лишний раз на глаза, увлек Мораддина в узенький проход между домами, где находился задний вход для кухарок и торговцев. Неожиданно для Конана дверь оказалась запертой.

— Как негостеприимно,— хмыкнул он, дергая за ручку.— А я ведь предупреждал, что приду.

— Вскрыть? — поинтересовался Мораддин, оценивающим взглядом окидывая замок.— Мне не сложно.

— Да ну...— отмахнулся Конан.— У нас в Киммерии делают вот как...

Одного пинка оказалось достаточно, чтобы дверь, испущанно хрустнув, распахнулась, повиснув на одной петле, а вылетевший из пазов засов с глухим лязгом отлетел в коридор.

— Хорошая страна Киммерия,— вздохнул Мораддин.— Только теперь дверь чинить придется.

— Брось! — поморщился Конан, затаскивая спутника в полутемный коридор.— Сейчас наверх, на второй этаж. Познакомлю тебя с хозяйкой.

Мораддин покорно прошел за варваром по узкой лесенке, затем по скрытому от гостей проходу для прислуги, и наконец бесшабашная парочка оказалась возле покоев Стейны. Конан приложил ухо к двери, после недолгого раздумья решил, что хозяйка сейчас не занята и помешать обслуживанию какого-нибудь важного и степенного гостя они никак не смогут. Толкнув створки, варвар вошел в роскошные апартаменты.

— Привет! — воскликнул он, узрев хозяйку, разлегшуюся на кровати и листавшую бумаги, видимо, деловые.— Принимай гостей, красавица!

Стейна, оторвавшись от кипы векселей и счетов, взорвалась на улыбающегося во весь рот варвара, затем перевела взгляд на низкорослого незнакомца и наконец поднялась с ложа.

— Ну? — коротко спросила она.— Добыл?

— Увы,— развел руками Конан.— Не вышло. Меня опередили, а твой самый лучший клиент, боюсь, покинул тебя навсегда.

Стейна помолчала, не спрашивая разъяснений, и снова смерила глазами старшего надсмотрщика. Конан еще раз оценил ее проницательность, услышав:

— Это вы э-э... Морадан?

— С вашего позволения, Мораддин,— любезно поклонился тот.— Нельзя ли у вас переночевать? Если это необходимо, то я оплачу все услуги.

Глава шестнадцатая

Стейна, уперев кулаки в бока, бесцеремонно разглядывала Мораддина. Бывший капитан хэрда даже смущился; наверняка при дворе Илдиза ему пришлось повидать всякого, и было довольно странно видеть, как лицо его залилось пунцововой краской, а взгляд переместился с дородного стана хозяйки «Врат» на пол. Мораддин внимательно изучал замысловатые узоры на ковре, устилавшем комнату Стейны и, если бы Конан не подтолкнул его, то начальник охраны медных копей так и остался бы стоять, уподобясь статуе из драгоценного красного мрамора.

— Оплатить услуги? — чуть насмешливо переспросила хозяйка.— Значит, ты в них нуждаешься? — Она улыбнулась одной из своих самых обольстительных улыбочек, коими потчевала высокопоставленных гостей, и Конан подумал, что храбрый Мораддин сейчас рассыплется в пыль, хотя после недавнего потрясающего прорыва из дворца Радбуша, горы трупов и моря крови, киммериец никак не ожидал от него такого юношеского смущения.

— Ну, ладно, мальчики,— сказала Стейна, решив, что достаточно помучила неожиданного гостя.— Вы тут отдыхайте, ешьте-пейте, а мне работать пора — у нас сегодня полно посетителей, а за девочками, сами знаете, глаз да глаз...

В дверях она обернулась, собираясь сказать что-нибудь эдакое напоследок, и вдруг уши Конана и Мораддина пронзил оглушительный визг:

— А-а! Мышь! Мамочка!!!

Мораддин посмотрел на свое плечо и увидел, что белый зверек выполз из капюшона и смотрит, не мигая, круглыми красными глазками на женщину, затем перевел недоуменный взгляд на Стейну, поражаясь, как такое безобидное, крохотное создание способно вызвать столь панический ужас.

— Не бойся, она не кусается,— спокойно сказал Мораддин, прикрывая мышь ладонью. Но та не пожелала прятаться, когда вокруг происходит столько интересного, выбралась из-под его руки и, распустив крылья, взлетела к потолку.

— Убери! Выкинь немедленно эту гадость! — верещала Стейна, отмахиваясь руками, хотя мышь кружила достаточно высоко, чтобы задеть ее.

— Спрячь животину, а? — попросил Конан.— Побереги мои уши, если свои не жаль.

Усмехнувшись, Мораддин издал почти неслышный свист, летучая мышь тут же спланировала на ладонь хозяина и обиженно встряхнулась — испортили такую забаву! Мораддин сунул ее под плащ, где мышка долго еще возилась, возмущенно попискивая.

— Ха, смотри-ка, послушная,— хмыкнул Конан.— Видишь, Стейна, а ты боялась!

— Два полудурка! — гневно бросила Стейна и вышла, громко хлопнув дверью.

Некоторое время Конан и Мораддин неподвижно стояли, глядя на дверь и вдыхая легкий аромат духов, оставшийся в комнате. Наконец, киммериец медленно проговорил:

— Нет, ну какая женщина!.. А, Мораддин?

— Да,— коротко ответил тот и отошел к столику с фруктами и вином.

— А разве тебе не понравилась? — Конан расплылся в благодушной улыбке и удивленно поднял брови.— Это ты зря. Ну, как может не понравиться Стейна?

— Да хороша, хороша. Трусиха, как и все бабы,— раздраженно проворчал Мораддин, прислушиваясь к донося-

щимся из находившегося поблизости зала звукам фривольной музыки, пьяным голосам гостей и женскому повизгиванию.— Тут что, кроме фруктов, ничем не кормят? Если уж мне предстоит бурная ночь после не менее бурного дня, то хотелось бы поесть основательно...

Конан, давно освоившийся в доме Стейны и почитавшийся прислугой едва ли не за хозяина, с деловым видом дернул шелковый шнур, где-то вдалеке отзвался колокольчик и почти сразу же в комнату поступались.

— Поесть. И побольше,— отрывисто приказал Конан служанке, которая, получив приказ от этого страшного, загадочного человека, дравшегося не так давно с целой армией прямо в заведении госпожи Стейны, мгновенно скрылась, успев при этом бросить любопытный взгляд на очередного незнакомца, сидевшего в покоях госпожи. От наблюдательных женских глаз не ускользнуло испачканное брызгами крови одеяние лысоватого коротышки, и девушка убежала на кухню с мыслью, что госпожа питает непонятное пристрастие ко всяkim головорезам, и добром эта нехорошая тяга не кончится...

Конан, стянув с себя сапоги и с грохотом бросив их в угол, рухнул на постель и уставился на Мораддина, сидевшего у столика с видом бедного родственника, явившегося в зажиточный дом одолжить меру муки.

— Слушай, Мораддин,— решительно начал Конан.— Давно хотел расспросить тебя, кто ты, собственно, такой? На рудниках много всякого болтали, хотелось бы и правду послушать.

— Зачем тебе это? — недоуменно спросил Мораддин, глядя Конану в глаза.

— Интересно,— невозмутимо ответил Конан.— Честно скажу, таких, как ты, я вообще не встречал, а попадалось много разных... интересных людей. И не совсем людей тоже.

После этих слов киммерийца Мораддин отвел взгляд.

— Так ты гном?

Мораддин помолчал, потом тяжело вздохнул и еле слышно проговорил:

— Ну, хорошо. Я расскажу, кто я такой. Надеюсь, у тебя хватит ума держать язык за зубами.

— Можешь не беспокоиться. Не в моих привычках трепаться на каждом углу о чужих тайнах.

Мораддин повернул кресло так, чтобы сидеть лицом к слушателю, забрался на сиденье с ногами, не удосужившись сбросить сапоги, и, огладив короткую бородку, заговорил по началу так тихо, что Конану пришлось напрягать слух.

— Я... не совсем гном. Мой отец принадлежал к этому народу.

— Ну, и дальше? — Конан заинтересованно взглянул на него и, поерзав на широком ложе, устроился поудобнее, запихнув под голову несколько подушек. Мораддин, словно преодолевая самого себя, медленно продолжил рассказ, оказавшийся для киммерийца совершенной неожиданностью:

— Около тридцати лет назад в предгорной бритунской деревне жила одинокая и нелюдимая девушка, рано потерявшая родителей. Звали ее Валона. Односельчане не любили ее, считая ведьмой — Валона унаследовала от матери знания о целебных травах, минералах, любовь ко всякой живности...

Возле ее дома, стоявшего у самого леса, жили дикие лесные звери, ничуть не боясь ее. Валона, закончив домашние дела, подолгу бродила по лесам, собирая травы и коренья, и иногда осмеливалась даже подниматься на склоны гор, за которыми лежала Гиперборея.

И вот однажды, возвращаясь после долгой прогулки в горах с ворохом целебных трав в переднике, Валона услышала отдаленный звук рога и лай собак. Она подумала, что благородные дворяне охотятся на оленя. Испугавшись, бедная девушка поспешила спрятаться в укромной пещерке, где обычно ночевала, если уходила из дома на несколько дней. Она сидела и разбирала свои травки, как вдруг услышала шорох и хриплые стоны. Осторожно выглянув наружу, Валона увидела, как по камням, спотыкаясь и припадая на ногу, бежал человек очень невысокого роста, с длинной всклокченной бородой и кудрявыми волосами до плеч. Он заметил ее, остановился, ошело оглянулся и прохрипел:

— Помоги!..

Он припал на колени, подполз к пещере и рухнул ничком. Совсем рядом послышался надрывный лай собак, конский топот и крики охотников. Недолго думая, девушка втащила незнакомца внутрь пещеры, выхватила из пучка трав какой-то пахучий корешок, быстро изломала его и разбросала куски у входа в пещеру. Забившись в дальний угол, Валона, замирая от ужаса, слышала, как заскулили и зафыркали собаки, отшугнутые запахом корешка, всадники, потоптавшись у подножия скалы и, видимо, не рассмотрев вход в пещеру, поскакали прочь. Долго еще девушка сидела неподвижно, прижимая к себе голову раненого, и не осмеливалась выглянуть наружу. Из оцепенения ее вывел слабый голос незнакомца:

— Спасибо тебе, дитя. Ты спасла меня от позорной смерти. Чем я могу отблагодарить тебя?

— Правдивыми речами,— отвечала Валона.— Кто ты и почему за тобой охотились благородные нобили?

— Я все расскажу тебе, только дай мне воды и помоги перевязать рану,— он протянул руку к бедру, и Валона, тихо вскрикнув, увидела глубокую рваную рану, нанесенную зубами огромной собаки, с которыми нобили охотились на крупную дичь. Девушка подхватила глиняный кувшин (в пещере у нее было немного кухонной утвари) и побежала к роднику, пробивавшемуся из скалы неподалеку.

Когда незнакомец был напоен, и рана его была смазана целебным бальзамом, а Валона, устроившись возле костерка, на котором побулькивал в горшочке травяной отвар, молча ждала, низкорослый человек заговорил:

— Ты спрашивала, кто я? Ты не испугаешься, если я скажу правду?

— Нет,— кротко ответила Валона, глядя в костер.

— Я — гном. И люди гнались за мной ради потехи... Как за диким зверем...— Голос незнакомца дрогнул, Валона подняла глаза и, встретив взгляд голубых глаз гнома, быстро опустила ресницы.

— Как зовут тебя, спасительница? — с улыбкой спросил он, видя ее непонятное смущение.

— Валона. А твое имя?

— Меня прозывают Гроином, сыном Фарина.

Отвар был готов, Валона сняла горшочек с огня и, налив в кружку, подошла к гному. Он принял из ее рук целебное варево и, понюхав его, удивленно посмотрел на девушку.

— Что-то не так? — испуганно прошептала она.

— Откуда тебе ведомы тайные рецепты нашего племени? — в притворном гневе сдвинув брови, строго спросил Гроин.

— От матери... — чуть слышно проговорила девушка.

Гроин неожиданно рассмеялся и, выпив до дна, откинулся на ложе.

— Ну, рассказывай, кто была твоя мать? Да не бойся ты, глупенькая!

Валона тоже робко засмеялась, и ее страх перед чужаком из племени, о котором она слышала мало чего хорошего, рассеялся, как дым. Она принялась рассказывать о себе, поверяя свою трудную, печальную жизнь внимательному слушателю, который не пытался перебить ее или посмеяться, как делали это те немногие, кого она хотела считать своими друзьями. Опомнилась она, когда начало темнеть.

— Мне пора, — со вздохом сказала Валона. — Завтра я приду к тебе и принесу еды. Только... — Она замялась, но, собравшись с духом, проговорила: — Только не уходи никуда, пожалуйста. Охотники могут вернуться, да и...

— Тебе понравилось со мной беседовать, — улыбнувшись, договорил за нее гном.

Девушка ничего не ответила и скрылась в стучащихся сумерках.

В последующие дни Валона, невзирая на большое расстояние от деревни до пещеры, где укрылся Гроин, носила ему пищу и целебные снадобья. По счастью, ее умения хватило на то, чтобы рана не загноилась, да и тот, обнаружив в девушке послушную и смышленую ученицу, рассказал ей про некоторые лечебные травы, о которых мог знать только гном, и научил некоторым простым заклинаниям — останавливать кровь, заговаривать гнойники, снимать горячку. Гроин быстро выздоравливал, намного быстрее, чем

любой человек, ибо известно, что подгорное племя славится своей крепостью и завидным здоровьем. Когда Гроин снова смог ходить, они вместе бродили в окрестностях пещеры, и Валона зачарованно слушала его рассказы о жизни под землей, о непередаваемой красоте драгоценных камней, о гордом перезвоне молотов в тайных подгорных кузнях, о том, как льется золотой расплав в витые формы... Каждый вечер он провожал девушку до границы леса и долго смотрел ей вслед, а она не в силах была оглянуться.

И, наконец, настал тот день, когда Гроин, взяв девушку за руки, осторожно попросил ее оставаться, и она не смогла отказать ему...

Мораддин замолчал, глядя перед собой. Конан не стал торопить его и ждал, когда он продолжит свою историю, больше напоминавшую красивую легенду — так что странно было слушать ее из уст безжалостного воина, каким виделся северянину бывший надсмотрщик. Осушив залпом бокал вина, Мораддин снова заговорил:

— Наступила осень, лес точно занялся пожаром, и как-то, пасмурным дождливым днем, Гроин сказал Валоне, что собирается покинуть свое убежище. Тоска по пещерам предков стала невыносима, и он должен вернуться к своим. Девушка горько заплакала, ибо трепетно полюбила на удивление красивого для своего рода гнома... Он ушел в родные горы и не вернулся... А через девять месяцев на свет появился мальчик. Валоне пришло бежать в Туран, потому что соплеменники, уверенные, что дитя она прижила не иначе как от лесного духа, сожгли хижину девушки и пригрозили смертью, ей и сыну. Уже в Туране Валона дала ребенку имя. Так родился Мораддин сын Гроина сына Фарина...

На прощание Гроин подарил Валоне несколько крупных алмазов дивной гномьей огранки, и женщина с маленьким ребенком на руках не бедствовала, поселившись на окраине Агралура.

— Здорово! — покачал головой Конан. — Красиво посты! А потом что было? Никогда бы не подумал, что Илдиз поставит начальником своей тайной службы... низкорожденного, да еще и полутромона.

Мораддин вздохнул и довольно коротко рассказал киммерийцу о своей судьбе после переезда в Туран. Еще будучи ребенком Мораддин подружился со стариком кхитайцем, жившим по соседству. Старик был очень одинок. В чужой стране у него не было ни близких ни друзей, и в жизни была лишь одна радость — посещения маленького Мораддина. Как оказалось, старика изгнали из его далекой страны за нечаянное убийство высокородного вельможи. Старец рассказывал Мораддину, что на родине он был великим мастером боевых искусств и вовсе не хотел смерти владетельного князя из Камбуджи — все вышло случайно... А потом старик принялся обучать Мораддина всему, что знал и умел сам. В семнадцать лет воспитанник кхитайца записался в турецкую армию, где случайно, на одном из смотров, обратил на себя внимание тогдашнего начальника тайной службы владыки. Видя невероятную ловкость и редкостное умение молодого низкорослого воина обращаться с любым оружием, капитан хэрда вначале просто перевел Мораддина в дворцовые стражи, а через год взял в свой отряд. Там-то Мораддин и научился всему остальному, и благодаря своим врожденным способностям за пятнадцать лет дослужился до чина капитана. О своем происхождении он никогда никому, понятное дело, не рассказывал.

Неожиданно рассказ Мораддина прервало появление двух красавиц — служанок с подносами, заставленными всевозможной снедью. Соблазнительно покачивая бедрами, они прошествовали на середину комнаты и расставили прямо на ковре блюдо с рисом, тарелку с жареной бараниной, множество соусов, салатов, зелени, пряностей и прочих закусок, кувшины с вином и корзину с фруктами. Помедлив немного и убедившись, что дальнейших приказаний не будет, они со слегка разочарованным видом удалились.

Некоторое время Конан и Мораддин, усевшись на ковер, молча поглощали замечательно приготовленные бараньи ребрышки, обильно поливая их соусом. Летучая мышь высунулась из-под плаща и уселась, скромно сложив крыльшки, в ожидании подачки. Мораддин время от времени

подавал ей кусочки мяса, и она аккуратно схватывала их крошечной пастью с мелкими зубками.

Насытившись, Конан лег на спину, положив скрещенные руки под голову, и спросил:

— Слушай, а где ты взял эту маленькую тварь?

— Да... — неопределенно махнул рукой Мораддин. — Отобрал у одного кандалчика, Серого Пса. Слышал, наверно?

— Это которому ты голову к заднице приделал? — поинтересовался Конан.

— Значит, слышал. Этот мерзавец поймал зверюшку и хотел было сожрать. Да я не дал. Он ее покалечил немного, я вылечил, и с тех пор она от меня ни на шаг. Редкая очень мышка, белая...

— Забавная зверюшка, правда, мерзкая, — резюмировал Конан, глядя, как белая мышка чистит мордочку.

Мораддин молча пожал плечами, мол, у каждого свой вкус.

— А что это за жуткая история, после которой тебя выгнали из хэрда? Труп какой-то покалеченный... — снова спросил Конан.

— Да ну, — отмахнулся Мораддин. — Досужие рассказы. Нет, труп, конечно, был, но мое участие в этом деле сильно преувеличено. Меня просто-напросто подставили, а я оказался не настолько хитер, чтобы вовремя разобраться во всех этих интригах. Понятно, много нашлось недовольных, когда на такое доходное место поставлен неизвестно откуда вылезший проходимец без рода, без племени, да еще на турецца толком не похожий...

А с убитым этим мы и вправду не ладили. Он любил поддевать меня за мой рост, внешность, манеру говорить... Пару раз мы дрались на поединке, но убивать мне его было ни к чему — только ранил оба раза. Да и Нергал с ним, что старое ворошил!

— Нет, почему, интересно, — возразил Конан. Дворцовые интриги он ненавидел всей душой, но человека, от них пострадавшего, мог понять. Это вам не слашавая сказочка о любви в лесу... — А почему на рудники услали, а не снесли голову?

— Наверно, думали еще пригожусь когда-нибудь... Как наемный убийца, например.

— А ты бы согласился?

— Нет,— резко ответил Мораддин и добавил более ровным тоном: — Убийство, друг мой,— это искусство, а я считаю, что подлинное искусство не покупается и не продается. Было бы противно лишать жизни человека, не причинившего мне лично никакого зла, за грязные деньги какого-то мерзавца, будь у того даже корона на голове. К тому же, мне нравилось там, на рудниках...

— Ну еще бы,— криво усмехнулся Конан.— Гномья кровь...

— Представь себе,— спокойно сказал Мораддин.— Не сомневаюсь, что сейчас ты спросишь, как я снюхался с джавидами.

— Точно! — обрадовался Конан.— А как ты догадался?

Оставив без ответа последнюю реплику киммерийца, Мораддин поднялся и устроился в кресле как прежде, с ногами в сапогах. Конан понял, что предстоит очередной долгий рассказ, и на всякий случай, чтобы не заснуть ненароком, сел, прислонившись к спинке кровати.

— Что ж, поведаю тебе и об этом. Тем более, история моего знакомства с джавидами напрямую относится к делу, из-за которого я сижу тут... с тобой.

Это случилось два года назад, почти сразу же, как меня разжаловали, изгнали из Аграпура и сделали надсмотрщиком на копях. Ко мне в каморку привели пойманного в одном из заброшенных штреков джавида. Конечно, я тогда понятия об их существовании не имел и только подивился, откуда мог взяться такой уродец. Изловившие его стражники сказали, что «эта тварь» кралась к кухне, видимо, желая разжиться чем-нибудь съестным. Я джавида даже за разумное существо поначалу не принял, решил, что это какая-нибудь подземная зверюшка. Велел стражникам уйти и оставить его у меня — мол, сам разберусь. Чуть было не стал кормить его из мисочки...— Мораддин усмехнулся, а Конан так и прыснул со смеху, представив почтенного Ниорга, стоявшего на четвереньках перед плошкой с кашей.

— Каково же было мое удивление,— продолжил Мораддин, вежливо подождав, пока Конан закончит смеяться,— когда «зверюшка» заговорила на туранском наречии, правда, достаточно иероглифично! Я понял, что имею дело с существом из какого-то неизвестного племени. Было в джавиде кое-что от гнома — рост, борода, сильный торс, но это был гном из страшного детского сна. Уродливая голова с ослиными ушами, огромным висцальным носом, слюнявыми губищами, весь покрыт жестким рыжеватым волосом... ну, ты знаешь.

— Да уж...— подтвердил Конан.— Знаю.

— Так вот. После того, как я угостил его вином и с изумлением отметил, что он прекрасно разбирается в благородных напитках, мы с джавидом разговорились. В какой-то момент карлик вдруг отставил свой кубок, уставился на меня своими маленькими жгучими глазками и сказал слова, которых я никак не ожидал от подземного нелюда:

— Ты гном!

Я был настолько обескуражен этим утверждением, что не сразу нашел достойный ответ. А джавид заговорил опять:

— Я знаю, ты гном или полугном. Это видно, особенно мне.

Конан не утерпел и, прервав повествование бывшего своего надсмотрщика, вставил:

— Да и я это приметил, еще на рудниках. Знался я одно время с гномами...

Мораддин встал, отхлебнув вина прямо из кувшина, взял из вазы яблоко и надкусил. Конан последовал его примеру залпом осушив свою чашу.

— Думаю, потом вы поведали друг другу свои трогательные истории и расстались лучшими друзьями,— сказал Конан, вытерев губы тыльной стороной ладони. Ровный голос Мораддина, обильная еда и изрядное количество вина привели его в полусонное состояние, и не желая обидеть рассказчика, всхрапнув иechalino на самом интересном месте, он решил приблизить конец истории.

— Да, и на этот раз ты угадал, милейший варвар. Именно так все и вышло. Остается лишь добавить, что первым

джавидом, которого мне довелось видеть, был никто иной, как Ниорг.

— Так я и думал,— вставил довольный Конан.

— Я изучал жизнь и обычаи джавидов, помогал им, чем мог, а карлики, в свою очередь, кое-чему меня научили.

— Этим твоим фокусам, вроде того, которым ты отослал лошадей? — спросил Конан.

— В том числе,— уклончиво ответил Мораддин.— Главное во всей истории то, что я поклялся любой ценой достать джавидам их сокровище — Нейглам и вернуть им первоначальный облик. Это мой долг — долг крови!

Мораддин допил очередной кувшин и со стуком поставил его на столик.

— Так вот оно что... — пробормотал себе под нос Конан.— Старый Ниорг знал, что делал, когда шамкал мне про свою тяжкую жизнь. Он таки добился своего. Про кувшинчик я знал раньше и раздобыть хотел сначала для себя... Сет меня подери, а теперь я притащу этот горшок именно джавидам, и никому больше, потому что... Тьфу! Я всегда думал, что вы, гномы, хитры, как лисы... Но от исполнения моего желания все равно не отвертитесь!

— Никто и не возражает! — улыбнулся Мораддин.— Видишь, как все замечательно складывается. Хочешь еще посмеяться?

— Ну? — настороженно посмотрел на него Конан.

— Очень забавная история. Догадайся, кто отвалил мне мешок золота за то, чтобы я выпустил тебя с рудников?

Конан лениво зевнул и ничего не выражаящим голосом спросил:

— Дагарнус?

— Умница, соображаешь. Между прочим, его деньги позволили мне покинуть рудники и оставить опостылевшую должность.

— Да знаю я, Стейна сказала. Кофийский посланник в этом доме частый и желанный гость. Рассказать тебе, какую сделку я заключил с короной Кофа? Ну, послушай.

Конан скжато, в нескольких фразах изложил Мораддину суть договора с Дагарнусом, а в доказательство предъявил

доставленный только сегодня тухо набитый мешок с золотом.

— И, между прочим, месьор посланник заявится утром за Нейгламом. Смешно, правда? — закончил киммериец.— Что прикажешь ему сказать?

Мораддин пригладил волосы, потеребил бородку и взглянул на Конана серыми глазами, которые так и лучились честностью да благородством. Варвар едва не сплюнул прямо на ковер, представляя, какой совет сейчас будет дан. Он не ошибся.

— Я думаю, надо вернуть деньги и объяснить, что кофиец... м-м... опоздал. И ты ничего не теряешь. Нейглам сможет дать тебе столько золота, сколько...

— Какое, к Нергалу, золото?! — сорвавшись, заорал Конан.— Откуда я знаю, добудем мы ваш горшок или нет! А это — настоящие, полновесные империалы — вот они, посмотри! Пощупай! И покажи мне того болвана, который откажется от такой уймы денег ради какого-то горшка, который еще неизвестно, найдется или нет, да к тому же никто не знает, что там внутри! Может, там и нет ничего, кроме плесени да пыли. Короче, ни гроша я Дагарнусу не отдам, а если получится, сдеру и вторую половину. Ничего, Страбонус не обеднеет!

Конан схватил пустой кувшин и, подавив порыв запустить его в голову Мораддину, швырнул фарфоровый сосуд в противоположную стену. Черепки разлетелись, и несколько из них задели гнома.

— Как знаешь,— спокойно сказал Мораддин, стряхивая с одежды осколки.— Зачем так дергаться?

— Без тебя разберусь! — рявкнул Конан, понемногу остывая.— А сейчас остается один насущный вопрос: где же все-таки Нейглам?

— М-да... Это мы как-то упустили из виду.— Мораддин задумчиво поскреб бороду.— А надо бы разузнать, кому мог понадобиться сосуд, и что это за удальцы устроили такую бойню во дворце Радбуша.

Конан тупо посмотрел на разбросанные по ковру черепки и почему-то подумал, что Стейна не простит ему разби-

того кувшина, так же, как и разрубленной подушки, испоганенных ковров и мебели... Бедная женщина, она-то тут при чем? Зачем было втягивать ее в дурацкую путаницу с кувшином гномов?.. А Мораддин тем временем пустился в рассуждения.

— Это не могут быть люди Дагарнуса — он преспокойно дожидается, когда ты сам поднесешь ему Нейглам. Безусловно, нападавшие не принадлежат к власти предержащим — мало того, что после эмира Радбуш был вторым человеком в городе, и Хааб-берди его смерть не выгодна, но к тому же при дворе подобные вещи обычно делаются куда тоньше, без всей этой резни. И само собой, убийц не мог послать Ниорг. Он не знал, что кувшин у Радбуша, иначе сказал бы мне. А я впервые услышал об этом от тебя, Конан.

— Кхитайцы... — наморщил лоб киммериец, вспомнив рассказ старого евнуха. — При чем тут все-таки кхитайцы?

Мораддин помолчал, глядя на Конана так, как обычно смотрят на несмышленых детей, а потом вдруг спросил:

— Слушай, варвар, а ты-то откуда знаешь про Нейглам? Дагарнус рассказал? Сомневаюсь я, чтобы хитрый кофиец мог ни с того, ни с сего первому встречному наемнику доверить настолько важную тайну.

— Да я случайно... Водички, понимаешь ли, попить хотел... — Конан запнулся, понимая, насколько нелепо это звучит, и наконец поведал другу о том, с чего все началось — о равахе, зуагирах, похищении Мирдани и предательстве начальника стражи крепости Баргэми, впустившего джавидов в покой шейха...

— ...Вот тогда Самил мне и сказал, что джавиды похитили дочь Джагула, чтобы получить от Турлей-хана некий кувшин стигийского золота. Я подумал, что он стоит кучу денег, и решил добыть его себе.

— Значит, Дагарнус еще раньше говорил о Нейгламе шейху аль-Баргэми? — Гном настороженно прищурился, выпрямившись в кресле.

— Ну да, — протянул Конан. — А что такое?

— Болван! — по-отечески ласково сказал Мораддин. — Дубина! У тебя голова или латная перчатка вместо нее?

— Да в чем дело? — оторопел киммериец, привыкший к вежливым манерам бывшего капитана хэрда и не ожидающий от него столь откровенной грубоści.

— Бедный ты мой, — обреченно покачав головой, проговорил тот. — А подумать о том, что шейхи аль-Баргэми — и старший, и младший прекрасно знают о сосуде и его свойствах, ты мог? С головушкой-то не дружишь? Ну да, она же тебе дана только кашу жевать. Одно слово, варвар...

— Ну варвар, и что с того... — начиная раздражаться, прогудел киммериец. — Так объясни, если рассудительный такой. А только и знает, что... выражаться...

— Ладно, слушай, — медленно, с расстановкой начал Мораддин. — У меня складывается впечатление, что именно твои приятели зуагиры перебили пол-Султанапура, в том числе Турлей-хана и Радбуша. И именно они уволокли с собой девку, которую ты искал — без тебя справились.

— Как без меня? — Конан, вытаращив глаза, смотрел на Мораддина, смысл слов которого едва начал доходить до северянина. — Я же Мирдани выследил, у Турлей-хана отбил, к Стейне устроил! Только Радбуш помешал!

— Этого, кроме тебя и Мирдани, никто не знает. А сегодня мы ясно видели, как ее братец расправился с пятитысячником — очень, скажу прямо, грамотно. Потом он отомстил и магу, забрав сестру из его дома, а заодно прихватив и Нейглам. Ты еще тогда мог бы догадаться, когда евнух сказал, что девушка сама им навстречу бросилась!

— Но при чем же тут кхитайцы?! — простонал варвар.

— Наемники, — пожал плечами Мораддин. — Они, знаешь ли, разных кровей бывают. И с востока, и с запада. А один, с севера, даже передо мной сидит...

Конан вскочил и, выкрикивая невнятные ругательства в адрес зуагиров, гномов и всего света, заметался по комнате как разъяренный горный лев, пиная подушки, опрокидывая вазы, ударяя кулаком по креслам. Так опростоволоситься! И это его, Конана-варвара, опытного воина, вора, бандита, наемника, пирата и прочее, прочее, изящно обвели вокруг пальца дикие кочевники, не видевшие в своей жиз-

ни ничего, кроме песка, верблюжьего помета и всяких там равахов-джавидов!

— Да старею я, что ли? — недоумевал Конан, обращаясь к самому себе.— Почти три десятка лет на свете прожил, где только не бывал, и вот дожил...— Он уселся в кресло напротив Мораддина и обхватил голову руками, никак не отреагировав на насмешливые слова гнома, наблюдавшего за самобичеванием северянина с некоторым удовольствием:

— Золото глаза затмило, вот в чем причина. Сколько тебе Джрафир заплатил? А Дагарнус? А обещали сколько? А кувшин зачем тебе понадобился? Так-то, милейший мой варвар.

— Поубиваю!...— прорычал киммериец, поднимаясь и сжимая кулаки.— Ну, подлецы! Они у меня попляшут! А Джрафиру шею сломаю собственноручно, даже меч пачкать не буду...

— Ну, и что теперь делать будем? — хмуро буркнул Конан. — Придется в оазис Баргэми ехать.

Глава семнадцатая

Мораддин взирал на киммерийца безмятежными серыми глазами и молчал. Конан продолжал изрыгать невнятные проклятия на родном наречии, поминая родословную Джрафира, его родственников, дальних и близких. Досталось и песчаному раваху, который впутал его в эту проклятую историю — и отчего гнусному червяку не сиделось в своей вонючей дыре в день, когда старому ишаку Джагулу приспичило возвращаться из Султанапура в свой занюханный оазис? При этом варвар расхаживал по комнате, весьма походя со стороны на горного льва, которому нечаянно придавили лапу колесом повозки или воткнули под хвост стрелу, смазанную горчицей. Закончилось это несколько неожиданно: яростно вскрикнув, он подпрыгнул и с руганью повалился на ковер.

— Какой болван рассыпал тут осколки?

— Конан Киммерийский, — мирно отозвался Мораддин, указывая взглядом на черепки, разбросанные по полу возле стены. — Ты же кинул кувшин в стену.

Конан, ухватив себя за лодыжку, вывернулся наизнанку и осторожно вытащил впившийся в пятку осколок. Боль немножко охладила его злобу, и, справившись с кусочком фарфора, он вздохнул, капнул на ранку вином и посмотрел на Мораддина, все так же невозмутимо восседавшего в кресле.

— Ну, и что теперь делать будем? — хмуро буркнул Конан. — Придется в оазис Баргэми ехать.

— Что ж, поедем,— пожал плечами Мораддин. — Кстати, когда должен прийти Дагарнус?

— Утром. Ждать его у меня нет никакого желания.

— А как же деньги? — хитро улыбнулся гном.

— Смеешься ты, что ли? Будь уверен, как только он обо всем узнает, то тут же потребует обратно задаток. Уйдем тайком под утро и сразу в пустыню.

Мораддин, подперев подбородок кулаком и сгорбившись, помолчал, раздумывая, а затем снова глянул на киммерийца.

— А если я ошибся? — вдруг произнес он. — Представь, что будет, когда мы заявимся в крепость шейха аль-Баргэми, учиним там погром, наподобие того, что устроили кхитайцы во дворце мага, а потом выяснится, что Джрафир ни в чем не виноват, кхитайцев нанял какой-нибудь таинственный воздыхатель Мирдани, которого она и дожидалася, а кувшин, вообще, украл некто третий, о ком мы и не подозреваем.

— Умный ты слишком,— медленно сказал Конан. — Тяжело, наверно, таким быть? А я так точно уверен...

— В чем? — ласково переспросил Мораддин.

— Это дело рук Джрафира! И думать нечего! — уверенно заявил Конан, рубанув ладонью воздух. — А свои сомнения оставь при себе. Ошибемся — значит, придется извиниться.

— Ты умеешь чинить проломленные головы? — поинтересовался Мораддин.

— К Нергалу головы! — рявкнул киммериец. — Но если ублюдок Джрафир и впрямь заварил всю эту кашу, я ему... я его... на кусочки разрежу и съесть заставлю!

— Сильно сказано! — одобрил гном без тени иронии. — А пока давай-ка выснимся перед долгой дорогой. Не знаю, как ты, а я очень устал...

— За Стейной послать? — вяло усмехнулся Конан. — Или будешь отдыхать один?

— Пожалуй, один... Госпожа Стейна не в моем вкусе: размеры не гномы... — С этими словами Мораддин поднялся и направился к одной из двух боковых дверей, ведущих в отдельные спальни. Внезапно он остановился и прислушался.

— Что это еще такое?

Топот копыт донесся из слухового окна и резко обрывался. Почти сразу же с улицы послышались приглушенные вскрики и несколько раз хлопнула парадная дверь «Врат Студольстий».

— Облава? — предположил Конан, вскакивая и хватая меч. Шум переместился от входа в заведение к лестнице, и раздались крики девочек, развлекавших богатых гостей в главном зале дома. Конан и Мораддин замерли, прислушиваясь и соображая что придется делать, когда стража начнет обшаривать комнаты в поисках злодеев. Но вскоре ясно стало, что городская стража Султанапура тут ни причем — от мощного пинка распахнулась дверь и в комнату вихрем влетела насмерть перепуганная Стейна.

— Бандиты! — выпалила она.— Конан, там какие-то кхитайцы!. Тебя ищут!

— Кхитайцы? — широко раскрыл глаза Мораддин и, подняв указательный палец, повернулся к киммерийцу:— Похоже, из города уезжать не придется. Пойдем разберемся...

Только сейчас Конан рассмотрел, что плечо у Стейны оцарапано, распущенные волосы спутаны, халат местами разорван, а лицо искалено гримасой неподдельного ужаса. Надо думать, неизвестные не стали церемониться ни с гостями, ни с хозяевами дома, одержимые желанием любой ценой достичь своей цели. Но почему, о Кром, почему этой целью оказался Конан?

Снизу донесся звон стали и приглушенные крики — очевидно, отыхавшие во «Вратах» гвардейцы Илдиза взялись за оружие.

— Сиди здесь и не высывайся! — гаркнул Конан, отталкивая Стейну от двери вглубь комнаты. Он схватился за дверную ручку, но Мораддин неожиданно отстранил его и со словами: «Действуем, как раньше! Спину мне прикрывай!» выскочил в корridor.

Осторожно выглянув из-за угла, Мораддин некоторое время оценивающим взглядом изучал происходившую в зале для посетителей свалку: визжащие девицы забились

кто куда, часть музыкантов была перебита, остальные, побросав инструменты, разбежались; несколько военных из числа гостей еще продолжали рубиться с низкорослыми бандитами. Кто-то завопил высоким срывающимся голосом:

— Ищите северного варвара! Здоровый и черноволосый!

Кричал турец — это было заметно по одежде, но рассмотреть лицо было невозможно, до самых глаз оно было замотано свободным концом белого тюрбана. Он стоял у самых дверей, держа саблю обнаженной, но в схватке участия не принимал, видимо, надеясь на умение и быстроту наемников и не желая без нужды рисковать жизнью. Те, без труда справившись с последними двумя вояками, тут же рванулись к лестнице. Четверо кхитайцев оставались внизу, еще двое вломились в дверь, ведущую на кухню, и оттуда тотчас же донеслись крики, звон посуды, грохот падающих котлов и шипение разлившейся по раскаленной плите жидкости.

Мораддин встретил троих наемников на лестничной площадке, выступив из темноты коридора настолько неожиданно, что кхитайцы остановились, отпрянув назад.

— Вы, часом, не меня ищете? — осведомился гном, прислонясь к стене и поигрывая кинжалом.

— Прочь с дороги, коротышка! — прошипел один из кхитайцев, выставляя перед собой узкий кривой меч.

— Значит, не меня, — вздохнул Мораддин. — А жаль... Конан, это к тебе. Встречай!

Киммериец показался из коридора, обнажив в ухмылке крепкие зубы, и, шагнув навстречу гостям, радостно восхликал:

— Вы как раз вовремя, парни, — мой меч уже заждался!

— Это он! — взвизгнул наемник, и все трое с обнаженными клинками, забыв про Мораддина, ринулись к киммерийцу. Презрев все правила боя и кодекс воинской чести, Мораддин со вздохом вытянул ногу, и первый кхитаец, запнувшись, едва удержался, чтобы не упасть. Он упал, когда сзади на него налетели остальные двое.

— Подножка, — печально заметил Мораддин, как бы невзначай протыкая одного наемника кинжалом. — Обыкновенная, подлая подножка...

Отбросив тело мертвого товарища, двое кхитайцев, кувырнувшись, оказались на ногах, и Конану оставалось лишь подивиться их выучке и быстроте. Меч киммерийца с трудом парировал удары оружия наемников, отведя лезвия в стену, и сразу же варвару достался чувствительный удар по бедру — наемник, полагая, что противник рассчитывает исключительно на меч и мало знаком с техникой боя без оружия, решил обезвредить Конана ударом ноги в пах, но промахнулся и эта ошибка обошлась ему дорого — киммериец мигом перехватил кхитайца свободной рукой за лодыжку, дернул, и пока Мораддинправлялся с последним из троих, прикончил одним точным ударом.

Белая летучая мышь во время короткой схватки сидела в капюшоне своего хозяина и сердито верещала, словно подзадоривая его. Наружу выбираться зверек не желал — то ли боялся, то ли берег силы на случай, когда понадобится его незаменимая помощь.

— Я думал, они способны на большее... — заметил потомок гномов, глядя на спешащих вверх по лестнице кхитайцев, которые горели желанием разделаться с двумя негодяями, зарубившими их сотоварищей.

— Этого нужно взять живым! — быстро сказал Конан, указывая взглядом на туранца, командовавшего наемниками. — Сможем?..

Мораддин, ничего не отвечая, нагнулся, подобрал оружие убитых и, шагнув к лестнице, застыл на верхней ступеньке сжимая в каждой руке по прямому длинному клинку. До киммерийца донеслись лишь несколько его слов, сказанных полуслепотом:

— Поучить их настоящему искусству, что ли?..

Конан никогда не верил в существование непобедимых людей и уж точно не считал таковым себя — всегда найдется кто-нибудь, лучше тебя владеющий мечом, кинжалом, копьем или другим оружием. Но после того, как варвар со стороны понаблюдал за работой Мораддина, он засомневал-

ся в своем убеждении и еще раз подумал, что этого загадочного полугнома лучше иметь в числе друзей, а не врагов.

Можно и должно уважать воина, который запросто, без видимого напряжения, незаметным глазу движением клинка отбивает летящие в голову метательные звезды, исхитрившись при этом проткнуть самого дерзкого наемника, подбежавшего на расстояние достаточное, чтобы острие второго меча задело его незащищенное горло, и заодно ударом ноги в грудь отшвырнуть окровавленное тело, которое, подобно тяжеленному мешку с песком, сбило с ног рвавшихся на верх бандитов.

Конан даже смущился немного, сочтя, что оставлять товарища одного в бою некорошо, но когда варвар с решительным видом шагнул к Мораддину, намереваясь помочь ему разделаться со снова атаковавшими кхитайцами, то услышал предостерегающий возглас:

— Оставь, пожалуйста! Я сам...

— Ну, давай сам, — буркнул Конан, отскакивая и на всякий случай выставляя меч перед собой — как никак неизвестные пришли именно за ним... Вот только зачем убийце Турлей-хана и Радбуша теперь потребовалась жизнь киммерийца? Варвар-то чем ему не угодил?..

Ни один нападавший так и не смог прорваться к киммерийцу — Мораддин, не сдвинувшись со своей позиции и на ладонь, виртуозно управился со всеми до единого кхитайцами, показав немыслимый уровень владения оружием и собственным телом. Клинки его, как привиделось Конану, попросту растворились в воздухе перед Мораддином, только резкий свист рассекавшей воздух стали напоминал о том, что оружие все еще находится в руках бывшего капитана тайной службы. Работали только кисти, необыкновенно подвижные и ловкие, да иногда Мораддин всем телом подавался чуть вперед, моментально возвращаясь в исходное положение, и тогда же очередной наемник падал на ступени мертвым...

Когда двое кхитайцев, обшаривавших кухню и помещения для прислуги, примчались на крик стоявшего у выхода

хозяина, гном отправил в царство теней последнего противостоявшего ему наемника, который не сумел даже коснуться своим клинком мечей Мораддина. Тот, едва глянув в сторону кухонной двери, вдруг глухо хакнул, резко выбросил вперед правую руку, и вращающийся клинок отправился в полет через весь зал, а мгновением позже голова одного из наемников покатилась по полу...

«Стейна убьет за ковры! — подумал киммериец. — А вот последнего я сам свалю, а то как-то... перед Мораддином неудобно!»

Конан, перепрыгивая через две ступеньки, побежал вниз, но вдруг позади послышался режущий уши тонкий свист, и мимо киммерийца пролетела шуршащая белая тень.

— Назад! — скомандовал Мораддин, но зверек и не подумал слушаться. Пока Конан спускался, летучая мышь подлетела к наемнику и вцепилась ему в лицо, покрыв крыльями голову и вонзив когти в глаза. Кхитаец завизжал от дикой боли, упал навзничь и, пытаясь оторвать от себя неведомую тварь, стал кататься из стороны в сторону. Когда мышь, наконец, отпустила его и взлетела, Конан, напряженно сглатнув, увидел залитое кровью и какой-то белесой слизью лицо кхитайца, который продолжал биться на полу и волить от нестерпимой боли.

— Вот так мышка... — проговорил Конан, провожая взглядом зверька, который, покружив над поверженным врагом, с победным посвистом вернулся к хозяину и забрался в капюшон.

— Смотри! — Мораддин вскинул руку, указывая на что-то позади киммерийца. Тот, резко оглянувшись, поднялся на несколько ступенек вверх. Дверь кухни растворилась настежь, оттуда повалил густой дым, и из охваченного огнем помещения высыпала перепуганная произошедшим прислуза. Первым выскочил повар, одежда на спине горела и дымилась. С истошным криком он опрокинулся навзничь, пытаясь загасить огонь.

— Пожар! Пожар! Горим! — отовсюду доносились испуганные крики, метались люди с кувшинами, ведрами, но затушить огонь, бушевавший в кухне, где было столько

масла, жира и дерева, уже не представлялось возможным. Девицы, визжа и толкаясь, кинулись вверх по лестнице, едва не сбив киммерийца с ног.

— Дуры, куда лезете?! Бегите из дома! — послышался голос Мораддина, тщетно пытавшегося остановить обезумевших от ужаса женщин.

— Стейна! — вскрикнул Конан и бросился наверх.

— Ты это куда? — Мораддин преградил ему дорогу, но киммериец грубо отпихнул его и побежал к комнате Стейны, бесцеремонно расталкивая девиц, которые, похватав самое необходимое — подарки любовников, белье, какие-то безделушки и прочий хлам, прорывались к лестнице.

Дверь комнаты Стейны сотрясалась от ударов изнутри.

— Отойди! — крикнул Конан и изо всех сил саданул по двери плечом. Доска, в которую был врезан замок, треснула, и, ударив еще раз, варвар оказался внутри.

— Что там творится? У меня заклинило замок, я никак не могла выйти! — Стейна испуганно оглядывала Конана, коридор, бегущих девиц. Потянув носом, она взвизгнула: — Пожар? Дом горит?

— Да, да, пожар, — торопливо сказал Конан, загораживая от нее проход. — Быстро одевайся и бежим отсюда.

Стейна точно не слышала или не понимала его слова. Безумным взглядом она смотрела в коридор, повторяя:

— Мой дом горит. Все горят. Все пропало... Ковры...

— Я куплю тебе новые! Да очнись же наконец! — Конан тряхнул ее за плечи, потом снянул с себя плащ, закутал в него подругу и, ухватив за руку, потащил за собой. Словно во сне, Стейна плелась за варваром, но вдруг остановилась и посмотрела назад.

— Золото! Там все твое золото!

— К Нергалу золото! — рявкнул неожиданно возникший перед ними Мораддин. — Зал горит, лестница уже занялась. Мы не успеем, если будем трястись над каждой золотой монетой.

— Вперед! — крикнул Конан и, не слушая больше причитаний Стейны, они с Мораддином взяли хозяйку за руки и как могли быстро побежали вниз.

Горели, сухо потрескивая, перила, из-под ступеней пробивались белые струйки дыма, зал потонул в удушливом, чадящем дыму, валившем из кухни.

— Мы не сможем пройти! — перекрывая гул огня, грохот падающих балок и крики, прокричал Конан.

— Сможем! — коротко ответил Мораддин и потянул Стейну за собой, прямо в жаркий черный хаос. Конан, тихо взвыв, набрал в легкие побольше воздуха и нырнул за гномом. Те несколько мгновений, покуда они пробирались к дверям, показались киммерийцу вечностью. Он уже думал, что так начинается путь к Серым Равнинам — удушливый чад, сквозь который не пробивается ни единий луч света, нестерпимый жар, обжигающий лицо, заставляющий кровь закипать и, пузырясь, выступать на коже; человеческие тела под ногами — стонущие, бьющиеся, неподвижные, ужасающие мягкие и податливые; рядом, совсем близко, ревет пламя, прорываясь сквозь дым рыжими языками; что-то с грохотом рушится и вот-вот заденет, сметет, раздавит...

Конан почувствовал, что стиснувшую запястье Стейны руку тянет вниз, — несчастная женщина потеряла сознание или задохнулась, но киммериец не отпускал ее и упорно тащил тяжелое тело...

Когда они выбрались наружу, Конан с трудом заставил себя вдохнуть всей грудью свежий воздух. Понемногу приходя в себя, убеждаясь, что все позади, киммериец обнаружил, что вокруг горящего дома собралась изрядная толпа, но среди них нет ни наемников-кхитайцев, ни командовавшего ими туранца. Зато набежало множество стражников и военных из многочисленных патрулей, которые, точно досужие зеваки, глазели на пожар, не замечая Конана. Киммериец и сам не мог оторвать глаз от языков пламени, лизавших окна нижних этажей и подбиравшихся уже к верхним. Кто-то дернул его за руку.

— Отпусти Стейну, надо уложить ее и привести в чувство. — Мораддин все это время пытался освободить руку хозяйки «Врат» от железной хватки варвара. Тот машинально разжал пальцы и посмотрел на покрытое колотью, покрасневшее от жара лицо Стейны.

— Что с ней? — хрипло спросил Конан, с трудом разлепив запекшиеся губы.

— Обморок. Надеюсь, скоро очнется... — буркнул Мораддин, шаря у себя за пазухой. Он вытащил небольшой пузырек, присел над Стейной и поднес бутылочку к ее носу. Женщина шумно вздохнула, поморщилась и слабо отстришила руку гнома. Наконец, она открыла глаза, непонимающе оглядела толпу, Мораддина, Конана, осматривавшего свои руки, покрытые ожогами и волдырями, затем перевела взгляд на огненный столб, поднимавшийся на том месте, где еще на закате стояли «Врата Студовольствий», и отпустила парочку заковыристых ругательств. Мораддин фыркнул, протянул ей руку, помогая встать, и предусмотрительно отошел на пару шагов.

— Где начальник квартальной стражи? — неожиданно вскричала Стейна, убедив и Конана, и Мораддина, что здоровье ее ничуть не пострадало. — Подайте мне этого ублюдка!

— Берегись! — Конан схватил ее в охапку и оттащил к стене противоположного здания, куда колыхнулась вся толпа, спасаясь от горящих, обугленных досок, которые падали с проседающего дома. Пожар охватил «Врата» от фундамента до крыши, обрушившейся внутрь, погребя под собой тех, кто не успел выскочить наружу. Огонь грозил перекинуться на соседние здания, но, по счастью, «Врата» были отделены от них узенькими переулочками, и языки пламени не могли дотянуться до крыши и карнизов, которые предусмотрительные хозяева уже поливали водой.

— Стражай! — надсаживаясь, орала Стейна. — Куда они подевались, эти ублюдки?.. Развели полный город бандитов! Кто возместит мне убытки?

— А мне? Кто возместит убытки мне — или несчастному старику суждено умереть в нищете?

Конан с удивлением увидел рядом с собой старого знакомца — почтенного шемита, комкавшего в руках чалму с выражением мировой скорби на морщинистом лице.

— Я не хочу в такое верить, но это ты, юноша, которому необходимо сходить к лекарю, устроил это безобразие? —

Старик явно узнал киммерийца и теперь взирал на него с подозрением.

— Не хочешь — не верь, — отрезал Конан, отворачиваясь.

— А бедную девицу вы оставили там, в огне, погибать вдали от родного дома, без папы и мамы у смертного одра? — Шемит продолжал допрашивать Конана и даже ухватил его за край одежды.

— Слушай, отойди подобру-поздорову! — угрожающе произнес варвар, не забывший еще, как в прошлый раз выдал его стражникам старый скупердай. — Тебя еще тут не хватало!

— Хорошо, я уйду, — закивал шемит, выискивая кого-то взглядом. — Но образ гибнущей в огне девушки будет преследовать тебя, дерзкий юноша, до самой старости, если только боги позволят тебе дожить до нее!

Шемит — как, кстати, и сам Конан — пристально следил за слугами, выводящими из уже начавшей дымиться конюшни всхрапывающих, встающих на дыбы лошадей.

— Клянусь мамой, это она! Моя лошадка, которую ты, юноша, так бесцеремонно отобрал! Или скажете, что нет?

Старик, воздев худые руки, бросился к белой лошади, некогда принадлежавшей покойному Турлей-хану. Киммериец тоже узнал конягу, и ему в голову пришла удачная мысль.

— Эй, Мораддин! А лошади нам пригодятся! Только не говори мне про конокрадство!

— Какое конокрадство? — удивленно отозвался Мораддин. — Мы спасаем бедных животных из огня.

Оставив Стейну в одиночестве поносить на чем свет стоит городскую стражу, они подбежали к конюшне. Мораддин схватил под уздцы гнедого жеребца, с которым никак не мог справиться помощник конюха.

— Позволь-ка мне. — Мораддин отстранил слугу, погладил по взмыленной шее приседающего на задние ноги коня и проговорил вполголоса несколько слов, после чего лошадь перестала биться и спокойно дала увести себя в сторону.

В это же время Конан был поглощен препирательством со старым шемитом. Оба вцепились в узду испуганно храпящей лошади, причем каждый, после очередной реплики, тянул повод на себя, от чего голова животного поворачивалась то к киммерийцу, то к старику, и со стороны казалось, будто кобыла вежливо и внимательно их слушает.

— Ты, юноша, отнял у меня лошадь обманом! Ты позволил себе издеваться над бедным, больным человеком, который тебе в деды годится, и не отказываешь себе в этом варварском удовольствии и сейчас!

— Да неужели ты забыл, старый осел, что я отдал тебе целое состояние за никчемную клячу! Она моя! И я беру ее обратно!

— Ты называешь состоянием тот дырявый мешок с двумя ржавыми медяками, который швырнул мне, убегая от стражи? Да знаешь ли ты, несчастный юноша, по которому плачет лекарь, сколько стоит поездка в Асгалун, что в Шеме, ну, ты знаешь, о чем я... А как дороги услуги тамошних лекарей? Да у тебя терпения не хватит сосчитать!

— Плевал я на твоих лекарей! Отдай лошадь! Не хочу тебя убивать — но придется, клянусь Кромом!

Старик задохнулся от возмущения и начал еще что-то говорить, яростно тряся бороденкой.

— Эй, Конан! Ты нашел себе коня? — Мораддин прервал перепалку, растолкав собравшихся зрителей, которым уже наскучило глязеть на догорающие «Врата Студовольствий».

— Нашел, только вот этот старый скупердай вцепился в нее как клещ и не отдает!

— Молодой человек! — Шемит обратился к Мораддину. — Ты, я вижу, приятель этого болезненного юноши? Если ты беспокоишься о здоровье своего друга, то скажи ему, чтобы он побыстрее вернул мне лошадь и деньги, а потом я скажу вам адрес хорошего лекаря, это мой двоюродный племянник...

— Деньги? —звавил Конан и, дернув повод на себя, замахнулся: — Ах, ты... Да я тебя...

— Я же говорил! — пискнул шемит, пригибаясь.

— Варвар, снова ты за свое! Опять деньги! — укоризненно покачал головой Мораддин. — Оставь этого доброго старика в покое, отдай ему лошадь и возьми себе другую. — Он дернул Конана за рукав и прощедил сквозь зубы: — Прекрати! Тут полно стражи, а ты устроил... представление!

— Добрый старики, как же... — тяжело дыша от гнева, Конан швырнул повод в лицо старцу и добавил, погрозив ему обожженным кулаком: — Ну, старый хрыч, мы еще встретимся!

— Конечно, конечно! — Шемит засуетился, наклоняясь и кряхтя, нашарил повод и, откинув с лица седые пряди, с достоинством обратился к Мораддину: — Юноша, я тебе благодарен, но советую все же присматривать за своим другом. Он так наживет себе неприятностей... — И старики, вздохая, покашливая и сокрущенно причитая, потянули кобылу за собой, в более безопасное место. Краем уха киммериец еще улавливал его печальные речи:

— Вчера отобрали лошадь, сегодня сожгли дом, завтра лишат последней корки хлеба и что прикажете делать?..

Конан круто развернулся и, увидев, как один из слуг уводит ту лошадь, которую ему дали в крепости Баргэми, набросился на него с такой яростью, что слуга, бросив поводья, поспешил удрать.

От дома терпимости остался один обугленный, дымящийся остов. Народ расходился, покачивая головами и обсуждая, кто же мог совершить поджог, и вообще, за что столько несчастий вдруг свалилось на славный Султанапур? Вокруг дымящихся обломков столпились девочки Стейны, прижимая к груди свои пожитки, они скорбно оглядывали чадящие развалины, что остались от дома, ставшего для многих из них роднее и дороже, чем родительский. Многие из них украдкой плакали, размазывая по лицу краску.

Среди них была и Стейна — она прекратила причитать и вмиг разогнала попытавшихся оцепить здание стражников: «Нечего тут торчать, как... бездельники! Лучше бы разбойников ловили, дармоеды!» Ошеломленные ее напором, те послушно разбежались в поисках поджигателей.

Несчастная хозяйка бесстрашно ходила между обугленных досок, копаясь в пепле изогнутой туранской саблей, что-то извлекала оттуда, обжигаясь и дуя на пальцы, и прятала за пазуху.

Привязав лошадей, Конан и Мораддин пробрались к ней.

— Стейна... — тихо сказал Конан, мягко обняв ее за плечи. Она вскинула голову, задев киммерийца по лицу слегка обгоревшими прядями волос, и, дернув плечом, холодно сказала:

— Ты все еще тут? И этот гном с тобой? Убирайтесь к Нергалу! — Она ткнула кулаком Конана в грудь и, увидев что-то среди вороха полусгоревших ковров, направилась в ту сторону, ловко перебираясь по горячим балкам.

— Она помешалась... — прошептал Конан, взглянув на Мораддина. Тот ничего не ответил и сказал Стейне вслед:

— Ты что-то ищешь? Может, помочь?

— Пошли вон! — огрызнулась бывшая хозяйка «Врат», наклонилась и, обернув руки полами длинного плаща, извлекла золотой слиток, обернутый приплывившейся почерневшей тканью. Высоко подняв его, она повернулась к Конану и Мораддину и простонала:

— Что я ищу? Ты спрашиваешь, что я ищу? Проклятье на твою голову, тебе ничего не напоминает это золото, а, котик?

Конан опустил голову, а Мораддин вздохнул.

— Молчишь, голубчик? Сет тебя побери! Я, старая, большая женщина осталась на склоне лет без единого медяка! Все, что я с таким трудом нажила, в один миг превратилось в пепел, и все по твоей милости, мерзавец! Да знаешь ли ты, каких скотов мне приходилось ублажать, пока ты шлялся где-то, сколько ночей я не спала, как недоедала, складывая золотой к золотому, пока ты сладко жрал, крепко дрыхнул, валялся с девками по сеновалам?! Зачем ты приперся ко мне со своей дикаркой, своими кувшинами, гномами, джавидами и прочей дрянью?! Зачем, я спрашиваю, ты втянул меня в свои дурацкие затеи?! Зачем, проклятый... ненавижу...

Голос Стейны задрожал, она уронила золотой слиток и закрыла лицо руками, согрязаясь от рыданий.

— Стейна, милая, не надо! — Конан пробрался к ней и обнял. — Я отработаю, я куплю тебе новый дом, я... Ну, перестань же!

Уткнувшись ему в плечо, Стейна бормотала какие-то прегрательства, слабо била кулаком Конана в грудь. Киммериец, глядя ее по голове, обернулся на Мораддина, но тот развел руками: мол, женские слезы — это не по моей части, твоя подружка — ты ее и успокаивай.

— Стейна, детка! Ну, хочешь, я, когда отыщу кувшин, пожелаю, чтобы у тебя был новый дом, в два, нет, в три раза больше этого, хочешь?!

Женщина, перестав плакать, подняла залитое слезами, перепачканное сажей лицо, отстранила от себя киммерийца и молча подняла слиток.

— Катитесь вы со своим кувшином... — шмыгнув носом, глухо проговорила она. — Уроды... кругом! Будьте вы все неладны!

— Как умел... — хмуро отозвался гном, больше озабоченный тем, что ноги его не доставали до низких стремян, а норовистый и злющий жеребец, не желая признавать нового хозяина, то и дело строил всяческие каверзы. Если бы не магические, как их именовал Конан, штучки, используемые Мораддином, то коротышка давно уже лежал бы на песке, а конь, почувствовав свободу, носился по барханам, поднимая тучи пыли...

Киммериец, уяснив, что сейчас проще разговорить валявшийся неподалеку верблюжий череп, нежели своего спутника, сплюнул и в который уже раз проклял дорогу, выведенную его к каравану старого шейха Джагула. С той поры дня не прошло без всевозможных пакостей, ну а минувшую ночь и вообще стоит забыть раз и навсегда! Китайские наемники, пожар во «Вратах Студольстий» и в завершение — исчезновение Дагарнуса, а потом ошеломляющий, удивительно наглый и бесшабашный прорыв за городские ворота, которые, в связи с объявленным эмиром осадным положением, охранялись бдительнее сокровищницы Илди-за...

«Да, неплохо мы погуляли в Султанапуре, — про себя усмехнулся варвар. — И у придворных летописцев Хаабберди работы с утра прибавилось, а разговоров в городе хватит лет на пять, не меньше».

...Конан с Мораддином, отдав безутешной Стейне все наличные деньги (старый шемит неожиданно пригласил погорелицу на временное жительство в свой дом), первым делом отправились на соседнюю улицу, к дому кофийского посланника. Киммериец заявил, что плевать ему на патрули, облавы и прочие развлечения эмира, взбешенного творящимися в городе безобразиями, и сейчас просто необходимо разжиться хотя бы пятью десятками золотых на дорогу, тем более, что нет ни припасов, ни воды, а без них в пустыню может сунуться только самоубийца. Мораддин не стал его отговаривать, понимая всю бесполезность слов с упрямым варваром, и разве что вполголоса пробурчал пару теплых слов в адрес злосчастного ложа, на котором одна варварская парочка, в припадке безумия,

Глава восемнадцатая

Барханы меняли цвет с призрачно-серого, ночного, на бронзовый, а затем и алый. Багровым, словно налитым кипящим золотом диском тяжело выползло из вод моря Вилайет солнце, купая в соленых волнах нижний свой край. Холодные утренние лучи светила — красноватые и неверные — превратили пустыню, охватившую стены Султанапура сырчими валами мертвых песков, в застывший океан, будто наполненный темной кровью. На мгновение Конану почудилось, что вот сейчас неведомые боги снимут заклятие, остановившее вечный бег его волн, и горячие буруны с ревом захлестнут двоих всадников, закрутят, накроют кровавой пеной, утягивая к далекому дну, где нет живых и куда не проникает свет, только жаркая, пахнущая смертью, липкая пустота вокруг... Но вот солнце оторвалось от ползущей над Вилайетом дымки, начало стремительно наливаться жгучей белизной, превращая кровь в золотистый песок, и жутковатое видение исчезло бесследно. Туранская пустыня осталась лишь пустыней, безводной и почти необитаемой...

— Лихо ты того стражника сделал, — сказал Конан Мораддину, просто для того чтобы завязать разговор. До смерти тоскливо было варвару после бессонной ночи и вчерашнего дня, стоявшего жизни слишком многим,вольно или невольно ввязавшимся в историю с кувшином подземного народа.

однажды зачала незадачливого искателя приключений по имени Конан...

Переполох, вызванный пожаром во «Вратах», сыграл им на руку — зевак и любопытных в посольском квартале было множество (не каждую же ночь сгорает веселый дом для вельмож и придворных!), и патрули смотрели на поздних гуляк сквозь пальцы, позабыв строгий приказ — ночью задерживать каждого.

Оборвав шнурок звонка после излишне резкого рывка, Конан начал молотить в дверь кулаками, а затем и носками сапог, словно желая выместить на досках накопившуюся злость, а когда сонный привратник отворил, киммериец схватил перепуганного кофийца за грудки, тряхнул, разорвав ему ночную рубашку, и, двинув спиной о косяк, прорычал прямо во вспотевшее от ужаса лицо:

— Дагарнуса позови, живо...

Кофиец, мельком взглянув за спину огромного, воняющего гарью и кровью громилы, и, разглядев, как Мораддин разбирается с тремя стражниками, по глупости своей решившими выяснить его личность, тихонько заскулил. Когда последний солдат грохнулся на мостовую, и гном, так и не обнаживший клинок, по-хозяйски осмотрел результат своих трудов, киммериец снова потряс близкого к обмороку привратника.

— Мы друзья месьора Дагарнуса,— пояснил он, оглянувшись, и добавил ласково: — Где хозяин, скотина? Ну?

— Уехал... — пролепетал кофиец, будучи не в силах оторвать взгляд от Мораддина, с вороватым видом оттаскивавшего тела стражников к решетке сада кофийского посольства. — Уехал вечером. А до того к нему приходил какой-то человек, по виду кочевник... Я больше ничего не знаю, ваша милость... Благородный Дагарнус взял с собой двух телохранителей и сказал, что вернется после заката... И до сих пор никаких вестей. Если месьор — друг моего господина, то, может, месьору что-нибудь известно?..

— Если у твоего господина все друзья вроде нас, то благородный Дагарнус может и вовсе не вернуться, — ух-

мыльнулся варвар и, разжав пальцы, поставил привратника на землю.

Вот проклятие, и тут неудача! И совсем уж скверно то, что за почтенным нобилем пришел некто, похожий на зуагира. Такие совпадения наводят на нехорошие мысли!

Впрочем, подумать время еще найдется, а сейчас надо любой ценой покинуть пределы Султанапура, ухитрившись при этом сохранить свою жизнь...

— Передай Дагарнусу, что заглядывал Конан! — приказал варвар. — Запомнишь?

— К Конан... — отрывисто кивнул слуга, и пока искал, чем бы еще убедить наводящего дрожь приятеля хозяина в том, что у служек посольства короля Страбонуса память работает безукоризненно и поэтому убивать их, видит Митра, совершенно излишне, страшный варвар и думать забыл о нем. А когда кофиец, вздрагивая и выбивая дробь зубами, шмыгнул за дверь, и с той стороны загремели замки и засовы, внимание Конана переместилось на Мораддина. Скрываясь в тени сада, окружавшего особняк, он с сосредоточенным и серьезным выражением на лице раздевал убитых им городских стражей.

— Мародерствуем помаленьку? — поинтересовался Конан, с интересом наблюдая, как Мораддин стягивает с десятника широкие шелковые штаны, — или у тебя... э-э... другие намерения?

— Думай, прежде чем говоришь! — прошипел гном, бросая яростный взгляд на киммерийца. — Как ты собираешься выбираться из города? Сообщишь страже, что тебе в Султанапуре стало скучно?

— А, старый прием! — махнул рукой Конан. — Проделывал я уже такое, и не раз!

Мораддин тем временем молча облачался в костюм десятника. Киммериец, наблюдая, как тот затягивает чуть ли не под подбородком пояс штанов и тщательно подворачивает безмерно длинную рубаху, упал на землю и затрясся в беззвучном хохоте. Мораддин напоминал маленького сына десятника, решившего похвастаться перед сверстниками папашиной формой.

— Не нравится? — Гном развел руками и оценивающе оглядел себя.— И мне не нравится! Дурацкий маскарад, конечно, но что поделаешь, если в городскую стражу берут только долговязых олухов... Ладно, поехали к западным воротам, там увидим, что получится.

— Денег нет. А наших коней вывести за ворота Султанапура не получится,— сказал Конан, быстро переодеваясь. На рослом киммерийце одежда стражника сидела будто влитая. Он вскочил в седло и добавил: — Я-то хотел просто перебраться через городскую стену, а утром отнять у каких-нибудь караванщиков лошадей.

— Конокрадство? — пробормотал Мораддин, размышляя о том, как он будет забираться на лошадь в своем нелепом облачении.— По законам Турана — смертная казнь или двадцать лет каторги.

— Тогда лет... пятьсот за эти дни мы уже заработали,— обрадованно сообщил Конан.— Тебе помочь?

— Я сам,— буркнул Мораддин.— И кстати...

Он вытащил кинжал, нагнулся и не без труда выковырял из мостовой пару булыжников, а потом завязал их в оба края плаща.

— Это еще зачем? — удивился Конан.

— Увидишь, когда пригодится.

Подтянув штаны, Мораддин высоко подпрыгнул, ухватился за луку и, подтянувшись, забрался в седло.

— Готов? — усмехнулся Конан.— Ну, поехали!

Цепь загадочных убийств заставила эмира поднять на ноги всю стражу города, гвардию и даже наемников. Почему-то Верхний город охранялся менее тщательно,— считалось, что преступники должны скрываться именно в бедных кварталах, где легче смещаться со всяkim сбродом и залечь на дно. Никому не пришло в голову, что убийца мог переодеться богачом, вельможей или купцом и благополучно отдохнуть на каком-нибудь зажиточном постоялом дворе... Однако, по указу Хааб-берди, покинуть Султанапур могли лишь люди, у которых было специальное разрешение, подписанное в канцелярии эмира. Прочие за ворота не выпускались, а особо настырных

немедленно брали под стражу, без разговоров отправляя в городскую тюрьму, которая давно уже не была настолько переполнена.

Конану и Мораддину удалось успешно добраться до городских ворот. Они остановились в небольшом переулочке, который сворачивал на дорогу, ведущую прямо к выходу из города.

— Что будем дальше делать? — прошептал Мораддин.

Конан, спешившись, осторожно заглянул за угол. Перед воротами расположился целый военный лагерь — стража, конная гвардия, какие-то личности в одежде простых горожан, но с оружием на поясах. На небольшой площади у ворот горели костры, стояло несколько палаток; дорогу перегораживали деревянные рогатки.

— М-да, они устроились надолго,— задумчиво произнес Конан.— Как же их оттуда убрать? Разве что напугать...

— Напугать?..— Мораддин поскреб бородку.— Теперь твоя очередь думать, киммериец. Сколько можно выручать тебя?

— Чего же они испугаются? — Варвар тряхнул головой и вдруг широко улыбнулся.— Покушение... покушение на эмира!..

— Выдумал! У нас разве есть время на эти глупости? — фыркнул Мораддин.

— Тупица! — с нескрываемым удовольствием осклабился киммериец.— Слушай, что скажу...

Конан подошел к лошади Мораддина, тот нагнулся к нему, некоторое время выслушивал, изредка посмеиваясь, а потом тихо сказал:

— Идея, конечно, сумасшедшая, но стоит того, чтобы попытаться ее осуществить.

Конан самодовольно ухмыльнулся — мол, а ты еще сомневался; сел на лошадь, оправил одежду, критически оглядел Мораддина и коротко скомандовал:

— Кричать буду я. Вперед!

Старший в карауле — пожилой, измученный бессонницей и бесконечными приказами «сверху» туранец только присел к костру отдохнуть и глотнуть горячего красного

вина. Через западные ворота города проходила главная дорога, ведущая в пустыню, в Агралур и города Южного Турана. Множество караванов, толпы путников — пеших и конных, бедных и богатых, досужих и занятых важными делами — проходили через них в течение дня, и у каждого входящего надо было проверить подорожную, взять пошлину, а со вчерашнего дня у выходящих — разрешение эмира с его личной печатью. И все из-за неведомых бандитов, прикончивших Турлей-хана. Того и гляди, и самому солнцеликому эмиру, храни его Эрлик, достанется от этих головорезов...

Истошный крик и бешеный звон подков о камни мостовой нарушили тишину. Старший караульный вскочил, расплескав вино, схватился за саблю.

— Скорее! Бегом! Нападение на солнцеликого Хааб-берди! Все за нами!

Двое всадников в форме городской стражи ворвались в круг света. Один, высокий и темноволосый, поднимая на дыбы свою лошадь, топтавшуюся на месте, продолжал выкрикивать приказы. Рядом с ним пританцовывал, мотая головой, гнедой жеребец, которого с трудом пытался сдерживать малорослый человек со знаками различия десятника на висящей мешком одежде.

— Эмир объезжал караулы, — надсадно орал высокий, пока военные хватали оружие, ловили лошадей, а кто-то уже скакал к центру города. — Они налетели внезапно, но нам удалось спасти эмира! Он не пожелал возвращаться во дворец, а решил самолично расправиться с бандитами!.. За мной! У эмира почти не осталось телохранителей! Быстрее, они могут напасть снова!

Позже Мораддин признался Конану, что выглядел он ни дать, ни взять — сказочный герой, спасающий своего повелителя от злого дракона и призывающий весь народ защитить любимого владыку. Зрелище было незабываемое.

Панике поддались практически все. Дикое ржание лошадей, топот кованых сапог, выкрики ничего толком не сообразивших стражников, общая свалка... Конан с наслаждением наблюдал за созданной им самим суматохой,

и, наконец, когда один из солдат полетел прямо в костер, споткнувшись о своего товарища, который нагнулся в поисках оброненного кинжала, киммериец махнул рукой и выкрикнул:

— Четыре квартала вверх по улице! Хааб-берди там! За мно-о-ой!

Пришпорив коня и направив его в темноту дороги, уводящей к Верхнему городу, варвар на ходу окликнул Мораддина. Когда более трех десятков всадников азартно рванули в указанном направлении, Конан со своим спутником незаметно отстали, развернули лошадей и поскакали обратно к воротам.

Киммериец понадеялся было, что все пройдет гладко, и его нехитрая уловка подействует на всех без исключения, но ошибся. Несколько человек не поддались общему порыву и побоялись покинуть пост без приказа своего начальства.

— А вы что здесь делаете? — рявкнул на них Конан, начиная понимать, что от этих преданных вояк придется избавляться при помощи оружия.

— А ты кто такой, чтобы приказывать конной гвардии государя Илдиза? — откликнулся старший, с недоверием оглядывая обнаглевших стражников, из которых лишь один имел чин десятника.

— Я? — быстро переепросил Конан. — Земное воплощение Эрлика!

И тотчас же его меч опустился на шлем недоверчивого вояки, промяв его посередине. Мораддин, выхватывая оружие, вполголоса бросил:

— Опять... Сколько ж можно трупов за одни сутки...

— Измена! — завопил высокий, худощавый десятник, увидев, как его командир замерло свалился под ноги коня киммерийца.

— А ты как думал? — усмехнулся варвар, спрыгивая с лошади и уверачиваясь от сабельного удара. — Мораддин, начали! И побыстрее! А то вдруг они все такие догадливые...

Против варвара и потомка гномов оказались девять пре-восходно обученных воинов, которые, правда, не подозревали, что столкнулись не с увальнями из городской стражи, а

с виновниками многих странных и жутких событий, взбаламутивших весь Султанапур. Чудеса ловкости, показанные Мораддином в недавней схватке с наемниками, на сей раз были менее впечатляющими — гному мешало его слишком просторное одеяние.

Конан взял на себя пятерых гвардейцев, закрывших подход к левой створке ворот и довольно успешно сдерживал их натиск, пока Мораддин быстро освобождался от плаща и необъятной рубахи, походя обездвижив болезненными ударами по голени двоих солдат, рискнувших подойти слишком близко.

Оставшись в своей легкой, удобной одежде и выбросив из капюшона мышку, которая, недовольно заверещав, начала кружить в воздухе над головами людей, Мораддин схватил плащ, в углы которого были завязаны два булыжника, побежал к киммерийцу и раскрутил плащ над головой, точно прашу. Ткань плотно обмоталась вокруг шеи одного из пятерых гвардейцев, с которыми дрался Конан, Мораддин дернул плащ на себя и ударом колена в грудь свалил полуздохнувшегося воина.

— Один готов! — заметил гном, снова раскручивая свою «прашу».

— И второй! — отозвался киммериец, которому удалось разрубить едва не до пояса на мгновение открывшего глухую защиту гвардейца — тот намеревался одним из каверзных приемов срубить Конану голову, но киммериец, прекрасно знакомый с этой примитивной уловкой, отвел клинок противника в сторону и тут же уложил стражника. На камни брызнула темная кровь, тело с глухим стуком рухнуло наземь.

Третий из пятерых достался опять же Мораддину, а остальные, побросав оружие, разбежались в разные стороны. Киммериец не стал их преследовать, подобрал с земли рубаху, скинутую Мораддином, и оттер ею меч.

— Здорово ты их! — восторженно воскликнул варвар, глядя, как Мораддин вырастывает камни из плаща. Белый зверек мирно сидел на его плече и таращился в темноту.

— Да ладно... — проговорил гном. — Нечего зря время терять, иди открывай ворота!

Поднатужившись, Конан приподнял тяжелую балку, служившую засовом, и сбросил ее со скоб.

— Прощу! — ударом ноги он распахнул створки.

Когда Конан и Мораддин выехали за ворота, им сперва показалось, что безумная выходка потерпела полный провал. Горящие костры, кучки людей, греющихся у огня, лошади — неужели ворота охранялись и снаружи?.. Конан уже хотел было сказать, что с таким числом солдат ему не справиться, будь с ним хоть десяток таких, как Мораддин, но, приглядевшись, понял, что перед ними просто торговые караваны, вроде того, с которым он коротал ночь после побега с рудников, — они пришли слишком поздно и их не пустили в город, несмотря на то, что все бумаги были в порядке и хватало денег на пошлины. Некоторые из караванщиков заметили, что ворота, к их вящему удивлению, открылись и оттуда выехали двое всадников. И тут Конану пришла в голову замечательная и вполне безобидная шутка. Кроме того, это поможет им избавиться от погони, создав дополнительную сумятицу. Привстав на стременах, он откашлялся и зычным голосом провозгласил:

— Указом солнцеликого эмира султанапурского Хааббердия, да пребудет он в вечном здравии, всем разрешается въехать в город без пошлины и без проверки подорожных! Указ действует до наступления рассвета! Поторопитесь, почтенные гости!

Некоторое время стояла изумленная тишина, а потом, словно повинувшись взмаху руки безвестного мага, все пришло в движение. Караванщики поднимали верблюдов, собирали поклажу, оживленно переговариваясь, гасили костры, и вскоре человеческое море хлынуло через гостеприимно распахнутые ворота в славный город Султанапур.

Конан любовался очередным своим творением, и мог простоять так, наверно, до самого рассвета, если бы Мораддин не дернул его за рукав.

— Отлично. Я оценил, — с усмешкой заметил он. — Но не забывай, что у нас впереди очень много дел.

* * *

Горячий воздух волнами струился над песками, поднимаясь к небу, и далекая полоска Кезанкийских гор почти расплылась в дрожащем мареве. Вдалеке между пологими барханами мелькнула темная точка. Конан безошибочно определил что это, и, протянув руку, сказал :

— Вот она, старая башня.

Мораддин прищурился, вглядываясь, но как ни напрягал зрение, ничего, кроме неясной вертикальной черточки, не увидел.

— Зоркие у тебя глаза, не то, что у меня. Гномы хорошо видят только в темноте, а при столь ярком солнечном свете мне, как сыну гнома, тяжеловато.

Он ехал чуть позади Конана, натянув капюшон на самые глаза и перевязав его тесьмой на голове.

С восхода прошло уже довольно много времени, солнце было в зените и палило нещадно. Все живое попряталось от жары, исчезли куда-то даже маленькие ящерки, которые утром грелись на песчаных холмиках, шмыгали под копытами лошадей и, когда на них падала тень, мелко дрожа, быстро зарывались в песок.

Путники оказались в тяжелом положении — поспешное бегство из Султанапура не позволило им запастись едой и питьем, не было денег, чтобы купить провизию, да и где ее купишь посреди пустыни. Оставалось надеяться, что джавиды, по словам Ниорга ожидавшие киммерийца в развалинах сторожевой башни, сообразят захватить с собой хотя бы флягу с водой. О том, чтобы напоить лошадей, и думать было нечего. Да, повезло бывшей лошадке Турлейхана, стоит теперь, небось, в прохладной конюшне у старика-шемита, напоенная да накормленная, и варвара рядом нет...

Конану приходилось потяжелее, чем Мораддину — болели обожженные на пожаре руки, причем боль усиливалась под жгучими лучами солнца; уже сейчас варвару сильно хотелось пить. Порой сознание на пару мгновений точно заволакивалось туманом, он, судорожно скжав пальцы, держался за луку седла, чтобы не упасть с лошади. Развалины

башни приближались медленно, как во сне, и, чтобы отвлечься от боли и жажды, Конан смотрел, не отрываясь, на колеблющийся силуэт, силясь различить бойницы, отдельные камни, пообсыпавшийся зубчатый верх... Временами в глазах темнело, и тогда варвар перебрасывался двумя-тремя ничего не значащими словами с Мораддином, чтобы не потерять ощущение действительности.

Летучая мышь сидела, спрятавшись в складки одежды хозяина, и даже не пыталась высунуться наружу, под слепящие лучи солнца.

Наконец, желто-серые развалины башни вынырнули из-за бархана, неожиданно оказавшись совсем рядом — меньше, чем в полете стрелы.

— Приехали, — прохрипел Конан, еле двигая пересохшими губами. — Честное слово, проезжай сейчас караван да вынырни из песка равах, я бы не раздумывая кинулся снова зарабатывать воду...

— Я бы к тебе с удовольствием присоединился, — сипло откликнулся Мораддин. — Вот, кстати, ехал и думал, что будет, если эта тварь — равах — польстится на двух полуумертвых от жары и жажды бродяг?

— Подавитесь, — хмуро сказал киммериец. — А что вернее, отравится и сдохнет... Давай ходу, хоть в тени посидим...

Конан, кряхтя и постанывая, слез с понурой лошади, завел ее в тень, отбрасываемую старой башней, привязал к проржавевшей древней коновязи и решительно шагнул внутрь. Мораддин вошел следом и ткнулся в спину варвара, замершего у входа, будто статуя.

— Что такое? — Гном подпрыгнул, заглядывая через плечо Конана, но ничего толком не разглядел. Когда тот молча посторонился, Мораддин обозрел округлое помещение первого этажа и присвистнул.

— Мораддин, ты знаешь Дагарнуса в лицо, или он пластил за мое освобождение через своих поверенных?

— Конечно, видел, — последовал ответ.

— Тогда скажи мне, только честно, это — он? — Киммериец указал на один из трех трупов, лежавших у стены.

Мораддин, не колеблясь, прошел вперед, нагнулся, осмотрел тела и, повернувшись к Конану, утвердительно кивнул.

— Так,— только и смог сказать северянин.— Плакали мои денежки...

— Ты неисправим,— вздохнул Мораддин, вертя в руках подобранную стрелу с синим оперением.

Конан присел на корточки у стены, обхватил голову руками и проговорил:

— Великий Кром, да что же здесь, в конце концов, происходит? Почему они все мрут, как мухи?! Я впервые начинаю задумываться о собственной смерти...

— Брось,— махнул рукой Мораддин.— Отобъемся, со мной не пропадешь!

— Да я и без тебя почти три десятка лет не пропал! — отрыгнулся варвар.— Я просто хочу знать, что творится вокруг! Не может быть, чтобы Джрафир был виновен в попытке убить меня, смерти мага, пятитысячника и теперь вот Дагарнуса. Этого-то за что?

Мораддин тем временем обшаривал одежду кофийского посланника, убитого ударом кинжала в висок — способ, еще никогда не виденный варварам. Единственное, что удалось добыть у достойного месьора — это кошель с золотом, который гном немедленно бросил Конану, чтобы тот хоть немного утешился. Зато у одного из телохранителей нашлась нетронутая огромная фляга разбавленного вина. Напившись, Мораддин подошел к киммерийцу и сунул сосуд ему в руку.

— Пей вот лучше.

Варвар, отложив кошель, схватил флягу и в несколько огромных глотков осушил ее до дна, даже не спросив, пили ли Мораддин. Выдохнув, он резко отшвырнул пустую баклагу и исподлобья посмотрел на своего спутника, а потом на стрелу, которую бывший капитан хэрда бросил на щербленный, покрытый песком пол.

— Дай-ка эту штуку сюда,— Конан указал на стрелу, и когда она попала ему в руки, подозрительно посмотрел на оперение и потеребил крашенные синей краской перышки.

— Стрела-то зуагирская...— медленно проронил он.— Я такие видел в оазисе Баргэми. Все-таки это дело рук молодого шейха. И кувшин он, гад, забрал... Между прочим, Мораддин, а где твои вислоухие дружки? Ниорг, помнится, обещал, будто поджидать они меня тут будут.

Гном неодобрительно покосился на варвара, но ничего не ответил и, тщательно осмотрев пол, обнаружил, что края одной из каменных плит неплотно прилегают к соседним. Вынув кинжал, он постучал рукоятью по камню, и по гулкому звуку понял, что под плитой пустота.

— Подождем,— буркнул Мораддин.— Если джавиды здесь, то должны откликнуться...

Договорить он не успел, ибо родичи Ниорга и в самом деле откликнулись, разве что не совсем обычным, на взгляд киммерийца, способом. Плита начала медленно подниматься, сдвигаясь в сторону и открывая зиявший провал, а из темноты его показалось такое чудище, что даже попривыкший за годы странствий к подобным зрелищам Конан, выругавшись на родном наречии, вскочил и, выхватив меч, попятился к выходу. Мораддин и тот отступил на несколько шагов, изменившись в лице при виде невероятно безобразного черного монстра.

Ребристый костяной панцирь полностью закрывал темное тело, а из-под переднего края его высовывалась небольшая безглазая голова, которая, казалось, состоит из одних зубов — прямых, как кинжал, и длиной не меньше ладони; четырехпалые когтистые лапы вцепились в края отверстия. Монстр еще шире разинул пасть и, брызгая слюной, издал булькающее рычание. Неожиданно рядом с отвратительной тварью появилась знакомая носатая физиономия Ниорга.

— А, явились! — обрадовано прошепелявил джавид и бесцеремонно оттолкнул водившего головой вправо-влево зверя.— Не бойтесь, он ручной. Да заткнись ты, чучело!

«Чучело» клацнуло зубицами, рык и шипение смолкли, а затем оно медленно скрылось под землей. О присутствии зверюги теперь напоминало только тихое поскребывание, доносившееся из провала.

— И много у вас таких... ручных?.. — сглотнув слюну, спросил киммериец, подходя поближе, но меч на всякий случай не пряча.

Ниорг выбрался из подземелья, сощурил маленькие глазки, превратившиеся в узенькие щелочки, и насмешливым тоном ответил:

— Ах, варвар, у нас под землей и не такое встречается!

— Да, знаю уже,— оскалился Конан, вспомнив человекообразного ящера-демона, которого джавиды натравили на него в день похищения Мирдани.— И все-таки, что это за пакость?

— Вроде сторожевой собаки, как у людей,— небрежно бросил Ниорг.— Только посообразительнее и не линяет — шерсти нет.

Тут старый джавид, близоруко щурясь, оглядел зал, приметил Мораддина, и Конан, скривив губы, понаблюдал за трогательной встречей двух старых приятелей — Мораддин едва не расцеловал волосатого джавида, а тот, в свою очередь, готов был залиться от счастья слезами. Дождавшись, когда они успокоятся, Конан без обиняков заявил:

— Ну, хватит. К делу. Ниорг, и давно вы с этим... ручным... в этой башне сидите?

— Как и обещал, дожидаюсь тебя или Мораддина. Пришел сюда, сразу как с вами рас прощался.

— Значит, должен был слышать, что тут стряслось прошедшей ночью или утром.— Варвар кивком головы указал на три трупа, валявшиеся у стены. Ниорг мигом обрел серьезный вид, проковылял к телам и всмотрелся в их лица. Некоторое время он молча разглядывал Дагарнуса, а потом уставился на киммерийца, раскрыв рот.

— Это ты убил его?

— Нет, я хотел узнать о его смерти у тебя.

— Да знаешь ли ты, варвар, чьи презренные останки лежат у моих ног, оставленные на растерзание шакалам?

— Ну? — насторожился Конан, чувствуя, что узнает сейчас о Дагарнусе что-нибудь новенькое, еще больше запутающее историю с сокровищем джавидов. Так оно и случилось.

Выдергав торжественную паузу, старый Ниорг значительно потряс в воздухе кулаками и выговорил:

— Отца сего негодяя звали Дуалкамом, а сам этот человек навлек на мой род, род Нирафа, проклятие Нейглама!

— О, боги!.. Опять! — простонал киммериец.

Глава девятнадцатая

Да-да! — не обратив внимания на горестное восклицание киммерийца, продолжил Ниорг.— Это человек, по вине которого один из самых знатных родов гномьего племени вынужден прозябать в омерзительном образе джавидов!

Мораддин подошел к Конану и положил ему руку на плечо.

— Видишь, как все просто!

— Я сам! — вскрикнул киммериец и провел обеими ладонями по лицу.— Никакого Страбонуса со своим магом тут и близко не было, Дагарнус все выдумал, заморочил мне голову своими деньгами, и если бы не Ниорг со своей слюнявой сказкой про бедных маленьких гномов... Не-ет, так меня еще никто не дурил! Жаль только, что не я привил это отродье Сета!

Конан с силой пнул труп Дагарнуса. Ниорг, дернувшийся, как ошпаренный, когда киммериец столь неучтиво отозвался о трагедии его рода, медленно повернулся к нему и, задрав подбородок, произнес:

— Быть может, презренный сын Дуалкама, нарекший себя Дагарнусом, и сделал тебе, варвар, много зла, но это не повод, чтобы оскорблять достоинство гномьего народа! А за это мы караем жестоко, очень жестоко!

— А пошел ты знаешь куда со своими карами?! — грубо отмахнулся от него Конан, в то время, как Мораддин что-то быстро говорил джавиду в волосатое ухо.— У меня

и так уже голова кругом идет от вранья вокруг вашего гномьего горшка! Ну и Нергал с ними со всеми! Главное, теперь кувшин у Джифира, значит, сейчас наша цель — этот проклятый зуагир, и точка! Мое дело — сдержать слово. Этим я и займусь.

— Ну, и что ты собираешься предпринять? — поинтересовался Мораддин.

— Поеду в его занюханный оазис, намотаю Джифиру кишки на уши и вернусь сюда с Нейгламом!

— Сильно сказано,— вздохнул Мораддин.— А как ты собираешься это осуществить? В одиночку? Ты даже не знаешь, зачем ему нужен был Нейглам? Я, пожалуй, лучше съезжу с тобой,— задумчиво добавил он, словно, речь шла не об опаснейшем деле, а об утренней прогулке в саду Баргэми. На этот раз Конан промолчал, не возражая, потому что представлял, на что способен Мораддин и насколько его присутствие упростит задачу.

— Тогда поехали, нечего время терять,— бросил он, уже направляясь к выходу.— А ты будешь ждать здесь!

Последняя фраза относилась к Ниоргу, который, поддавшись увещеваниям Мораддина, простили невежественному киммерийцу его дерзость и решили пока не подвергать его жестоким карам. Хотя возразить все же не преминул:

— Как это ждать здесь? Неужели ты, варвар, думаешь, что я буду сидеть сложа руки, когда решается судьба моего рода? Я приведу всех своих соплеменников в подземелья под оазисом, и никто не сможет ускользнуть из крепости.

Конан, с трудом сдержав ярость, громко сказал Мораддину:

— Слушай, вели ты этому недомерку, чтобы дал нам лучше еды и питья! А то я опять скажу что-нибудь неподличительное...

Довольный, что последнее слово осталось за ним, киммериец развернулся на каблуках и вышел наружу, к лошадям, оставил старого джавида наедине с Мораддином. Некоторое время спустя последний подошел к Конану, подтягивающему подпругу, и, подтолкнув его кулаком в бок, протянул тряпичный сверток и флягу.

— Возьми. Ниорг очень недоволен тобой и терпит твою дерзость лишь потому, что надеется получить Нейглам.

— Обидчивый какой... — буркнул киммериец, забираясь в седло. — И как только твоя матушка терпела твоего папашу?

Мораддин покраснел от злости, задержав дыхание, но не стал отвечать, зная, что варвара не исправишь, а пытаться пристыдить его словами — дело безнадежное. Ну что с дикаря возвьмешь!

После полудня усилился ветер, подняв в горячий воздух взвесь мельчайших песчинок, забивавшихся в рот, глаза, оседавших на одежду... Лошади шли с трудом, медленно переставляя ноги и низко наклонив головы. Конан надеялся, что сильной песчаной бури не случится — тогда добраться до крепости Баргэми будет невозможно. Каждый сильный порыв ветра заставлял его стискивать зубы от жгучей боли — песок царапал обожженные руки точно мелкими коготками. Ну, почему он не догадался подобрать какой-нибудь плащ или накидку...

Солнце начало клониться к закату, когда ветер стал ослабевать, песчаный дождь понемногу прекратился, а цепь Кезанкийских гор ощутимо приблизилась. Всю дорогу от старой башни Конан и Мораддин ехали молча, не разжимая губ, прежде всего от того, что не хотелось перемалывать на зубах противно хрустящие песчинки. А кроме того, гном все еще дулся на киммерийца за его неучтивость. А сам Конан молча терпел боль, и у него не было никакого желания заводить беседу.

«Чем дальше, тем хуже... — угрюмо думал киммериец. — Смерти одна за другой... Удивляюсь, как я сам жив остался, ведь Джадир уничтожал каждого, кто хоть что-то знал о Нейгламе. Что ни говори, а Мораддину следует сказать спасибо за то, что оказался рядом вовремя. Не думаю, что я один устоял бы против нанятых Джадиром кхитайцев. Или все же не Джадиром? Вдруг случится так, что вовсе не зуагирский шейх виновник всех недавних безобразий в Султанапуре, а есть еще некто третий, пятый, десятый... Весь мир точно сошел с ума!»

— Я вот что подумал, — начал разговор варвар, поворачиваясь к Мораддину. — А ну как приедем мы в крепость и выяснится — кувшинчик-то Джадир кому другому передал? И тогда что?

— Если тебе это действительно интересно, я могу рассказать, как вся история представляется мне. Кажется, я распутал этот клубок... — Мораддин сделал паузу, ожидая, что ответит варвар, и когда тот молча кивнул, продолжил: — Вспомним все с самого начала. Не сомневаюсь, ты говорил мне правду о равахе, знакомстве со старым шейхом и похищении его дочери — зачем тебе врать? О Нейгламе тогда знали несколько сторон: во-первых, джавиды Ниорга, пытавшиеся вернуть древнее сокровище, невесть как очутившееся в сокровищнице Турлей-хана; во-вторых, Дагарнус, оказавшийся прямым виновником трагедии рода Ниорга, и в-третьих, шейх Джадир и его старший сын... Поговорим о кофийце, потому что именно он заварил эту кашу, не подозревая, что встал на дорогу, ведущую к Серым Равнинам. Не сомневаюсь, Дагарнус был именно тем, за кого себя выдавал — посланником короля Кофа Страбонуса, и приехал он в Туран со строго определенной целью: добыть сокровище джавидов, о котором знал с юности. И даже... — Мораддин запнулся. — И даже однажды использовал его силу.

— Ты говори, говори... — подбодрил его Конан. — Что дальше было?

— Вот только старался Дагарнус для себя или для короля, боюсь, так и останется неизвестным... Но можно предположить, что, желая выслужиться перед повелителем, Дагарнус раскрыл ему тайну Нейглама, и Страбонус, надеясь приумножить свое могущество, обеими руками ухватился за возможность получить кувшин. Отсюда дворянское звание Дагарнуса, обширные полномочия, свобода в распоряжении деньгами...

— Мне он по-другому все рассказывал... — покачав головой, заметил киммериец. — Хотя я и тогда ему ни на гроши не верил!

— И правильно! — Мораддин поморщился и махнул рукой. — Тебе Дагарнус мог врать напропалую. Но главную тайну

кофиец раскрыл: он охотился за Нейгламом, и пытался получить помощь от шейха Баргэми, знающего о существовании джавидов! А с твоим появлением в оазисе события начали развиваться совсем не так, как рассчитывали и Ниорг, и посол Страбонуса. Джавиды, прознав, что кувшин находится у пятитысячника, попытались выкупить его, и, выполняя условие Турлей-хана, похитили Мирдани. Умер старый шейх. Ты, друг варвар, вмешавшись в ход событий, заставил придворного мага эмира заинтересоваться вещью, за которую джавиды согласились выкрасть красавицу для пятитысячника... И Радбуш забрал Нейглам у Турлей-хана.

— Знай я тогда, в какую историю ввязываюсь... — вздохнул Конан. — Надо было просить у Джафира хотя бы пять тысяч, не так обидно было бы.

После этих слов варвара Мораддин тоскливо возвел очи горе, но удержав рвавшийся с языка язвительный ответ, заставил себя продолжать.

— Знаешь, почему Радбуш не снес тебе голову, а отправил на рудник и строго приказал присматривать за тобой? Мне кажется, оттого, что считал, будто ты сам маг и знаешь нечто большее, нежели хочешь показать. Наверняка он не поверил ни единому твоему слову... Впрочем, это сейчас неважно. В городе ты встретился с Дагарнусом, сумел завоевать его доверие и узнать, что кувшин джавидов не просто красивая игрушка... Так в борьбу за обладание Нейгламом вступил и некий Конан Киммерийский. И все, все до единого охотники забыли о существовании еще одного человека, знающего про сокровище подгорных карликов — о новом шейхе Баргэми Джафире. Понятия не имею, как он пронюхал о свойствах Нейглама — может, Дагарнус рассказал, — но Джафир явно знает, что заключенная в сосуде сила способна дать ему многое — богатство, власть, магическое умение... Единственное, шейх не подозревает об опасности, которую таит в себе чуждая роду людей магия... Волшба гномов отлична от человеческой.

— Слышал я об этом, — нетерпеливо сказал киммериец. — А приехав в город, шейх начал уничтожать свидетелей и возможных претендентов на Нейглам?

— Точно! — подтвердил Мораддин. — Человек он далеко не бедный и мог позволить себе нанять отличных бойцов, способных противостоять целой армии — отсюда и кхитайцы. К тому же, это помогло запутать дело: кто бы мог связать воедино шейха зуагиров и косоглазых наемников? А потом уже пошло-поехало: обидчик сестры и прежний владелец кувшина — Турлей-хан убит, Радбуш убит, а с ним и почти все слуги, больше всех знавший Дагарнус убит, тебя, тоже имевшего самое прямое касательство к делу, отыскали и пытались убить... Мирдани ушла с зуагирами и наверняка уже вернулась домой.

Есть, конечно, несколько неясностей. Например, как они нашли твое пристанище, как выманили Дагарнуса в старую башню, как и ему и Джафировым молодцам удалось покинуть закрытый город? И самая главная загадка: как шейху удалось убить Радбуша? Он ведь был сильным, знающим чародеем, способным постоять за себя!

— Это верно... — буркнул Конан, вспоминая неприятные мгновения его собственного общения с Радбушем. Такой маг с любым бы справился, глазом не моргнув. Силен был огненными шарами кидаться, а вот против аквилонского кинжала и руки, его направившей, не устоял...

— Хуже всего то, — говорил Мораддин, — что Джафир может запросто воспользоваться силой кувшина, если уже не воспользовался. И тогда противостоять ему будет сложновато. Кто знает, чего возжелает зуагирский шейх? Туранской короны? Мирового владычества?..

— А вдруг Джафир захочет просто улучшить качество своих вин? Или получить в свой гарем самую красивую наложницу Илдиза?

— Ты, Конан, подумай, разве стал бы человек, сметавший со своего пути все препятствия, не останавливаясь ни перед чем, размениваться на такие мелочи? Не-ет, Джафир хочет чего-то большего, и единственное желание его может многое изменить в этом мире!

— Воображаю, — рассмеялся киммериец, — Джафир Первый, король Хайборийский, Повелитель Туранский, Владыка Аквилонский и прочая, и прочая...

— Зря смеешься,— прикрикнул на него Мораддин.— Вспомни, что умудрился натворить с помощью кувшина Дагарнус. Просто счастье, что его мстительная фантазия не простиралась дальше мести мнимым обидчикам его папаши-недоумка!

— Да уж,— хмыкнул Конан,— я бы придумал что-нибудь поизощреннее!

— Вся проблема в том, что ничего придумать ты не можешь. Нейглам выполняет вовсе не приказ, а твое самое сильное желание! И любые слова тут бесполезны. Заранее ничего не придумаешь.

— А если в момент, когда я овладею кувшином, мне захочется... ну... в кусты?

— Значит, будут тебе кусты,— развел руками Мораддин.

— Ну и ну! — раскрыл рот киммериец,— Хорош кувшинчик! А я-то думал, что смогу приказать кувшину все что угодно.

— В этом беда всех людей, они, в отличие от гномов, сами не знают, чего хотят. Так что лучше сходи... в кусты, поешь и проспись перед тем, как общаться с силой Нейглама!

Ехали долго, не останавливаясь, но старались щадить измученных лошадей, понимая, что в пустыне без них недолго и пропасть. Горы приблизились настолько, что можно было рассмотреть отдельные пики и ущелья. Где-то в этих местах на караван старого шейха Джагула напали рабах...

Солнце затянулось красноватой пеленой, опускаясь к Кезанкским горам, тени удлинились, и дневная жара начала спадать. По мнению киммерийца, следовало взять левее, к югу, потому что зелени оазиса, скрытого горными отрогами, до сих пор не удавалось рассмотреть, а Конан помнил, что крепость Баргэми должна стоять чуть южнее этих мест.

Уже в сумерках зоркие глаза варвара высмотрели наконец темное пятно, примостившееся у кезанкских склонов — до крепости оставалось не более двух лиг, и

киммериец предполагал к полуночи оказаться у самых ее стен. Придумывать, как пробираться внутрь, к дворцу шейха, решили на месте, осмотревшись и выяснив обстановку в оазисе.

Мораддин молчал, наступившись, а потом вдруг остановил коня и заявил:

— Ты ничего... такого... не ощущаешь, случайно?

— Пить хочется... — с серьезным видом заявил Конан.

— Я не о том! Что-то в воздухе... плохое! Вернее не плохое, а необычное.

Конан потянул носом воздух, пытаясь хоть что-то унюхать, но, так и не обнаружив ничего странного, ответил:

— Дымом пахнет... Чуть-чуть. Эти, в крепости, ужин готовят, наверно.

— Варвар несчастный! Все мысли о жратве! — рявкнул Мораддин.— От крепости исходит нечто чуждое, странная магия, и я это чувствую.

— А я нет,— равнодушно отозвался северянин, тщетно пытаясь выщедить из пустой фляги хоть несколько капель воды. Отшвырнув сосуд, Конан взглянул на встревоженного Мораддина и, видя, как тот беспокоится, спросил:

— Думаешь, Джрафу не терпелось взяться за Нейглам?

— Скорее всего да,— быстро проговорил гном, напряженно всматриваясь в сумерки,— Только вот что из этого получилось? Какими неожиданностями нас порадует молодой шейх сегодня, хотелось бы знать?!

— Оно... ну то, что ты чувствуешь,— варвар мучительно пытался подобрать правильные слова,— оно плохое или хорошее?

— Не знаю,— мотнул головой Мораддин.— Но очень необычное. Сила Нейглама не добрая и не злая, важно, какое намерение движет открывающим сосуд. А с силой, подобной истекающей сейчас оттуда,— гном ткнул пальцем в сторону уже видневшихся стен крепости,— я доныне не встречался. Эта сила — попросту чужая, не наша, не от этого мира!

— Так... — буркнул киммериец. — Значит, там нас встретят не только мечи и сабли Джифировых оборванцев, а еще и что-то магическое. Лучше бы я от жажды сдох, чем у его папаши тогда воды просить!..

— Это ты уже говорил, и не один раз, — отрезал Мораддин.

Неприятности начались уже в полулиге от ворот оазиса Баргэми, и варвар с Мораддином убедились, что Джифир и впрямь учинил в своем поселении нечто невообразимое. Лошади вдруг всхрапнули, шарахнулись в сторону, а справа из вечернего сумрака выпрыгнуло такое, что потерявший от неожиданности дар речи Конан едва не свалился с лошади, а Мораддин, охнув, скатился за оружие, хотя и не очень представлял, как обычным мечом можно поразить подобное существо.

В сравнении с этой тварью «сторожевой пес» джавидов показался бы безобидным, милым и привлекательным домашним животным, с которым без опаски можно оставлять маленьких детей. Зверюга, сидевшая на склоне бархана и с каким-то мрачно-плотоядным интересом рассматривавшая замерших всадников, была размежом, самое меньшее, с дикого быка. Множество коротеньких, когтистых ножек поддерживали длинное и толстое туловище, с одной стороны заканчивавшееся коротким шипастым хвостом, а с другой — будто расколотое пополам извилистой темной щелью. Глаз почему-то было три, причем каждый находился на конце одного из длинных рогов, растущих из того места, которое скорее всего было головой. Тело покрывала очень плотная крупная полу-прозрачная чешуя жемчужно-перламутрового цвета, при каждом движении чудища вспыхивавшая бледным переливающимся светом. Пока что зверь сидел, почти не шевелясь, лишь моргали шарообразные глаза, и из щели, служившей ему ртом, изредка показывался мясистый округлый язык.

Мораддин выразительно посмотрел на Конана, словно ожидая от него команды к действию, но варвар лишь только скорчил жуткую рожу и пожал плечами.

— В жизни таких уродов не видел! — громко прошептал он, не сводя глаз с неизвестной твари. И, привстав на стременах, вдруг гаркнул:

— А ну пошла вон отсюда!

Мораддин изменился в лице, ожидая что зверь отреагирует на вопль Конана нападением, но ничего не произошло. Тварь так и осталась сидеть, с глуповато-зainteresованным видом взирая тремя глазами на людей и их скакунов.

— Может, попробуем проехать? — тихо предложил гном. — Он, наверно, не голодный, раз не нападает...

Тварь поспешила опровергнуть неверный вывод Мораддина. Только невероятная реакция потомка гномов спасла ему жизнь. Огромная тварь неожиданно легко взвилась в воздух, подняв густую тучу пыли, и миг спустя всей тяжестью своего тела рухнула на лошадь Мораддина. Тот, спрыгивая с лошади и откатываясь, разглядел, что вдоль всего тела чудища, промеж двух рядов коротеньких лап, вдруг выпрямилась огромная веслообразная конечность и, подбросив монстра вверх, снова прижалась к телу. Раздался глухой хруст сломанных костей, брызнула кровь, тварь еще несколько раз подпрыгнула на вдавленном в песок теле несчастного коня, бившего в агонии ногами по песку и сдавленно хрюпавшего, торжествующе хрюкнула, а затем, засеменив маленькими ножками, отползла в сторону, подделя мордой тело жертвы и, ловко ухватив его своей беззубой пастью, начала отрывать куски мяса.

— Лихо... — сквозь зубы процедил Конан, когда Мораддин поднялся, отряхивая песок, и подошел к нему. Летучая мышь, слегка помятая при падении злобно и испуганно верещала, вцепившись когтями в плечо хозяина.

— Мне здесь не нравится, — серьезно сказал Мораддин, искоса поглядывая на хрустящую лошадиными костями тварь, успевшую почти целиком вымазаться в крови. На мгновение ему показалось, что лошадь еще шевелится, но он убедил себя, что это чудовище с силой треплет тушу, отрывая куски мяса...

— М-да, Джафир перестарался... Если это, конечно, его работа,— проговорил киммериец.— Садись на мою лошадь, поедем дальше — раз решили добраться до Баргэми, надо ехать!

— Фантазия у твоего шейха... болезненная,— резюмировал гном, снова и снова оглядываясь на доедающего лошадь хиппника.— Еще один такой таракан — и мы пойдем пешком...

У стены крепости они оказались глубокой ночью, все-таки потеряв и вторую лошадь — оказалось, что прыгающих многоногих тварей по окруже бродило много, действительно, как тараканов. К счастью, на людей голодные звери особого внимания не обращали, видимо, полагая их слишком мелкой добычей, но вот за лошадь четверо монстров устроили меж собой настоящую битву, да такую, что от бедного животного вмиг ничего не осталось, а киммериец с гномом едва унесли ноги.

Когда при свете луны они подошли к крепости Баргэми, шепотом обсуждая, как перебраться через высокую, сложенную из песчаника стену, Конан вдруг заметил, что ворота широко раскрыты. Молча указав Мораддину на распахнутые створки, варвар остановился, не решаясь идти дальше.

— Пойдем, чего ждать,— тихо предложил Мораддин, вытащил мышь из-под воротника и швырнул ее в воздух. Конан решил, что это сделано для того, чтобы зверек не попал под чужой клинок во время предстоящей схватки, но мышь, сделав над стенами пару кругов, вернулась к хозяину, коротко пискнула и села ему на плечо.

— Чего это она? За тебя боится, что ли? — прошептал Конан.

— В некотором смысле — да,— ответил Мораддин.— Она чует недобroе и насторожена.

И в самом деле, летучая мышь мелко подергивала круглыми ушами, тихонько попискивая.

— Ладно, не век же тут торчать! — решительно сказал киммериец и медленно двинулsя к воротам. Мораддин тенью следовал за ним.

Оказавшись между створками, Конан оглядел внутренний двор, остановился и попятился назад, вытягивая меч из ножен. Гном выглянул из-за его широкой спины и прошептал несколько непонятных слов, видимо гномских ругательств.

Двор, точно разлагающаяся туша, кишев тварями, напоминающими гигантских насекомых, червей, каких-то членистых многоногих чудовищ, подобных тем, что пожрали лошадей. Они ползали по каменным плитам, которыми была вымощена земля, по стенам хозяйственных построек, перебирались друг через друга — с полным безразличием или иногда яростно сцепляясь. В воздухе стоял неприятный запах, слышалось ровное жесткое шуршание хитиновых панцирей, а вся внутренняя часть крепости озарялась призрачным зеленоватым светом, колеблющимся и не имеющим единого источника — словно светились сами странные создания и стены строений. Но более всего потрясли варвара люди. Они медленно бродили меж отвратительных гадов, точно во сне — смотрели невидящими глазами в пустоту, натыкаясь друг на друга или на какое-нибудь насекомое, останавливались, а потом поворачивали в другую сторону.

— Мораддин, что это? Что все это значит? — хрипело проговорил киммериец, отирая тыльной стороной ладони пот, выступивший мелкими каплями над верхней губой.

— Даже не представляю, — отозвался тот как завороженный, глядя прямо в круглый, немигающий глаз кошмарной твари, которая заметила варвара с гномом, повернув к ним свою улиточью полупрозрачную голову и вывернув наружу рога с желтоватыми глазами на концах.

— Смотрит... — прошептал Конан, тоже будучи не в силах оторвать взгляда от бессмысленных глаз, казавшихся безгранично жестокими. Что-то черное стремительно метнулось над рогатой неподвижной головой гигантской улитки, и Мораддин вскрикнул, падая ничком на песок:

— Берегись!

Киммериец вскинул меч, и темная тварь с длинными, как у саранчи, ногами, звонко стукнувшись о клинок, упала чуть в стороне, делая и невредимая. Гном вскочил и во время: «саранча», подбравшись, оттолкнулась и взвилась в воздух, намереваясь опуститься на голову Конану. Оба клинка одновременно ударили насекомое и перерезали его пополам, точно ножницами. Брызнуло что-то белое, и половинки сухо стукнулись о песок.

Посмотрев во двор и увидев, что уже не одно чудовище заинтересовалось чужаками, Конан и Мораддин, не сговариваясь, развернулись, бросились за ворота, скользнув в темноту, к стене. Отдышавшись и стряхнув оцепенение ужаса, они переглянулись.

— Что скажешь? — проронил варвар, глядя на Мораддина широко раскрытыми глазами.

— А ты? — выдохнул гном.

— Джраф помешался, это точно.

— Согласен, — быстро кивнул Мораддин.

— Такое только с похмелья пожелаться может...

— Тоже согласен. Как ты думаешь, что нам делать дальше?

— Понятия не имею... Отыскать ополоумевшего зуагира и... — Конан сделал красноречивый жест.

Мораддин слегкотнул слону, потер бороду и оглянулся, явно опасаясь, что жуткие твари выползут за ворота в поисках ускользнувших жертв, и неожиданно спросил:

— А почему звери тех людей не трогают? Чем мы хуже?

— Лучше, — едко усмехнулся Конан. — Те пришибленные какие-то, а мы — свеженькие, бегаем... Вот... — Киммериец и сам испугался своих слов, представив, как он станет точно так же, шатаясь, бродить среди громадных насекомых, натыкаясь на их шершавые панцири или поскользываясь в слизи улиток-переростков...

— Что за нелепый разговор, — вздохнул Мораддин.

И вдруг варвар издал звериный вопль, хлопнув гнома по плечу, да так, что тот едва не свалился.

— Кинжал! Проклятый аквилонский кинжал! Как я мог забыть про дагарнусову игрушку!

— Вот-вот, испытай ее вот на том... — Мораддин указал подрагивающим пальцем за спину киммерийцу, а мышь на плече зашлась в истеричном шипящем визге.

Быстро обернувшись, Конан увидел подбиравшегося к нему не то паука, не то осьминога, размером с повозку. Круглая голова с несколькими парами черных тусклых глаз и серповидными паучьими челюстями вращалась на тоненькой шее, а передние недоразвитые лапки сжимали болтающееся человеческое тело. «Зуагир...» — успел рассмотреть киммериец, прежде чем события понеслись с невероятной быстротой. Он едва мог вспомнить потом, как паук разжал жвалы, подмяв под себя человека, и с неожиданной прытью быстро побежал, перебирая высоко поднимавшимися над туловищем лапами, к новой жертве, показавшейся, верно, ему более лакомой; как, передернувшись от отвращения, он кинул наугад клинок, и когда сталь вонзилась в голову паука, чудовище резко остановилось, отшатнулось, и тут случилось нечто совсем непонятное.

— Кром!.. — восхищенно проговорил Конан, глядя, как тело твари вспыхнуло ярким оранжевым пламенем, начало оплывать, словно сделанное из воска, и разлилось дымящейся лужицей по песку. Спустя несколько мгновений темная жидкость впиталась, не оставив следа, а на ее месте остался лежать обычный стальной кинжал.

— Что ж, путь в крепость открыт, — сказал Мораддин, утирая рукавом пот с шеи. Конан подошел к своему кинжалу и, помня, что он может быть горячим, осторожно поднял его. Повернувшись к спутнику, варвар махнул рукой и пошел обратно к воротам, уже нисколько не опасаясь за свою жизнь.

Конан искренне веселился, протыкая тварей аквилонским клинком, а Мораддин только успевал обходить зловонные лужи жидкого огня, в которые превращались порожденные к существованию неведомой магией зверюги, что могут привидеться лишь в ночном кошмаре. Несколь-

ко раз Конан осторожно касался острием кинжала оказавшихся поблизости людей, но пробудить их от непонятного оцепенения ему не удавалось. Складывалось впечатление, что они также созданы волей, сотворившей жутких тварей.

— Представь, что будет, если эти живые трупы, повинуясь приказу своего хозяина, набросятся на нас?

— Не пугай! — Конан с силой вонзил кинжал в рогатую голову зверя, смахивающего на большого моллюска с витой, утыканной зазубренными шипами раковиной.

Наконец, оставив позади слизистые пятна, испуганно расползающихся чудовищ и все так же бесцельно слоняющихся по двору подданных шейха Джифира, Конан и Мораддин оказались перед дворцом.

— Можно сказать, почти прибыли, — пробасил киммериец, отбрасывая пинком ноги какого-то удивительно маленького членистого уродца. — Теперь осталось найти шейха и намотать ему...

— ...кишки на уши, — заученно повторил Мораддин. — Это ты всегда успеешь. Сейчас лучше подумай о том, что может ожидать нас внутри.

— Думаю, вот это. — Конан кивком указал на стражника, лежавшего у дверей с уже хорошо знакомым отрешенным видом. Киммериец заметил даже, что по подбородку человека стекает вязкая слюна. Перешагнув через простертое тело, он вошел в хорошо знакомый коридор, освещенный догоравшими факелами. Здесь лежали еще несколько стражей, один из них сладко похрапывал, обняв короткое копье.

До покоя шейха они добрались очень быстро — страшных животных во дворце было мало, а все люди либо спали, либо бродили по залам как в воду опущенные, ничуть не обращая внимания на двоих неизвестных бродяг, проникших во дворец шейха аль-Баргэми. Обшарив несколько комнат в поисках Джифира, варвар с гномом забрели в маленький зальчик, где среди беспорядочно раскиданных подушек, пустых кувшинов, разбитых кубков и объедков

широко раскинувшись, возлежал Джифир, распространяя тяжелый винный дух.

— Я же говорил, — вздохнул киммериец, подойдя поближе и осмотрев бесчувственное тело царственного шейха. — Этот стервец нализался на радостях и дрыхнет теперь. А его кошмарные сны ползают во дворе...

— А вот и Нейглам, — заметил Мораддин, указывая в угол.

Глава двадцатая

Сосуд, простая форма которого могла ввести в заблуждение относительно его ценности, целиком состоял из замысловато перевитых тончайших нитей белого золота. Даже если забыть о магических свойствах кувшина, одна филигранная работа древних подгорных мастеров могла быть оценена в стоимость небольшого дворца. Сложный узор нигде не повторялся и не прерывался, и можно было потратить всю жизнь, изучая вычурные переплетения и находя в них сказочные цветы, или древние письмена, или загадочных животных...

Мораддин осторожно взял Нейглам в руки, тщательно осмотрел, проверил, насколько крепко сидит пробка, выплавленная также из белого золота и пристегнутая к рукояти кувшина легкой цепочкой.

— Я думал, достать его будет несколько сложнее... — пробормотал он. — Слишком уж все хорошо и удачно вышло, не верю я, что напоследок не случится какой-нибудь пакости.

— Ерунду говоришь! — поморщился киммериец и протянул руку: — Дай посмотреть-то!

Гном недоверчиво взглянул на варвара, какое-то время на его лице отражалась внутренняя борьба, а потом он решительно протянул Нейглам Конану:

— Посмотри, только не открывай пока... пока мы отсюда не выбрались.

Варвар забрал кувшин у Мораддина, повертел в руках, покачал на ладони, пробую на вес и невольно прикидывая, сколько может стоить подобная игрушка в полновесных турецких империях, а затем с видимым сожалением вернул сосуд приятелю.

— Пятьдесят тысяч, не меньше... А если поторговаться, то и все шестьдесят... пять, — пробурчал под нос киммериец с видом знатока.

Мораддин скривился от подобного неуважения к святыне народа гномов, но привычно промолчал, разве что бросил на варвара взгляд, от которого издохла бы самая ядовитая змея.

Конан почесал в затылке и, еще раз внимательно оглядев комнату, присел на корточки подле безмятежно похрапывающего Джифира.

— Хотелось бы мне знать, что он наделал, — сказал варвар, всматриваясь в лицо шейха. — Отчего вокруг творится... такое?

Словно в подтверждение его слов, между резными створками дверей с утробным низким рыком просунулась рогатая и многоглазая голова какой-то твари, и киммериец, недолго думая, запустил в нее валявшимся неподалеку глиняным кувшином. Осколки разлетелись во все стороны, насекомоподобное существо обиженно хрюкнуло и убралось обратно в коридор.

— Боятся! — горделиво заметил Конан и обернулся к Мораддину, прижимавшему к груди Нейглам. — Что, по-твоему, нам теперь делать?

— Ты знаешь, как спуститься в подземелье?

— А как же! — кивнул варвар и ткнул пальцем в Джифира. — Только с ним вот как быть?

— Кишки на уши намогать! — с полной серьезностью ответствовал Мораддин, затем усмехнулся: — Придется тащить с собой, пусть расскажет Ниоргу, что натворил. Может, получится исправить... Полагаю, оставлять в оазисе такой зверинец ни к чему.

Конан не без сожаления спрятал кинжал в ножны, снял с Джифира длинный шелковый пояс и с треском оторвал

от него небольшую полоску. Осмотрев комнату, он подошел к круглому столику, на котором лежали огрызки фруктов и обглоданные кости.

— Что ты собираешься делать? — спросил Мораддин, с легкой тревогой следя за действиями варвара.

Киммериец молча схватился за ножку столика, приподнял его, сбросив на ковер все, что там находилось, и с силой ударил об пол. Одна из ножек осталась в руке варвара, остальные же, подломившись, разлетелись по комнате.

— Сейчас заткнем ему пасть, чтобы не кусался! — сказал Конан, разламывая тонкую витую ножку столика надвое.

— А-а-а... — протянул Мораддин с понимающим видом. — Палку в рот и завязки на затылке? Знакомо, знакомо...

Конан довольно бесцеремонно вытащил Джифира за ногу из груды подушек на ковер и собрался было вставить ему в зубы обломок ножки столика, как вдруг зуагир громко застонал и забормотал что-то невразумительное.

— Давай-ка сначала приведем его в чувство, — посоветовал Мораддин.

Конан звонко похлопал Джифира по щекам, потряс за плечи, а потом плеснул ему в лицо остатки вина из кубка. Наконец, сиятельный шейх аль-Баргэми разлепил набрякшие веки, тупо уставившись покрасневшими глазами на киммерийца, и начал шарить руками по ковру. Конан, понимающе ухмыляясь, сунул ему в руку наполовину полный кувшин с вином и, поддерживая мотавшуюся из стороны в сторону голову Джифира, помог тому напиться. Только после этого взгляд шейха стал несколько более осмысленным, он внимательно посмотрел на Конана и, с трудом ворочая языком, выговорил:

— П-подлый варвар, т-ты еще жив?

— Жив, жив, — успокоил его киммериец. — А ну-ка расскажи нам, — он широким жестом указал на гнома, все еще не выпускавшего из рук Нейглам, — с почтенным Мораддином, что за демонов ты расплодил тут у себя?! Отвечай!

Конан с силой встряхнул Джифира, но тот только недовольно мычал и беспомощно взмахивал вялыми руками.

— Ну, хорошо же, проклятый зуагир! — процедил варвар сквозь зубы, ухватил шейха за ворот халата левой рукой, а правой отвесил Джифиру тяжеленную оплеуху, от которой голова его резко откинулась назад, пошла носом кровь, и Мораддину даже показалось, будто переломилась шея.

— Ты с ним поаккуратнее, — посоветовал гном. — И вообще отойди, я сам попробую его разговорить...

Он отстранил варвара, примеривавшегося для новой зуботычины, присел перед очумело моргавшим Джифиром и спросил его своим излюбленным тоном, каким обычно общался с кандалниками на копях:

— Уважаемый шейх! Не поведаешь ли скромному страннику, то есть мне, и моему другу варвару, что ты изволил сотворить с этой штукой? — Он покачал Нейгламом перед лицом шейха.

Вместо ответа Джифир поднял руку с вытянутым указательным пальцем, направив его в грудь Мораддина, а тот, сохранив полную невозмутимость, поднял бровь и участливо спросил:

— У тебя есть ко мне какая-нибудь просьба?

— И-есть! — икнул шейх. — Вали отсюда, недомерок... И медведя своего забери...

— Медведя? — Мораддин для порядка огляделся по сторонам, а киммериец скрестил на груди руки, догадавшись, кого имел в виду блистательный владыка Баргэми. — Вот этого? — Гном поднял с ковра валявшуюся на нем шкуру киммерийского медведя — потрепанную, залитую вином и застывшим соусом.

— Недоумок!.. — зарычал Джифир, тщетно пытаясь остановить блуждающий пьяный взгляд на Мораддине. — Вон того!

Палец шейха ткнулся в Конана, с ногтя вдруг соскочила маленькая голубоватая искорка и, вытянувшись в тонкую огненную полоску, ударила в киммерийца. Вокруг него тотчас же возник золотистый ореол, принявший в себя магический огонь и погасивший его.

— Цены моему кинжалу нет! — покачал головой варвар, сообразив, что когда-то показавшийся безделицей подарок старого шейха вновь спас жизнь, как и в случае с огненным шаром Радбуша.— И где только он этому научился? Надо ему руки связать, пока не пропретрезвел!

Конану без особого труда удалось скрутить ошеломленного неудачей шейха, туго перевязав кисти рук за спиной его собственным поясом. Не обращая внимания на злобное рычание Джифира, киммериец всунул ему в зубы ножку столика и крепко завязал обрывки шелковой ткани на затылке.

— Конан! Сзади! — вдруг закричал Мораддин.

Киммериец обернулся и едва успел уклониться от брошенного ему в спину копья с широким зазубренным наконечником. Ему пришлось броситься на пол и перекувырнуться, уворачиваясь от следующего копья, затем он быстро вскочил на ноги, выхватил кинжал и метнул его в стоящего в дверях стражника. Лезвие воткнулось тому в горло, и с булькающим хрипом зуагир сполз на пол, цепляясь за створку слабеющими руками.

— Они проснулись,— сказал Мораддин.— Вот этот, я точно помню, лежал возле дверей и крепко спал.

Конан, рывком вытащив кинжал из горла стражника, мельком глянул в коридор и, присвистнув, отскочил обратно в комнату, захлопнув двери и навалившись на них всей тяжестью тела. С другой стороны на деревянные створки обрушился град ударов.

— Там эти... которые по двору бродили...— выдохнул киммериец.

— Твари? — Мораддин, быстро оценивший всю опасность положения, схватил копье, которым едва не проടнули Конана, и просунул древко в кольца дверных ручек.

— Да нет же, люди! — рявкнул Конан.— Они все так же спят, только теперь в драку лезут!

Лежавший на полу Джифир издал непонятный звук, отдаленно напоминающий злорадный смешок, и тут же дверь затрещала под усилившимся натиском зуагиров.

— Ну скотина! — так и ахнул Мораддин, взглянув на шейха.— Конан, да он управляет своими людьми мысленно!

Варвар не стал раздумывать над его словами и решать, насколько верна эта догадка, а подбежал к окну и со стуком распахнул ставни.

— Значит так.— Он посмотрел вниз, отмеривая на глаз расстояние до земли.— Первым прыгну я, ты спустишь мне Джифира, а потом выберешься сам. Вход в подземелья раваха находится в саду, совсем рядом... Там должна быть окованная крышка, не ошибемся.

С этими словами киммериец сел на подоконник, перекинул ноги наружу и спрыгнул. Мораддин засунул Нейглам за пазуху, тихо ругаясь, подтащил к окну брыкавшегося и недовольно ворчавшего Джифира, поднял его, ухватив за шаровары и воротник, и сунул в оконный проем ногами вперед.

— Лови! — прошипел гном в темноту и, услышав ответ варвара, столкнул шейха вниз, добавив вполголоса: — Разобьется, так и не жалко...

В этот момент копье, которым была заложена дверь, не выдержало натиска из коридора, треснуло, разлетевшись в щепки, и в комнату ворвалось не менее двух десятков зуагиров, но Мораддин был уже внизу, догоняя проламывающегося сквозь кусты Конана. Джифира, целого и невредимого, дрожащего от бессильной злобы, киммериец перекинул через плечо, будто тюк с сеном.

Чудовища, шествовавшие по крепости, исчезли все до единого, но вместо них отовсюду выбегали вооруженные чем попало зуагиры, устремляясь к варвару с гномом. Обернувшись, Мораддин увидел, как из окна комнаты, где пьянистовал шейх, выпрыгивают один за другим воины, причем некоторые из них остаются лежать на месте, а остальные, хромая, припадая на ушибленные ноги, продолжают с необъяснимым упорством преследовать беглецов.

— Я был прав,— на ходу бормотал Мораддин.— Джифир посыпает своим людям приказы без слов, а они почему-то безоглядно подчиняются ему. Что же он такое сделал с ними? Да еще эта молния из пальца?..

— Кром! И все из-за вашего гномьего горшка! — Конан резко остановился, скинул шейха с плеча и, ухватив его за волосы, стукнул затылком о плиты, которыми была выложена садовая дорожка. Джрафир выдавил короткий, тихий стон и потерял сознание. И тут же бежавшие на помощь повелителю зуагиры как подкошенные повалились на землю. В саду воцарилась ночная тишина, не нарушааемая ни единным шорохом.

— Хорошо придумал,— одобрил гном действия Конана.— Жаль, раньше не догадались — не пришлось бы убить сломя голову.

— Да... а козявки те, похоже, ему попросту снились! — Киммериец озадаченно взъерошил спутанные волосы.

— Выходит, что так,— согласился Мораддин.— Джрафир сейчас в обмороке, и все его люди упали замертво, поскольку не получают приказов от господина. А раз он снов не видит, значит, нет тебе и чудищ!

* * *

Конан вслепую пробирался вслед за Мораддинаом, уверенно идущим в кромешной тьме туннеля, прорытого некогда песчаным равахом. Придерживая болтающуюся голову Джрафира, Конан думал о том, что наконец-то запутанная история с сокровищем джавидов близится к завершению.

«Значит, отдадим кувшинчик Ниоргу, он превратится в рыжего бородатого пройдоху, вроде скупердяя Алвари, пожмет мне руку и скажет...»

Несспешное течение мыслей Конана прервал странный звук: шлепанье босых маленьких ножек по плотно слежавшемуся песку.

— Мораддин,— киммериец тронул гнома за плечо,— ты слышишь?

— Что?

— Сзади кто-то идет. Босиком...

Мораддин остановился и прислушался, но в подземелье по-прежнему стояла мертвая тишина.

— Показалось, что ли,— пожал плечами Конан. Но вскоре снова был готов поклясться, что за ними крадется

или ребенок, или женщина. Киммериец не стал больше тревожить Мораддина, застыл на месте, и несколько мгновения спустя ему в спину ткнулись вытянутые руки идущего в темноте. Конан ухватил тонкое запястье и услышал приглушенный, испуганный крик.

— Мирдани? А ты что здесь делаешь?

— Мне так страшно, Конан! — пролепетала девушка.

— Еще бы! — усмехнулся киммериец, все еще крепко держа ее за руку.— Нечего по подземельям бродить одной!

— Советую не задерживаться,— послышался из темноты голос Мораддина.— Тем более, что мы почти уже пришли.

— Держись за меня,— сказал Конан, кладя руку Мирдани на свой пояс.

Справа показался тусклый мерцающий свет, и, зажмутившись с непривычки, Конан разглядел вислоухий силуэт джавида с факелом в руке.

— Идут! — радостно заверещал он, подбежал к Мораддину и, ухватив его за руку, вывел из туннеля в ярко освещенный зал. Тот самый, где Конан дрался сперва с джавидами, освобождая Самила, а потом с человеко-ящером, убившим предателя. Теперь карлики отнеслись к киммерийцу более терпимо, но неприязни своей не скрывали, молча расступаясь перед рослым северянином, несшим на плече то ли мертвого, то ли спящего зуагирского шейха. За варваром, крепко вцепившись в его широкий пояс, семенила девушка с застывшим выражением брезгливого ужаса на лице. Кое-кто из джавидов узнал в ней бывшую пленницу, и по залу прокатился удивленный шепоток.

Навстречу им выступил Ниорг и остановился, выжидая. Конан, нарочито небрежно сбросил Джрафира, оттолкнул к нему Мирдани и, повернувшись к напряженно застывшему Ниоргу, развел руками.

— Вот. Принимай работу.

Ниорг, окинув Конана с ног до головы недоуменным взглядом, осторожно спросил, тщась подавить нетерпеливую дрожь в голосе:

— Нейглам... Где?

— А! — хлопнул себя по бедру киммериец.— Мораддин, где ты там? Горшок у тебя, или потерял?

На Ниорга было жалко смотреть — толстые губы крупно дрожали, руки теребили складки коричневого одеяния, и когда Конан окликнул Мораддина, он порывисто обернулся и чуть не умер на месте, услышав, что Нейглам могли потерять.

Гном, бросив на Конана испепеляющий взгляд и получив в ответ белозубую мальчишескую улыбку, приблизился к Ниоргу и, тронув его за плечо, сказал:

— Не обращай внимания на этого дикаря. Мы выполнили свой долг. Вот оно, сокровище рода Нирафа, Великий Нейглам.

Мораддин бережно вынул из-за пазухи кувшин и передал его Ниоргу. Киммериец отвернулся, чтобы не расхочтаться при взгляде на эту сумрачно-торжественную парочку, джавида и гнома-полукровку, не желая лишний раз оскорбить обидчивых карликов.

Мирдани, держа на коленях голову брата, взирала на церемонию с открытым ртом, но ничего не понимала, и оттого происходящее казалось ей, должно быть, неким неизвестным и враждебным людям колдовским действом.

Джавиды молча сгрудились вокруг своего старейшины, не осмеливаясь и слова проронить, а Ниорг, подняв над головой Нейглам, провозгласил:

— Братья! Настал день, когда род нашбросит проклятие, довлевшее три десятка лет! Отныне не станут тяготеть над нами песчаные небеса! Враг наш повержен, а Нейглам возвращен киммерийским варваром по прозвищу Конан... — тут Ниорг почему-то запнулся и покосился на вытянувшегося точно в строю Мораддина, — ... и потомком гномов, что носит человеческое имя Мораддин!

«Спасибо, не забыли, — величаво раскланиваясь и изо всех сил пытаясь скрыть ухмылку, подумал киммериец. — Честное слово, сейчас заплачу...» Впрочем, если сказать правду, благодарность джавидов была ему приятна.

Но дальше стало совсем неинтересно, ибо Ниорг пустился в описание трагических событий, постигших его род,

удвоив велеречивость и излагая до тошноты надоевшую варвару историю с новыми душераздирающими подробностями. По словам старого джавида выходило, что, оказывается, и Дуалкама, и сыночка его Дагарнуса породил не кто иной, как сам Сет, исключительно дабы насолить роду Нирафа; что сии злодеи только и жили мыслью, как бы извести мирных, щедрых и незлобивых трудяг-гномов, ну и так до бесконечности...

Конан посмотрел на Мирдани — она привела в чувство своего буйного братца и освободила его от пут, теперь они тихонько ворковали между собой, причем в голосе девушки слышались недовольные, обвиняющие нотки, а Джавир неуверенно оправдывался. Делать киммерийцу сейчас было совершенно нечего, и он, подумав, что забыл, когда спал в последний раз, присел на пол возле стены и прикрыл глаза.

Под нудные, шепелявые речи Ниорга варвар слегка задремал и совершенно не заметил, что джавид называет в своем рассказе вовсе не те имена, что в известной Конану истории, а вечно невозмутимый и сдержанный Мораддин как-то странно пошатывается, нашаривая рукой опору и смотрит на Ниорга так, словно видит перед собой живое воплощение Митры. Отступив к стене, возле которой пристроился киммериец, гном медленно опустился на пол, обхватил колени руками и уткнулся в них лицом. А Ниорг продолжал размежено и гордо вещать, пристально глядя на Мораддина и потрясая над головой Нейгламом.

Вздрогнув, Конан очнулся от зыбкого полусна и взглянул вверх...

Под самым потолком клубилось серебристое облако легчайшего, светящегося тумана, и варвар откровенно залюбовался мягкими переливами, пребывая в уверенности, что все еще видит сон. До его слуха донесся шумный радостный гомон, кто-то всхлипывал рядом, и Конан, встряхнув волосами и протерев глаза, осоловело огляделся. Ощущение нереальности происходящего снова овладело киммерийцем, и только звук собственного голоса убедил его, что все вокруг — явь, а не видение:

— А куда все подевались?

Он имел в виду джавидов, так как вместо уродливых карликов зал был наполнен множеством бородатых, розовощеких гномов. Они хлопали друг друга по плечам, дергали за бороды, обнимались, в центре зала пятеро или шестеро низкорослых человечеков весело отплясывали лихой гномий танец. Конан, теряясь в догадках, беспомощно посмотрел по сторонам в поисках Мораддина, чтобы хоть у него спросить, куда делись джавиды и почему так много гномов вокруг, большинство из которых своими рыжими бородами и шевелюрами неприятно напоминали киммерийцу старого знакомца Алвари, втянувшего его лет десять назад в авантюру с золотом гномов и синим камнем Харра...

Наконец, он обнаружил Мораддина, стоявшего неподалеку в обнимку с коренастым гномом с русой окладистой бородой и вьющимися седоватыми волосами. Они что-то говорили друг другу, и Конан с изумлением увидел слезы в глазах отважного, бесстрашного бывшего капитана аграспурского хэрда. Белая летучая мышка оживленно карабкалась по плечу гнома, старательно изучая нового близкого друга хозяина. Поднявшись на ноги, киммериец растолкал веселящихся бородачей, которые не преминули и его пару раз дружески хлопнуть по спине — до плеч карликам было не достать — и подошел к приятелю.

— Мораддин, что тут, Нергал побери, происходит, а?

Тот посмотрел на киммерийца влажными, покрасневшими глазами и, проглотив комок в горле, проговорил:

— Варвар... дружище, ты знаешь, кто перед тобой? — Мораддин положил ладонь на грудь русобородого карлика.

— Гном, — уверенно сказал Конан, разом отметая все возможные сомнения.

— Да, конечно, — закивал Мораддин. — Но кто он такой?

— Ладно, говори, не тяни! — теряя терпение бросил киммериец, бесцеремонно оглядывая гнома ища в нем что-нибудь необычное.

— Это... Гроин, сын Фарина! Это мой отец, Конан! — Мораддин крепко обнял гнома, а тот одарил киммерийца

счастливым взглядом голубых глаз. Мышка, словно подтверждая сей неожиданный и счастливый факт, восторженно заверещала.

— Да ну? — честно удивился Конан. — А откуда он здесь взялся? И где, в конце концов, джавиды?

— Где же ты был, северянин, когда мы открыли Нейглам и пало проклятие джавидов? — изумился Гроин, и его голос показался Конану знакомым. На мгновение он задумался, а потом тихо спросил:

— Ниорг, так это ты? А эти все — бывшие джавиды? Вот это кувшинчик! — Он едва не подпрыгнул от восторга, а потом огорченно добавил: — Опять я проспал самое интересное!

— Я не Ниорг, — строго заметил гном. — Эти имена должны быть преданы глубокому забвению! Гномы моего рода после наложения проклятия обратили свои имена задом наперед, дабы не осквернять их перед лицом Великого Длиннобородого Отца всех гномов...

— А, понял теперь, — кивнул киммериец и прикинул, как бы звучало его собственное имя наоборот. Получилось нечто совсем неблагозвучное...

Мораддин, успокоившись после очередного наплыва чувств, взял Конана за руку и торжественно сказал ему:

— Теперь Нейглам готов послужить и тебе, варвар! Чего ты хочешь?

— Нет, пусть он сначала послужит мне! — раздался звонкий девичий голос, и все посмотрели в сторону Мирдани и Джрафира, о которых на радостях и вовсе позабыли. Дочь шейха Джагула поднялась с колен и решительно шагнула к Гроину, все еще державшему в руках золотой кувшин.

— Эта вещь принесла великое горе моему дому! — вскричала Мирдани. — Из-за нее умер отец! Из-за нее помешался мой любимый брат! А я лишилась чести в доме мага Радбуша!

— Ну, этого уже никакой Нейглам не исправит... — пробормотал киммериец и невольно отступил на шаг, когда Мирдани круто развернулась и вперила в него колючий взгляд горящих от гнева глаз.

— А, могучий чужеземец,— язвительно проговорила она,— спаситель-избавитель-победитель, красавец-северянин с восхитительными синими глазами, смущивший дикарку из далекого оазиса горячим поцелуем!

— Не понял, каким поцелуем? — мотнул головой Конан, продолжая отступать под натиском неукротимой женской ярости.

— Конечно, не помнишь! — горько усмехнулась Мирдани.— Если у тебя в каждом городе живет по потаскуне, вроде этой Стейны, то можно забыть «бешеную зутирку»!

Гномы стихли, окружив девушку и киммерийца полукольцом, и с интересом наблюдали за развитием событий. Не так уж часто гному удается стать свидетелем сцены ревности у людей...

А Мирдани, не обращая внимания на то, что стала участницей захватывающего представления, продолжала пускать в оторопевшего варвара ядовитые стрелы обиды. Решительно отвергнув вялые оправдания Конана, что, мол, она обязана Стейне жизнью и должна быть ей благодарна, сестра Джрафира заявила упрямо:

— Да если бы ты не затащил меня в этот дом разврата, я бы никогда не попала к Радбушу!

— Ну, да, осталась бы у Турлей-хана и сейчас досталась бы его стражникам. Можешь поверить, после смерти хозяина они не теряли времени даром в его гареме...

— Варвар, варвар! — неожиданно дрогнувшим голоском пролепетала Мирдани.— А я ведь... я могла бы полюбить тебя. Я уже почти любила тебя...

Заливаясь слезами, она отвернулась к стене. Гроин укоризненно покачал головой, окинув киммерийца взглядом, не предвещавшим ничего хорошего. Затем гном подошел к беззвучно рыдавшей Мирдани и обнял ее за плечи — невысокая девушка была даже немного ниже его.

— Не плачь, все забудется,— увещевал ее Гроин, поглаживая по голове.— Варвар — он же дикарь, не стоит так переживать из-за него...

— К тому же, есть кому за нее отомстить! — подал голос Джрафир, поднимаясь на ноги.

Конан, с усмешкой оглядев помятого шейха аль-Баргэми, сказал:

— Прежде чем о мести думать, ты бы сперва проспался!

— А сперва расскажи-ка нам, что ты учудил в своем оазисе.— Мораддин подошел к Джрафиру, скрестив руки, и киммериец не без удовольствия отметил, что к его спутнику вновь вернулись былые уравновешенность и хладнокровие. Но Мирдани, отстранив Гроина, преградила Мораддину дорогу со словами:

— Не сейчас! Сначала я должна... Почтенный гном,— она повернулась к Гроину и с мольбой протянула руку к Нейгламу,— позволь мне исцелить брата от демона безумия, что вселился в него из вашего кувшина, и спаси мой дом и род!

Гроин, не в силах отказать прекрасной девушке в ее благородной просьбе, величаво кивнул и медленно откупорил кувшин. Мирдани вытянулась, точно струна дутара, закрыла глаза и сложила на груди руки. Конан смотрел во все глаза, предвкушая захватывающее магическое действие, и был слегка разочарован, когда из кувшина выплыло уже виденное им серебристое облако, окутало на пару мгновений зал и растворилось под потолком. Ничего ровным счетом не изменилось, разве что Мирдани, очнувшись, бросилась к брату и, зажав его лицо в ладонях, пристально всмотрелась в глаза.

— Ты вернулся! — ликуующе воскликнула она и крепко обняла Джрафира.

— А он никуда и не уходил,— мрачно заявил киммериец.— Пусть теперь рассказывает!

Гномы, оживленно переговариваясь, сгрудились вокруг шейха, смущенно оглядывавшегося по сторонам.

— Да я... ничего особенного и не делал,— в смятении пробормотал Джрафир.

— Да, как же! — ехидно усмехнулся Мораддин.— Надо было видеть, какой зверинец ты развел в собственном оазисе!

се и во что превратились твои верные зуагиры! Кстати, Мирдани, а почему тебя это заклятье не коснулось? Почему ты сохранила свою волю, а не стала, как все остальные, следовать его мысленным приказам?

Девушка извлекла из-под одежды какой-то предмет и протянула Мораддину.

— Вот,— кротко сказала она, разжимая ладонь, на которой лежал маленький костяной амулет на тонкой золотой цепочке.

— А, понятно,— махнул рукой гном.— Радбуш снабдил. Предусмотрительный парень — жаль, самому ему это не слишком помогло! Так о чём же ты мечтал, шейх, когда открыл Нейглам?

Джафир склонил голову и удрученно пробормотал:

— Я всегда мечтал стать всемогущим магом... Хотел повелевать всеми людьми, чтобы они без слов понимали мои желания и безропотно выполняли их...— Он испуганно взглянул на Мораддина, потом на Конана и тихо спросил, с ужасом ожидая ответа:

— Неужели все так и вышло? И все люди на свете обратились в безмозглых рабов, ничем не лучше оживших мертвецов?..

— К счастью, твое воображение не простидалось дальше оазиса Баргэми,— успокоил его Мораддин.— Ты действительно превратил своих подданных в тупых тварей, наподобие термитов, слепо подчиняющихся матке. А что было дальше?

— Потом я попробовал сделать несколько магических фокусов. Так, по мелочи... молнии из пальца, вино и еда из воздуха.

— Ну-ну,— усмехнулся Конан.— Дармовым-то винцом как не упиться до беспамятства?!

Жестом призвав ухмыляющегося варвара к молчанию, Мораддин поинтересовался:

— А откуда такая любовь к жукам-паукам?

Джафир, помявшись, нехотя отозвался:

— Я с детства их боюсь... Они мне снились, я это хорошо помню, но мне не приходило в голову, что они могут ожить...

— А теперь я тебя порасспрашиваю! — шагнул вперед грозный Гроин.— Откуда ты узнал про Нейглам?

— От отца,— покорно ответил Джадир.— А тот — от кофийского посланника Дагарнуса. Уже после смерти шейха Джагула я стал охотиться за кувшином, представляя, как Нейглам может изменить мою жизнь. И я знал — чтобы овладеть им, я должен был убить всех, знавших о сокровище гномов и его свойствах...

— Это тебе удалось блестяще! — вставил варвар.— Мне даже завидно стало! — Он принял загибать пальцы:— Турлей-хан, главный соперник — Дагарнус, Радбуш...

— Радбуш? — едко скривилась Мирдани.— Этот сластолюбец пал от моей руки. Хотя,— она бросила на киммерийца острый взгляд, но тот лишь равнодушно пожал плечами,— хотя султанапурский маг был добрым и ласковым, не то, что северные дикари... Я убила его еще днем, когда он решил показать мне сокровищницу. Убила тем самым кинжалом, что выдал меня Радбушу, а потом вернулась в гарем. Слуги ничего не заметили, а вечером пришел брат со своими воинами... Не скрою, в глубине души я мечтала, что спасешь меня ты, Конан из Киммерии!..

— Ну, извини,— варвар склонил повинную голову,— самую малость не поспел...

Гроин поднял обе руки, призывая всех прекратить суетные споры, и когда установилась тишина, произнес:

— Времени у нас немного — гномам пора навсегда покинуть мрачные подземелья раваха и вернуться в родные горы. И я обращаюсь к тебе, вновь обретенный сын мой, и к тебе, храбрый варвар из Киммерии. Вы более других заслужили право просить Нейглам о милости.

— Мне ничего не надо,— скроговоркой пробормотал Мораддин.— Я уже получил награду, отец! А сила Нейглама может пригодиться в будущем.

— Ну, а ты, Конан? — Гроин перевел взгляд на киммерийца.— Чего жаждет твоя душа?

— В кусты...— буркнул под нос Конан, не удержавшись, и прыснул со смеху. Поборов подступающий хохот, варвар как мог серьезно объявил: — Открывай.

В третий раз серебристый туман наполнил воздух, скрыв в себе силуэты гномов и людей, а из глубин его раздался громкий голос киммерийца:

— Хочу быть королем!

Конан зажмурился, и открыл глаза только, когда кто-то дернул его за рукав. Кажется, Мораддин. Оглядев ничуть не изменившуюся пещеру, свою все столь же потрепанную одежду и доброжелательно улыбающиеся физиономии гномов, он недоуменно, с возмущением воскликнул:

— Проклятье, опять обман! Почему я не король?

Гроин сделал вид, что закашлялся, скрывая смех, и, подойдя к северянину, похлопал его по руке:

— Не все сразу, милый варвар, не все сразу... Даже если это желание было самым важным для тебя, вовсе не значит, что королем ты станешь прямо сейчас или, скажем, после восхода солнца. Но это может произойти как завтра, так и через двадцать лет. Ты же не догадался сказать: «Хочу стать королем прямо сейчас»?

— Может, еще прошение надо было написать, заверенное в канцелярии владыки Илдиза? — угрюмо спросил Конан.— И вечно-то мне не везет...

Гроин лишь загадочно улыбнулся в ответ и чуть слышно вымолвил:

— Как знать.

Следующий день

Заключение

Пучи восходящего дневного светила озарили пологие предгорья Кезанкии, омывавшиеся желтыми песчаными волнами туранской пустыни. Со стороны, где меж двух горных отрогов поднимались сложенные из грубого песчаника стены древней крепости и виднелась пышная зелень садов оазиса, двигались в глубину песков двое конников.

Судя по избранному ими направлению, к вечеру всадники должны были выйти к караванному пути на Аграпур или Замбулу, а к ночи (если не будет желания свернуть на старую торговую дорогу), могли оказаться у стен Султана-пуря или на берегах моря Вилайет.

— Великий Кром, ну наконец-то! — говорил высоченный темноволосый всадник своему спутнику.— Уж и не верится, что удалось выпутаться из этой дурацкой истории!

Второй — ростом не вышедший, но плотный и широкоплечий, поерзал в седле, хмуро оглянулся, будто ожидая увидеть позади погоню, и, щекотав пальцем выглянувшего из складок широкого плаща странного белого зверька, ответил:

— А я до сих пор убежден — слишком легко и гладко все получилось... И подраться-то как следует не удалось!

— Ну, знаешь ли, Мораддин, если тебе мало трупов, наймись палачом к Илдизу или, на худой конец, к шейху Джрафу аль-Баргэми...

...Минувшей ночью Конану опять не удалось толком высаться. Едва гномий старейшина церемонно раскланился с людьми и приказал одному из своих подданных проводить киммерийца, а с ним Джрафира и Мирдани к выходу в дворцовый сад, как варвар начал буквально клевать носом на ходу. Он даже не заметил, что Мораддин остался в подземном зале вместе с сородичами, и обнаружил исчезновение приятеля только наверху. Конан поймал себя на мысли, что ему немного обидно за Мораддина — ну, зачем, спрашивается, такому замечательному воину хоронить себя заживо в подгорной тыме? Тем более, Гроин говорил, будто его род откочует далеко к северу, в горные края, где раньше находилось их поселение. Ведь Мораддин там с тоски руки на себя наложит! Нет, видно, никогда не понять северному варвару непредсказуемую гномью натуру...

Выбравшись в сад, Конан вместе с шейхом и его сестрой с облегчением обнаружили, что перепуганные слуги мечутся по крепости в поисках неожиданно пропавшего повелителя, а все события, случившиеся после заката, ими напрочь позабыты. Зуагиры с недоумением и страхом отнеслись к валявшимся под стеной дворца шейха трупам — несколько стражников разбились, выпрыгнув из окна. Нашлось еще с десяток изуродованных мертвецов, при взгляде на которых складывалось впечатление, будто на несчастных напали некие огромные твари...

Едва завидев Джрафира, дворцовая стража и слуги, бывшие в саду, бросились к нему. И тут Конан, не зря раньше считавший шейха человеком умным, еще раз уверился в его праве властвовать над людьми — Джрафир сумел убедить подданных в том, что этой ночью великие и справедливые боги наслали на крепость Баргэми чары безумия в наказание за их гордыню и алчность. В самый проникновенный момент своей речи Джрафир взял сестру за руку, попросил ее достать амулет, подаренный Радбушем, — якобы именно возлюбленная сестра Мирдани, употребив волшебный талисман, спасла всех жителей Баргэми от гибели...

Зуагиры слушали шейха, не смея подвергать сомнению его слова, благо память людей не сохранила всех подробностей произошедшего. Закончив, Джрафир приказал казначею раздать каждому по пять золотых монет и с царственным видом удалился во дворец. Чувствуя себя виноватым перед варварам, он пригласил Конана к себе, посулив высокий военный чин и безбедную жизнь, но тот решительно отказался, потребовав только честного рассказа о событиях в Султанапуре. Джрафир немедленно велел собрать чего-нибудь поесть, отослав Мирдани отдохнуть, и когда стол был готов, заперся с киммерийцем в приемном покое дворца.

Там Джрафир обстоятельно, со всеми подробностями изложил Конану историю неудавшегося покушения, а затем и убийства Турлей-хана — это была месть за сестру; о нанятых в Султанапуре кхитайцах, с чьей помощью он намеревался взять штурмом дворец Радбуша и отобрать у него Нейглам, а заодно и освободить Мирдани. Когда Джрафир принял описывать поджог «Врат Стального Дворца» (варвар с довольной ухмылкой выслушал похвалы в адрес самого себя и Мораддина — как он и предполагал, туранцем, командовавшим наемниками, был сам шейх), киммериец грубо оборвал его:

— А вот за это безобразие тебя следовало бы... Короче, пришлешь гонца к бывшей хозяйке «Врат», зовут ее Стейна и сейчас она, наверное, живет у своего домовладельца-шемита. Передашь ей через гонца десять тысяч золотом. Не сделаешь — из-под земли достану и скормлю рабаху!..

— Сделаю, — понимающе кивнул Джрафир. — Одержимые кхитайцы имели один приказ — убить тебя, а почему случился пожар, только им одним и ведомо...

Конан, вспомнив их с Мораддином ухищрения при выезде из Султанапура, спросил шейха, как ему со своими людьми удалось выскользнуть ночью из города. Джрафир рассказал, что кувшин он открыл еще в доме Радбуша — уж больно не терпелось. Убедившись, что Нейглам выполнил его желание, шейх попросту отвел глаза страже. Патрули так и не заметили нескольких всадников (оставшихся в живых кхитайцев Джрафир к тому времени отпустил), появивших-

ся у северных ворот. Воины шейха беспрепятственно раскрыли ворота, пропустили повелителя и Мирдани, не смевшую перечить своему буйному братцу, и покинули город.

— А как ты разделался с Дагарнусом? — поинтересовался киммериец.— Как выманил из города?

— Я послал одного из своих воинов сказать кофийцу, что нужная ему вещь находится в старой сторожевой башне у известного ему человека...

— И все? — изумился Конан.

— Представь себе! Видимо, Дагарнус подумал, что речь идет о тебе. Господин посланник потерял голову, услышав о Нейгламе, находящемся совсем рядом, а уж как ему удалось выбраться из города, этого мы уже никогда не узнаем. Расправиться с ним и двумя телохранителями труда не представляло.

«Надо быть по меньшей мере диким зуагирам,— думал киммериец, слушая Джифира,— чтобы так вот, за кувшинчиком вина, болтать, как с лучшим другом, с человеком, которого еще вчера хотел убить. Головорез он почище меня будет... Даже Мораддина переплюнул. Да, втроем мы насторили бы дел, и без всяких Нейгламов...»

Ночь близилась к концу, когда Конан, распрощавшись с шейхом, отпускавшим его с видимым неудовольствием, снял со стены очередную шкуру леопарда себе на плащ, заглянул к казначею (едва не хлопнувшемуся в обморок при виде северянина), велел ему готовить десять тысяч империалов — за деньгами пришлет шейх, и невозмутимо запустил руку в сундук, прихватив оттуда пригоршню золота «на дорогу». Старика едва не хватил удар, но киммериец, проникнувшись к тому невольным сочувствием, утешил хранителя казны Баргэми заверением, что больше никогда в жизни не появится в этих стенах. В чьей именно жизни, он не стал уточнять...

А вот сонный конюший и не удивился ничуть, когда варвар по-хозяйски ввалился в стойло, громогласно требуя оседлать лучшего коня.

— А вас тут уже ждут, ваша милость,— кланяясь, сказал конюх.— И лошадку вам подобрали...

Конан охнул, на миг представив себе решившую сбежать вместе с ним Мирдани, но, увидев знакомый низкорослый силуэт, счастливо и замысловато выругался. Возле маленькой степной лошадки стоял не кто иной, как Мораддин, укоризненно глядевший на киммерийца.

— Бросить меня захотел! — пожурил варвара гном.— Не выйдет! Куда тебе, медведю киммерийскому, без Мораддина?

— А что же твое новое семейство? — ослабился Конан.— Я был уверен, что ты уйдешь с гномами ковыряться в шахте кайлом. Или тебя не взяли?

— Сам ушел,— вздохнул Мораддин.— Хотя это было нелегко. Честно скажу, жить вместе с гномами, в их подгорном царстве, я мечтал всегда, но только сегодня понял, насколько привык к людям... Ведь меня воспитали именно они, а не гномы. Зато я знаю, где всегда смогу найти любящих родичей и верных друзей. Гроин не стал меня удерживать...

Конан только криво ухмыльнулся, оглядев оседланного конюхом высокого норовистого жеребца, перетянул подпругу и вывел коня из стойла.

— Тогда поехали! — бросил он Мораддину, который вышел вслед за ним, ведя в поводу приземистую мохнатую лошадку, как раз под свой рост.

— А куда ты собрался? — спросил гном.— В Туране оставаться мне бы не хотелось — слишком много знакомцев. Может быть, махнем в старую, добрую Киммерию? Интересно, там все такие же, как ты?

— Да будет даром болтать-то! — отмахнулся варвар, вскакивая в седло.— Поехали, потом разберемся, куда!

* * *

...Солнце, барханы, изрезанные наметенными ветром песчаными волнами, жаркий ветер в лицо... До ближайшего колодца не меньше четырех лиг, а пить хочется уже сейчас, да и лошади устали. Фляги давно пусты, сухой хлеб царапает пересохшее горло.

— Скорей бы вечер,— пробурчал Конан.— Хоть жара спадет... А там и до колодца доберемся.

Мораддин, привстав на стременах и прикрыв глаза ладонью, всматривался в бесконечную желтую равнину, тянувшуюся до горизонта. Однообразие пустыни давно уже утомило глаз, и не сразу гном различил темную цепочку движущегося вдали каравана. Судя по тому, что караван шел на север, путь его лежал в Султанапур.

— А ну давай-ка за мной,— бросил Мораддин киммерийцу, подстегивая лошадь.— Можно будет часть пути с ними проехать.

Когда лошади забрались на гребень высокого песчаного холма, Конан неожиданно натянул поводья, остановив лошадь, и сощурил глаза, напряженно глядя вперед.

— Как ты думаешь, что там у них происходит? — медленно проговорил он, обращаясь к Мораддину.

Гном ничего не ответил, наблюдая за облаком пыли, неожиданно образовавшимся над караваном. Верблюды, шедшие друг за другом ровной цепью, вдруг бросились в разные стороны, взрывая песок и скидывая всадников.

— Боги! — осенило вдруг Мораддина.— А не равах ли это напал на купцов? Поехали, посмотрим! Может, удастся помочь...

Киммериец, выругавшись под нос, круто развернул коня и погнал в противоположную сторону.

— Нет уж, к Нергалу купцов! — только и донесся до гнома его негодующий возглас.— Хватит с меня равахов!

*Я ехал по лесу вечерней порой.
Домой добирался дубравой сырой.
Мой конь осторожно ступал по земле!
Как сладко мне было качаться в седле!
Скакун захрапел и восстал на дыбы,
И проклял я странные шутки судьбы.
На небе полнощном блеснула луна,
В том миг я увидел приют колдуна.*

*Гандерландская баллада о колдуне
из Черного леса*

Пролог

Гризэмистая крепкая лошадка трусила по тропе между толстых, в два обхвата, стволов. На спине смиренного животного покачивалось грузное, оседающее копной тела: запоздалый путник был слегка под хмельком. Суконный берет, нахлобученный на круглую большую голову, сполз почти до седых клоchkоватых бровей. Но почтенный селянин этого не замечал, как не замечал и того, что резкий холодный ветер широко распахнул полы подбитого волчьим мехом плаща.

Давно минуло время сбора урожая. Отшумели веселые деревенские свадьбы. Ледяные вихри носились над Гандерландом, северными пределами гордой Аквилонии, этой жемчужины хайборийского мира. Когда-то Гандерланд был небольшим суверенным королевством, которое мужественно отражало набеги диких орд на севере и сдерживало натиск могучего южного соседа, однако у правителей его хватило мудрости не приносить храбрый народ в жертву собственным амбициям и поступиться правами, присягнув на верность владыке Аквилонии. Но даже после того как северные земли стали лёном, гандеры сохранили многие

вольности и независимый, свободный нрав. Из них получались превосходные воины, которые обычно выступали против врага пешим строем. Тем не менее многие из этих крепко сбитых, жилистых людей, сероглазых и светловолосых, предпочитали ратному труду жребий вольного землепашца. Они растяли рожь и ячмень, вспахивая землю вручную или на быках, разводили скот. К ним принадлежал и человек, дремавший в седле. Он возвращался в свою усадьбу из ближайшего городка, где с выгодой сбыл плоды нелегкого труда и отметил успешную сделку в ближайшем трактире.

Холод наконец заполз под толстое сукно и пробрал гуляку до костей. Селянин вздрогнул и поежился. Пунцовый нос клюнул напоследок воздух и замер, набрякшие веки поползли вверх, открыв мутные глазки. Путник озирался с тупым недоумением.

— Куда... куда ты завезла меня, проклятая скотина? — пробормотал он заплетающимся языком. Лошадка повела ушами и, слегка повернув морду, скосила на хозяина лиловый глаз.— Эй, Уго, я с тобой...ик... разговариваю... ик... волчья пожива,— продолжал ее гордый обладатель, превозмогая икоту.— Вот погоди у меня — сдеру подковы и под нож.

Злополучная коняга шумно зафыркала, мотая головой.

— Что говоришь? Сам хорош? И то правда,— согласился незлобивый хозяин.— Проспал развилку, да и припозднился порядком. А все почему? Не надо было сворачивать в кабак.

Лошадка тряхнула гривой, словно подтверждая правоту последнего замечания.

— Эк меня разморило! Славное, однако, пиво варит Гертвига. Темное, густое...— Селянин восхищенно причмокнул губами.— Да и сама хоть куда... Вся такая белая да пышная. Пальчики пухлые и ямочки на локтях...— Путник мечтательно вздохнул, припоминая прелести кабатчицы.— Да, брат Уго, ночью надо не по лесам рыскать, а греться на перине возле сдобной бабенки, вроде Гертвиги... Клянусь жизнью, этот краснорожий бритунец просто счастливчик! Сладко ему, должно быть, засыпать на такой-то

груди. Это ж не грудь, Уго, это сокровище, если, конечно, понимать толк в женской красоте. Два пшеничных каравая с пылу, с жару... Нет, не каравай... Две сахарные головы... Эх, я несчастный!

Селянин долго качал головой, сетуя на жестокую судьбу, а потом насторожился.

— Однако куда меня занесло? Не иначе как в Черный лес... Вот незадача! Сюда и днем-то лучше не заглядывать, а уж ближе к ночи...

Гандеры, как и прочие жители Аквилонии, поклонялись Владыке Света, лучезарному Митре, что не мешало им втихомолку приносить жертвы отчим богам, безымянным и полузабытым и оттого способным на мстительные проделки. Проливая в священной роще кровь черного ягненка или даже раба, поправшие запреты Светозарного Владыки оправдывали себя тем, что Податель Жизни сидит далеко в своем небесном чертоге, а отчие божества обитают рядом, под боком: в дубравах, топях и темных омутах. Долгие зимние вечера гандеры коротали, слушая запутанные жуткие повествования об ужасной судьбе тех, кто не потрафил обидчивым духам или не менее злопамятным теням предков. Подобно своим дальним северным соседям — асирам и ванам, они верили, что в чащобах шатаются мертвцы, обернувшись огромными белыми волками.

— Бедный-бедный Йост,— причитал селянин, подскакивая в седле,— плохо о тебе заботятся духи предков. А ведь сколько я добра сгу... то есть в жертву принес. И двух лун не прошло, как заколол барашка в заповедной роще. Видно, поскучился.

Путник задумался, прикидывая, как бы половчее сторговаться с капризными духами.

— Надо было раба не пожалеть,— признал он с кислой гримасой.— Хотя бы того хромого пикта. Толку от него все равно нет: ни ремесла не разумеет, ни земли порядком не вспашет. Только и знает, что зыркать на хозяина волком да баб брюхатить. Вот и повисел бы на священном дубе. Они же, пикты, это за счастье почитают, покойников своих подвешивают.

Мысль о том, что можно без особого убытка ублаготворить отчих богов, развеселила скуповатого хитреца. Но воодушевления хватило ненадолго. Да и кто стал бы веселиться в сумрачной дубраве, скрывающей страшные тайны?

— Знать бы хоть, кто из родичей на меня взъелся. Коли отец, так еще невелика беда. Правду сказать, старик был вздорного нрава, но отходчив. А ну, как покойный братец позавидовал достатку? Всегда норовил дорогу перебежать... Или Бертильда? И то сказать, поторопился я ввести в дом новую хозяйку, вот и разозлил покойницу. Небось, оборотилась волчицей или рысью и поджидает меня в темноте.— Почтенного Йоста бросило в дрожь, остатки хмеля мгновенно выветрились, клюквенный румянец сбежал с лица. Бедолага хлестнул конька, и тот понесся, не разбирая дороги.

Впереди обозначился просвет между деревьями, и конь на полном скаку вынес полумертвого от страха седока не поляну. Прямо перед ним выросла серая башня.

— Час от часу не легче,— пролепетал злосчастный путник цепенеющими губами.— Колдун... Это берлога колдуна...

В бледном свете луны высокое строение казалось нацеленным в небо перстом мертвого великана. Даже деревья боялись подобраться к нему поближе. Высоко над землей в двух-трех местах чернели проемы бойниц, а под островерхой крышей сквозь круглое отверстие в толще камня сочился странный зеленоватый свет. Ничто иное не указывало на присутствие человека — таким заброшенным и обветшалым выглядел приют чародея. Камни местами выпали из кладки, местами выкрошились. Их покрывали сеть трещин и налеты бурого мха. Кое-где из трещин свисали рыжие султаны сухого папоротника.

Перепуганный до колик в животе, Йост замер. Всем сердцем он желал пуститься в бегство, но медлил из страха привлечь к себе внимание. Но этот страх не шел ни в какое сравнение с тем, что испытал несчастный, когда услышал скрежет отодвигаемого засова, а затем скрип тяжелой двери и различил темную фигуру, появившуюся

возле башни. Он и сам не мог впоследствии разобрать, пришпорил ли коня, или испуганное животное само метнулось в чашу. Что бы ни произошло, верный Уго помчался так, словно был не смиренной деревенской клячей, а скакуном благородных туранских кровей. И долго еще его хозяин, подскакивая в седле, опасливо оглядывался: нет ли погони.

Человек, который напугал подгулявшего селянина, постоял еще какое-то время возле башни. Он жадно вдыхал сырой холодный воздух, подставляя лицо. Полная луна выплыла из-за облаков и осветила его. Облик обитателя башни не заключал в себе решительно ничего отталкивающего или загадочного, хотя даже мать или возлюбленная не осмелились бы назвать этого человека красивым. Слишком неправильными и угловатыми казались черты худого, несколько вытянутого лица, да и пропорции сухощавого тела были далеки от идеальных. К тому же незнакомца не красила привычка сутулиться и щурить глаза. Погруженный в глубокую задумчивость, он то теребил прядь соломенных волос, тонких и шелковистых, как у ребенка, но слишком жидких, то пропускал сквозь пальцы редкую светлую бородку. И все-таки его лицо было по-своему приятным благодаря мягкому выражению умных глаз и живости черт, ежеминутной смене выражений. Затворник уже перешагнул порог юности, но не достиг зрелых лет.

Из башни, откуда-то сверху, донесся неясный шорох, а затем в проеме двери возник смутный белый силуэт.

— Отмар...— прошелестел слабый старческий голос.

Светловолосый обернулся в испуге:

— Зачем ты встал, учитель?! — Он кинулся к старику, который стоял, слегка пошатываясь. Казалось, первый же порыв ветра опрокинет бесплотную фигуру, но сильные руки Отмара подхватили иссохшее тело.

— Вот, сын мой, перед тобой ощутимое доказательство бренности всего живого. Даже не верится, что когда-то я с трудом мог подобрать себе коня. Все боялся сломать спину бедной скотине.

— Зачем ты спустился вниз, старый упрямец? — укорял Отмар, медленно поднимаясь с живой ношей по крутым ступеням винтовой лестницы.

Башня была поставлена в Черном лесу в незапамятные времена, чтобы охранять подступы к замку местного феодала — далекого предка седого старца, которого нес на руках преданный ученик. Стены возвели вокруг глубокого колодца, вырытого в том месте, где из-под земли был родник. Благодаря этому воины, сторожившие границы баронских владений, могли, оповестив набатом защитников замка, затвориться в каменной цитадели и долго оборонять ее. В те затянутые пеленой забвения времена на нижний ярус можно было взобраться только по приставной деревянной лестнице, которую втачивали наверх через люк, если врагу удавалось сокрушить тяжелую дубовую дверь и прочные запоры. Волны яростных междуусобиц и вторжений давно улеглись, о башне забыли, и она потихоньку ветшала, пока в ней не поселился нынешний хозяин — последний отпрыск старинного рода. Набатный колокол сняли, соорудили винтовую лестницу, и только потаенный колодец еще напоминал о грозном прошлом.

— Кто твердил мне, что человек, прикованный недугом к ложу, не должен вскакивать, почуяв прилив сил? — проворчал ученик, останавливаясь, чтобы перевести дух. — Кто уверял, что соки жизни отхлынут от головы и сердца и душа на время отлетит, как во сне?

— Прости старого дуралея. Увы, врачеватели хуже всего исцеляют собственные хвори. Но не тревожься, этих самых соков осталось во мне всего по капле, так что большого вреда не будет. Я должен был поговорить с тобой напоследок.

Отмар наконец втащил старика в просторную круглую комнату, в которой ничто не намекало на род занятий хозяина. Не было здесь ни черепов, ни чучел крокодилов, змей или прочих гадов, ни стеклянных колб и реторт с ядами и приворотным зельем, ни фолиантов, переплетенных в человеческую кожу. К стене жался небольшой очаг, которыйтопили вчерную, порядком закоптив стены. Колченогий табурет, такие попадаются только в самых затрапезных харчевнях,

соседствовал с огромным тяжелым креслом, настоящим троном, искусно украшенным резьбой. Под стать креслу был низкий массивный стол на львиных лапах. Королевскому ложу под линялым гобеленовым балдахином приходилось мириться с оскорбительной близостью грубого топчана, накрытого шкурами. Словом, комната напоминала чердак, куда снесли отслужившую меблировку.

Уложив старца на необъятную кровать под пыльный полог, ученик чародея отер пот со лба и спросил:

— Что ты там толковал про последний разговор? Верно, бредишь?

— Мы ведь оба знаем, что предвещает этот удивительный всплеск сил. Истлевшая оболочка тщится удержать в себе неподвластное распаду и гниению. Ты должен радоваться за меня: скоро я ускользну из темницы.

— А я? Что будет со мной?

— Об этом и побеседуем. Знаешь, я хорошо помню тот день, когда ты впервые появился здесь — тощий белобрысый мальчишка, дрожащий от страха.

— Тебя всегда боялись, учитель, — проговорил Отмар, приподнимая старика, чтобы подложить ему под спину еще одну подушку. — Да и теперь боятся.

Вытащив из огромного ларя меховое одеяло, mestами вытертое и порыжевшее от старости, молодой гандер заботливо укрыл им тощее зябкое тело больного.

— Это от невежества. Непостижимое всегда страшит, — вздохнул старик, зарывая пальцы в мех. — Я мог бы без труда подчинить себе здешний сброд с его убогими мыслишками и жалкими вожделениями. Но не подчинил. Не сделал ничего дурного. — Он беспокойно заворочался, и Отмар, отошедший подбросить дров в огонь, тут же вернулся, чтобы помочь ему устроиться поудобнее. — Я сбежал от людей, затворился в башне и мечтал лишь об одном: пусть обо мне забудут. Я покидал свое убежище, только когда меня призывали к ложу страждущего. — Голос старика сел, он задыхался.

Ученик поднес ему чашу с лечебным отваром, подогретым на огне. Сделав несколько жадных глотков, боль-

ной благодарно пожал руку Отмара и продолжал, хрипло, с одышкой:

— Я отверг дары, которые хотели сложить к моим ногам. Отверг, чтобы не отягчать бремя, лежащее на их плечах. И что же? — Старик всплеснул руками.— Все свои беды они приписывают моим козням. Если их тощие земли не родят рожь и репу, если пожар пожирает их лачуги, во всем винят злодея, затавившегося в глубине Черного леса.— Мудрец умолк, словно его приводили в замешательство неразумие и неблагодарность человеческого рода.— А помнишь, что случилось, когда моровая язва косила всех направо и налево?

— Помню,— торопливо отозвался Отмар, как будто хотел избавить старца от мучительных усилий, которых стоил каждый звук, срывающийся с бескровных уст.— Они пришли сюда, чтобы сжечь тебя.

— Жалкие черви...— прохрипел чародей.— Лишь тогда я показал, на кого они замахнулись...

— И снова проявил милосердие,— опять перехватил нить разговора обеспокоенный ученик.— Ты мог бы обрушить на них каменный град, огненные смерчи.— В глазах Отмара вспыхнул и погас яростный огонек.— Мог развернуть небесные хляби и утопить дерзких в грязи, из которой они вышли и в которой упокоятся.

Молодой гандер от возбуждения уже не находил себе места. Вскочив с края постели, куда он опустился, чтобы напоить больного, Отмар забегал по комнате, бешено жестикулируя:

— Я помню, как эти грязные скоты метались и давили друг друга, как они выли и бились головами о стволы и камни. Ведь ты наслал на них ужас.

— Глупость надо наказывать,— обронил колдун, снисходительно улыбаясь восторженной горячности молодого человека.

— Знаешь, сегодня один из здешних олухов забрался в нашу глухомань. Жаль, ты не видел, как он дал деру.— Отмар расхохотался, показав крепкие острые зубы.

— Что ж, теперь ему будет о чем посудачить в трактире с такими же болванами. Хотел бы я это слы-

шать.— Старик подмигнул ученику. Обглоданное болезнью лицо ожила лукавая улыбка.— Думаю, наплется с три короба. Послушать их, так в Черном лесу за каждым деревом оборотень, а возле башни демоны играют черепами.

Теперь уже оба собеседника смеялись до слез. Но болезнь быстро напомнила о себе. Оживление сползло с лиц, сменяясь мрачной глубокой задумчивостью.

— Я ведь не об этом хотел поговорить,— произнес глухой надтреснутый голос.— Большую часть жизни я посвятил изучению человеческой природы. Убил в себе алчность, страх, похоть и вообразил, что вырвался из стада, что достоин даже пасти его.

Старик приподнялся на локтях. Его бил кашель. Лицо посинело от удушья. Наконец приступ миновал, и больной бессильно откинулся на подушки. Отмар снова захлопотал возле него: обтер впалую грудь губкой, смоченной ароматическим уксусом, поднес отвар. Уставя в тревожные глаза ученика неподвижный горящий взгляд, мудрец прошептал:

— Гордыня, одна гордыня... Я возмечтал, что мне будет дозволено вывести новую породу людей, безупречных, без единого черного пятнышка. Людей, не оскверненных Злом.

С неожиданной силой костлявая рука вцепилась в рубаху Отмара и притянула молодого гандера ближе, словно старик боялся, что его не рассышат:

— Ты знаешь, я приблизился к разгадке. Но болезнь свалила меня. Еще шаг — и я прикоснулся бы к истине. Я торжествовал.

Больной резко сел на постели и решительно пресек все попытки уложить его обратно.

— Даже эта хворь, признаки которой мне доселе не приходилось наблюдать, не образумила меня. Я сказал себе: что не успел отходящий в вечность, довершил молодой. У меня есть Отмар. Он — моя гордость, мое детище, не по крови, так по духу. Он чист. Ум его пытлив и жаден.

— Благодарю тебя, учитель,— прошептал тот, о ком говорил старец, и прильнул губами к восковой руке.

— Постой! — Голос прозвучал хриплым карканьем.— Тебе впору не благодарить, а проклинать меня. Я просто никчемный старый дурак.— Колдун горестно покачал головой.— Слепец, возомнивший себя поводырем. Я завел тебя в дебри, мой бедный мальчик,— проговорил он, погладив покорно склоненную светловолосую голову молодого человека, который опустился на колени перед его ложем.— Я принес твою молодость в жертву своей гордыни.

— Ты бредишь, учитель.

— Если бы... Я часто говорил тебе, что сон, беспамятство и смерть несут свободу душе. Так вот, пока ты бодрствовал возле моего тела, этой жалкой груды гниющей плоти, я странствовал, скитался. Я побывал далеко...— Большой широко раскрытыми глазами озирал пространство, проникая взглядом за покрывало вечной тайны, что отделяет жизнь от смерти.— Я мчался через черное пространство к пылающему шару. Мчался, мечтая слиться с ним, стать крохотной частицей неугасимого тепла.— Голос старика, забиравшийся все выше и выше, вдруг упал.— Я не удостоился слияния. Меня отослали, чтобы уничтожить Ложное Знание, пока какой-нибудь безумец не заковылял по проторенному мной пути.— Без всякого перехода чародей обрывисто приказал: — Достань из ларя нефритовую шкатулку! Ту, на которой вырезана змея, глотающая свой хвост.

— Учитель, ты не можешь совершить обряд. Это убьет тебя,— горячо убеждал Отмар, обратив к больному опешломленное лицо и удерживая руки старика.

— Делай, что сказано! — Голос колдуна прогремел громовым раскатом.

Ученик покорно извлек из сундука шкатулку и поставил ее на стол. Затем вытащил из-под топчана короткую деревянную лестницу, приставил ее к стене и, взобравшись по скрипучим перекладинам, откинул крышку люка на потолке.

— Помоги мне подняться! — велел старик тем же непрекаемым тоном.

Отмар смиренно подчинился, подвел больного к лестнице и, поддерживая его сзади, помог одолеть подъем и выбраться на верхнюю площадку башни. Потом он вернулся, чтобы прихватить шкатулку, и последовал за своим беспокойным наставником.

Как и в нижнем покое, наверху самый любопытный взгляд не смог бы отыскать привычных атрибутов колдовского ремесла. Лишь возвышающийся посередине каменный алтарь и парящий над ним зеленый фосфоресцирующий диск указывали, что это — тайное святилище.

Отмар поставил шкатулку на алтарь. Старец воздел руки к диску, и тот, повинувшись мановению костлявых дланей, медленно поплыл вниз. Тонкие синеватые губы зашевелились, но ни одного звука не слетело с них. Шкатулка, которая на первый взгляд казалась монолитным кубом из гладко отшлифованного матового камня, начала излучать мерцание. Змейка, вырезанная на верхней грани, все явственнее проступала над поверхностью, приобретая рельефность. Какая-то сила выталкивала наружу невидимую, утопленную в камне часть ее тела. Барельеф приобретал черты реального существа.

Когда источаемое камнем сияние стало почти не переносимым для глаз, каменная змея ожила, очнулась от спячки. Гибкое тело гада взблескивало изумрудной чешуйей, глаза мерцали желтыми огоньками. Зеленый диск испустил тонкий луч в центр круглого гнезда, в котором нежилась змея. И живое сверкающее кольцо, символ Бесконечности, завертелось, как колесо, вокруг световой оси. С каждым оборотом движение его становилось все стремительней, и вскоре все мелкие черточки слились, нельзя было различить ни чешуек, ни глаз. Воздух вокруг жертвенника сгустился, запульсировал. Какая-то невидимая сущность лопнула и рассыпалась с мелодичным звоном бьющегося стекла. Крышка шкатулки распахнулась сама собой, и все вокруг затопил свет, такой нестерпимо яркий, что чародей и его ученик невольно заслонили глаза руками. Ярость света, казалось, пошла на убыль, но тут новый сноп лучей вырвался из недр шкатулки. После трех мощных вспышек

свечение угасло. Теперь можно было отнять ладони от лица и разглядеть содержимое шкатулки. В ней лежал обрывок пергамента с ладонь величиной. Всю поверхность клочка покрывали начертанные кровью руны.

Старец простер вперед руки, повернув кисти так, чтобы ребра ладоней были обращены вниз. Обрывок пергамента взмыл с камня и замер в воздухе посередине между ладонями и на одинаковом расстоянии от шкатулки и зеленого диска. С четырех сторон в него вонзились спицы лучей — зеленого, испускаемого диском, голубого, протянувшегося от шкатулки, и двух красных, которые излучали ладони колдуна.

Вся фигура старца выдавала невероятное напряжение: синие жгуты вен отчетливо простили под полупрозрачной желтоватой кожей рук, жилы на шее мучительно натянулись, рот был безобразно ощерен, а челюсти стиснуты так, что, казалось, еще чуть-чуть — и зубы раскрошатся. Лицо побелело, покрылось испариной.

Наконец судорожные усилия принесли видимые плоды. Скрещение лучей распылило пергамент, который растворился в воздухе, не оставив после себя даже кучки пепла. В тот же миг шкатулка захлопнулась, зеленый диск взлетел на прежнее место. Руки мага бессильно опустились, по телу его пробежала судорога, оно покачнулось. К счастью, Отмар был наготове и не дал старцу упасть.

Взвалив на спину тело больного, молодой гандер потихоньку спустился вниз по лестнице и снова уложил учителя в постель, а потом поднес к его губам чашу с водой, в которой растворил пару капель красноватой маслянистой жидкости из крохотного костяного флакончика, явно кхитайской работы. Тяжелые веки поползли было вверх, но упали, и понапрасну шевелились синюшные губы. Изо рта вырывалось только мычание.

— Не надо, не терзай себя, учитель, — взмолился Отмар. — Сейчас снадобье подействует. Клянусь Митрой, разве нельзя было просто спалить пергамент в огне?

— Нельзя, мой мальчик, — прошептал чародей, к которому наконец вернулась способность говорить. — И ты

знаешь это не хуже меня. Среди тех, кто владеет Тайными Искусствами, найдутся способные прочитать и то, что было предано огню. Я не мог оставить даже пыльники.

Старец умолк. Отмар вглядывался в его застывающие черты, ловя последние проблески жизни. Когда молодой гандер уже пришел к убеждению, что смерть навеки скончнула бледные уста учителя, они снова задвигались:

— Там, в сундуке, деньги. Не так уж много, но хватит тебе, чтобы уйти в мир и начать жизнь заново. Ты узнал от меня достаточно. Умеешь исцелять, толковать небесные знамения. Довольствуйся этим. Можешь отправиться в Офир. Люди там незлобивы и щедро платят за услуги. Здесь, на севере, ночи долги, мраку и холоду нет конца. Душа цепенеет и ввергается во власть тяжелых и бесплодных исканий. Ростки мысли слабы и скучны, как всходы на здешних полях. Про...

Отмар так и не узнал, хотел ли учитель проститься, или попросить прощения. Как видно, душа чародея торопилась продолжить прерванный полет через черное пространство. Может, она уже слилась с огненной стихией и стала частичкой Вечного Блага?

Близость мертвого тела до сих пор не внушала Отмару суеверного страха, но вдруг он почувствовал, что задыхается, что знакомые с детства предметы стали чужими и враждебными. Почему-то померещилось, будто его замуровали заживо. Серые стены ползли, чтобы сдавить и распллющить. Отмар рванул ворот рубахи, обвел комнату диким взглядом и бросился к лестнице. Он слетел вниз так стремительно, что только чудом не сломал шею, и всем телом навалился на дверь, но та не поддавалась. Струйка холодного пота пробежала между лопаток, волосы на затылке зашевелились, и Отмар завопил от ужаса, а потом стал биться в дверь, как обезумевшее от смертной тоски и ярости животное.

Неизвестно, сколько бы он так бесновался, не отрезви его резкая боль от удара о железо. Засов! Как глупо ломиться в дверь, которую сам же и запер. Отмар отодвигал

металлический стержень очень медленно, желая доказать себе, что справился с паникой, но руки все-таки предательски дрожали.

Холодный ветер обжег лицо и прогнал наваждение. Удушье и ужас отступили, не проходила только дрожь, которая сотрясала все тело. Отмар привалился спиной к ледяным сырым камням и жадно хватал ртом воздух. Какой позор... Хорошо хоть старик не видел. А может, видел? Что, если он догадался?.. Глупости... Конечно, учитель мог прочитать любую мысль, однако никогда не давал себе труда. То ли брезговал, то ли был слишком занят своими думами, чтобы интересоваться чужими.

«Мой бедный мальчик», «мой верный Отмар»... Чистый душой и слишком заурядный, чтобы воспарить к тем хрустальным высотам, где витает мысль его наставника. Очень преданный, но недостаточно умный. Такому ни почем не снять заклятия с заветного ларца, не прочитать руны на пергаменте.

Значит, исцелять и толковать небесные знамения? Почему бы и нет. Для начала. А потом? Потом «бедный Отмар» не побоится перешагнуть порог, о который споткнулся старый безумец. Все дело в крови, благородный Майнольф. У рожденных на охапке гнилой соломы кости покрепче и шкура погрубее. Они не воротят нос от того, что дурно пахнет для высокородных мечтателей. Юный барон забавлялся охотой, потом тешил свою спесь, вспарывая животы и снося головы на поле браны, затем вообразил, что влюблен без памяти, а когда красотка оставила его в дураках, ударился в умствования, заточив себя в башне. И это тоже было развлечение, игра, попытка исцелить раненую гордыню. Надо не врать хотя бы самому себе и желать по-настоящему, неистово, безоглядно. Те, у кого все есть от рождения, не умеют желать.

В одном старик прав: Черный лес не лучшее место под небесами. Вся жизнь прошла в глухих стенах возле человека, который мнился полубогом, а на самом деле был ничем не лучше прочих. Можно ли верить тому, что знаешь только с чужих слов? Со слов выжившего из ума старика,

который не видит ничего у себя под носом. «Чист душой»... Какая уж тут чистота, если от одного шороха женских юбок, от случайного взгляда любой шлюшки голова идет кругом? Если стыдишься убогой одежды и завидуешь, бешено завидуешь богатству, власти, телесной мощи, красоте. Нет, чтобы судить о людях, Добре и Зле, надо все перепробовать, примерить все личины.

Бежать, бежать отсюда. Прямо сейчас. Нет, лучше на рассвете... Сначала надо отдать последний долг учителю. А потом к людям. Броситься в самую гущу, даже в грязь. Все перепробовать. Влезть в шкуру жертвы и палача. Любить и ненавидеть. Продаваться и покупать. Пресмыкаться и парить. А потом сбросить все прилипшее, наслонившееся, чужое, как змея сбрасывает кожу. Очиститься и стать судьей и творцом, созиателем грядущего, в котором не будет места Злу.

*Когда он родился,
Ревел океан,
А ветер ярился,
Могуществом пьян.
И давшие жизнь
В том увидели знак.
Промолвила мать:
«Это будет моряк».*

Песня аргосских моряков

Глава первая

Xала Митре, наше плавание оказалось удачным,— произнес тучный чернобородый человек и, крякнув, одним махом опорожнил золотой кубок.

— Я бы не спешил возносить хвалы Подателю Жизни, почтенный Эмерико,— осторожно возразил суровый крепыш с обветренным, иссеченным шрамами лицом.

Беседа происходила под шелковым тентом на корме небольшого торгового судна. Пузатый купеческий барк недавно отчалил от берегов Куша и направлялся в Аргос с грузом слоновой кости, ценного дерева, произраставшего только в самом сердце Черных Королевств, и золотого песка.

— Почему бы нет? Попутный ветер надувает парус «Дельфина». Клянусь своей ненасытной утробой, такой славной посудины не сыщешь нигде от Барахов до Асгалуна, а ты, мой славный Дьюниджи, лучший кормчий на всем побережье.— Благодушный купец, хозяин барка, снова наполнил свой кубок.— Посмотри, как благосклонно взирает на нас золотое око Митры. Недаром же десятая часть того, что несет «Дельфин», отойдет храму Светозарного Владыки. Промочи глотку и возрадуйся жизни!

Слова аргосца не были пустым бахвальством. Его держава обрела величие благодаря искусству мореходов и мастеров, строивших надежные суда из дуба, который произрастал по берегам речки Хорот. Поданные славного короля Мило не уставали повторять, что ни один флот не сравнится с аргосским. Даже надменным зингарцам приходилось делить с ним господство над Западным океаном, ибо вспыльчивые аргосцы никому не давали спуску. Сами о себе они говорили в шутку, что кровь их наполовину состоит из вина и потому так горяча.

— Кто-то должен приглядывать за черными бездельниками, которых ты приобрел в Каше,— напомнил кормчий.

— Ну-ну, не брюзжи. В Мессантии они пойдут за хорошую цену.— Чернобородый похотливо хихикнул.— Говорят, эти скоты неутомимы в любовной схватке, и потому многие высокородные дамы выкладывают за них немалые денежки, не торгуясь.

Дьюниджи брезгливо поморщился и вылез из-под тента.

— Я знаюсь только с портовыми шлюхами,— прошел он сквозь зубы.— Но сдается мне, любая из них целомудренней кривляк, обряженных в шелка. Да, раз уж мы заговорили о шлюхах... Я кликну Бренну и Амирис. Эти веселые блудницы не дадут тебе скучать.

Кормчий перекинулся парой слов с моряками, управлявшими рулевым веслом, бросил взгляд на большой прямоугольный парус, простеганный для прочности кожаными ремнями. Пробираясь к высокому загнутому носу, окованному железом — это защищало корпус при столкновении с кораблем неприятеля, заглянул в трюм, где томились невольники — главный товар, поставляемый Черным побережьем. В нозди ему ударил тошнотворный запах застоявшейся воды, смешанный со смрадом испражнений.

— Хорошо, если хоть половина рабов не передохнет от лихорадки,— проворчал Дьюниджи.

Его опасения были не беспочвенны. Хотя путешествие от Куша до Аргоса занимало не так уж много времени,

гнилостные испарения успевали отравить живой груз. Ужасная скученность способствовала тому, что лихорадка косила чернокожих. Выживали только самые сильные. От голода и лишений их когда-то гладкая и блестящая кожа становилась дряблой и цветом напоминала уже не эбеновое дерево, а мертвый пепел, так что работогровцам приходилось втирать в нее смесь сажи, лимонного сока и пальмового масла, дабы придать надлежащий вид товару.

Кроме рабов в трюме перевозили грузы, которые не могла попортить вода. Там можно было увидеть и огромные амфоры для жидкых и сыпучих товаров. Сосуды плотно укупоривали и заливали воском или асфальтом. Все самое ценное хранили на палубе, в носовой части. Здесь же находилась амфора с питьевой водой. От морских волн палубный груз защищали решетки из прутьев, обтянутые промасленной кожей.

Среди прочих сокровищ, собранных на борту «Дельфина», были две рабьины, искушенные в любовных играх. Они сопровождали сладострастного Эмерико во всех его путешествиях. Амирис, смуглая стигийская танцовщица, тоненькая и гибкая, как змейки, которые водились в гибельных песках за Стиксом, умела бешеною пляской разжигать пламя в крови. Рядом с ней белокожая бритунка Бренна казалась стыдливой смиренницей. Однако ее невинно потупленные голубые глаза и влажные алые губы, которые она то и дело облизывала розовым кошачьим язычком, будили вожделение так же неизменно, как неистовые содрогания медного тела Амирис.

Когда кормчий подошел к палатке, под пологом которой юные обольстительницы лакомились финиками и сваренными в меду орехами, бритунка подарила ему томный взгляд из-под золотых ресниц.

— Когда же ты направишь свое судно в мою гавань, доблестный Дьониджи? — пропела белокурая сирена.

Амирис встала на четвереньки и, плавно покачивая полушариями грудей, заключенными в золотые чаши, двинулась к аргосцу. Искусительница прогнула спину, задрала кверху узкое лицо, откинув назад копну иссиня-черных

змеистых волос, и замурлыкала, как кошка, норовящая потеряться о колени хозяина.

Кормчий отскочил от шатра как ошпаренный, а дерзкие насмешницы захочотали. Бесконечные пересуды о том, какие украшения господин купил для них в Шеме, и обсуждение его мужских достоинств, которые обе прелестницы оценивали не слишком высоко, не могли развеять скуку, и девушки развлекались тем, что поддразнивали сурового Дьониджи, а тот шарахался от них, словно от змей.

— Похотливые твари,— прошипел кормчий.— Как вас еще не затошило от сластей? Вы набиваете ими рот с утра до вечера. Ступайте живо к господину! Ему скучно,— злорадно добавил аргосец, приметив, как капризно надулись пухлые губки бритунки и скривилась лукавая мордочка Амирис.

— Ну вот, ублажай его в такую жару,— пожаловалась черноволосая красавица.— Еще заставит плясать...

— А много ли он выпил? — осведомилась ее здравомыслящая товарка.

— Да похоже, целый кувшин в себя влил. Как только в него влезает? — подивился Дьониджи.

— Лучше и быть не может,— обрадовалась Бренна.— Значит, хвала Митре, скоро захрапит. Пошли, а то еще вытянет кнутом спяньу.

Девушки выпорхнули из палатки и направились туда, где их повелитель усердно осушал кубок за кубком. Кормчий невольно залюбовался тем, как при каждом шаге Амирис подпрыгивают жемчужные нити, подвешенные к золотому пояску, а потом усладил свой взор мерным колыханием пышных округостей под шелками, обтекавшими тело бритунки. Бренна гордилась своей белоснежной кожей и укрывала ее от жгучих поцелуев солнца.

— Вот это корма так корма! — восхищенно вздохнул сомлевший Дьониджи.— Нет справедливости под небесами, да простит меня Податель Жизни. Один обжирается, а другой грызет сухую корку. Хотя, если рассудить, женщины созданы нам на погибель. Лучше держаться от них подальше.

Еще некоторое время кормчий наблюдал не без тайной зависти за тем, как осоловевший от выпитого Эмерико усадил к себе на колени белокурую красотку, которая игриво взвизгивала и наматывала на тонкие пальчики маслянистые пряди черной бороды. Смуглая танцовщица подогревала любовный пыл повелителя, медленно извивая тонкий стан. По ее воздетым к небу рукам пробегала волна движения, заставляя позывкливать золотые браслеты, которыми были унизаны запястья. Им вторили золотые бубенчики ножных украшений. Нитки жемчуга взлетали, на мгновение приоткрывая атласную гладь узких тугих ягодиц.

Мореход ругнулся в сердцах и побрел к мачте. Еще немного — и он захлебнется слюной. Пора занять себя делом. Ловко вскарабкавшись на верхушку мачты, где была укреплена плетеная корзина для дозорного, Дьюниджи окунул взглядом синие просторы. На лицо его набежала тревожная тень. Зоркие глаза аргосца отыскали вдали, сзади по курсу, черную точку, которая с каждым мигом увеличивалась в размерах. Корабль! Хорошо, если не зингарский... Соперничество между Зингарой и Аргосом, которые оспаривали друг у друга право первенствовать на океанском раздолье, никогда не затихало, поэтому встреча с зингарской военной галерой не сулила «Дельфину» ничего хорошего.

Кормчий впился взглядом в горизонт и с замиранием сердца следил за тем, как вдали обозначаются контуры судна. К «Дельфину» стремительно неслась узкая галера, на мачте которой реял пурпурный стяг. Дьюниджи едва не застонал от досады. Проклятый пьяница, накликал-таки беду! Не видать теперь Мессантии, как своих ушей. Прощай, родная гавань! Прощайте мечты о тихой старости в маленьком беленом домике среди виноградников, о неспешных беседах на берегу, где сохнут сети и чернеют днища перевернутых лодок. В воображении аргосца быстрее молний промелькнули нехитрые грезы, которые помогали терпеливо сносить тяготы, держали на плаву. Дородная подруга жизни с круглым приветливым лицом, гурьба

ребятишек, справное хозяйство и он сам, седой, но все еще крепкий, как старое дерево, окруженное молодой порослью. К чести Дьюниджи он недолго оплакивал крушение надежд и мысленно поклялся прихватить в путешествие к Серым Равнинам не менее десятка врагов.

«Пираты! К оружию!» — крикнул кормчий, и вскоре немногочисленная команда барка, вооруженная луками и мечами, затаилась под защитой ограждавшей борт решетки. Это были люди не робкого десятка, привыкшие отстаивать право на жизнь в ежедневной борьбе. Но что может горстка храбрецов, если ей противостоит орда головорезов?

К Дьюниджи подбежал, задыхаясь, внезапно протрезвевший купец.

— Что за переполох? — пробормотал он.

— Скоро нам придется дать бой. Это пираты.

— Пираты?.. А почему мы не пытаемся оторваться от них? Почему ты не посадил людей на весла? — мямлил Эмерико.

— Бесполезно. Нас все равно нагонят. Команда только выбьется из сил. Мы обречены. Остается умереть по-людски...

— Ум-мереть? Что ты м-мелешь? — От страха толстяк начал запинаться на каждом слове.

— Это не просто пираты. Это демоны Белит. Ее прозвали Королевой Черного Побережья. Она и раньше наводила ужас, а теперь, когда у нее появился дружок — какой-то великан, одним махом разрубающий человека пополам, от головы до пояса, — и вовсе не стало жизни. От самого Астгалуна до устья мертвей реки Зархебы люди вздрагивают при одном слове «Тигрица». Так зовется эта проклятая галера.

Кормчий сказал правду. Тяжеловесное купеческое судно в основном приводилось в движение силой ветра, надувающего парус. Весла пускали в ход лишь возле берега, и было их не больше шести по каждому борту. Тихоходный барк, обремененный грузом, имел не больше шансов ускользнуть от стремительной «Тигрицы», чем раскормленная курица — от когтей ястреба.

Два судна неотвратимо сближались. Уже был хорошо виден нос галеры, который украшала отлитая из бронзы голова разъяренной дикой кошки, давшей название кораблю. На огражденной, возвышающейся над бортом площадке изготовились к стрельбе лучники. Черные гребцы усердно налегали на весла, их мускулистые спины лоснились от пота. Вдоль палубы лениво прохаживался гигант в черных сверкающих доспехах и стальном шлеме с рогами. Среди полуугольных кушитов этот белокожий человек, облаченный в броню, казался неуместным чужаком, тем более что распоряжался на судне не он, а полунагая смугланка, величественной статью подобная самой богине Иштар. Хотя великан не оспаривал власть бронзовотелой красавицы, заметно было, что он скрепя сердце мирится с таким положением вещей.

«Тигрица» наконец нагнала добычу, и дождь стрел посыпался на защитников обреченного судна. Первыми жертвами пали трое рулевых. На галере подняли весла. Раздался скрежет — борта судов столкнулись. Белокожий великан перемахнул на палубу барка и выхватил из золоченых ножен длинный меч. Следом за ним хлынул поток кушитов, потрясающих копьями с коротким древком и широким длинным лезвием наконечника. Закипела схватка. Аргосцы встали спиной к спине и яростно бились. Одна за одной волны нападавших накатывали на этот островок сопротивления, чтобы отхлынуть, оставив за собой мертвые тела. Но вот один из аргосских моряков упал с разрубленной головой. Другой лишился правой кисти, но, перехватив меч в левую, уложил двух пиратов, прежде чем клинок белокожего человека в доспехах пронзил его грудь. Силы оборонявшихся таяли, им становилось все труднее противостоять натиску морских разбойников. Тех, кому удалось отбиться от кушитов, отправил к Нергалу белый воин.

Дольше всех держался кормчий. Вид его был ужасен: из левого бедра торчал обломок стрелы, косая рана рассекала лоб, и кровь заливалась глаза. Однако Дьюниджи продолжал драться. Но вот клинок его скрестился с

мечом великана, и тот одним могучим ударом вышиб оружие из рук противника.

— Сдавайся — и уцелеешь! — крикнул победитель, которому пришло по душе мужество моряка.

Аргосец понурился, но тут же молниеносным движением подхватил кушитское копье, которое валялось на палубе, и метнул его в пирата. Тот ловко уклонился, а кормчий рухнул на палубу — в горле несчастного торчал нож. Гигант резко обернулся. Лицо его исказила свирепая гримаса.

— Зачем ты его добила?! — обрушился белокожий на женщину, которая шла к нему, перешагивая через трупы. — Он славно дрался.

— И чуть не убил тебя, — спокойно отвечала предводительница пиратов.

— Я уже не младенец, Белит. И не нуждаюсь в женской опеке.

На смуглых щеках красавицы вспыхнул гневный румянец. Она закусила губу, но промолчала.

Кушиты сбрасывали за борт мертвые тела, переправляли на галеру раненых товарищей и награбленное добро. Из трюма выбирались испуганные невольники. Пираты притащили за волосы и кинули к ногам повелительницы рабынь, затем пригнали пинками упирающегося купца, который со страха нырнул в трюм.

Не удостоив взглядом распростертых на окровавленной палубе женщин и Эмерико, чье лицо стало серым от ужаса, Белит двинулась к невольникам и, внимательно оглядев каждого, отделила самых сильных.

— Остальных прикончить и за борт, — приказала она.

Распоряжение Белит не было продиктовано бессмыслицей жестокостью. Оно имело под собой разумное основание. «Тигрица» не могла нести лишний груз. Даже из захваченной добычи брали лишь самое ценное и ровно столько, сколько могла увезти галера. К тому же наиболее слабые из невольников, возможно, заболели в пути, и нельзя было допустить, чтобы зараза перекинулась на команду «Тигрицы». Приказание лишить пленников жизни, прежде чем выкинуть их за борт, пираты почитали

знаком милости, ибо мертвого уже не страшат акулы клыки.

Тем не менее гигант нахмурился и, отозвав надменную красавицу, стал что-то втолковывать ей. Брови Белит сошлись к переносице. Она презрительно покачала головой, но затем сдалась.

— Этих можете взять себе,— бросила она кушитам, указав высокомерным движением подбородка на женщин.

Бритунка подползла к Белит, желая облобызать ступни новой госпожи, но та брезгливо отпихнула ее ногой.

— Вы,— обернулась повелительница к рабам, которых сочла непригодными для замены павших в схватке пиратов,— останетесь на этом судне. Пусть боги сами выносят приговор. Сумеете добраться до берега — ваше счастье. И не благодарите меня. Эту милость оказывает вам самый великий воин, которого носила земля,— Конан из Киммерии.

— Госпожа, госпожа,— заскулил Эмерико.— Не оставляй меня с ними! Я богатый купец из Мессантии. Ты получишь хороший выкуп.

— Не нравится — ступай в воду,— невозмутимо посоветовала Белит.— Акулы обрадуются.

Скоро на палубе «Дельфина» осталась только кучка невольников и еле живой от страха купец. Галера уплывала прочь.

Эй, брат, кончай браниться!
Проку ни капли в злости.
Чем так орать и злиться,
Лучше уж кинуть кости.
Случай судьбою правит.
Он судия надежный.
Все по местам расставит
Быстро и непреложно.

Шадизарская песня
о Простаке и Любимце Бела

Глава вторая

Kонан, облокотясь на борт, задумчиво следил за тем, как увеличивается синее пространство, разделяющее корабли. Он вспоминал тот день, когда при схожих обстоятельствах впервые очутился на борту «Тигрицы».

Киммериец странствовал по свету с тех пор, как зеленым юнцом был пленен асирами и угнан в Гиперборою. Минуло почти десять весен, а он не забыл, как горек хлеб неволи, потому и вступил за рабов, хотя разделял презрение Белит, полагая, что свободы достоин лишь тот, кто бьется за нее.

Сам Конан сбежал из плена при первой же возможности, не убоявшись того, что сгинет среди снегов — босой, полуголый мальчишка. Тогда он чуть не стал добычей волков, зато обзавелся страшным оружием, отвоеванным у мертвеца. Так он вступил на путь удивительных приключений.

Беспокойная судьба привела возмужавшего варвара, в прошлом самого удачливого из грабителей достославного Города Воров — Шадизара, непобедимого воина, сражавшегося под стягами разных держав, и грозу Тем-

ных Сил, в Аргос. Здесь Конан, случайный свидетель кабацкой драки, стоившей жизни наглому гвардейцу, угодил в лапы правосудия. Ему ничего не оставалось, как прорубить себе мечом дорогу к свободе и спешно покинуть негостеприимный берег на борту небольшого купеческого судна.

На беду злосчастной посудины, пути ее пересеклись с полой кровью дорогой «Тигрицы». Все двадцать гребцов, трое рулевых и шкипер «Аргуза» расстались с жизнью. Уцелел лишь варвар, отвага которого покорила сердце Королевы Черного Побережья. Теперь Конан делил с ней судьбу и ложе.

Свирепые кушиты, составлявшие команду «Тигрицы», спокойно приняли выбор своей госпожи, однако временами киммерийцу казалось, что он ловит на себе насмешливые взгляды. Скорее всего, то была игра воображения, наветы уязвленной гордости. И все же варвара грызла одна навязчивая мысль: чернокожие склоняются перед ним потому, что он проводит ночи с их госпожой. Белит — Королева Черного Побережья. А кто же он сам? Кто угодно, но только не Король.

Когда назойливые, как болотный гнус, подозрения начали жалить Конана, мед, который он пил с уст возлюбленной, стал горчить. Варвар даже подумывал бросить все и вернуться к прежней жизни, когда ни одной самой прекрасной женщине не удавалось связать его по рукам и ногам. И тут он в первый раз испробовал крепость сетей, которыми опутала его Белит.

Красавица не требовала обетов верности, не угрожала отомстить, если Конан оставит ее. Однако страсть Белит была такой щедрой и безоглядной, что одна мысль о разлуке казалась предательством. Киммериец не мог уйти и корил себя за это, понимая, что все больше запутывается в силах любви.

Вот и сейчас Конан разрывался между желанием увлечь Белит в палатку на носу галеры, чтобы предаться любви, и упрямым стремлением доказать свою независимость. Последнее перевесило. Конечно, любовные игры

восстанавливали естественный порядок вещей: она — слабая женщина, он — ее господин и повелитель. И все-таки его власть была иллюзорна и недолговечна. С рассветом солнца она испарялась, как роса с травы. Покорная и томная возлюбленная исчезала, изгнанная гордой Королевой.

Варвар восхищался сильной и бесстрашной владычицей, но преображение Белит оставляло чувство утраты. Иногда Конан даже сожалел, что она не похожа на обычных женщин, вся забота которых — сидеть за прялкой, стряпать и нянчить детей. Поразмыслив, он, однако, признавал, что не смог бы так же сильно любить обычную женщину, и все же злился.

Киммерийца взбесило вмешательство Белит в его поединок с аргосцем. Можно подумать, он не мог сам постоять за себя. Эти попытки уберечь его от опасности просто унизительны. И будь он проклят, если первым сделает шаг навстречу, как бы сильно того ни хотелось. Прийдя к такому решению, Конан подсел к чернокожим лучникам, которые зубоскалили, попивая захваченное на барке вино. Неподалеку испуганно жались к борту отбитые у аргосцев невольницы.

Встретясь взглядом с Бренной, в глазах которой стояли слезы, варвар подумал, что своим заступничеством оказал девушкам дурную услугу. Ревность Белит сделала их жертвой свирепых вожделений. Наверное, смерть — блаженство по сравнению с тем, что ожидает несчастных, когда им придется утолять любовный голод пиратов, не привыкших церемониться с женщинами. Из задумчивости киммерийца вывела свара, вспыхнувшая между кушитами.

Среди воинства Белит выделялся звериной силой и кровожадностью хищника черный верзила по имени Окуджи. Родное племя изгнало его за убийство двух старших братьев, которые стояли между негодлем и властью вождя. Лишь одному человеку удалось обуздить нрав дикаря — Королеве Черного Побережья. Иногда Конану чудилось, что за необъяснимой покорностью Окуджи кроется нечто большее, нежели благоговейный

трепет, который повелительница внушала черной орде. Порой взгляд купита жег его ненавистью. Однако на сей раз злоба чернокожего была обращена не на киммерийца.

Окуджи сцепился с остальными из-за того, кто должен первым воспользоваться щедрым и неожиданным даром госпожи. Белит не могла запретить команде насилиничать во время набегов на прибрежные селения, но никогда не разрешала прихватывать женщин на корабль, очевидно желая предупредить распри вроде нынешней.

Никто из купитов не посмел бы подвергнуть сомнению право Окуджи первым вкусить сладкого плода, если бы притязания звероподобного силача не простирались сразу на обеих невольниц. Такой дерзости не стерпели даже самые забитые и безгласные, которым обычно приходилось довольствоваться чужими объедками. Сознание того, что Окуджи выступает один против многих, придало пиратам смелости. Некоторые уже поигрывали рукоятками кривых ножей. Узурпатор же нагло оскалился и жег соперников глазами, все еще умудряясь держать их на почтительном расстоянии. Конану он напоминал матерого волка, обложенного сворой. Зверь ощетинил загривок, пригнулся к земле и сдержаным рычанием предупреждает трусливых шавок, что разорвет на куски первого, кто осмелится напасть. Собаки же, подбадривая друг друга оглушительным лаем, вертятся на месте и выжидают, когда среди них сыщется смельчак, готовый испытать на себе крепость стальных челюстей.

Киммериец поискал глазами Белит. Почему она до сих пор не вмешалась? Одно слово госпожи могло охладить самые горячие головы. Повелительница прохаживалась вдоль прохода между скамьями гребцов от кормы к носу и обратно. Спорщики так шумели, что она наверняка слышала все. Но Белит даже не пыталась потушить огонь вражды, который разгорался с каждым мгновением. Конан не мог взять в толк почему. Может, она считает, что небольшая трепка собьет спесь с Окуджи? Однако дело того и гляди дойдет до поножовщины. И тут варвар

уловил огонек торжества, блеснувший во взгляде, который послала ему возлюбленная. «Посмотри, — говорили ее глаза, — до чего довела твоя нелепая прихоть. Я тебя предупреждала».

Варвар усмехнулся про себя: женщина всегда верна своей нелепой природе, как бы высоко не вознесла ее судьба. Играть с огнем только из желания потешить гордыню, поставить на своем! Разве Белит не понимает, что пламя пожрет все вокруг, что слепая ярость опьяняет и сводит с ума и драка может перейти в бунт? Владычица бросает вызов. Уверена, что ей одной под силу справиться с этим сбродом. Ладно, поглядим, чья возьмет.

Забияки опешили, когда в разноголосый хор вмешался негромкий, но властный голос чужака:

— Чего волите?

— Как чего? — возмутился один из тех, кто посчитал себя обойденным. — Ублюдок хочет наложить лапу на обеих девок!

Пираты снова загомонили, но уже без прежнего воодушевления.

— Столько шума из-за потаскух? Киньте кости. Победитель получит сразу двоих на всю ночь.

Как ни странно, первым предложение киммерийца подхватил сам виновник склоки. Этого Конан не ожидал. С каких пор Окуджи стал таким покладистым? Испугался, что не совладает со всей сворой? Или имеет тайный расчет?

Один из спорщиков достал из-за пояса кожаный мешочек и вытряхнул из него два костяных кубика, на гранях которых были вырезаны символы. Как успел узнать киммериец, самое низкое достоинство имел значок в виде косой черточки, условно изображавший комариное жало, за ним следовали два кружка — глаза лягушки, волна — тело змеи, что-то вроде лука без тетивы — крылья орла, точка, ощетинившаяся лучами, — грива льва и, наконец, полумесяц — бивень слона. Лягушка пожирает комара, но, в свою очередь, служит пищей змее, а та бессильна в когтях орла. Орел не может тянуться со львом, однако нет никого страшнее разъяренного слона.

Кушит бросил кубики и скривился: выпали «комар» и «змея». Окуджи расплылся в злорадной улыбке, сгреб kostи, ловко метнул и обвел соперников ликующим взглядом:

— Два «слона».

Когда чернокожий великан выиграл пять раз подряд, Конан накムрился: подозрительное везение. Правда, дерзкому кушиту не всегда удавалось выбросить двух «слонов». Киммериец не спускал глаз с руки Окуджи и, внимательно понаблюдав за чернокожим, довольно усмехнулся. Хитрец мог провести своих простодушных сородичей, но не человека, который не раз спускал за игрой награбленное в таверне Абулетеса, в самом воровском квартале легендарного Города Воров. У Абулетеса собирались прожженные мошенники. Один из них, редкий прохода, испробовал свое искусство на киммерийце. Должно быть, бедняга чем-то прогневал Бела, покровителя воров и торгашей. Конан пощекотал ему ребра кинжалом и остался доволен результатом: он не только вернул проигранное, но и почерпнул из беседы кое-что полезное.

Раскаявшийся поведал без утайки, как через крошечное отверстие влить внутрь кубика расплавленный свинец, чтобы при некотором навыке кубик всегда падал на утяжеленную грань. Очевидно, этой уловкой и воспользовался Окуджи. Перед броском он ловко подменял обычные kostи кубиками со свинцовой начинкой, которые заранее припрятывал в ладони и придерживал мизинцем и безымянным пальцем. Метнув кубики, он подбирал их и сам подавал очередному противнику. Кушиты побаивались Окуджи, и тому ничего не стоило навязать им свои условия игры. Если сомнения и закрадывались в головы проигравших, они предпочитали держать их при себе. «Счастливчик» быстро разделался со всеми желающими попытать удачи — некоторые пираты не стали даже пробовать, заведомо посчитав это делом безнадежным.

— Сыграй со мной, — предложил, к удивлению всех, Конан.

Окуджи насупился:

— А что скажет владычица?

— Не твоя забота. Боишься проиграть?

Чернокожий протянул кубики киммерийцу, но тот покачал головой:

— После тебя.

Бросок. Кости стукнулись о дерево. Один кубик сразу замер, а другой пару раз повернулся и только тогда застыл на месте. «Лев» и «слон». Окуджи подобрал кубики и протянул Конану. Варвар подставил левую ладонь, а потом, подкинув kostи, поймал их правой. Он взорвал глаза к небу и, напустив на себя постную мину, загнусавил на манер базарных попрошайек:

— Молю тебя, Светозарный, и вас, Светлые Боги, не обойдите милостью жалкого червя, пресмыкающегося в пыли! Пошли удачу несчастному горемыке!

— Бросай! — рявкнул Окуджи.

— Чего дергаешься? — притворно удивился Конан. — Ты, считай, выиграл. — Он поднес kostи ко рту и поплевал на них: — Это на счастье...

— Да бросай же!

Рука варвара зависла в воздухе, пальцы разжались и выпустили kostи. Кубик, выпавший первым, остановился почти сразу. Из груди зрителей вылетел вздох. «Слон»! Все взгляды перекинулись на второй кубик, который, словно испытывая терпение игроков, подскочил, упал на ребро, а потом долго кружился.

— Боги услышали мои молитвы, — елейным голосом объявил Конан.

Окуджи открыл рот, намереваясь что-то возразить, но умолк и только сверлил врага взглядом. А киммериец так и лучился дружелюбием и детской наивностью. Кушит, несомненно, понял, что противник повторил его трюк, но не мог разоблачить его, небросив тени на себя.

Встревая в игру, Конан просто хотел наказать обманщика. Он как-то забыл, что поставлено на кон, и вспомнил об этом, только когда пыщнотелая бритунка плюхнулась к нему на колени и, обмакнув пальчик в кубок, из которого пил варвар, по-кошачьи слизнула красные

капли. Голубенькие глазки мазанули по лицу Конана похотливым взглядом.

В прежние времена киммериец охотно приголубил бы пухленькую милашку, не обойдя вниманием и смуглую танцовщицу. Но то было прежде. И все же он не спешил спихнуть с колен бритунку. Неожиданно для себя варвар поразил одной стрелой две цели — щелкнул по носу наглеца и хотя бы на одну ночь вырвал девушек из лап насильников. Если сейчас пираты поймут, что добыча ему не нужна, дежур начнется сзынова.

Конан ломал голову над тем, как выбраться из ловушки, которую сам себе подстроил. Он терпеливо сносил ласки, которые расточали ему обе рабыни. Кушиты отпускали соленые шутки. Они откровенно завидовали чужаку, но тешились тем, что тот проучил Окуджи.

И вдруг Бренна с испуганным писком шмыгнула за спину Конана. Пираты странно притихли. Киммериец поднял глаза. В двух шагах от него стояла Белит. Глаза ее метали молнии, смуглая рука уже занесла для удара стальное лезвие. Варвар ощущил жаркие толчки крови и вопреки здравому смыслу захотел стиснуть гневную смуглянку в объятиях — так ослепительна она была в ярости. Но вместо этого он только обронил:

— Решила кого-нибудь зарезать? Так не тяни. Рука дрогнет.

Белит резко развернулась и неистовым броском послала нож вперед. Сила ее ненависти глубоко вогнала лезвие в каменно-твёрдую мачту.

— Тебе бы на ярмарках выступать,— крикнул вдогонку киммериец.

Кушиты молчали, выжидательно поглядывая на Конана. Оскорбление, нанесенное владычице, задевало их честь. Но каждый из чернокожих, как ни крути, принадлежал к сильному полу и против воли восхищался тем, как ловко чужак укротил забешенную женщину. Белит сама сыграла на руку варвару, обнаружив ревность — чувство, простительное для обычных людей, но не для тех, кого всеобщее поклонение окружило ореолом исключительности.

— Вы что, языки проглотили? — гаркнул Конан.— Почему мой кубок пуст? Клянусь Кромом, на Серых Равнинах и то веселей, чем здесь. Пусть стигийская шлюшка спляшет для нас.

Танцовщица робко выскользнула из-за спин кушитов и, бросив опасливый взгляд в сторону палатки, куда удалилась Белит, начала извивать стан и кружиться. Но танец не ладился, движения выходили скованными, смуглое лицо потемнело от страха.

— Пляски Смерти,— вздохнул киммериец.— Прямо душу леденит.

— А ты подогрей девку кнутом,— посоветовал кто-то.— Глядишь, оживет.

— Эй, Конан, когда же ты приласкаешь красоток? Они заждались.

— Слушай, поделись с нами! Зачем тебе одному столько?

— Оставьте в покое киммерийца! Госпожа нагнала на него страху.

Варвар скрипнул зубами от досады. Это отродье Нергала не отважется. Что бы придумать?

У ног Конана съежилась в комочек Бренна. Шелковое одеяние бритунки было измято, забрызгано кровью и разодрано на груди. Пальцы девушки судорожно стискивали рваные края ткани, но те немного расходились, приоткрывая нежную кожу, сквозь которую просвечивали голубые жилки. Девчонка недурна, вынужден был признать Конан. Вот только небольшое красное пятно на левой груди, вроде отпечатка крошечной короткопалой ладони. Пятно... А что, если...

— Вина! — взревел варвар.— Мне и этой милашке! Пейте, гнилые утробы!

Осмелевшая Бренна снова устроилась на коленях великаны.

— Эй, киммериец, оставь и нам немножко. Мы тоже любим сладкое! — гоготали пираты.

— Только не этой ночью,— ослабился Конан.— Но я не жадный. А ну, красотка, покажи нам, что ты прячешь! — И он содрал шелк с плеч девушки, обнажив полную грудь.

Варвар уставился на пятно с таким видом, словно разглядел его только сейчас.

— Кром! — воскликнул он и, вскочив, оттолкнул от себя Бренну.

Кушиты недоуменно переглядывались.

— Может, он умом тронулся от счастья? — предположил кто-то.

— Это знак! — произнес Конан свистящим шепотом, округлив глаза и тыча пальцем в небо.

— Чего он там несет?

— Девушка посвящена Виккане, — вдохновенно врал киммериец. — Ее жрицы должны хранить целомудрие.

— Что-то я не слышал про такую богиню, — вмешался какой-то маловер.

— А как ты, дермо шакалье, мог о ней слышать, если Виккане поклоняются только на севере, в Бритунии?

— Ну, мы-то на юге... К тому же перчик уже надкусили.

— Вот-вот... Видел, что случилось с толстяком, осквернившим тело жрицы? Он навлек на себя гнев богини.

Конан чувствовал, что чернокожие головорезы не слишком-то верят его второпях сочиненной байке. Как убедить их? Н'Гона! Ну конечно! Как он забыл про старика.

— Не верите мне — спросите колдуна, — заявил варвар.

Позвали престарелого Знахаря, который ухаживал за ранеными. Киммериец давно подметил, что Н'Гона мягкосердечен и неглуп. Старик пожалеет девушек и поддержит игру.

Конан повторил все слово в слово колдуну. Тот выслушал его с важным видом, а затем изрек:

— Мне не ведомы северные божества, но если на деве лежит Священная Печать, я это почувствую.

Старец подошел к дрожащей бритунке и начал водить ладонью над пятном. Для пущей важности он прикрыл веселые плутоватые глаза и забубнил что-то. Кушиты следили за ритуалом жадно, как любопытные дети, затаив дыхание и разинув рты.

— Я чувствую жар Божественной Искры, — вынес вердикт Н'Гона. — И если какой-нибудь тупой сын обезьяны попробует ломиться в Священные Врата, его таран станет трухлявым, его боевой клинок съест ржа. Все ясно, вместилища порока?

— А как же стигийская змейка? — осведомился тот же недоверчивый голос.

— Она долго была рядом с Избранницей. И заклятие перешло и на нее, — важно пояснил колдун.

Пираты застонали от разочарования.

— И не вздумайте выкинуть Носящих Печать в море! — Проницательный старец легко угадывал мысли, тяжело копошащиеся в головах его подопечных. — Только еще больше прогневаете богиню.

Конан перевел дух. Кажется, старый хитрец преуспел, судя по унылым физиономиям. Знахарь заговорщики подмигнули варвару и, шаркая ногами, побрел назад к раненым. Киммериец и не подозревал, что скоро незатейливая выдумка обернется против него.

Ты вскормлена скорбью
И местью сыта.
Как пламень, пылает
Твоя красота.
Сей огонь занялся
От пожара в крови,
Что бешено алчет
Войны и любви.

Песнь о Белит

Глава третья

Под алыми сводами щатра на мягкой пятнистой шкуре сидела Королева Черного Побережья. Смуглые руки обхватили согнутые колени, в которые Белит уткнулась лбом. Черная волна кудрей отхлынула на грудь, и видно было, что плечи вздрогивают. Владычица плакала, горько и безутешно, словно ребенок. Она редко позволяла себе такую роскошь, как слезы, потому что судьба рано отняла у нее право на слабость.

Белит родилась в Шеме, небольшой, но процветающей стране, благополучие которой зиждилось на предприимчивости и трудолюбии народа, удачливого в торговле и искусного в ремеслах. Появлению девочки на свет предшествовало зловещее предзнаменование. Неизвестно, как в домашнее святилище, где стояли медные идолы — статуэтки Иштар, Адониса и других почитаемых шемитами богов, заползла большая змея, воплощение ужасного Сета. Перепуганная мать Белит разрешилась от бремени раньше срока. Вспоминая об этом, отец, человек умный и веселый, говорил: «Ты, дочь моя, никогда не отличалась терпением». Обеспокоенная роженица потребовала призвать жриц благостной Иштар, чтобы они истолковали знамение

и отвели зло. Но мудрые служительницы богини не смогли утешить бедную женщину, ибо никто не в силах изменить предназначения небес. Белит была предсказана яркая, но короткая жизнь, подобная огненному росчерку падучей звезды.

Суровый приговор провидения привел в трепет мать Белит, и та тщетно старалась оберегать свое упрямое и своенравное дитя. Однако сама девочка видела в пророчестве обещание необыкновенной, сказочной части. Она всегда завидовала брату, которого никто не пытался удержать под крылом, и сильнее всего была привязана к отцу, умевшему снисходительной мягкостью усмирять ее порывы. Повинуясь этой мудрой и ненавязчивой воле, она соединила свою жизнь с человеком, которого избрал ей в мужа отец, и дала жизнь ребенку. Замужество почти ничего не изменило в тихой, размеренной жизни Белит. Она питала к своему супругу искреннюю и теплую привязанность, но пламя страсти еще только занималось в ней.

Отец по-прежнему направлял судьбу Белит. И когда он собрался переехать из Шема на Черное Побережье, дочь с мужем последовали за ним. На новом месте семья Белит, как и раньше, жила в покое и достатке, окруженная всеобщим почтанием. Иногда юная женщина спрашивала себя, когда же начнется наконец обещанная ей необыкновенная жизнь. Позже она корила себя за это, мучаясь сознанием того, что безрассудные, дерзкие жалобы навлекли несчастье.

В один день Белит лишилась родителей, мужа и ребенка, которые погибли от рук стигийцев. Ее разлучили с братом и угнали в рабство. И здесь обрывается рассказ о беспечной юной мечтательнице и берет начало повествование о Королеве Черного Побережья.

Белит вырвалась из плена, и мщение змеепоклонникам стало для нее целью и смыслом жизни. Она бежала на Черное Побережье, туда, где все еще помнили и чтили ее семью, снарядила галеру и набрала команду из чернокожих воинов племени суба. С тех пор «Тигрица» стала ужасом, который неотступно преследовал тех, чьей жизнью управлял Великий Змей.

Со временем, когда жажда мести поутихла, Белит вошла во вкус вольной морской жизни и уже не мыслила для себя иного жребия. В этой новой жизни одно оставалось незыблемым: никто из окружавших владычицу мужчин не смел даже мечтать о любви смуглой красавицы, соблазнительной, как сама божественная Деркето. Одни видели в целомудрии Белит залог удачи, которая неизменно сопутствовала ей. Другие — решение хранить верность умершему. Сама же владычица постигла истину только в тот миг, когда увидела на палубе захваченного аргосского судна неистового гиганта в сверкающих доспехах. Лишь для него всегда билось ее сердце.

Но и цветочный венец таит в себе тернии. Обретение рождает страх утраты. Белит, уже потерявшую однажды всех, кого она любила, этот страх терзал, как злобный демон. И она была готова сразиться за возлюбленного с целям светом, с самим Повелителем Серых Равнин. Но не смерть считала прекрасная шемитка своей главной соперницей, а бесконечно изменчивую жизнь, которая манил и искущает беспокойный человеческий дух все новыми соблазнами.

Хотя Конан не проронил ни слова о своих прошлых привязанностях, Белит понимала, что в его бурной жизни было много женщин и ни одна не смогла удержать киммерийца возле себя. Но, может быть, его непостоянство объяснялось только тем, что он еще не встретил единственную из всех? Наблюдая за возлюбленным, Белит пыталась вообразить эту женщину, мучила себя догадками. Почему-то ей представлялось, что рожденному на далеком севере должны нравиться белокожие и светловолосые скромницы с вечно потупленными голубыми очами, то есть полная противоположность ей самой. Белокурая Бренна поэтому мнилась куда более опасной, нежели смуглая Амирис, сколь ни глубока была ненависть шемитки ко всем рожденным на берегах мрачного Стикса.

Соленые капли, сбегавшие по лицу Белит, не были слезами раскаяния. Шемитка, не задумываясь, предприняла бы новую попытку избавиться от Бренны, которая бесстыд-

но льнула к Конану. Гордая красавица страдала от унижения, от того, что не смогла скрыть ревности, а потом не довела месть до конца. И все смеялись: киммериец — открыто, остальные — втихомолку, про себя. Белит не знала, как показаться теперь на глаза людям, чтившим в ней надменную и неприступную Королеву Черного Побережья.

Реальность напомнила о себе самым странным способом: что-то влажное и теплое коснулось стопы шемитки. Белит вскинула голову. Опухшие от слез веки помешали ей сразу узнать человека, который взял на себя смелость нарушить уединение владычицы. Наконец она разглядела в красноватом полумраке коленопреклоненную Амирис.

— Убирайся! — глухим после сдавленных рыданий голосом приказала шемитка.

— Не гони меня, госпожа! — тихо, но настойчиво попросила танцовщица.— Я могу оказаться очень полезной.— Не поднимаясь с колен, она подползла ближе к повелительнице.

— Какая может быть польза от стигийской дряни? — сердито отозвалась Белит.— Убирайся, пока цела!

Но прогнать Амирис оказалось не так-то просто. Льстиво улыбаясь, она продолжала:

— Я знаю, как избавить тебя от бритунки.

Владычица презрительно вскинула бровь:

— Невелика сложность. Любой из моих людей справится с этим.

— А что скажет господин? Он трижды вступался за Бренну и будет разгневан.— Заискивающий и одновременно нагловатый взгляд Амирис как будто пытался проникнуть в мысли шемитки.— Эта беловолосая тихоня очень хитра. Она легко обводит мужчин вокруг пальца — хнычет, прикидывается овечкой. Я-то хорошо изучила ее подлый нрав. И Бренна, и господин — оба с севера. Мы для них чужие. Сначала ему будет просто приятно поговорить с бритункой о родных краях, а потом она глубоко запустит когти в его сердце. Мужчины легковерыны.

Белит уже не находила в себе сил остановить поток злоречия. Яд, который по капле вливалась стигийская змей-

ка, проник в душу. Помимо воли шемитка жадно ловила каждое слово.

— Погляди на это! — На узкой ладони поблескивал крошечный шарик.— С виду жемчужина, правда? Но если бусинку растворить в кубке с вином, испивший из него зачнет. Не будет ни боли, ни корчей, которые обычно вызывает отрава. Никто ничего не заподозрит. Смерть Бренны припишут лихорадке. Бритунка привыкла доверять мне, и будет проще простого напоить ее зельем.

Обманутая молчанием госпожи, Амирис подобралась к ней так близко, что могла ясно видеть золотые искорки в карих глазах шемитки и биение голубой жилки на виске. Неожиданно Белит запустила пальцы в копну смоляных волос рабыни и, намотав на руку пучок скользких от благовонного масла прядей, вцепилась в него так, что танцовщица вскрикнула. Взгляд повелительницы опалил яростью запрокинувтое лицо Амирис.

— Я не убиваю исподтишка, как вы, поганые змееподобные.— Зубы Белит сверкнули в улыбке.— Мне ничего не стоит прямо сейчас перерезать тебе глотку.

— О нет, госпожа! Пощади! Вели меня высечь за дерзость. Я дам тебе приворотное зелье. Он не посмотрит больше ни на одну женщину. Я знаю, как составлять притирания и мази, которые сберегают свежесть кожи и блеск волос. Ты не пожалеешь...

— Ползи, змея! — пренебрежительно бросила шемитка, разжав руку, чтобы с нее соскользнули жирные кольца волос невольницы.— И не попадайся мне на глаза! Не то раздавлю.

Амирис, неуклюже пятясь, выползла из шатра, но приторный запах масла, которое Белит безуспешно пыталась стереть с руки, по-прежнему напоминал о ней, заставляя содрогаться от омерзения, бередил рану.

Кто-то отогнул шелковый полог и впустил внутрь свежее дыхание океана и солнечный свет. Шемитка подняла глаза и едва не задохнулась от ярости.

— Прочь, ублюдок! — крикнула она.— Поганый пес! Блудливая обезьяна! Ненавижу тебя!

Красавица схватила первое, что подвернулось под руку — рогатый асирский шлем — и запустила им в незваного гостя. Но Конан еще не успел снять доспехи и потому не потрудился даже уклоняться от удара. Вместо этого он расхохотался:

— Белит, сердце мое, ты сегодня не в духе.

Шемитка стиснула кулаком и ударила им по колену. Больше всего она боялась, что киммериец заметит, как опухли веки. Глупо и унижительно проливать слезы из-за истукана, который предпочел ей ничтожную шлюху.

— Почему только я не зарезала тебя! — прошипела гневная смугл янка.

— Так из-за этого столько слез? Не стоило расстраиваться. Ты все-таки попыталась. А потом чуть не снесла мачту, — шептал киммериец, придвигаясь поближе, что требовало известной ловкости: шатер был низким, и рослому варвару пришлось согнуться в три погибели.

— Зачем ты явился? — бормотала Белит слабеющим голосом.— Мало показалось моего позора? И не воображай, что я плакала из-за тебя.

— Все женщины — ужасные лгуньи, — тихо проговорил великан, опускаясь на колени подле возлюбленной и гладя пальцем ее упрямый подбородок.— Особенно красавицы. Ты мне нравишься даже такой, как сейчас — с опухшим носиком и красными веками.

Последнее замечание было крупным просчетом. Белит сначала вонзила зубы в дерзкий палец, а потом, пользуясь недолгим замешательством киммерийца, который с криком отдернул руку, изо всех сил оттолкнула его. Варвар пошатнулся, но тут же ловко поймал запястья прекрасной противницы, опрокинул ее на бархатистый мех и слегка придавил своим телом.

— Грубый дикарь... Чурбан киммерийский, — протянул томный голос, как только губы любовников разомкнулись.— Ты переломал мне ребра этим железом.

— Так в чем же дело? Освободи меня от него, — невозмутимо отозвался Конан.— Ты так нетерпелива, любовь моя, что не дала даже снять доспехи.

Ловкие пальцы быстро развязали кожаные ремешки. Вогнутые пластины из вороненой стали были отброшены туда, где валялся шлем. За ними последовал пояс с ножна-ми. На темные доски легла короткая льняная туника. Время слез и споров кончилось.

— Мне нравятся такие ссоры,— заметил киммериец ленивым, сытым голосом некоторое время спустя.— Ты превзошла себя, моя тигрица...

Последние слова потонули в чудовищном грохоте. Впечатление было такое, что небо лопнуло. Конан подскочил, словно его подбросило пружиной, и вылетел наружу.

Навстречу ему по узкому проходу бежали люди. Гребцы повскакали с мест, забыв о веслах.

— Это все он! — вопил, потрясая ножом, Окуджи, который несся впереди всех.— Он нарушил запрет госпожи! Он вызвал кару богов! Смерть чужаку!

— Смерть! — вторил ему нестройный хор.

Рука Конана машинально скользнула к поясу. Кром! Меч остался в шатре, и уже нет времени кинуться за ним. Этой образине только того и надо. Стоит повернуться спиной — и получишь удар под лопатку.

Варвар надменно выпрямился и застыл, ожидая нападения. Даже безоружный и нагой, он был так грозен, что кушиты, которых увлек за собой смутьян, остановились и замерли, предоставив самозваному предводителю расправиться с киммерийцем. Окуджи уже ничто не могло удержать. Давно копившаяся злоба рвалась наружу с тем же неистовством, с каким раскаленная лава выплеснулась из жерла вулкана, который взорвался где-то в океанских глубинах и породил чудовищный гул.

Чернокожий бросился на врага. Конан быстро переместился чуть левее и шагнул навстречу противнику, выбросив вперед согнутую в локте левую руку. Предплечья — белое и черное — скрестились. Правая рука варвара мгновенно проскользнула под левую у кисти и обвилась вокруг лапищи кушита со смертоносным лезвием, поймав ее в капкан. От жесткого захвата, едва не сломавшего кость, пальцы чернокожего непроизвольно разжались и выронили

нож. Толчок, подножка — и Окуджи рухнул на спину. Железное колено варвара вошло в печень врага и, казалось, вышибло из него дух. Киммериец тем не менее решил не искушать судьбу. Ухватив голову кушита двумя руками, он крутанул ее так, что позвонки хрустнули — это сломалась шея.

Победитель медленно поднялся и шагнул к пиратам, которые сгрудились в проходе. Стоявшие ближе всего начали пятиться в испуге, но их не пускали топтавшиеся сзади.

— Конан, смотри! — раздался за спиной киммерийца тревожный окрик Белит.

Варвар повернул голову. Шемитка указывала на небо. Драка была мгновенно забыта. Глаза всех, кто находился на палубе галеры, обратились к горизонту. Оттуда наплы- вала черная целена. В считанные мгновения она затянула полнеба, поглотив солнце. Лишь иногда светило показыва- лось в редких просветах, но диск его стал голубым. Налетел шквалистый ветер.

Не дожидаясь приказа, кушиты рванулись к мачте, которая угрожающе скрипела. Полотнище паруса стянули вниз, мачту опустили. Однако безжалостная стихия не дала людям времени на долгие приготовления.

С той стороны, откуда пришла тьма, надвигалась стена воды. Волны ужаса пролетели над палубой галеры. Мгновение — и волна накрыла судно. Она разбросала Конана и Белит в разные стороны. Киммериец успел ухватиться за борт. Но, видно, дерево треснуло под страшным ударом. И варвара, ослепленного и оглушенного водой, поволокло куда-то прочь от «Тигрицы».

*К пределам безвестным повлек его рок
И выкинул тело на мокрый песок.
«Живи», — отступая, шепнула волна.
И смертная спала с очей пелена.*

Песня аргосских моряков

Глава четвертая

Конан проснулся оттого, что голова, налитая свинцовой тяжестью, нестерпимо болела, в глотке саднило от сухости, а рот наполнился вязкой густой слюной, горько-соленой на вкус. Киммериец попробовал разлепить веки, но тут же сомкнул их — яркий свет обжег глаза. Что это с ним? Может, перебрал вчера вина? И где Белит? Неужели все еще зла из-за белокурой шлюшки, которая плюхнулась к нему на колени? Видит Кром, он не виноват, что девки так и липнут.

— Белит! — хрюпло простонал варвар.

Вот злопамятная кошка! Могла бы, по крайней мере, хоть воды холодной поднести в память о жарких ночах. Так нет же, теперь будет дуться и фыркать целый день.

— Эй, кто-нибудь! Н'Гона! — прохрипел мученик. — Воды, да поживее! Нергал их побери, никого не дозвовешься. Придется вставать. Что за сброд, блевотина Нергала... Вырезать печень первому, кто подвернется под руку, — вот чего они заслуживают.

Киммериец открыл глаза и с трудом повернул голову. Кром, что это?! У ног лениво плескалась вода, поодаль чернели скалы. Конан приподнялся на локтях, неловко сел и огляделся. И слева, и справа, и за спиной — нагромождения камня, замыкающие кольцом небольшую лагуну. Вдоль кромки воды ослепительно сверкают на солнце россыпи мелких белых кристаллов. Сроду он не видел такого песка,

уж слишком крупный. Конан набрал пригоршню кристаллов и поднес поближе к лицу. Внезапно его осенило: солы! Кушиты рассказывали, что на островах есть заливы, где солнце выпаривает из воды целые груды соли, и счастлив тот, кто наткнется на такое место, потому что соль всегда в большой цене. И вот он сидит, можно сказать, на грудах сокровищ, а что толку? Все бы их отдал сейчас за глоток пресной воды.

Окончательно прия в себя, Конан вспомнил события минувшего дня: захват купеческого судна, игру в кости, примирение с Белит, драку, смывшую его чудовищную волну и то, как он барабатился в воде, цепляясь за обломок борта. Все последующее ускользало из сознания. Цела ли «Тигрица»? Что стало с Белит, с командой? Неужели только он спасся? Гадать бесполезно. Сначала надо разобраться, куда его занесло, найти пресную воду, если повезет. Потом можно поискать обломки галеры и тех, кому удалось, как он надеялся, обмануть смерть.

Размышления киммерийца оборвал посторонний звук. Соль осыпалась с шуршанием под чьими-то ногами. Конан обернулся. За его спиной стоял человек, невысокий, худой, с желтой кожей и прямыми черными волосами. Пришелец был почти наг, если не считать узкой полоски белой ткани на бедрах. В руках он держал корзину, плетенную из желтой соломки, и что-то вроде совка.

Варвар поднялся и изобразил подобие улыбки, что стоило ему большого труда. Каждое движение лицевых мускулов отдавалось вспышкой боли в голове.

— Мир тебе, — пробормотал он.

Желтое широкоскулое лицо с узкими прорезями глаз оставалось неподвижным, как маска.

Конан повторил приветствие по-кхитайски, предположив, что желтолицый может быть невольником, вывезенным с далекого Востока, но тот, к кому он обращался, по-прежнему сохранял равнодушное молчание. Пришелец присел на корточки и стал наполнять солью корзину.

Киммерийца так и подмывало гаркнуть на молчуна или встряхнуть его хорошенько, чтобы добиться хоть

какого-нибудь ответа, но это было бы неблагоразумно: поблизости могли находиться другие люди, возможно вооруженные.

Между тем желтолицый засыпал корзину доверху, водрузил ее на голову и, ни слова не говоря, стал карабкаться вверх по скалам с проворством горного козла.

— Эй, ты куда? — рявкнул Конан, но человек даже не обернулся. Оставалось одно — следовать за ним.

Сначала тропинка, по которой невозмутимо шествовал желтолицый, не удостаивая варвара даже взглядом, шла через царство бесплодного камня. Потом стали появляться одинокие кустарники, за ними — рощицы сосен, широко раскинувших зонтики ветвей. Низкий подлесок постепенно густел. Впереди встал тенистый дубовый лес. Тропинка нырнула в него. Едва не наступая на пятки молчуну, киммериец следом за ним перешел вброд холодный быстрый ручей и очутился в окружении олив, которые приветствовали его нежным шелестом узких серебристых листвьев. Поглощенный преследованием, Конан не спускал глаз с кхитайца и чуть не споткнулся, когда за спиной его негромкий голос произнес:

— Куда ты так торопишься, незнакомец?

Варвар замер и бросил взгляд через плечо. Между деревьев стоял высокий худощавый человек в белой хламиде. От неожиданности Конан нашелся не сразу:

— Я... Я хотел узнать, где оказался. Меня выкинула сюда буря. А этот желтолицый бол... человек то ли глух, то ли...

— Он мой слуга,— прервал человек в белом.— И я приношу извинения за нелюбезный прием. Окажи мне честь и будь гостем в моем доме.— Человек приложил руку к сердцу и слегка склонил голову.

Приятно удивленный, Конан поспешил с ответом:

— Ты очень добр. Но я...— Варвар окинул себя взглядом. Нагота никогда не смущала его, но рядом с незнакомцем, тело которого терялось в струящихся складках снежной ткани, он чувствовал себя нелепо.— Ты не боишься предлагать кров и пищу чужаку? — добавил

киммериец и подумал: «Дом — это недурно, клянусь глязом Эрлика! Особенно если там найдется вино и добрый кусок мяса».

— Я неплохо разбираюсь в людях. Можно даже сказать, вижу их насквозь.

— Ты — маг?

— Отчасти. Но не настолько искусный, чтобы угадать твоё имя и сказать, откуда ты родом.

— Я — Конан-киммериец.

— Что ж, мне всегда было по душе племя бесстрашных горцев, хоть их и почтят варварами. Сам я из Гандерланда. Ты можешь называть меня Симплициус, что означает Простой, но вовсе не Простак, как некоторые воображают.

— Странное имя для мудреца. И для уроженца Гандерланда тоже. У гандеров имена короткие и резкие, как удар меча. Разве не так?

Симплициус улыбнулся:

— Это лишь одно из многих имен, которые я успел сменить. Память о времени, проведенном в Офире. Чудесный край... Тебе доводилось бывать там?

— Да, я служил в Офире наемником. Богатая страна.

— Вот-вот... Офиры живут в роскоши, а мои привычки куда скромнее. Отсюда и прозвище. Так ты родился в северных горах, повидал Офир, теперь объявился здесь, на юге. Тебе, видно, не сидится на месте?

— Я не из тех, кто пускает корни. Бродяга.

— Значит, тебе есть что порассказать отшельнику. Я тут уже не только пустил корни, но и успел мхом порости. Однако преступно злоупотреблять терпением гостя. Ты едва на ногах стоишь от усталости.

— Признаться, буря меня слегка потрепала.

— Так что же мы медлим?

Шагая рядом с Симплициусом, который на вид был примерно на десяток лет старше Конана, варвар исподтишка разглядывал спутника. Высокий, худой, даже костлявый, но жилистый. Можно поспорить, силой не обижен. Длинные светлые волосы на затылке заплетены в косу. Острай

бородка. Глаз почти не видно — веки постоянно полуопущены, прячут взгляд. Странное лицо. Тонкие губы изгибаются в улыбке, а глаза бегают. Но это еще ни о чем не говорит. Кхитайцы, например, считают верхом неприличия смотреть собеседнику прямо в глаза.

Тяготясь затянувшимся молчанием, Конан спросил:

— Ты давно на острове, благородный Симплициус?

Его спутник рассмеялся, обнажив великолепные белые зубы, несколько острые.

— Нет-нет, не зови меня благородным. Я происхожу из низкого сословия. Мой родитель ковырял сохой землю.

— Как же ты приобщился к Сокровенному?

— Волею слепого случая. Видишь ли, моя матушка была очень плодовита, зато наши поля родили лишь сорную траву. Десять ртов, а кормить нечем. Все скулят. — Симплициус легко, словно юноша, перемахнул через широкую канаву и продолжал: — Как-то вечером, когда мои братья и сестры уже уснули, я не мог глаз сомкнуть от голода. Отец что-то внушал матери, та плакала. Наутро родитель повел нас в лес. Будто бы надрать сосновой коры, чтобы истолочь ее и напечь лепешек. — Гандер механически отломил на ходу ветку и повертел ее в тонких пальцах. — Я заподозрил неладное: уж очень он был ласков, хотя обычно раздавал тумаки направо и налево. По дороге я незаметно обрывал прутья на кустах — отмечал дорогу. Оказалось, не зря. Отец завел нас в чащу, а сам сбежал потихоньку, пока мы собирали кору. — Колдун надолго умолк, а потом снова заговорил, криво усмехаясь: — Ну и рожу он скорчил, когда мы вернулись. С тех пор не мог мне в глаза смотреть, вот и решил сбыть с рук, да подальше. Отдал в услужение колдуну. Надеялся, наверное, что я недолго протяну. Моего хозяина боялись больше смерти.

— Такой был страшный? — заинтересовался Конан, который много перевидел чародеев.

— Нет. Просто угрюмый нелюдим. Гнушался дураками.

— Какому богу ты служишь? Митре?

— Я не служу, — поморщился Симплициус. — Служат мне. Ну вот мы и пришли.

Действительно, впереди между деревьев белела круглая постройка, опоясанная изящной колоннадой.

— Мрамор? — удивился Конан. — Откуда? Здесь кругом один черный камень.

— Красиво, правда? — улыбнулся польщенный хозяин. — Ты правильно заметил. Это остров огнедышащих гор, которые спят до поры. Он весь сложен из застывшей лавы и пепла. А мрамор сюда, скорее всего, завезли. На месте дома были развалины храма. Я использовал этот камень для постройки.

— Постройки? Я-то решил, что ты сотворил дом из воздуха.

— Ты слишком высокого мнения о моем даре. Он не простирается так далеко. Но пойдем же!

Симплициус подвел гостя к массивным деревянным воротам, обитым медным листом, который горел на солнце. Конан остановился, чтобы разглядеть каменные изваяния, служившие основанием двух колонн по бокам от входа. Это были крылатые львы с человеческими головами, увенчанными коронами.

— Какое-то божество? — спросил он.

— Так, фантазии... Грезы о могуществе.

Пройдя под низким арочным сводом, хозяин и гость вступили во внутренний дворик, вымощенный разноцветной каменной плиткой. Посередине виднелся бассейн с мозаичным дном. Из пасти бронзового дельфина била пенистая сверкающая струя. Вдоль стены между проемами дверей стояли изящные скульптуры и керамические вазоны с мицтовыми деревцами. Мелкие белые цветы, усыпавшие пирамidalные стриженые кроны, распространяли тонкий аромат.

— Какое благоухание... Этот остров просто Сад Богов, — заметил Конан, стараясь быть любезным. — Ты говорил, что чураешься роскоши?

— Ну, может, я слегка слукавил, — сознался с улыбкой Симплициус. — Ты спрашивал, какому богу я служу... Я поклоняюсь только Красоте и Истине. Но об этом мы еще успеем поговорить за чашей вина. А сейчас тебе надо смыть

с себя морскую соль и усталость. Вода в бассейне особая. Ты сам почувствуешь. Головная боль сразу пройдет.

— Как ты узнал про боль?

— Врачевание — одно из любимейших моих занятий. Я в нем поднаторел, скажу без ложной скромности. У тебя лицо серое, зрачки сузились, и ты стараешься не шевелить головой. Боюсь, ты мог удариться о камни. Позволь мне опнуть голову!

Конан покорно нагнулся шею. Тонкие пальцы осторожно, но твердо исследовали поверхность черепа под волосами. В том месте, где они касались кожи, возникало легкое жжение и ощущалось покалывание.

— Я не нашел ни шишечек, ни ссадин. Сейчас станет легче. Вода же сделает остальное.

Варвар шагнул в бассейн. Вода была горячей, но не обжигала, а нежила тело. Облизав капли с губ, Конан отметил непривычный вкус. Серебристые пузырьки мгновенно облепили кожу. Бассейн был недостаточно большим и глубоким, чтобы плавать, поэтому киммериец сел на дно, привалился к стенке и со стоном блаженства откинулся голову. Он прикрыл глаза и расслабился. Это было не слишком осторожно, зато так приятно. Если бы Симплициус хотел прикончить его, давно бы уже попытался. Какой смысл тянуть с этим? Наслаждение напитало каждую клеточку тела. Боль исчезла, как обещал хозяин, вода ласкала тело, такая нежная, шелковистая, как женская кожа... Белит... Что с ней? Неужели она мертва?

Откуда-то потянуло запахом свежевыпеченного хлеба и жареного мяса. В животе у Конана заурчало, он ощутил свирепый голод и поднялся. Тотчас рядом возник слуга — огромный детина с угольной кожей — и накинул на плечи гостя кусок тонкого льняного полотна. Затем чернокожий расстелил на каменных плитах циновку и указал на нее варвару.

— Это еще зачем? — удивился тот.

— Ложись! Будет хорошо,— лаконично ответил гигант и, указав на два маленьких глиняных кувшинчика, прибавил: — Масло.

Конан предпочел бы поскорее утолить голод, но нехотя подчинился и лег на циновку, позволив умелым и сильным рукам умашать его тело. Он вынужден был признать не без досады, что испытывает удовольствие от того, как слуга разминает ноющие мышцы, вот только разить будет, как от наложницы, готовящейся принять своего господина.

— Может, достаточно? — пробурчал киммериец.— Мутит уже от этой вони. — Он вскочил и принял из рук слуги белую хламиду, вроде той, что была на Симплициусе.

Однако когда Конан оделся, ему пришлось вытерпеть еще одну пытку: он не смог отвертеться от услуг чернокожего, вознамерившегося во что бы то ни стало расчесать гребнем из слоновой кости спутанные волосы киммерийца. Проклятья, которыми сыпал варвар, нимало не смущали слугу. Он, верно, причесал бы и умастил даже львиную гриву, прикажи ему хозяин.

Наконец гостя препроводили в небольшую залу, где уже восседал за столом Симплициус. Конан с опаской оглядел предложенное ему изящное кресло. Не подломятся ли под его тяжестью гнутые резные ножки в виде когтистых лап?

— Садись, не бойся! — подбодрил гандер. — Оно прочнее, чем кажется. Или ты предпочитаешь вкушать пищу, сидя на коврах, как принято в землях, лежащих к востоку от моря Вилайет?

Конан осторожно опустился на сиденье и перевел дух, не услышав зловещего треска.

— Любой обычай хорош, было бы что вкушать,— ответил он, выразительно глядя на пустой стол.

— За этим дело не станет,— улыбнулся Симплициус и хлопнул в ладони.

На зов явился давешний чернокожий верзила с золотым подносом. Он поставил перед сотрапезниками кубки и наполнил их рубиновым вином из полупрозрачного нефритового кувшина.

Конан потягивал терпкое вино, изучая поднесенный ему причудливый сосуд. Это была большая спиральная раковина с золотым ободком, от которого сбегали три узорные накладки. Они соединяли раковину с ножкой — золотой

фигуркой обнаженной женщины. По мере того как кубок опорожнялся, все ярче проступала радужная игра перламутрового нутра раковины.

— Пришлось ли тебе по вкусу вино? — полюбопытствовал хозяин.

— Превосходное. Ты хоть и отшельник, но знаешь толк в вине. Разве маги не пьют одну лишь воду? Это аргосское или пуантенское?

— Вино здешнее, — ответил Симплициус не без самодовольства. — Я отвел пару кусков земли под виноградники. Дикая лоза отлично прижилась, хотя растет на слое пепла, выброшенного вулканом. — Он отпил из кубка и помолчал, смакуя вино. — На этом острове под землей затаился огонь, и, кажется, его жар передался виноградному соку.

— Огонь?

— Ну да. Здесь много горячих источников. В некоторых местах они бьют фонтаном. Вода, в которой ты искупался, тоже поднялась из раскаленных недр. Она целебна.

— Я успел это почувствовать.

— Что до отшельников, тут ты попал не в бровь, а в глаз. Я в жизни своей не ел мяса, но не смог побороть слабости к хмельному. В еде неприхотлив, а вот вино пью только отменное. Оно будоражит дух и подстегивает воображение, если знать меру, конечно. Я даже предписывал пить вино людям, которые страдают от немочи, порожденной недостатком крови.

— Бывает и такое?

— Чаше, чем ты думаешь. — Лицо хозяина приобрело назидательное выражение. — Наше тело питают четыре жизненных сока: красная кровь, которую рождает сердце, белая слизь, истекающая из мозга, желтая желчь, выбрасываемая печенью, и черная — из селезенки. Между ними должно быть равновесие. Избыток или недостаток служит причиной недуга.

Конан испугался, что Симплициус задумал попотчевать его плодами истины — пищей весьма полезной, но пресноватой. Однако велеречия хозяина прервало появление

ние слуг с золотыми блюдами, на которых дымились аппетитные куски мяса, лежали горы румяных лепешек и плодов.

— Сознайся, — проговорил с усмешкой гандер, — ты уже опасался, что должен будешь отведать сушеных кореньев или жареной саранчи.

— Такая мысль меня посещала. Мне доводилось делить трапезу с теми, кто съят мудростью. О подобном изобилии я и не мечтал.

— Было бы не слишком мудро морить тебя голодом из-за того, что мне довольно лепешки из жмыхов и горсти орехов.

— Воистину так, — подхватил киммериец, вонзая зубы в кусок сочного мяса. — Что это? Козлятина? — спросил он, пережевывая белые волокна, слишком крупные для птицы и чересчур нежные для плоти животных.

— Такого ты больше нигде не попробуешь, потому что кварры — так называют этих огромных птиц кушти — водятся только на здешних островах. Здоровенные твари — тебе по грудь. Ленивые, как дородные оффирские нобили. Не обременяют себя даже высиживанием яиц. Они сгребают в кучу горячий пепел и зарывают в него кладку. Получается что-то вроде могильного кургана высотой в два человеческих роста.

— Островитянам нет нужды растить скот.

— Никакой. К тому же можно охотиться на диких коз в горах или свиней — их предостаточно на болотах. Отведай этой рыбы. Ее живой выпустили в чан с вином, а когда она уснула, запекли на углях, завернув в листья.

Конана не нужно было долго упрашивать. Он отдал должное и пряной, тающей на языке рыбе, и маслянистым устрицам, поданным на раковинах, и жареным мучнистым бананам, и лепешкам с хрустящей корочкой, которые сотрапезники обмакивали в пахучий мед. Все эти яства были сдобрены изрядным количеством вина.

Омыв лоснящиеся пальцы в настой цветочных лепестков, киммериец вольготно расположился в кресле и заметил:

— Давно я так не ублажал свою утробу.

Его взгляд лениво скользнул по стенам, строгую белизну которых ничто не нарушало, по мозаичному полу. Только теперь, когда еда уже не занимала все его мысли, Конан заметил, что в зале нет окон и свет льется через отверстие в потолке. Затем внимание его переместилось на кубок, из которого пил Симплициус. Уловив направление взгляда гостя, гандер сказал:

— Тебя, кажется, заинтересовала эта вещица? — и пододвинул кубок поближе к варвару, чтобы тот мог изучить диковинку.

Когда Конан разглядел сосуд повнимательней, его пробрала дрожь омерзения. Вместо лищем рубиновой влаги служил желтый череп. В глазницах вспыхивали кровавым жаром рубины, зубы заменял двойной ряд жемчужин. Череп покоился на толстой золотой ножке.

— Не нравится? — удивился хозяин. — Уж не пугают ли тебя жители Серых Равнин?

— Я не боюсь никого и ничего, — отрезал киммериец. — Но от таких вещей еда просится наружу.

— Дело привычки.

— Зачем тебе это?

— Напоминает о том, что конец неизбежен и все мы ничтожны перед вечностью. У стигийцев есть один обычай: во время пира в зал вносят мумию, предостережение глупцам, которые ведут себя так, словно собираются житьечно.

— Ты подражаешь змеепоклонникам?

— Умный учится даже у врагов, — возразил Симплициус, пожав плечами. — Разве ты побрезгуешь перенять у противника хитрый выпад или обманный финг?

— Ладно, оставим споры, — брезгливо поморщился Конан. — Я не мастер плести словеса. За меня говорит меч.

— Это очевидно. Твое могучее тело само по себе совершенное орудие убийства. Не часто встретишь такой превосходный образчик человеческой породы.

Киммериец нахмурился. Сомнительные похвалы. Как будто он племенной жеребец или раб, выставленный на торги.

— Жемчуг недурен, — проговорил он, чтобы перевести разговор в другое русло.

— Ты прав, — с жаром подхватил Симплициус. — Мало кто сведущ в этом. Невежда гонится за необычным цветом. Готов выложить сколько угодно за черную или фиолетовую жемчужину. Спору нет, они прекрасны, равно как зеленые, розовые или коричневые. Но ничто не сравнится с серебристо-серыми, которые имеют розовый или голубой отлив. У них цвет не затмевает мягкого бархатистого блеска. И еще очень важно, чтобы на поверхности играло крохотное пятнышко света, как на стальном шарике. Да, только вендийские мастера и могли подобрать одна к одной такие жемчужины.

Конан почувствовал, что его убаюкивает мелодичное журчание голоса словоохотливого собеседника. Голова непроизвольно клонилась к груди. Но тут Симплициус, разгоряченный собственным красноречием, вскочил. Варвар вздрогнул и незаметно ущипнул себя за бедро, чтобы отогнать дремоту. Хозяин не замечал замешательства гостя и продолжал разглагольствовать, меряя шагами залу:

— В Айодхье мне показывали фигурки Асуры. Я подумал, что они вырезаны из перламутра, но способ оказался куда хитрее.

— Это любопытно, — попробовал встрять Конан, поняв, что Симплициус оседлал любимого конька и уймется нескоро, — но...

— Сначала фигурки отливают из свинца или олова, — продолжал неумолимый вития, — затем вылавливают в реке огромную двусторчатую раковину и помещают фигурку между створкой и телом моллюска.

Гандер сложил ладони раковиной, а потом развел их, как створки. Варвар покорно кивнул, решив мужественно держаться до конца.

— Раковину опускают в водоем и ждут. Проходит довольно много времени, но рано или поздно тусклый металл затягивается перламутром. Вот погляди!

По знаку Симплициуса слуга принес черную лаковую шкатулку с золотыми драконами и показал гостю пе-

реливчатую статуэтку, лежащую в черном бархатном гнезде.

— Она кажется такой живой и теплой, неправда ли? Но в ней таится тяжелое холодное ядро.

Конан искусно превратил зевок в восхищенное восклицание.

— Таковы и люди,— грозно изрек разошедшийся оратор,— даже самые лучшие. Встречаешь человека, и мнится, что он соединяет в себе все добродетели. Он ослепляет тебя блеском ума, пленяет мягкостью обхождения и благородством поступков. Но под всем этим прячется то же холодное серое ядро.

— И ты таков? — вставил киммериец, уловив наконец, к чему вела длинная речь.

— Я? Может быть, а может, нет. Возможно, я единственный, кто сумел снять заклятие, тяготеющее над человеческим родом. На это ушла вся жизнь,— патетически провозгласил Симплициус и заметил с запозданием, что у гостя скулы сводит от зевоты. Лицо гандера напряглось, однако он быстро спрятал обиду и заметил сухо: — Прости, я нагнал на тебя скучу. Это самое страшное из преступлений.

Конан поспешил подавил зевок и, чтобы сгладить неловкость, сказал, подражая манере собеседника:

— То, что ты поведал, очень поучительно, но меня, признаюсь, мучают черные мысли. Я думаю о судне, на котором плыл, и моих спутниках. Что, если их тоже выбросило на остров? Может, они нуждаются в помощи? Твои слуги не видели обломков на берегу, не встречали чужих людей?

— Мне бы уже донесли, но я пошлю справиться,— милостиво обронил маг, показывая всем видом, что прощает оплошность гостя.— Впрочем, остров велик. Западный берег очень крут, сплошные скалы. Восточный заболочен. Туда редко кто заглядывает.

Конан подумал, что надо побыстрее уносить ноги, пока источник красноречия не забил с новой силой.

— Я бы хотел отправиться на поиски прямо сейчас. Нет ли у тебя лодки, чтобы осмотреть побережье?

— Разумеется, я дам лодку, но только завтра. Сегодня ты уже не успеешь обогнуть остров,— ответил Симплициус, но, увидев, как разочарованно вытянулось лицо гостя, сжалился: — Если тревога мучит тебя, попробуй подняться в горы. Сверху видно многое.

Конан вскочил.

— Я, пожалуй, последую твоему совету, и немедленно. Только в этом одеянии,— он похлопал себя по бедрам,— будет не слишком удобно лазить по скалам.

— Принеси гостю одежду и клиники Мэн Чана,— приказал Симплициус слуге.

Довольно скоро киммериец, успевший сменить необъятное белое одеяние на короткие кожаные штаны и холщовую рубаху без рукавов, покинул дом гандера в сопровождении молчаливого кхитайца, который первым встретился ему на острове.

«Топор и веревка, огонь и вода
Не смогут мой век оборвать никогда.
И попусту тщился упрямый палач
Совлечь с меня вечности призрачный
плащ» —
Так молвил кудесник и вперил свой
взор
В сплетаемый роком незримый узор.

Сказание о мытарствах
одинокой души

Глава пятая

Роща и виноградники остались позади. Их сменил луг с пожухлой от зноя травой и редкими пятнами колючего кустарника. То и дело встречались озерца дымящейся воды. От одних тянуло смрадом тухлых яиц, дно других покрывал цветной налет, буро-красный, как ржавчина, или изумрудный.

На глаза Конану попался высокий холм, рыхлый, как копна перепревших листьев или куча сора. Вспомнив рассказ о гигантских птицах, варвар захотел поглядеть на гнездо поближе и направился к кургану.

Желтолицый молчальник пришел в ужасное волнение.
— Нельзя ходить! — закричал он и схватил киммерийца за руку. — Нельзя ходить! Кварр! Кварр сердиться!

Но Конан только отмахнулся: нашел чем испугать, все-таки какая-то птица. Он подошел к холму и принял с ребячным азартом разгребать пушистую теплую массу. Вскоре пальцы коснулись шероховатой твердой поверхности и начали расчищать ее. Варвар увлекся этим занятием, как мальчишка, и не обращал внимания на предостерегающие вопли кхитайца. Киммериец даже позлорадствовал в душе. Ишь, как надрывается! То из него слова не вытянешь, то вонит как

резаный. Конан повернул голову, чтобы послать Мэн Чану ехидную реплику, да так и застыл с разинутым ртом.

Прямо на разорителя гнезда неслась разъяренная птица. Она вытягивала красную голую шею и угрожающе клекотала. Сильные голенастые ноги так и мелькали. Киммериец расхохотался. Ну и уродина! Шар из бурых перьев на ходулях. А шея-то... Вот мерзость! Смахивает на разъевшегося земляного черва. Шипи, шипи! Варвар подобрал осколок камня и запустил им в птицу, та ловко увернулась и подскочила к обидчику. Стальной крючковатый клюв вонзился в голую икру человека и выдрал из нее кусок мяса. Конан взвыл от боли и схватил пернатую фурию за шею, однако шея оказалась жирной и скользкой, и киммерийцу не удалось удержать ее. Новый удар пришелся на бедро. Теперь варвар действовал предусмотрительней: она привалился спиной к рыхлой куче, набрал по пригоршне сора и только тогда схватил уродливую шею. Острый клюв уже не мог клевать тело врага, но Конану порядком досталось от мощных когтистых лап, пока он не свернул наконец голову птице.

— Ты храбро сражался, приятель, — признал киммериец. — Жаль, что пришлось придушить тебя. Ты защищал свое потомство. Но где же этот идол? Эй, ты, тварь бессловесная!

Из-за черного валуна неподалеку выглянула испуганная физиономия.

— Мог бы помочь, между прочим.
— Моя говорить. Ты не слушать. Кварр сердитый.
— «Моя говорить!» — передразнил Конан. — Ублюдок трусливый. А ну, помоги! У меня тут кровь хлещет. Шевелись, пока не выгрыз тебе печень!

Кхитаец сложил ладони у груди и мелко закивал.

— Моя ходить. Звать хозяин.

— Не надо хозяина. Солнце уже низко. Сам что-нибудь придумай!

Слуга снова закивал. Он робко приблизился к сердитому великану, которому едва доходил до середины груди, и закинул себе на плечо тяжелую руку.

— Ходить туда,— пролопотал Мэн Чан и указал на лужицу поблизости.— Я помогать.

Конан навалился на кхитайца и заковылял к озерцу. В ноздри ударила невыносимая вонь.

— Там что, падаль утопили? — скривился киммериец.

— Живая вода,— донесся до него полупридушенный голос.

— А ты ничего не перепутал? Может, это моча Нергала? — язвил варвар, но уже без особой злости — просто, чтобы не застонать.

Он рухнул на землю около вонючей лужи и стал наблюдать за желтолицым. Тот проворно подбежал к озерцу, набрал зловонную жидкость в ладони, сложенные ковшиком, и, подскочив к Конану, выплеснул воду на раненую икру. Варвар заскрежетал зубами. Кровоточащее мясо словно прижгли раскаленным железом.

— Ты что, скотина?! — взревел киммериец.— Шею сверну!

Мэн Чан испуганно отскочил, но потом снова припустил к озерцу и проделал то же самое с другой раной. Конан ревел, как медведь, которого пырнули рогатиной, и мотал головой. В нескольких коротких, но выразительных фразах он сообщил кхитайцу, что думает о нем самом, его родственниках до седьмого колена, и красочно описал пытки, которым подвергнет мучителя, как только встанет на ноги. А тот, не обращая внимания на хриплые проклятия, отодрал от своей набедренной повязки две полосы и ловко перебинтовал раны, которые успели затянуться корочкой. Потом кхитаец встал и понесся вниз по склону.

— Куда ты, дермо верблюжье? — прохрипел Конан без особой надежды, что его услышат.

Обезьяна облезлая... Побежал-таки звать хозяина. Зачем, спрашивается... Боль уже отпустила. Вот только слабость осталась.

Через несколько мгновений киммериец вынужден был признать, что напрасно поносил провожатого. Мэн Чан вернулся с веткой кустарника. Это было какое-то незнакомое киммерийцу растение с мелкими глянцевитыми листь-

ями и красными ягодами. Слуга сорвал пару ягод и протянул Конану. Тот повертел красные шарики между пальцев и с недовольной миной положил в рот. Под тонкой оболочкой скрывались два крупных ядра. У ягод был резкий, но приятный запах.

— Не глотать,— проговорил кхитаец.— Жевать! Долго!

Конан подчинился, хотя его так и подмывало выплюнуть зерна. Неожиданно голова стала ясной как никогда. Варвар почувствовал такой приток сил, что сердце бешено заколотилось.

— Вот так снадобье! — изумился он и протянул руку к ветке.

— Нельзя,— помотал головой желтолицый.— Много нельзя. Сердце лопнуть.

— Нельзя так нельзя,— согласился Конан и вскочил на ноги.

Остаток пути до одной из вершин хребта одолели без приключений, хотя путникам пришлось карабкаться через камнепад, пересечь вброд стремительную ледяную речушку, к счастью неглубокую, а потом перебираться на другой край ущелья в сплетенной из лиан корзине, скользящей вдоль каната, прочность которого внушала киммерийцу большие сомнения.

С высоты можно было охватить взглядом весь остров. Как и говорил Симплициус, все западное побережье представляло собой хаотическое пересечение горных гребней, царство заснеженных пиков, мертвых черных скал и ущелий, которые отсюда казались просто змеистыми трещинами. Скалы вырастали из воды отвесной стеной, и вряд ли кто-то мог найти спасение у их подножия. Во всяком случае, зоркие глаза киммерийца не смогли различить ничего похожего на галеру или ее обломки.

Конан развернулся и стал изучать панораму восточного берега. Его глаза отыскали белое пятнышко среди зелени — жилище гандера, переместились на желтые и коричневые заплаты полей, нащупали голубую ниточку реки и, следя вдоль нее, наткнулись на синюю кляксу — озеро.

Множество извилистых, разветвляющихся потоков бежали от озера к океану. Пространство между ними заполняла густая зелень. Варвар всматривался до ряби в глазах, надеясь увидеть струйку дыма от костра, но его ожидания были обмануты.

Между тем на западе багровый диск уже проваливался в белую вату облаков. Надо было возвращаться, чтобы продолжить поиски на следующий день.

На обратном пути Конан попробовал вытянуть что-нибудь об острове и его обитателях у кхитайца, но тот словно язык проглотил. В душе варвара раздражение боролось с признательностью к молчуну, который так быстро поставил его на ноги. Лишь белые полоски, пересекавшие икру и бедро, напоминали о ранах. Он двигался так свободно, словно квэрр не выхватил из его тела пару кусков плоти.

Конан скосил глаза на спутника. Станный все-таки вид у этого кхитайца. Глаза пустые, будто он наелся черного лотоса. Может, и на этом благословенном острове растут цветы забвения? Или желтолицый отупел в неволе? Рабство калечит слабые души. Во время своих скитаний Конан не раз наблюдал, как подневольные люди превращались в покорных животных или впадали в бессмысленное буйство. Иногда рабы десятками кончали с собой, как будто безумие распространялось быстрее заразы.

Когда путники вступили под сень деревьев, кругом уже разливался мрак. Ночь воцарилась внезапно, словно упал черный занавес. Кхитаец начал проявлять признаки беспокойства. Он пугливо озирался и даже дрожал всем телом. Его очевидный страх насторожил Конана. Киммерийцу даже почудился порох, показалось, будто тень мелькнула между стволов. Глупости, одернул он себя, этот бедняга просто трусоват, вот и шарахается от каждого куста. Снова шум. Камешки покатились, стронутые с места чьей-то стопой, затрещали ветки. Шумное сопение, возня... Зверь? Может, одна из диких свиней, о которых говорил гандер, бродит в чаще? Конан поднял с земли увесистый камень и подбросил на ладони. Запустить наугад, чтобы спугнуть зверя? А если

это хищник? Или нечисть? Будет глупо привлекать внимание. Лучше подождать, пока тварь, копошащаяся во мраке, нападет и обнаружит себя. Но кто бы ни таился за черными стволами, он не спешил показываться, и путники благополучно достигли белеющего в темноте строения.

Как приятно было оказаться во дворике, освещенном красноватым пламенем смоляных факелов, скинуть задувшую от пота и крови одежду и погрузить тело в ласковую теплую воду, а потом растянуться на циновке и бездумно блаженствовать, позволив сильным рукам чернокожего изгонять усталость из натруженных мышц. Как сладко было вдыхать пряный воздух и предвкушать первый глоток вина.

За ужином Симплициус говорил не умолкая. Пока гость умывал окорок, который вымочили в вине, смазали медом и запекли с ломтиками кислых фруктов, хозяин только прихлебывал из кубка и, отчищая крохотные кусочки лепешки, сыпал нравоучительными изречениями или пускался в воспоминания. Конан прикончил густую похлебку из моллюсков, щедро сдобренную пряностями, отправил в желудок здоровенную рыбу, судя по вкусу отваренную в молоке, и уже обсасывал кleşню омаря, а чародей даже не управился с лепешкой.

Заметив, что гость насытился, Симплициус стал выспрашивать о походе в горы. Рассказ о нападении кварра рассмешил его до слез. Он подтвердил уверения кхитайца о том, что вонючая вода обладает целебными свойствами.

— Завтра корочка отпадет с ран,— пояснил гандер,— и ты даже не вспомнишь о них. Красные ягоды тоже обладают замечательными качествами. Я заметил, что дикие козы, обчищая листья и ягоды с кустарника, потом резвятся и скачут, словно дети, и попробовал на вкус один листик. Это придало мне необыкновенную бодрость.

— Скажи,— проговорил киммериец, отрывая кисточку лилового винограда,— как вышло, что человек твоей учености поселился вдали от людей, на заброшенном острове и довольствуется ведением хозяйства и надзором за служами?

Говоря по совести, варвара не особенно интересовали причины добровольного уединения колдуна, но было очевидно, что хозяин говорит без умолку просто для того, чтобы подольше удержать сотрапезника. Казалось, он боится оставаться в одиночестве. Речь Симплициуса временами становилась лихорадочно сбивчивой, он вдруг резко оглядывался, словно ожидал увидеть кого-то в углу залы, куда стекся густой мрак. На впалых щеках расцвели красные пятна нездорового румянца, пальцы, крошившие лепешку, чутко вздрогивали.

— Видишь ли,— охотно отозвался гандер,— когда скончался мой учитель...— Он запнулся и снова бросил вороватый взгляд через плечо.— О чем бишь я? Ах, да... Когда умер учитель, я оставил Гандерланд. Вот ты... Скажи, сколько весен минуло с твоего рождения, когда ты вылетел из гнезда?

— Пятнадцать или шестнадцать... Меня захватили раненого во время набега и угнали в Халогу. Я был там гладиатором.

— Пятнадцать... Вдвое меньше того, что я провел в заточении, ибо моя жизнь была добровольным заточением в мрачной сырой башне рядом с полуумным стариком. Я не знал людей, не изведал ни хмеля, ни сладости женских губ...

— Но ты вырвался на свободу,— перебил варвар, опасаясь, что красноречие слишком далеко уведет хозяина.

— Да, вырвался... И все испробовал сполна. Боюсь, со мной произошло то же, что бывает с голодным, слишком рьяно накинувшимся на еду. Поспешное насыщение не стоило мне жизни, но отбило вкус ко многому. Я поостыл и пустился в странствия. Был рудознатцем в Офире, звездочетом в Кофе, придворным врачевателем в Туране. Посетил Кхитай и Вендию.

Симплициус встал и беспокойно заходил по зале. Рука его непреизвольно поднималась к лицу и теребила острую бородку.

— Люди воображают, что перемена мест может избавить от навязчивых мыслей. Убогое заблуждение... Позади

всадника сидит мрачная забота.— Гандер снова сел, одним глотком осушил кубок и снова заговорил, уставив в лицо гостя блестящие глаза: — Я не прижился за морем Вилайет и повернул вспять, к западным пределам. В конце концов меня занесло в Зингару. Я нанялся на службу к одному нобилю. Он был очень богат и очень стар. Опасно задерживаться на этом свете, когда у тебя есть нетерпеливый алчный отпрыск, только и мечтающий о том, как бы запустить руки в заветные сундуки...

— Верно,— согласился Конан, отпивая из кубка.— Благоразумнее при жизни оделять детей богатством, чтобы они не ждали твоей смерти.

— Мой наниматель был другого мнения. Он держал юнца в черном теле. Какая дурость... Безусые стыдятся ржавой шпаги и продранных локтей больше, чем самых низменных пороков.

— И что же, мальчишка пустил кровь старику?

— Нет,— усмехнулся гандер,— змееныш действовал умнее. Он пришел ко мне и пожаловался, что его любимому псу сильно досталось на охоте. Я осмотрел собаку. Медвежья лапа переломила хребет. Можно было только избавить тварь от мучений. Я приготовил отвар из одной травки, растущей на болоте. Любящие жены частенько подносят это зелье старым сварливым мужьям. Пес откazyвался принять питье из моих рук. Я оставил плошку со снадобьем молокососу и ушел. Наутро слуга прибежал ко мне и сообщил, что старый господин отправился на Серые Равнины, а молодой требует лекаря к себе. Что было дальше, угадать несложно.— Симплициус скрипил губы в ухмылке.— Некоторое время меня гноили в темнице, но и этого показалось мало. Я взошел на костер.

— Что же тебя спасло? — оживился киммериец, который и сам нередко бывал на краю смерти.— Хлынул дождь и лил, не переставая?

— Нет,— отверг его предположение колдун.— Я не мог отказать себе в удовольствии полюбоваться на физиономию мерзавца, когда огонь догорит. Мальчишка все не унимался — попробовал вздернуть меня, обезглавить, отравить...

Сколько трудов попшло прахом... Наконец болван сообразил, что не в его власти лишить меня жизни. Но не мог же он отпустить на все четыре стороны человека, который того и гляди донесет на него?

Конан недоумевал:

— Почему ты просто не стер с лица земли замок вместе с хозяином и всей челядью, коль скоро власть твоя так велика?

— Это было бы слишком просто. Куда забавнее наблюдать, как далеко может завести человека подлость и страх. Наконец тутица нашел способ обезопасить себя: он нанял корабль, который доставил меня в изгнание на остров.

— Разве ты не мечтал вернуться и отомстить?

— Зачем? Как только нога моя ступила на пустынный берег, я понял, что скитаниям пришел конец и пора овладеть наследством, которое оставил мне учитель.

— Ты получил наследство? Зачем же было наниматься на службу?

— Мое наследство выражалось не в звонкой монете, хотя стоило куда больше.

— Что ж это было? Алмаз чистой воды?

— Поднимай выше! Я обрел Тайное Знание...

— А-а...— разочарованно протянул варвар, в глазах которого заклинания и заговоры не имели особой цены. Киммериец предпочитал что-нибудь материальное.

Пренебрежение, которое выказал собеседник, не обескуражило Симплициуса.

— Ты не понимаешь, о чем идет речь,— горячо продолжал он.— В Кхитае я наблюдал за тем, как лечат жемчуг.

— Лечат?

— Да. Превращают невзрачный шарик с поврежденной или тусклой поверхностью в сокровище. Мастер осторожно счищает оболочку, и перл рождается заново. Что-то подобное можно проделать и с человеком.

— Содрать с него кожу? — осклабился Конан.

— Не старайся казаться глупее, чем ты есть. Речь идет о врачевании души, об очищении от скверны.

Варвар поежился. Сейчас пойдут призывы к умерщвлению плоти. Он никогда не находил прелести в самобичевании и был вполне доволен собой.

— Что же для этого нужно? Ходить по раскаленным углем?

— Ничего подобного. Надо только совершить обряд очищения.

Конан обеспокоился уже не на шутку. Слово — и ему предложат взойти на алтарь. Не слишком ли высокая плата за кров и стол? Надо придать мыслям гандера более безопасное направление.

— Что же мешало тебе заняться этим достойным делом сразу после смерти наставника?

— Страх, презренный страх... Отведай этих плодов! У них изумительный вкус. А я расскажу тебе вендийскую притчу.

Конан надкусил медовую мякоть, такую сочную, что липкие струйки побежали по подбородку, и охотно приготовился внимать гандеру. Варвар всегда любил слушать сказки.

— Один мастер отлил из воска куклу. Она была так прекрасна, что создатель воспыпал к ней страстью. Боги услышали его мольбы и вдохнули в куклу душу. Счастью мастера не было предела, но однажды он куда-то отлучился. Кукла увидела огонь и спросила его: «Кто ты?» — «Дай мне лизнуть твой палец — и узнаешь», — отвечало коварное пламя. Восковая статуя сунула палец в огонь, и палец растаял. «Я не понимаю», — пожаловалась кукла. «Этого мало», — пропел огонь. И когда пламя поглотило целиком создание из воска, кукла прошептала: «Огонь — это я».

— Мудреная сказка... Что она должна означать?

— Цена познания очень высока. Но даже заплатив ее, ты не можешь быть уверен, что обрел истину.

— Так вот чего ты страшился! А скажи...

Конану не удалось закончить фразу, потому что снаружи донесся топот ног, крики и стоны. Симплициус бросился во двор. Киммериец последовал за ним.

*Взысканный богами врачеватель,
Живота и смерти я податель.
Я владею даром исцеленья.
Ведомы мне травы и коренья.
Ясно зрю биение жизни соков.
Жребий сей вознес меня высоко.
Славен тот, кто истину обрящет,
Чудотворен свет ее манящий.*

*Вступление к лечебнику,
составленному Майнольфом
Гандерландским*

Глава шестая

Возле бассейна толпились слуги. При появлении хозяина возбужденные люди отпрянули и пропустили вперед коренастого коротышку, который поддерживал раненого. Бросив беглый взгляд на эту пару, Конан сразу признал в них пиктов. Только на вересковых пустошах и встретишь такие звериные рожи с низкими лбами, крохотными, сверкающими злобой глазками и тяжелой челюстью. Хотя киммериец на дух не переносил лесных крыс, поскольку немало претерпел от их стрел с кремневыми наконечниками и каменных топоров, он против воли пожалел раненого пикта. Правая кисть была оторвана или откусена начисто, из руки хлестала кровь. На плече и на груди зияли глубокие рваные раны. Черная струйка выбегала из-под лохматых волос.

Симплициус не стал тратить времени на расспросы. Томившее его беспокойство пропало бесследно.

— Туда! Живо! — велел он тому, кто поддерживал раненого, указав на темный проем двери рядом со входом в пиршественную залу.— Ты — за термитами! — получил распоряжение чернокожий.— Принесите факелы!

Отдав приказания, гандер пошел вслед за пиктами, а Конан увязался за ним. Варвару было любопытно, что предпримет врачеватель. Так ли он хорош, как хвастает?

Небольшая комната была уже ярко освещена. Раненого успели уложить на возвышение из мрамора, напоминающее алтарь. Сходство усиливалось тем, что повсюду алели пятна крови. Возле распластертого тела хлопотал Мэн Чан. Кхитаец промывал раны какой-то рубиновой жидкостью. Если нюх не обманывал киммерийца, это было вино. Искалеченную руку перетянули жгутом выше запястья, но кровь все равно сочилась.

Конан покачал головой. Безнадежное дело! Пикт истекет кровью, сколько ни мудри. Варвар знал, как это бывает. Человек словно засыпает. Лицо его постепенно бледнеет, губы становятся синими. Сила утекает вместе с кровью. Умирающий то и дело просит пить.

Между тем Симплициус возился у длинного стола возле стены. Шевеля губами, словно приговаривая что-то про себя, он размешивал в фарфоровой чаше бурый порошок, который упорно не желал растворяться в воде. Когда же снадобье было приготовлено, его дали выпить раненому. Вскоре стоны утихли, и тело пикта застыло в каменной неподвижности.

Киммериец встретился взглядом с Симплициусом.

— Правильно,— одобрил он.— Бедняге все равно уже не помочь. Так лучше избавить его от мучений.

— Я дал ему не яд,— холодно возразил гандер.— Сейчас душа на время отлетит от тела. Он не почувствует боли, а я смогу спокойно заняться ранами.

— Что это за зелье? Черный лотос?

— Нет. Есть такой корешок. Отыскать его непросто: листья у травы неприметные, ягоды мелкие, желтые. Не всякому корень дается в руки. Говорят, когда его выкапывают, слышатся странные звуки — плач или смех. Очертаниями корень похож на человечка. Из него готовят и любовное зелье, и снадобье, которое дарит забвение, подобное смерти.

Симплициус подошел к пикту, приложил пальцы к тыльной стороне запястья неповрежденной руки, затем

прислонил ухо к груди раненого, изучил глазные яблоки, осторожно отведя пальцами веки.

— Пора! — бросил он кхитайцу и занялся покалеченной рукой: извлек затейливыми щипчиками обломки кости, отыскал порванный сосуд и перетянул его тонкой, почти невидимой, но очень крепкой нитью.

— Шелк? — осмелился спросить киммериец.

— Паутина. Эй, вы там, где термиты?

Появился чернокожий с прозрачным сосудом, по стенкам которого бегали крупные рыжие муравьи.

Конан озадаченно почесал в затылке. Эти-то зачем?

Симплициус сводил края кожи, а кхитаец, вынимая по одному из муравьев, подносил их к ране. Челюсти насекомых вливались в кожу, намертво сшивая разрыв, и не размыкались даже после того, как желтолицый безжалостно отделял туловище терmita.

— Этой премудрости меня научил кушитский знахарь,— пояснил гандер.— Двойная польза: челюсти надежно держат кожу, а муравьиный сок не дает шву нагноиться. Он очень полезен. Кхитайцы пьют его, дабы продлить жизнь.

Лекарь и его подручный быстро и ловко обработали остальные раны.

— Чем вы их промываете? — не утерпел Конан.— Вином?

— Именно. Оно так похоже на кровь и приносит больше пользы, чем вода. Некоторые считают, что лучше прижигать рану раскаленным железом или заливать кипящим маслом. Но я не прибегаю к таким грубым способам. Остается большой рубец.

— А почему вы не пользуетесь водой, которой меня лечил Мэн Чан?

— До нее слишком далеко, а впрок не заготовишь — вода теряет силу.

Наступил черед раны на голове. Кхитаец, ловко орудуя сверкающим лезвием, сбрив черные космы в том месте, где запекся сгусток крови. Симплициус оглядел рану и помрачнел. Череп пикта был проломлен. Гандер снова подошел к столу и долго рылся в небольшой шкатулке.

Наконец он извлек тонкую золотую пластинку и глубоко-мысленно уставился на нее.

— Что ж, попробуем,— пробормотал он, подошел к пикту и приблизил пластинку к отверстию в черепе.

Затем Симплициус вернулся к столу, стальным резцом выкроил из пластинки кусочек, формой и размерами по-добный пробоине, и опустил его в чашу с прозрачной жидкостью. Осмотрев сверкающие инструменты, разложенные на столе, он выбрал щипчики с длинными тонкими губками и отправил их в ту же чашу. В другой чаше врачеватель долго мыл и скреб руки и только после этого подошел к раненому. Не дожидаясь приказа, кхитаец поднес ему чашу с золотым кружком. Симплициус извлек щипчики, ухватил ими пластинку и быстро поместил ее на то место, где пульсировал сероватый обнаженный мозг. Оставалось только соединить края раны. Когда и с этим было покончено, лекарь удовлетворенно вздохнул.

— Давно мечтал о такой возможности...

— Ты не делал этого раньше? — изумился Конан.

— Не доводилось. Я как-то свел знакомство с беглым стигийским жрецом. Встретил его в Шеме. Он хотел убраться подальше с глаз Великого Змея и нуждался в деньгах. Мы совершили обмен. Он получил тугую мошну, а я узнал много интересного. Человек умеет столько, сколько знает... Стигиец говорил, что кусок кости можно заменить золотом. Это магический металл. А пластинки из серебра стигийцы кладут на открытые раны.

— Думаешь, пикт выкарабкается?

— Поглядим... Он будет спать до завтра. Такие раны очень опасны. Ты, наверное, и сам знаешь.

— Да,— признал Конан.— Я часто видел, как после такого удара воины становятся буйными. Говорят, в них вселяется злой дух, и надо просверлить дырочку в черепе, чтобы выпустить его.

— Я так полагаю, демоны тут ни при чем. Мозг воспаляется и распирает череп. Человек теряет рассудок от головной боли.

Киммериец с любопытством осматривал загадочные предметы на столе.

— Это нужно для колдовства?

— Нет, для исцеления.

— Вот это зачем? — спросил Конан, указывая на длинную иглу.

— Отворять кровь. Если внутренности увеличены, это указывает на избыток крови, которая вытесняет другие жизненные соки. Надо ввести иглу в жилу возле локтя и выпустить чашку крови.

Блестящие крючки, спицы, ножи и щипцы не слишком заинтересовали варвара, который догадался, что они нужны для лечения ран. Однако он никак не мог взять в толк, каково назначение небольших керамических горшочков — готовить в них притирания и снадобья?

Симплициус разъяснил, что их используют, если человек надрывается от кашля. Внутрь горшочка вносят кусок горячей пакли, а затем сосуд опрокидывают отверстием вниз на спину больного, и горшочек оттягивает кровь.

Полъщенный интересом гостя, гандер показал ему ожерелье из нанизанных на кожаный шнурок миниатюрных деревянных масок, весьма искусно раскрашенных.

— Амулеты?

— Не угадал. Каждая хворь накладывает на лицо страждущего особую печать. Видишь вот эту маску? Губы синие, на щеках багровый румянец — верные признаки того, что крови в избытке. Ожерелье помогает правильно распознать недуг.

Конан взял со стола и повертел в руках кожаный баллончик, из которого торчали камышовые трубки.

— А от этого какой прок?

— Помогает прочищать кишечки снизу. Ты и представить не можешь, сколько высокородных я осчастливили при помощи этого нехитрого приспособления. Одну трубку вводишь в тело, через другую вливаешь вино, смешанное с каменной солью, или миндалевое молоко — для тех, кто понежнее. Один оффирский нобиль уверял меня, будто ничто иное не сообщает телу такой легкости. Прямо-таки воспаряешь духом.

Киммериец не выдержал и покатился со смеху. Симплициус оставался невозмутим, только углы тонких губ дрогнули.

Пока шел разговор, слуги уже переложили пикта на деревянный топчан, смыли пятна крови. Кхитаец накрыл стол с инструментами куском белоснежной ткани.

— Не понимаю, — сказал Конан, — зачем тебе возиться с этим? Ты наверняка можешь исцелять одним мановением руки, даже не касаясь тела.

— Могу, — равнодушно согласился маг. — Но это скучно. Не стоит мне никакого труда. Как бы объяснить... Если ты, обычный смертный, сумел одолеть мага, владеющего Тайными Искусствами, тут есть чем похвалиться, но когда он сам стирает тебя в порошок, в этом нет особой заслуги. Силы неравны. Может, я хочу самому себе доказать, что и без волшбы способен на многое.

Симплициус застыл, вперив во мрак отсутствующий взгляд. Конану показалось, что нос колдуна заострился, глаза запали и лицо приобрело зловещее выражение. Впрочем, пляшущий свет факелов странным образом искажает любые черты.

— Уже глубокая ночь, — прервал киммериец зависшее молчание.

— Да-да, — встрепенулся его собеседник. — Мэн Чан покажет отведенный тебе покой.

— Я лучше переношу под открытым небом, в саду. Дикарская привычка. Или здесь водятся хищники, которые выходят на охоту по ночам? Кто так отдал этот пикта?

— Не успел узнать. Может, крокодил? Их много на реках и в болотах. — Глаза гандера бегали. — Других хищников нет.

— Наверное, будет дерзостью попросить у тебя оружие? — продолжал варвар, испытующе глядя на хозяина. — Какой-нибудь нож...

— Оружие? Зачем тебе оно? От кого ты собираешься защищаться?

— Ну хотя бы от крокодилов, — ответил Конан с усмешкой.

За кого принимает его этот колдун? Крокодил может отхватить хоть полруки, но проломить череп? Бред! Тем не

менее оружия радушный хозяин не даст. Это ясно. Его можно понять. Что, если гостю придет фантазия прогуляться с ножичком под покровом темноты и перерезать кому-нибудь глотку забавы ради? Недоброжелатели частенько говорили варвару, что рожа у него разбойничья и не похож он на человека, которому можно доверить кошель или жену. И Конан не обижался, потому что слова эти были недалеки от истины.

— Думаю, тебе больше пригодится козья шкура, чем нож,— выдавил из себя Симплициус, оставив без внимания насмешку гостя.— Ночи здесь бывают холодными. Горы близко.

Конан довольно удобно устроился на ночлег между узловатыми корнями огромного дерева, крона которого начиналась низко от земли, так что не составляло труда найти убежище в ветвях. Кроме того, киммериец не поленился отыскать острый обломок камня — не нож, конечно, но поможет отбиться в случае чего. Он кривил душой, уверяя гандера, что не любит спать под крышей. Случалось ему проводить ночи и в роскошных опочивальнях на пуховых перинах, и в клоповниках, которые содержатели постоянных дворов гордо именовали комнатами для проезжающих, и в нищих лачугах. Не настолько уж высоко ценил киммериец прелести ночевки под звездным пологом небес, чтобы подвергать ради них опасности свою жизнь. И все же некое туманное, не облекаемое в связные мысли подозрение заставило его отклонить любезное приглашение Симплициуса.

Сон не шел, и это было необычно для неприхотливого варвара, который одинаково сладко спал и на голых камнях, и на перине. Ложе его было не роскошным, но мягким: он сгреб в кучу опавшие листья и бросил на них шкуру. Острый звериный запах, который распространяли длинные пряди меха, даже нравился Конану — напоминал детство и родные горы. Ни холод, ни пустое брюхо не донимали киммерийца, и все-таки он беспокойно ворочался и вздыхал. Чего можно ждать от колдуна? Чудной он какой-то. Не служит ни Митре, ни Сету. Откуда же черпает силу? Принял чужака, выброшенного океаном, как долгож-

данного гостя. Возился с этой жалкой лесной крысой. Но не прост, явно себе на уме, что-то скрывает или чего-то боится. Сам чудной, и слуги у него чудные. Нет такого слуги, который не любил бы посудачить, перемыть косточки хозяину, отвести душу. А от этих слова не дождешься. И взгляд такой, будто они спят на ходу. Одно слово — нелюди.

Сквозь просвет в густой листве Конан увидел голубую звезду. Белит любила разглядывать звезды, лежа рядом с ним на палубе «Тигрицы». Любила? Киммериец ощутил приступ раскаяния, как будто предал возлюбленную, просто допустив возможность ее гибели. Белит жива. Они скоро встретятся, и все будет как прежде... Как прежде... Веки Конана смежились.

Он увидел берег океана, небольшую бухточку и подивился тому, что вода в ней бледно-зеленая. На юге волны густо-синие и теплые, как парное молоко. А эти обдают ледяным дыханием. Конан кожей ощущал стужу, которая исходила от воды. Он понаблюдал за тем, как волны треплют бурые пучки водорослей, и побрел дальше. Белое пятно привлекло его внимание. Что-то лежит под водой... Надо подойти поближе и рассмотреть. Лицо. Ровные дуги бровей, полукружья черных ресниц, прямой точеный нос. Лучше всего губы, пухлые, изогнутые в виде лука. Уголки приподняты в улыбке. Вода играет черными прядями, обтекает чаши грудей с темными сосками, касается живота, бедер. Ледяной безмятежный покой. Но откуда взялись птицы? Их резкие крики разбудят спящую. Убирайтесь прочь! Белые крылья хлещут по лицу. Проклятые твари! Норовят выклевать глаза. Прочь, убирайтесь!

Конан внезапно пробудился, потому что прикосновение крыльев к лицу было слишком реальным. В первое мгновение глаза его не различали ничего. Он только слышал шум крыльев, писк и возню. Потом в темноте обрисовались очертания ствола, ветвей и черных теней, которые носились в воздухе. Демоны? Птицы? Киммериец нашупал осколок камня, который спрятал в изголовье, и швырнул в угольно-черное пятно. Загадочная тварь с жалобным писком упала

на землю. Варвар схватил ее за крыло и выбрался из-под дерева на открытое место, залитое лунным светом. Разглядев перепончатые крылья, тщедушное тельце и уродливую голову, он рассмеялся. Летучая мышь! Только очень крупная, размером с мартышку. Что ей понадобилось тут? Конан посмотрел на дерево. Стаяочных охотниц облепила ветки и лакомилась плодами. Согнать воровок? Зачем? Он и сам когда-то не чуждался ночного промысла. По правде говоря, вторжение стаи вовремя прервало кошмар.

Теперь киммериец боялся уснуть. Он не хотел, чтобы видение вернулось, и лежал с открытыми глазами. Писк и шуршание в ветвях действовали на него умиротворяюще. Забавные зверьки... Однако треск, который уловил его слух, не имел ничего общего с возней наверху. Он донесся из-за стволов. Наверное, кому-то из слуг не спится. Или гандер рыщет по саду. На всякий случай Конан поискдал камень, но вспомнил с досадой, что бросил его в летучую мышь да так и не подобрал.

Снова треск. Уже ближе. Кто-то выходит из темноты. Сейчас попадет в пятно света. Нет, остановился. Повернулся назад.

Конан сполз на землю, чтобы его не выдал шорох сухих листьев, и вскочил упруго и бесшумно, как кошка. Замер, прислушиваясь, и последовал за черной фигурой. Кем бы ни был тот, кто разгуливал во мраке, он направлялся прочь от жилья, туда, где, как теперь знал киммериец, сады переходили в дикую чащу. Ночь, к счастью для преследователя, выдалась безветренной, так что запах его не мог предостречь крадущегося во тьме. Науку же ходить бесшумно варвар постиг еще в детстве. Чтобы трава не шелестела, надо высоко поднимать ноги, ступать на носок и лишь затем плавно опускать пятку.

Два темных силуэта скользили, стараясь не попадать за пределы чернильных теней, которые отбрасывали деревья. Но один раз преследуемый угодил-таки в полосу света, и Конан подумал, что, пожалуй, не прочь повернуть назад. Существо с ног до головы обросло шерстью, однако передвигалось на двух конечностях. Оборотень? Здоровенная

обезьяна? Похоже, пробирается к воде. Шум реки уже слышен.

Варвар сделал шаг и замер, ощущив, как земля лопается под ногой. Он отпрыгнул и, затаив дыхание, следил за тем, как из-под поверхности прорывается светящийся изумрудный стержень. Неподалеку проклонулся второй, третий... Конан боялся дохнуть. Кром, сколько их тут? Макушка столбика, выскочившего первым, начала вспухать и раздуваться. Покрытая слизью пленка, которой он был обтянут, лопнула. Обрывки ее свалились на землю. Утолщение вспучивалось, пока не приобрело форму круглой чаши, опрокинутой вверх дном на стержень. Потом перевернутая чаша начала терять глубину, уплощаться и выбросила из-под себя длинную ажурную вуаль, которая свесилась чуть не до самой земли. «Эта штука смахивает на гриб,— подумал киммериец.— Но не бывает грибов высотой мне по пояс, да еще такого цвета... Или бывают?» Колония огромных грибов захватила всю поляну. Их ярко-зеленое свечение привлекло тучи мошек, светляков и ночных бабочек. Завороженный необычным зрелищем, Конан забыл о том, кого выслеживал, а когда спохватился, того и след простыл.

*Сад Богов не знает увяданья.
Вечно свеж наряд его душистый.
Нежит ухо листьев лепетанье.
В кронах меет сумрак золотистый.
Негую медвяной истомленный,
Сад Богов на солнце тихо дремлет
И радушно под покров зеленый
Путника усталого приемлет.*

*Баярдо Алиманский. Сад Богов,
или Послание достославному графу
Троцеро, вдохновленное его щедрым
даянием*

Глава седьмая

Перед самым рассветом Конана разбудил птичий гомон. Лениво потягиваясь, он подумал, что неудачно выбрал место для отдыха: ночью в ветвях бесчинствовали обжоры с перепончатыми крыльями, теперь там устроилась стайка болтливых пичуг. Надо было лечь под лавром. Любопытно, что посоветует на сей счет всеведущий Симплициус? У него для каждого случая припасена история. А если нельзя отделаться от назойливых крылатых гостей, то нет ли, по крайней мере, средства, помогающего отогнать страшные сны?

Весь остаток ночи киммерийца терзали кошмары: то он блуждал по берегу и пытался отыскать среди обломков тела Белит, то бежал за ней через лес и никак не мог нагнать. Белит не оборачивалась на его зов. Наконец он настиг беглянку и коснулся ее плеча. Черноволосая голова медленно повернулась, и Конан закричал. Желтый череп беззвучно рассмеялся ему в лицо, широко разевая сверкающие жемчугами челюсти. Рубины в провалах глазниц выстреливали снопами лучей. Откуда-то возник гандер

и забубнил, приплясывая: «Конец неизбежен! Помни о вечности!»

Киммериец злился на себя. Какой демон погнал его в темноту за двуногим зверем? Добро бы еще под рукой был меч... Понесся сам не зная куда. Хорошо хоть не угодил в болото. И чего добился? Даже не рассмотрел толком косматое чудовище. Все эти зеленые поганки — отвели глаза, а зверь и был таков.

После беспокойной ночи варвар ощущал непривычную вялость, затылок ломило. Плеснуть бы сейчас холодной воды на голову... Глядишь, и мысли проясняются. Позевывая, Конан прикидывал, стоит ли беспокоить слуг или лучше прогуляться к реке. Последнее прельщало больше. В глубине души киммериец рассчитывал разузнать что-нибудь новое о ночном посетителе, хотя не желал себе в этом сознаться.

Уже не надо было выжидать и прятаться, и Конан довольно быстро оказался на поляне, где прервал погоню. По дороге он сделал любопытное открытие — отыскал на мягкой влажной земле отпечаток голой ступни. Само по себе это ничего не значило. След мог оставить кто-то из слуг Симплициуса. Но на ветке кустарника неподалеку висел клочок бурой шерсти. Человек, покрытый шерстью с головы до ног?

Догадки и предположения так увлекли киммерийца, что он не сразу заметил исчезновение грибов. О них напоминали только пятна бурой студенистой массы.

Конан попробовал поискать следы на другом конце прогалины, но затея эта не увенчалась успехом. Шум воды напомнил варвару о намерении искупаться, и он устыдился того, что не смог побороть азарта погони и вел себя как скверно натасканный пес, которого первый раз взяли на охоту.

Скоро впереди между деревьями засияла вода, однако она не манила к себе — мутная, с красноватой взвесью, кое-где заляпанная ряской. Толкий илистый берег убивал последнее желание купаться здесь. Пусть крокодилы блаженствуют в этой грязи, решил варвар, и направился вверх по течению. Упорство его было вознаграждено. Он быстро достиг

того места, где кристальная влага тихо струилась по песчаному ложу, и вдоволь наплавался.

Когда Конан вернулся во владения Симплициуса, по саду уже сновали слуги. Мэн Чан, по-видимому приставленный к гостю, принес блюдо горячих лепешек и кувшин с напитком, который мог сойти за молоко, если бы не грушевый запах и привкус. Пока варвар насыщался, ххитаец исчез и вернулся с одеждой Конана, которую вычистили и даже починили. Нельзя отрицать, подумал киммериец, что иногда бывает приятно, если каждое твое желание мгновенно выполняют и даже предугадывают.

Появился хозяин в сопровождении двух рослых асиров и, сияя улыбкой, предложил отвести гостя на берег, туда, где хранились лодки.

Дорожка, выложенная из разноцветного камня, петляла между рощиц. Деревья здесь росли привольно, не тесня друг друга. Ветви их клонились к земле под тяжестью плодов: золотых цитрусов, румяных манго, багряных гранатов. Видно, поклонник красоты не брезговал и презреною пользой. Пространство внутри зеленых амфитеатров оживляли белые пятна статуй и зеркала прудов. Красные плавники рыб мелькали под неподвижной гладью воды между сердцевидных листьев и розовых чашечек водяных лилий.

Конан указал на слугу, собиравшего в сосуд млечно-белый густой сок, который струился из надреза в коре высокого стройного дерева с блестящими кожистыми листьями:

— Зачем это?

— Ты отведал напиток, который принес Мэн Чан? Это был сок молочного дерева.

— Боги хлопочут за тебя.

— Сомнительное благодеяние,— скривился гандер.— Праздность обременяет. Приходится выдумывать новые хлопоты, чтобы развеять скуку.

— Тут ты мастер.

— Пустяки! — махнул рукой Симплициус.— Взгляни сюда!

Он подвел гостя к невысокому кудрявому дереву, корона которого пестрела плодами всех цветов радуги, сорвал один из них — ароматный, желтый, с восковым налетом на тонкой кожице — и протянул киммерийцу.

— Попробуй!

Рот Конана наполнила медовая сладость.

— А теперь вот этот! — Симплициус подал лилововчерный плод.

Варвар надкусил его и тут же сплюнул:

— Ну и дрянь! Горчит, как желчь.

Гандер расхохотался.

— Моя гордость. Я называю его древом судьбы. Никогда не знаешь, что оно преподнесет тебе. Разве провидение играет с нами не те же шутки?

Конан набычился:

— Со мной шутить опасно.

— Прости. Я надеялся тебя позабавить.

Киммериец молча зашагал дальше. Занятная манера развлекать гостей, пичкая их всякой дрянью...

Симплициус нагнал спутника.

— Право, я сожалею. Одичал, наверное, в глупши.

Извинения не смягчили Конана. Все он врет, этот лицемер. Его бесцветная физиономия до сих пор расплывается в ехидной улыбке. В душе варвара всколыхнулась давняя неприязнь, которую горцы питали к своим южным соседям. Он с трудом подавлял желание разбить в кровь тонкие губы, искривленные усмешкой. Вспыльчивый великан никогда не принадлежал к тем, кто молча глотает оскорблений, но с возрастом научился на время приглушать ярость, если на то была серьезная причина, как, например, сейчас. Варвара не смущала ни колдовская власть Симплициуса — он не единожды вступал в схватку с чародеями, ни звериная сила асиров. Конан не хотел ставить под удар жизнь Белит, которая, может быть, ожидала его где-то на диком берегу, одинокая и отчаявшаяся.

Четверка людей, разъединенных тягостным молчанием, достигла границы сада. Дальше прямая как стрела дорожка пролегала между оливковой рощей и прямоугольниками

обсаженных кипарисами полей, золотых от спелых колосьев и бурых, распаханных под пар. Поля занимали не так уж много пространства, что не удивило киммерийца, который знал, что в здешних жарких краях успевают снять два-три урожая, пока на севере дождутся одного, да и зерна собирают куда больше. И какого зерна! Не серой ржи вперемешку с плевелами, которой рад был почтенный родитель Симплициуса, или как его там по-настоящему — Хартвига или Енса? Что-то боги слишком щедрились к этому тощему всензайке с белесыми лохмами, хоть он их знать не желает.

За полями владения гандера кончались. Здесь вступали в свои права низкие заросли кустарников, через которые не мог прорваться ни зверь, ни человек. Колючий дрок, усыпанный желтыми цветами, сплетал ветви с можжевельником, миртом, карликовыми дубами и лаврами. Цепкие плети лиан делали их союз нерасторжимым. Повсюду на темно-зеленом фоне были разбросаны яркие венчики цветов, малиновых, синих и лиловых. Дорожку усыпали белые лепестки, которые распространяли сладковатый запах ладана, как будто недостаточно было одурманивающего букета из ароматов лаванды, розмарина и шалфея.

— Сад Богов, как ты говорил,— завязал разговор Симплициус, не смущаясь тем, что с лица Конана не сходила пасмурная отчужденность.

— Угу... Аж тошнит от этой вони,— пробурчал киммериец.

На самом деле ему нравилось втягивать ноздрями прянный воздух, но суровый варвар скорее дал бы отсечь себе руку, чем сознался в этом. Нюхать цветочки и растекаться сиропом — это для женщин и придворных щеголов. К тому же Конана разозлило, что ему напомнили ту дурацкую присказку — «Сад Богов». По чести говоря, он позаимствовал ее у одного бродячего трубадура, с которым осущил на пару ботонок пантенского. Рифмует враз тем вдохновенней, чем больше шил. Он обучил варвара паре цветистых фраз, на которые так падки все женщины. Даже умница Белит млела, когда Конан напечтал ей на

ухо нежные глупости. Воспоминание о прекрасной шемитке заставило прибавить ходу.

Близость океана уже давала о себе знать глухим шумом прибоя и свежим йодистым запахом, перебивавшим цветочные ароматы. Заросли сменились бурыми пустошами, среди которых возвышались затейливые сооружения из глины, в человеческий рост высотой, составленные из бесчисленных выступов и пиков.

— Термитники,— пояснил Симплициус.— Удивительные твари эти рыжие муравьи. Беспомощные поодиночке и страшные, когда их объединяет общая воля. Можно подумать, что у них одна душа на всех, так слаженно они действуют. Не истребляют друг друга, не обирают. Людям есть чему поучиться. Умей двуногие твари так же подчиняться одному разумному и справедливому началу, они жили бы куда лучше...

— Вроде этих двоих за твоей спиной?

— Тебе не угодили мои слуги?

— Нет. Они весьма расторопны. А это что?

К термитнику подбирался небольшой зверек. Узкую крысиную мордочку и спину покрывали костяные пластинки, ряды которых находили один на другой, как чешуйки еловой шишки. Под панцирем провисало мягкое брюшко. У существа был длинный голый хвост и коротенькие, забавно семенящие лапки. Крепкие когти зверька быстро пробили брешь в стене глиняного «дворца». Термиты суетились возле пробоины, а узкий язык ловко слизывал их и отправлял в пасть.

— И это могущество? — усмехнулся Конан.— Метаться, пока не сожрут?

— Гибель сотни тварей ничего не изменит. Как и гибель тысячи. Можно даже разрушить их дом. Уцелевшие переберутся на другое место и воздвигнут новый. Потому что умеют подчиняться.

— Тоже мне достоинство,— огрызнулся киммериец.— Человек — тот, кто борется. Остальные — скоты. Как твои слуги.

— Да, они не люди. Но не в том смысле, как ты это понимаешь.

— От призраков не разит потом. От живых мертвцев — тоже. Оборотни? Я видел волосатую тварь ночью.

— Они созданы мной. Каждый — для определенной цели. Эти двое — стражи. Мэн Чан — лекарь. И есть еще много других. Все они не обладают душой. Вернее сказать, в этом человеческом муравейнике одна душа, одна воля на всех.

— Твоя? А где же их души?

— Их никогда не было. Есть орудия из стали, дерева, камня. Эти существа — орудия из плоти. Их ум развит ровно настолько, насколько требуется для выполнения обязанностей. Одни сделаны искусней, например домашние слуги, другие — топорная работа. Но все лишь немного разумнее малого ребенка.

— А чувства?

— Самые нехитрые. Те, что испытывают животные.

Оба собеседника умолкли. Разговор не угас сам собой, как случается, когда предмет исчерпан и лень перебрасываться пустыми словами. Он оборвался, оставив висеть в воздухе невысказанное. Тишина пролегла между спутниками, словно пропасть.

Мысли Конана пошли вразброд. Он не смог бы вразумительно объяснить, какой отклик вызвали в нем откровения чародея. Киммериец, как всякий сын дикого племени, питал отвращение и страх к волшбе и ее созданием. Однако ни Мэн Чан, ни молчаливые асиры, шедшие следом, не рождали ни гадливости, ни ужаса, а только жалость. Их лица носили одинаковый отпечаток тупой покорности, но в глазах иногда мелькало нечто такое, от чего щемило сердце. Впрочем, уже не оставалось времени копаться в туманных впечатлениях: дорожка привела к ступеням, вырубленным в скалах. Невдалеке от подножия каменной лестницы плескались волны.

— А где же лодки? — спросил Конан.

— Увидишь, когда спустимся.

Сойдя вниз, гандер остановился перед стеной черного камня и протянул к ней руки. Губы его задвигались, но варвар не разобрал ни звука. По поверхности камня побежала кривая трещина и стала расширяться, как река в

половодье. С грохотом разъехались тяжелые неровные плиты, которые скрывали вход в пещеру. По знаку чародея слуги нырнули в темноту и вынесли лодку — деревянный каркас, обтянутый толстой промасленной кожей, бегемотовой, как пояснил хозяин. Этот легкий и маневренный челнок был рассчитан на одного гребца, который направлял суденышко при помощи весла с двумя лопастями, погружая в воду то правый, то левый конец почти невесомого шеста. Конану не приходилось плавать на такой посудине, но он легко приоровился к ней и вскоре вошел во вкус быстрых ритмичных движений, не требующих большой мускульной силы. Ловко орудуя веслом, варвар наслаждался тем, как стремительно челн скользит по волнам. Надо было только осторегаться острых скал, которые прятались под водой: они могли пропороть днище.

Слева по борту из жидкой сини вырастали громады камня. Кое-где в них вдавались бухточки со сверкающими подковами соляных отмелей. Тучи птиц носились над черными уступами. Обеспокоенные появлением человека, птицы взмывали вверх, метались в воздухе, тревожно крича, а потом снова облепляли скалы, как комья снега. Иногда на глаза Конану попадались гроты, в которых плескалась вода, оживляя трепетными бликами мрачные своды. Киммериец вглядывался в неприступный берег, но нигде не находил следов человеческого присутствия.

Обогнув длинный каменистый мыс, варвар обнаружил нечто интересное — причудливой формы скалу, напоминающую голову дракона. Из двух круглых отверстий — ноздрей каменного монстра — вырывались длинные струи пара. Очевидно, в недрах скалы пряталась кипящая вода. Затем внимание Конана привлекла стайка дельфинов, которые резвились неподалеку от берега. В другое время он бы охотно полюбовался играми беззаботных тварей, но теперь надо было спешить, и киммериец быстрее заработал веслом.

Время текло, а берег по-прежнему оставался голым и безжизненным. Зрелице вздыбленного черного камня приелось Конану, и он все реже бросал взгляд на скалы. Впрочем, после похода в горы киммериец и не рассчитывал найти что-

нибудь у их подножия, возлагая все надежды на пологий восточный край острова. Тем не менее, вопреки ожиданиям, варвар наткнулся на уединенный залив, где жизнь восторжествовала над суровостью камня. Здесь в океан впадал небольшой, но шумный поток, бегущий с гор через ущелье. По берегам речушки зеленела трава, рос кустарник.

Золотой шар солнца висел уже над головой, и Конан решил, что пришло время сделать привал и облегчить кожаную суму с припасами, которыми Симплициус снабдил его на дорогу. Киммериец подгреб поближе к берегу, выбрался из лодки в теплую мелкую воду и вытащил членок на полосу песка, плотно утрамбованную приливом. Ему не хотелось удаляться от лодки, но жгучие лучи нещадно палили голову, и, прихватив мешок с едой, Конан запагал вверх по течению потока в надежде отыскать тень.

Вскоре он удобно разместился под ветвями душистого лавра и смог по достоинству оценить вкус копченого кабаньего языка и жареных голубей. Опорожнив на треть тыквенную флягу с вином, киммериец подумал, что не мешало бы осмотреть ущелье. Что, если здесь нашел приют кто-то из черных гребцов «Тигрицы»?

Берега речушки покрывала россыпь крупных голышей, обкатанных водой. Шагать по ним было куда как неудобно, и, если попадались большие плоские валуны, Конан предпочитал перемахивать с одного на другой, чем ступать на скользкие кругляши, норовящие выскоичить из-под ноги. Взгляд варвара был почти постоянно прикован к земле, и когда он наконец перенес его повыше, по глазам ударили пурпур, который полыхал на ветках невысоких деревьев, сбегавших по зеленому склону к воде. Кожистые узкие листья терялись за жаркой пульсацией пышных соцветий. В этом багряном буйстве чудилось что-то бесстыдное, возбуждающее-чувственное.

Пьяный запах кружил голову, искушал прилечь на траву и дать отдых телу. Конана и так разморило от обильной пищи, вина и жары, а теперь он засыпал на ходу, убаюканный сонным жужжанием пчел, которые хлопотали над цветами. Рассудив, что не будет большой беды, если он вздрогнет не-

много, варвар растянулся на траве. Ветки, отягощенные пурпуром, клонились к его лицу, как будто дерево изнемогало от гибельной сладости собственного аромата. По телу Конана разлилась истома. Ему грезилось, что не пунцовье лепестки касаются лица, а нежные губы. Они ласкают лоб, сомкнутые веки, скользят по щеке, осыпают поцелуями края рта. Он узнал пьянящий вкус этих губ, влажных и по-детски припухлых. Облако черных волос окутало его лицо и отгородило от мира. Конан задохнулся от наслаждения, ощущив близость жаркого гибкого тела, но не торопился заключить его в объятия. Ему хотелось растянуть до бесконечности каждый миг, продлить упоительную пытку. Он жаждал наказать Белит за то, что она покинула его и заставила испытать самый мучительный страх — страх за того, кто слишком близко подобрался к сердцу и заслонил собой все остальное.

И вдруг Конан почувствовал, что снова теряет Белит. Что-то вторглось между ними. Варвар вздрогнул всем телом и задохнулся, как будто его накрыла с головой ледяная волна. Хватая ртом воздух, киммериец вскочил с травяного ложа. Никого кругом... Он один в этом сонном мирке. Все было наваждением. Проклятье! Поднести к губам кубок и увидеть, что он пуст. Всему виной душный сладкий аромат цветов, напоминающий запах волос Белит. Прочь отсюда! Довольно видений и глупых грез...

Еще долго берег, вдоль которого плыл членок, оставался голым и неприветливым. Но вот на верхушках скал стали появляться одинокие деревья, затем — целые рощицы. Острые уступы сменились пологими склонами, плавно стекавшими к воде. Здесь гораздо чаще попадались подводные камни и отмели. Конан должен был сосредоточить все внимание на управлении лодкой и лишь изредка посматривал на берег. Пару раз ему казалось, что сквозь шум прибоя прорываются характерный шорох и стук, с которым оползает по склону каменная осыпь, погрево-женная чьим-то вторжением. Киммериец вскидывал голову и обшаривал глазами скалы, но взгляд его натыкался только на стволы сосен. И все-таки чутье подсказывало Конану,

что кто-то прячется неподалеку и следит за ним. Кто бы это мог быть? Любопытный зверь? Слуга, посланный гандером приглядывать за гостем? Или волосатая тварь, бродившая ночью в лесу? Варвар решил подстеречь осторожного соглядатая, и вскоре ему представился удобный случай: впереди над водой низко нависал каменный карниз.

Страхаясь грести как можно бесшумнее, Конан направил лодку под широкий выступ и затаился. Он рассчитывал, что следящий за ним, потеряв членок из виду, забеспокоится и допустит оплошность, обнаружит себя. Хитрость киммерийца сработала. После недолгого ожидания он уловил шорох, затем сопение и тихий утробный рык. Неизвестное существо возилось прямо над ним. Киммериец задрал голову и замер: на него смотрели, не мигая, горящие глаза с кровавыми белками. Очевидно, преследователь учудил человека, распластался на краю утеса и свесил вниз безобразную голову, чтобы разглядеть, где прячется добыча. Тяжелые надбровные дуги сходились у короткой плоской переносицы, которая заканчивалась черными дырами вывернутых ноздрей. Концы огромного безгубого рта терялись в густой красновато-бурой шерсти, покрывавшей всю голову, за исключением небольшого участка коричневой морщинистой кожи возле глубоко утопленных глаз и носа.

— Эй, красавчик! Спускайся! — издевательски выкрикнул Конан, и гулкое эхо многократно повторило насмешливый зов.

Голова исчезла. Конан выгреб на открытое место и положил весло на колени. Почему-то он был уверен, что волосатый понял его и не замедлит явиться. Киммериец взвесил в руках весло. Слишком легкое, чтобы нанести серьезные увечья, но, если изловчиться, им, пожалуй, можно оглушить мохнатую тварь.

На берегу показалась грузная темная фигура. Человек и тварь застыли, изучая друг друга. Конан гадал, что за существо стоит перед ним. Густая шерсть, кривые желтые когти могли принадлежать только зверю, но манера передвигаться, явная осмысленность взгляда и еще что-то неуловимое, не поддающееся описанию заставляло и усомниться в этом.

Неожиданно чудовище запрокинуло голову, и долгий протяжный вой огласил пустынный берег. Потом маленькие глазки с тоской уставились на человека, как будто молили о чем-то. Волосатая лапа опустилась на грудь, туда, где бьется сердце, потом потянулась к Конану. Из пасти вырвалось мычание, потом рев. Косматая голова замоталась из стороны в сторону, как будто тварь терзалась невыносимой болью.

— Эй, чего надо?! — снова крикнул киммериец.

К его удивлению, страшилище повернулось и медленно побрело к лесу.

— Кром, чего же хотела эта образина? — обратился неизвестно к кому варвар.

Если волосатый охотился за ним, почему не напал? Испугался воды? Вряд ли. Здесь у берега совсем мелко. И что выражало это движение косматой лапы? «Я такой же, как ты» или «Жаль, что не удалось тебя сожрать»? Похоже, урод о чем-то просил. Может, сойти на берег и догнать его? А как же поиски? Солнце уже низко.

Конан снова взялся за весло, мучась ощущением, что встреча с тварью вплотную подвела его к какой-то мрачной тайне. Теперь эта тайна отбрасывала черную тень и на судьбу киммерийца.

Лес подступил уже к самой полосе прибоя. Варвар достиг того места, где мутные потоки, берущие начало в озере, которое он сумел разглядеть с вершины горы, впадали в океан. Между устьями речушек поднимались из вязкого ила уродливые коленчатые корни деревьев. От каждого ствола отходило в разные стороны с дюжину таких подпорок, похожих на паучьи лапы. Между ними сновали крабы и какие-то юркие насекомые. Нечего было и думать о том, чтобы высадиться на топкий берег, да и смысла в этом не было никакого: зеленые дебри выглядели так, словно здесь никогда не ступала нога человека. Чем дольше Конан обозревал унылые заросли мангров, тем сильнее становилась уверенность, что из всех, кто плыл на «Тигрице», лишь он один нашел приют на острове волшебника.

*Сразу видно, эту душу
Неотступно гложет страх.
Ужас просится наружу,
Так и плещется в очах.*

*Сказание о мытарствах
одинокой души*

Глава восьмая

В тот вечер Конан выказал себя не самым приятным сотрапезником. Хотя он мысленно повторял, что заранее предвидел исход поисков и ни на что не надеялся, это была неправда. Как и всякий человек, он ждал чуда вопреки доводам рассудка и теперь чувствовал обиду и разочарование, а потому молча поглощал все, что ставили перед ним, не разбирая вкуса и не испытывая удовольствия от еды.

Симплициус не спрашивал гостя ни о чем и говорил, как всегда, за двоих. Киммериец почти не слушал, погруженный в свои мысли, пока внимание его не зацепило слово «корабль».

— Что ты сказал? — бесцеремонно перебил он хозяина. — Я, кажется, задумался.

— Через пару дней, в полнолунье, сюда прибудет судно из Куша, и ты сможешь уплыть на нем, если пожелаешь.

Конан чуть не подавился. «Если пожелаешь»... Да он готов из шкуры выпрыгнуть, чтобы убраться отсюда поскорее. Теперь его здесь ничто не удерживает. Киммерийцу стало немовлю, что он до сих пор держал себя неучтиво, вымешая на хозяине дурное настроение.

— Зачем пожалуют кушиты? — спросил он.

— Я веду с ними обмен. Они привозят сюда железную руду, золотой песок, слоновую кость, рог, кое-какие снадобья

и получают за это оружие, украшения, благовонные масла, вино и соль.

— Оружие?

— Да, у меня тут устроена мастерская.

— Удивительно. Дело ведь не в барышше, верно?

— Конечно, не в нем, хотя внакладе я не остаюсь. Мои клинки стоят дороже сотни ремесленных поделок.

— Заговоренная сталь?

— Может быть... А может, секрет в том, что я чувствую металл. Меня манит его холодный блеск, его тяжесть и мощь. Разве тебя он не околдовывает? Что ты ощущаешь, сжимая рукоятку меча?

— Что кому-то не сносить головы, — отшутился Конан, который избегал высокородных, туманных речей. Втайне он был согласен с гандером, потому что испытал на себе магическую власть металла и к любимому оружию относился как к живому существу, холил его и лелеял.

— Да, — усмехнулся Симплициус, — не хотел бы я сойтись с тобой в поединке.

— Почему же? Ты сухощав, но мускулист. Быстро двигаешься. Глаз у тебя зоркий, как я заметил. Добавь хладнокровие. Вчера ты метался, как зверь по клетке. Но привели пинта, и тебя словно подменили.

— Сдаюсь! — рассмеялся хозяин. — От тебя ничего не укроется. Когда-то я брал уроки фехтования и даже преуспел в нем, но то было давно.

— Разомнемся?

— Тягаться с тобой? О нет, уволь, я не настолько тщеславен.

— Можно ведь не выпускать кипки друг другу, правда? — не отставал Конан.

Он не без задней мысли подстрекал гандера. В пылу схватки человек, даже самый скрытный, невольно обнаруживает свою суть. А киммериец до сих пор еще не разобрался в том, что представляет собой его благожелательный, но уклончивый собеседник. Это беспокоило Конана и раньше, а после встречи с чудовищем он решил во что бы то ни стало разведать, о чем умалчивает Симплициус, чего боится.

— Что ж, я готов,— согласился гандер,— если ты дашь мне поблажку. Ты согласен сразиться на зингарских клинках? Они легче и тоньше — это уравновесит наши возможности. Меч для меня тяжеловат, признаться.

— Пусть будут зингарские,— уступил варвар, который предпочитал оружие повесомее — меч, секиру или боевой топор, но не менее ловко орудовал и любым другим.— Только скинем эти балахоны. В них легко запутаться.

Хозяин согласно кивнул.

Местом поединка был выбран сад, точнее, небольшая лужайка возле дома. Луна уже взошла, залив все вокруг белым мертвенным светом, но Симплициусу этого показалось недостаточно, и он призвал слуг с факелами.

Противники, облаченные в одни лишь набедренные повязки, встали друг против друга. Могучий варвар походил на бронзовую статую грозного божества. Его соперник не мог бы послужить моделью для ваятеля. Он слегка сутулился, и от этого казалось, что непропорционально длинные руки свисают чуть не до колен. Однако в них заключалась немалая сила, в чем киммериец немедленно убедился, как только скрестил клинок с Симплициусом.

Оба соперника недооценивали друг друга. Конан не сомневался, что сумеет после нескольких выпадов мощным ударом выбить меч из рук гандера, и думал только о том, как оттянуть этот миг, чтобы не ранить слишком скорой победой самолюбие противника. А Симплициус видел в киммерийце не слишком далекого силача, привыкшего полагаться главным образом на литые мускулы и потому предпочитающего идти напролом. И тот, и другой обманывались.

С первых мгновений схватки выяснилось, что оба одинаково искусно фехтуют и обладают завидной выдержкой. Расчетливой отваге противостояли изящество приемов и сккупость жестов.

— Ты дурачил меня,— проговорил Конан, маленькими, но твердыми шагами наступая на противника.

— Дурачил? — Светлые брови насмешливо поползли вверх.

— Прикидывался овечкой,— бросил киммериец и после обманного движения стремительно послал клинок вперед, но соперник ушел от удара.

Симплициус искусно и просто вел оборонительную игру, и Конан понял, что исход поединка решит не хитрость и не сила, а выносливость. Нужно измотать противника, удвоив быстроту движений.

Тактика киммерийца оказалась верной. Симплициус не смог выдерживать темп, навязанный ему варварам. Возможно, сказалась наконец разница в возрасте. Чувствуя, что время работает против него, гандер разгорячился и начал допускать ошибку за ошибкой. Клинок Конана описывал сверкающие круги перед самой грудью соперника, нащупывая слабые стороны в защите. Симплициус сделал резкий выпад, но варвар проворнее змеи ускользнул из-под его руки и нанес легкий укол в грудь. Поскольку решено было драться до первой царапины. Конан опустил руку с клинком. И тут произошло нечто странное. Зрачки колдуна сошлись в точку и приковали к себе взгляд киммерийца. Между соперниками словно бы протянулась невидимая ниточка. Правая кисть Конана мгновенно оледенела, пальцы разжались помимо воли и выпустили рукоятку. В следующее мгновение лицо чародея передернулось, и варвар почувствовал, что снова владеет своим телом, как и прежде.

— Сердишься? — В голосе Конана прозвучали издевка и вызов.

— Ничуть,— возразил Симплициус с холодной улыбкой, но правая щека его чуть заметно дергалась, выдавая скрытое напряжение.

— А это? — Киммериец кивком указал на клинок, который валялся на земле.

Гандер смущился, как пойманный за руку воришка.

— Сила привычки. Иногда бывает трудно удержаться. Тебе ведь тоже хотелось всадить лезвие по самую рукоятку? Хмель схватки ударяет в голову.

Конан смерил его задумчивым взглядом. Похоже, пришло время кое-что выяснить. Симплициус растерян и может проговориться. Киммериец нагнулся, поднял оружие и стал разглядывать ажурный эфес и голубоватый гибкий клинок.

— Прекрасная работа... Твоя?

Чародей кивнул, явно радуясь перемене темы. Однако следующий вопрос гостя испортил ему настроение.

— На острове есть чудовища?

— Чудовища? — Удивление Симплициуса выглядело наигранным.

— Волосатые твари. Я видел их дважды.

— Что бы это могло быть? Ума не приложу.

Конан нахмурился. Врет, и весьма неискусно.

— Ты кого-то боишься? — наседал киммериец.

— Кого мне бояться? Пойдем лучше промочим глотку. Ты меня загонял. А потом я покажу тебе свои диковинки.

В укромном покое и вправду хранилось множество необычных вещиц. Первым на суд гостю было явлено оружие. Жадный огонек, разгоравшийся в глазах Конана, побуждал гордого обладателя сокровищ извлекать из резного ларя все новые и новые мечи, палаши и кинжалы.

— Иранистанская? — скорее утвердительно, чем вопросительно проговорил киммериец, разглядывая кривую саблю.

Хозяин покачал головой.

— Но ведь это булат. Посмотри на разводы! Такие клинки делают только там.

— Ну почему же...

— Неужели твоя работа?

Симплициус кивнул, не тая самодовольства.

— Разве тайну булата не берегут пуще гарема? Еще один беглый чудодей, вроде того стигийца? Ему — юшель, тебе — секрет?

Гандер не на шутку оскорбился:

— Я сам проник в тайну булата. Я чувствую металл. А как тебе вот это? — Он протянул Конану изящные нож-

ны из кожи. Травянисто-зеленый фон испещряли мелкие кружки цвета слоновой кости.— Сделано из шкуры акулы.

Конан недоверчиво хмыкнул:

— Зеленая акула? И шкура у них вся в шипах, а эта гладкая.

— В том-то и прелесть. Узор на коже — следы спиленных шипов. Выделанную кожу проплавили и окрасили. Выдумка кхитайцев. Потрогай рукоятку! Остатки шипов слегка выступают, чтобы кожа была шероховатой и не скользила в руке.

Киммериец погладил ножны, коснулся рукоятки.

— Акулы — жуткие твари. Рвут добычу на части. Откусывают ноги, руки...— Он поднял глаза на Симплициуса.— Ты узнал, кто изувечил твоего слугу?

Колдун отвел взгляд.

— Он пришел в себя, но ничего не вспомнил. А тот, кто привел его, не видел, как все случилось. Прибежал позднее.

— Так на острове нет хищников?

— Дались тебе эти звери... Лучше взгляни на это! — Симплициус достал из шкатулки деревянную фигурку вендинского брахмана — длинное одеяние, бритая голова, одна рука вытянута вперед. Фигурка была насыщена на тонкий стержень и свободно вращалась на нем.— Крутани ее!

Конан подтолкнул фигурку. Два-три оборота — и она застыла. Рука деревянного брахмана указывала в угол покоя.

— Попробуй еще раз!

Фигурка снова пришла в движение, пару раз обернулась вокруг оси. Указующий перст снова целил в угол.

— Колдовство?

— Внутрь вделан небольшой кусочек магического металла. Он обладает таинственной властью над железом, притягивает его. Вендинцы рассказывают, что один брахман взял с собой в путешествие посох с железным наконечником. Он направлялся к Гимелианским горам, туда, где обитают в пещерах отшельники, служители Асур. И когда старец всходил на холм, его жезл, если верить легенде, сам собой вошел в землю. С тех пор вендинцы научились ис-

пользовать этот дар богов. Их врачеватели с его помощью вытягивают наконечники стрел из ран.

— А эта игрушка?

— Рука брахмана всегда указывает на юг. Не спрашивай почему — я и сам не ведаю. Фигурку укрепляют на колеснице. Она помогает воинам-кшатриям находить дорогу в дальних походах. Да, вендицы хитроумны, — проговорил с восхищением Симплициус, возвращая фигурку в шкатулку.

— Еще как, — согласился Конан, наблюдая за тем, как гандер заботливо оборачивает оружие в тонкую промасленную кожу и укладывает в ларь. — В Шадизаре я знал одного вора из Айодхьи. Это у них было семейное ремесло. Передавалось от отца к сыну. Они приручали огромных ящериц. Тварь обвязывали веревкой. Та взбежит по стене и на крышу. Вцепится — не оторвешь. Дальше дело нехитрое: полезай по веревке в окно и бери, что душа пожелает.

Колдун бросил опасливый взгляд на варвара, потом — на сундук. Конан расхохотался и покачал головой:

— Это дело прошлое. Спи спокойно.

— Я и так сплю спокойно, — буркнул гандер.

— Навряд ли. Ты вздрагиваешь, косишься на углы. У тебя есть враги?

— Вздор, — отрезал Симплициус. — Ты чересчур подозрителен и везде ищешь подвох.

Резкий отпор только утвердил Конан в убеждении, что собеседник лжет. На благословенном острове, обласканном богами, явно творилось что-то странное. И киммериец готов был побиться об заклад, что гандеру это доподлинно известно, но увертливый и скользкий, как змея, владыка благоуханных кущ скорее язык себе откусит, чем вымолвит хоть слово правды. Конан нашел два одинаково убедительных объяснения его яростному нежеланию говорить о существах, которые бродили по лесу в опасной близости к усадьбе. Или эти твари были созданиями зловещего колдовского искусства Симплициуса в той же мере, что и его молчаливые слуги, или их сотворил кто-то другой, и этот другой держит гандера в постоянном страхе.

Как ни коротка оказалась встреча с чудовищем на пустынном берегу, она зародила впечатление, что существует связь между ним и диковинной челядью Симплициуса. Это впечатление не имело под собой никаких разумных резонов и основывалось на таком зыбком и неубедительном доказательстве, как взгляд. В красных гноящихся глазах зверочеловека читалось то же страдание, какое иногда проступало из-за зеркальной неподвижности взора слуг.

Было и еще кое-что. Во время своих скитаний Конан повидал предостаточно всякой нечисти: волков-оборотней, живых мертвцев, вампиров, змеелюдей, кутрубов. Она помнил то чувство гадливости, почти непереносимой, которую вызывали в нем Слуги Тьмы. Однако варвар не испытывал ничего подобного вблизи обитателей острова.

*В топи смрадной скрыто Зло,
Ткет тугую паутину.
Все вокруг заволоко,
Манят жертвы в гниль и тину.
Но конец его грядет.
Неминуемо отщенье.
Содрогнется зыбь болот
И растает наважденье.*

Легенда о Болотной Твари

Глава девятая

Конан лежал в траве под старым платаном, лениво смежив веки. Полдня он прослонялся без дела по усадьбе Симплициуса, но нигде не мог отыскать хозяина. Похоже было, что гандер, которому пришли не по вкусу настойчивые расспросы, избегал гостя. Слуги же или отмалчивались, или бормотали что-то невразумительное. От нечего делать киммериец понаблюдал за тем, как отжимают оливковое масло, плетут корзины из соломки и гибких стеблей лиан и свивают канаты из жестких нитей — волокон бананового листа. Он побродил по лесу, искупался и уже не находил себе места от скучи.

«Где носит этого гандера? Нергал его побери!» — думал варвар, рассеянно покусывая стебелек былинки.

— На твоем месте я не стал бы жевать что попало, — произнес негромкий насмешливый голос.

Конан вскочил.

— Где ты пропадал? Я тебя обыскался.
— Здесь много ядовитых трав, — продолжал колдун, как будто не слышал вопроса. — Взять хоть вот эту. — Костлявый палец указал на стебель, который карабкался вверх по шершавому стволу. — Ее соком куштицы смазывают наконечники стрел. Яд убивает мгновенно. Забавно, что капля

его, разведенная в изрядном количестве воды, способна исцелять. Зло идет во благо. Воистину граница между ними очень зыбка. В моем саду есть еще одно такое диво — дерево Иштар. Пойдем, я покажу его.

Киммериец последовал за гандером, мысленно проклиная жару и празднословов, которым не лень таскаться под пальящими лучами ради ядовитой дряни. Но, увидев деревце, пламенеющее цветами, Конан оживился:

— Вчера я видел много таких.

— Тебя занесло в Ущелье Сладкой Смерти? Надеюсь, ты недолго в нем оставался?

— Почему... Я даже вздрогнул там.

— И унес оттуда ноги? Наверное, сам Владыка Могильных Курганов радеет о тебе. Дерево Иштар — так назвали его шемиты — навевает сладострастные грезы, от которых уже не пробуждаются. А листья его — смертная отрава. Однако из них можно приготовить снадобье, от которого стихает мучительное колотье в сердце. Ты был на волосок от гибели.

Симплициус повернулся к дому.

— Так где же ты пропадал? — спросил Конан, нагоняя его.

— Меня обеспокоили твои рассказы о волосатых чудовищах. Я прихватил стражей и наведался в лес.

— И что же?

— Ты был прав. Мы поймали это создание, и я нашел ему полезное применение.

— Какое?

— Увидишь позже.

Ближе к вечеру слуга проводил Конана в мастерскую. Киммериец с интересом поглядывал по сторонам. Его отец занимался кузнецким делом, и многое из того, что увидел варвар, было ему знакомо: горн, наковальня, глиняный тигель для выплавки стали, обожженные спекшиеся куски руды. Всю черную работу выполняли слуги. Они дробили руду в каменных ступах, засыпали ее послойно с порошком древесного угля в тигель, вдували воздух кожаными мехами через тростниковые трубки, вмуранные у основания

печи, перетаскивали раскаленные отливки и махали молотами. Симплициус священодействовал. Гандер бросал в расплав какие-то порошки, шептал заклинания, чертил в воздухе загадочные знаки.

Конан переминался с ноги на ногу, недоумевая, зачем он тут торчит.

Один из подмастерьев подошел к хозяину и сказал что-то, но слова его потонули в грохоте.

— Эгиль, пора! Ведите! — крикнул Симплициус.

В дверях показались молчаливые рослые стражи, обычно ходившие по пятам за гандером. Они тащили косматую тварь, которая лязгала зубами, норовя укусить, злобно рычала и извивалась всем телом.

Подмастерье ухватил щипцами разогретый до белого каления клинок и поднес магу. Симплициус взялся за рукоятку голой ладонью и вогнал лезвие в живот чудовища. От страшного рева, казалось, падут стены. Гандер вырвал раскаленное стальное жало из тела зверочеловека и снова погрузил меч в содрогающуюся плоть. Ноздри колдуна бешено раздувались, глаза покернели от наплыва темной страсти, язык плотоядно облизывал губы. Конан прорычал ругательство и вышел вон из кузницы. Но его преследовали по пятам стоны и тошнотворный запах паленного мяса. Кто-то выбежал следом за варваром.

— Куда же ты? — окликнул чародей.

Киммериец оглянулся и смерил Симплициуса тяжелым взглядом. Прямо на глазах обугленное мясо на ладони колдуна отпадало кусками, как кора с дерева, а из-под него проступала глянцевитая младенчески-розовая кожа.

— Решил припугнуть меня? — спросил Конан. Он произнес эти слова негромко, с нарочитой медлительностью, но в них ощущалась свинцовая тяжесть.

— И не думал! — всплеснул руками гандер, но взгляд его говорил иное.— Я должен был разделаться со зверем. Он покалечил моего слугу и мог натворить еще немало бед.

— Но не заслуживал пыток.

— И кто мне это говорит? — Зрачки чародея буравили темное от гнева лицо Конана.— Можно подумать, ты добы-

ваешь себе пропитание игрой на лютне. Человек, именем которого пугают детей, решил преподать урок милосердия!

— Ты знаешь, кто я такой? — Варвар не смог скрыть изумления.

— Морской разбойник,— отрубил Симплициус.— Пират, перед которым дрожит все Черное Побережье. Кровавая слава опережает тебя.

— Пусть так,— признал киммериец бесстрастно и добавил с брезгливой гримасой: — Зато я убиваю в честном поединке.

— Какая разница? — отмахнулся Симплициус.— Конец один.

— Ты собираешься выдать меня?

— Зачем? Мне нет дела до того, что творится за пределами острова. Но здесь,— в голосе гандера появился металл,— здесь все должны подчиняться мне. Хочешь убраться восвояси и отыскать свою красотку — не лезь в мои дела.

— Ты и о Белит знаешь? — Киммериец встревожился.

— Кто же не слышал о Королеве Черного Побережья,— ответил Симплициус со зловещей усмешкой, а потом заговорил мягко и вкрадчиво: — Послушай, до сих пор мы неплохо ладили. Почему бы нам не вернуть мечи в ножны? — Голос колдуна стал медоточивым.— Тебе не понравился обряд. Что ж, я сожалею. Самый верный способ закалки — это нагревать клинок, пока он не засветится, как восходящее в пустыне солнце, а затем охлаждать до цвета царского пурпura, погружая в тело мускулистого раба. Знающие люди говорят, что сила раба переходит в сталь.

Конан поморщился, не тая отвращения:

— Мой отец обходился ледянной водой.

— Так-то оно так,— с готовностью подхватил Симплициус.— У каждого мастера своя метода, свои секреты. Иранистанцы, к примеру, охлаждают клинок на скаку. А ваны погружают его в мочу рыжего мальчика. Ну и где мне взять рыжего сопляка, скажи на милость?

Остров спал. Темные воды наползали на берег, подчиняясь волшебной силе луны, но их мерный шум не достигал

сердца острова, и не он разбудил человека, который стонал и ворочался на ложе из сухих листьев. Его потревожил не прибой и не белый свет, упавший на лицо. Кто-то назвал его по имени и коснулся плеча.

Конан открыл глаза и подумал, что кочует из одного кошмара в другой. Над ним склонилось чудовище, которое он видел в лесу а потом на берегу, косматое существо, принявшее мучительную смерть от раскаленной стали. Его безобразная морда слишком сильно запечатлелась в памяти чтобы можно было обознаться. Тот же низкий склоненный лоб, горящие угли глаз, вывернутые ноздри и пасть. Но голос... Киммериец сразу узнал этот густой низкий голос.

— Адъямбо, это ты, песий сын? Как? Откуда ты? Что с тобой?

— Конан,— отчетливо произнесло существо голосом лучника с «Тигрицы» и снова дотронулось до плеча варвара.

Киммериец резко сел и схватил за плечо того, кто сидел возле него на корточках.

— Говори же! Где Белит?

— Больно,— пожаловалось существо и попробовало освободиться, а когда ему не удалось ослабить железную хватку, задрало морду к небу и заскулило.

— Кром! Да очнись! — прорычал Конан и с силой тряхнул тварь.— Ты — Адъямбо?

— Адъямбо,— покорно повторил знакомый голос.

Что-то беснуло в густой шерсти. Киммериец потянулся и нашупал амулет — гладко отшлифованный кабошон из ляпис-лазури, оправой которому служил медный сквозной треугольник. Это и в самом деле Адъямбо. Конан хорошо помнил необычную вещицу. Кушит сам показывал ему талисман и даже хвастался, что это всевидящее око Ана Асule — Матери Вод, могущественной покровительницы его рода. Что же стряслось с беднягой? И где остальные?

Задумавшись, киммериец слегка разжал пальцы, и пришелец сразу этим воспользовался. Он вскочил и бросился бежать. Конан ринулся вдогонку. Разрыв между бегущими был невелик, но киммерийцу никак не удавалось сократить его. Недаром Адъямбо принадлежал к хокоро — племени

легконогих охотников, которые без труда загоняли антилопу. Пока кушит не вырвался за пределы сада, Конану еще ухитрялся не упускать его из виду, но в лесу беглец ускользнул из поля зрения, так что теперь только треск веток подсказывал направление, да и тот порой заглушался журчанием воды.

Неожиданно треск затих. Очевидно, преследуемый засыпал на месте, спрятался. А может, он выбежал на обширную прогалину. Конан перешел на шаг. Он знал, чего можно было ожидать от Адъямбо-человека, веселого болтуна и спорщика. Но кто угадает намерения Адъямбо-чудовища?

С трудом находя в тусклом свете следы босых ступней, киммериец выбрался на большую поляну возле реки. Тот, кого он искал, лежал ничком в густой траве. Конан решил обождать немного и последить за ним со стороны. Когда начало уже казаться, что Адъямбо испустил дух, бедолага, пошатываясь, встал на ноги. Он обратил к луне то, что недавно было человеческим лицом, и завыл. От этого монотонного тоскливого звука стыла кровь.

Конан не выдержал и вышел из черной тени на свет. Он не решался позвать несчастного, опасаясь снова спугнуть. Сначала тот не обращал внимания на близкое присутствие постороннего, но потом забеспокоился, оскалил зубы и негромко зарычал.

Киммериец подошел ближе:

— Адъямбо! Не убегай больше.

Рычание стало громче. В нем явственно звучала угроза. Конан пренебрег ею и сделал еще шаг. Рычание переросло в рев, и косматая тварь прыгнула на киммерийца, повалив его на землю. Варвар успел перехватить лапы, метнувшиеся к его горлу, сильным рывком перевернул противника на спину и придавил всей тяжестью. Клыки твари впились в плечо варвара. Конан взревел и, не выпуская мохнатых лап из тисков намертво сомкнувшихся ладоней, нанес удар по уху, полускрытыму жесткой шерстью. Челюсти твари разжались. Теперь уже она ревела, мотая головой, чтобы прогнать боль, кинжалом вонзившуюся в мозг.

— Адъямбо! — прохрипел Конан.— Брось дурины!

Зверочеловек злобно сверкнул глазами. Зубы его лязгнули возле самой шеи варвара, там, где пульсировала под кожей жилка. Разъяренный киммериец пригнул голову, как бык, готовящийся пустить в ход смертоносные рога, и углом лба боднул переносицу противника. Послышался хруст, кровь хлынула из вывернутых ноздрей. Голова твари мотнулась, как у тряпичной куклы, и упала с глухим стуком. Глаза ее остекленели, тело обмякло.

— Кром! — пробормотал Конан.— Только не это...

Отпустив безвольно повисшую шерстистую конечность, он просунул руку под затылок существа. Жесткая шерсть, которой коснулись его пальцы, быстро пропитывалась липкой теплой влагой.

Конан отодвинул в сторону застывшее тело твари и разглядел в траве камень с черным расплывающимся пятном. Ухо варвара прижалось к мохнатой груди, но не услышало глухих толчков сердца. Киммериец в отчаяньи смотрел на мертвца. Теперь ничего не узнать. Хотя, если подумать... Колодун... без него тут не обошлось.

Вскоре огромные кулаки обрушились на медные ворота.

— Колодун, выходи! — гремел Конан.— Не прячься!

Сухая горячая ладонь легла на его плечо.

— Перебрал вина? — произнес иронический голос.— Или это музыка тебя так распалила? — Ужинали в тот вечер под меланхолическое пение свирели и звуки лютни, по-видимому, для того, чтобы заполнить долгие тяжкие паузы в несвязной застольной беседе.

— Вот! Гляди! — крикнул киммериец, выкинув вперед руку с амулетом, болтающимся на кожаном шнуре.

— Ты будил меня, чтобы показать эту безделицу? — презрительно скривился Симплициус.

— Это амулет. Я снял его с мертвого чудовища. А раньше он принадлежал лучнику с «Тигрицы».

— Ничего не понимаю.

— Не лги! Кушита превратили в косматую тварь. И не его одного, как видно.

— И ты подозреваешь меня? — Гандер помрачнел.— Что же, видно, придется все тебе рассказать.

...Рассвет застал Конана у реки. Варвар прятался в ветвях огромного дерева, как дикая кошка, поджидающая добычу у водопоя. Киммериец оседлал толстую ветку, которая протянулась над водой. На сгибе его локтя висела смотанная в кольца веревка.

«Ага, вот и они», — прошептал Конан.

Течение принесло несколько странных предметов, напоминавших сачки без рукояток. Назначение их не было тайной для киммерийца. Он накануне видел, как слуги Симплициуса ловят рыбу. Из одеревеневшего стебля лианы гнули обруч и подвешивали в чаше, где водились огромные пауки-птицееды. Насекомое опутывало кольцо прочными волокнами. Сетки из паутины с приманкой — рыжими муравьями — пускали по воде, а затем вылавливали ниже по течению вместе с рыбой, угодившей в сачок.

Появление обруча было сигналом: сейчас покажется лодка. Киммериец взял кольца веревки в правую руку и, слегка наклонив вперед корпус, изготовился к броску. Из-за излучины выскользнул легкий челн, которым правил юркий щуплый человечек, темноволосый и смуглый. Нос лодки поравнялся с укрытием Конана, кисть с веревкой стремительно описала круг и вылетела вперед. Вокруг шеи гребца захлестнулась петля. Человек захрипел, схватился за горло. Скрюченные пальцы пытались оттянуть удавку, но резкий рывок положил конец агонии. Обмякшее тело сползло на дно лодки.

Конан спрыгнул на землю, подлетел к берегу и ухватился за борт лодки, которую, на его счастье, отнесло к мелководью. Он оглядел мертвца и удовлетворенно хмыкнул, увидев короткие ножны у пояса. Киммериец снял пояс со слуги, освободил его шею от петли, снова смотал веревку и кинул на дно лодки — еще пригодится, потом выбросил мертвое тело в реку.

Варвар хмурился. Происшедшее не доставляло удовольствия, но гандер вынудил его на убийство. «Нет-нет, я не могу дать ни лодки, ни оружия. Почему ты не хочешь оставить все как есть? Случившегося уже не исправить. Не сегодня-завтра ты покинешь остров, и все забудется». Что

ж, можно обойтись и без помощи труса. Мгнение свершится, чего бы то ни стоило. Кинув прощальный взгляд туда, где за деревьями стоял дом Симплициуса, Конан сел в лодку и оттолкнулся веслом от берега.

Сначала поток бежал между громадных платанов. Их рябые, в мраморных разводах опадающей коры стволы достигали необыкновенной толщины. Солнечные лучи свободно прокладывали себе дорогу сквозь скопления широких вырезных листьев. В пыльных столбах света носилась мошкара.

Конан опускал и поднимал весло почти бессознательно. Он снова мысленно переживал разговор с Симплициусом. В голове носились обрывки фраз. «Я нарушил последнюю волю наставника. Мне нет прощения... Я хотел забыть, но какая-то злая воля выжгла заклинание в моем мозгу... Я пытался занять свой ум другим, однако тайна разъедала его».

Киммериец поежился, припомнив глухое звучание голоса чародея, его мертвые, пустые глаза и тряску костлявых пальцев, которые силились удержать кувшин с вином. Рубиново-черная лужица растеклась по столу, словно кровь, скрепившая договор с Темными Силами.

От внезапного толчка лодка чуть не перевернулась. Варвар так глубоко задумался, что посадил челнок на мель. «Нашел время!» — выругал он себя, выгребая на глубину, и обвел взглядом берега. Все чаще попадались тинистые заводи, поросшие тростником. Вода стала бурой и мутной. Деревья — мрачные болотные кипарисы — стояли стеной, так что передвигаться в этих местах можно было только по воде.

«Он забрался в самое сердце болот, — всплыли в памяти слова Симплициуса, — и оттуда вершит черные дела». Пожалуй, тут начинаются владения ублюдка, который за все ответит. Сколько людей с «Тигрицы» угодили в его лапы? Что, если между ними была Белит? Конан стиснул зубы. Видит Кром, он посчитается с выродком, и никакая волшба его не остановит.

Что там бормотал Симплициус? «Тебе ничего не угрожает. Наложенное мной заклятие убережет от злых чар.

Он даже не ощущает твоего присутствия». Тем лучше... Значит, подобраться к логову будет легко.

Траурные кроны сомкнулись над рекой, образовав темный коридор. Бахрома седого мха свисала с веток. Кое-где из чернильной воды торчали искривленные корни. Тяжелый неподвижный воздух был насыщен удушливыми испарениями. Рядом с лодкой медленно и бесшумно проскользнул чешуйчатый зигзаг — тело водяной змеи.

Один вид гада, посвященного Отцу Тьмы, снова вызвал в памяти признания чародея: «Наконец я решился. В такую же ночь, как эта, я взошел на вершину горы и отыскал на небе кровавую звезду. А может быть, это звезда наконец отыскала меня. Нагой, как в час рождения, я пал ниц и молил об очищении. Звездные врата отверзлись передо мной. И два великих начала бытия вступили в спор. Они боролись в черной бездне надо мной и во мраке внутри меня. Сначала был хаос, сплетение двух вихрей. Потому они разорвали пополам мою душу. И нас стало двое. И каждому было дано свое: одному — Свет, другому — Тьма. Скоро нам стало тесно в одной скорлупе. Он переселился в новую оболочку».

Теперь многое прояснилось для Конана. Островом правили Двое. И ни один не мог взять верх, потому что это были половинки целого. Но судьба бросила чужака на чашу весов, чтобы возобладало угодное ей. Странное же орудие она выбрала... Киммериец, пожалуй, не стал бы влезать в чужую расплюю, не коснись она людей с «Тигрицы». Ужасная участь Адьямбо вызывала к отмщению. И Конан, блуждая взглядом меж черных стволов, тянувшихся вверх из топи, клялся именем Крома воздать за зло сторицей.

Болота кишили отвратительной живностью: пучеглазыми жабами, скользкими гадами и крокодилами, которые неподвижно лежали в смрадной жиже или карабкались на торчащие из нее корни. Неподвижные равнодушные глаза рептилий провожали утloe суденышко, которое стремилось к озеру, где обосновался владыка хляби.

*В путах зверь.
Ему конец.
Вышла славная охота.
Что ж не радостен ловец?
На челе его забота.
Что поймал, не знает сам,
На добычу смотрит хмуро.
Долго рыскал по лесам,
Да выходит, рыскал сдуру.*

Легенда о Болотной Твари

Глава десятая

Черный свод, образованный кронами кипарисов, оборвался, открыв взгляду небо, и глаза Конана, утомленные полумраком, жадно впитали насыщенную светом синеву. Киммериец завел лодку под покров свисающих к самой воде ветвей, чтобы осмотреться, не обнаруживая себя.

Посреди озера из воды поднимались сваи, которые несли бревенчатый помост. Четыре угловых столба поддерживали навес, крытый сухим тростником. Примерно половина пространства под ним была отгорожена стенками из переплетенных лианами вертикальных жердей.

Варвар разглядел лодку, которая покачивалась на волнах под помостом, и губы его тронула улыбка: зверь в логове. Теперь оставалось только придумать, как проникнуть в берлогу, не потревожив его раньше времени. Хижина неспроста поставлена на воде. Все подступы к ней отлично просматриваются. Что же предпринять? Бросить челнок в прибрежных тростниках и переправиться вплавь? Расстояние, которое нужно покрыть, не так уж велико — три полета стрелы, только вот крокодилы... В озере их хватает. Кто опаснее — хищник на двух ногах или те, что поджидают добычу в воде?

Пораскинув мозгами, Конан решил, что челюсти крокодилов не страшнее ворожбы. С ними, на худой конец, можно справиться, пустив в ход нож. И лишь одни Светлые Боги знают, как совладать со Слугой Тьмы.

Киммериец подергал себя за мочку уха, что было признаком некоторого замешательства. Он бросился на поиски злодея очертя голову и только теперь осознал, что не имеет ни малейшего представления о том, как избавить мир от человека, огражденного могуществом колдовских чар.

Симплициус утверждал, что неуязвим. Стало быть, и тот другой так же надежно защищен от посягательств на его жизнь. Но возможно, гандер соглас. Колдуны боятся огня. Не подпалить ли гадючье гнездо вместе с его обитателем? Пустить в него подожженную стрелу, например... Мысль недурна, но где взять огонь? Искать кремни на болоте глупо. Вернуться назад? Еще глупее. Симплициус наверняка уже хватился гостя, смекнул, куда тот отправился, и послал слуг на розыски. Нельзя исключить, что те уже нашли мертвое тело. Но даже если гандер еще ни о чем не подозревает, тьма времени уйдет на то, чтобы найти кремни и сделать лук. Кто поручится, что змея не уползет до той поры? К тому же эта мразь должна сгинуть не раньше, чем выхаркает с кровью правду о судьбе кушитов с «Тигрицы». Неразумно обрывать ниточку, возможно ведущую к Белит. Итак, надо положиться на удачу.

Решив действовать без промедления, Конан загнал челнок в густые заросли тростника, стянул тунику, оставил на теле пояс с ножами, потом срезал пустотелый стебель и подул в него — проверил, свободно ли проходит воздух. Он задумал прибегнуть к уловке, которую еще мальчишкой перенял у отца. Каждый из воинственных горцев был готов по первому зову сменить мирное ремесло на кровавый труд ратника. И Ниун, искусный кователь в мирное время, не раз участвовал в набегах. Он знал, как подобраться к врагу под покровом воды, и научил этому сына.

Конан заткнул тростинку за ухо и выбрался из челнока в мутную воду, которая доходила ему до пояса. Ноги тут

же по щиколотку ушли в ил. Варвар сделал несколько осторожных шагов, с трудом вырывая стопы из вязкой грязи и осторожно раздвигая тревожно шелестящие стебли, затем бесшумно погрузился в воду по шею, вставил тростинку в рот и поплыл. Зеркальная гладь сомкнулась над ним, и только стремительное перемещение конца дыхательной трубы выдавало присутствие пловца под блестящей поверхностью. Впрочем, обнаружить его с того расстояния, которое отделяло варвара от дома на сваях, мог бы только очень зоркий и придиличный наблюдатель, заранее осведомленный, откуда можно ждать непрошеного гостя.

Киммериец был отличным пловцом и мог подолгу находиться под водой, просто задерживая дыхание в необъятной груди. Легкие его работали исправнее кузнецких мечей. Но сейчас его продвижению вперед сильно мешала мутная взвесь, которая делала воду едва проницаемой для взгляда. Конан плыл почти наугад, руководствуясь только подсказкой чутья, безошибочного и по-звериному острого. Он не проиграл, доверясь инстинкту: впереди обозначились очертания темных столбов, уходящих в дно.

Варвар уже мысленно возносил хвалы Крому, когда чуткий страж, его внутренний голос, предупредил об опасности. Взор киммерийца притягивали сваи впереди, но кожей он почувствовал вибрацию воды. Черноволосая голова повернулась, и Конан увидел длинное темное пятно, быстро надвигавшееся слева. Случилось то, чего он опасался с самого начала. Одна из гнусных тварей, которые дремали на мелководье, вздумала полакомиться человечиной. Счастье еще, что сородичи огромного зубастого ящера поленились разделить с ним трапезу.

Цель, к которой стремился Конан, была уже совсем близка. И он рванулся вперед, удвоив темп движений, хотя раньше думал, что плыть быстрее просто невозможно. Ему уже приходилось вступать в единоборство с крокодилом на суше, и варвар познал на собственном опыте, как трудно поразить чудовище. Страшные челюсти, ухватив добычу, не ослабляли смертельной хватки, даже если удавалось ранить ящера. А сделать это было не так-то просто, потому что его

защищал твердый панцирь, покрывающий почти все тело, и хвост, способный одним ударом сломать хребет быку. Грозный на земле, хищник в родной стихии становился опаснее стократ.

Человек и ужасное животное почти одновременно достигли черных столбов. Оказалась на месте Конана кто-то другой, не обладающий свирепой волей киммерийца, ужас погнал бы его из воды на деревянный помост. Однако раньше, чем он успел бы взобраться вверх по скользкой свае, огромные челюсти могли сомкнуться на ноге и утащить жертву на дно. Поэтому варвар напал первым. Он выхватил нож и, молниеносно поднырнув под брюхо рептилии, вонзил нож возле передней лапы, метя в сердце. Затем, так же стремительно, Конан метнулся к днищу лодки, которое чернело неподалеку, и, ухватившись за борт, перекинул через него тело. После нескольких судорожных вздохов он глянул в сторону, но ничего не мог рассмотреть из-за крови, которая густо окрасила воду.

Киммериец с облегчением перевел дух, подумав, что, слава Крому, не промахнулся. Но в то же мгновение страшный удар накренил легкий челнок, выбросив человека в воду. Разъяренное чудовище всплыло на поверхность. Огромная пасть разверзлась, показав бездонную красную глотку. Из нее вырвался рев. Воду вспенили удары хвоста. Казалось, теперь уже ничто не спасет варвара. Но сам он думал иначе.

Конан нырнул в красную от крови воду, внезапно возник сбоку от беснующегося зверя и, упервшись в плечо ящера, прыгнул ему на спину. Рука с ножом взлетела и вонзила лезвие в глаз страшилища. В то же мгновение крокодил нырнул на дно, увлекая за собой оседлавшего его человека.

Некоторое время поверхность воды еще ходила ходуном. Когда же волны, поднятые конвульсиями гигантского тела, почти разгладились, над ними всплыла черноволосая голова. Киммериец, целый и невредимый, грузно перевалился через борт лодки и распростер неожиданно отяжелевшее тело внутри нее.

Не обращая внимания на боль, которую причиняли спине впившиеся в нее деревянные ребра каркаса, Конан напрягал слух. Он старался угадать, что происходит наверху. Рев зверя мог и мертвого поднять из могилы. Однако ухо киммерийца не уловило ни скрипа бревен под ногами хозяина уединенного жилища, ни звуков голоса — ничего, кроме свиста, перемежающегося с оглушительным храпом.

Варвар сел, запустил пятерню в мокрую гриву и подергал в задумчивости сплющившиеся пряди. Этот урод, похоже, дрыхнет как убитый. Проклять! Искупаться в гнилой жиже на потеху мерзкой ящерице, которая таки чуть не утащила с собой на дно, и все для чего? Чтобы не переполошить ублюдка, которого, кажется, не разбудит даже барабанный бой над ухом! Это ему дорого обойдется. Шкуру мало содрать с мерзавца. Свирепая физиономия варвара расплылась в мстительной ухмылке.

Карафаясь вверх по осклистой свае, а потом подтягивая на руках тело к краю настила, Конан размышлял с тайным удовольствием, что будет приятнее — загнать шипы под ногти сыну гиены или подпалить ему пятки. В действительности киммериец никогда не унижался до пыток, просто надо было выпустить досаду. Все шальные мысли отлетели, как только он выбрался на помост.

Середину небольшой площадки перед загородкой занимал обложенный камнями металлический чан, черный от копоти, с кучкой углей и пепла на дне. Возможно, время от времени его использовали для зловещих магических ритуалов, но сейчас он выглядел вполне безобидно в сочетании с вертелом, на котором красовалась прожаренная до золотистой корочки порослячья тушка. Конан проглотил слюну. Он успел забыть, когда ел в последний раз, а тот, по чью душу явился мститель, явно не морил себя голодом. В глиняной миске краснели панцири вареных раков, рядом лежала связка бананов, пара оципанных и выпотрошенных уток. Киммериец поискал бочонок или глиняный сосуд с водой — его мучила жажда, но, видно, чревоугодник предпочитал иную влагу.

Конан двинулся к темному проему, из которого долетал оглушительный храп, и заглянул внутрь. На куче тростника мирно покоилась глыба мяса, втиснутая в засаленные холщовые штаны. Спящий сладко причмокивал и выводил носом трели. Объемистое брюхо мерно вздымалось и опадало. Короткопалые мясистые руки толстяк молитвенно сложил на голой груди, густо поросшей черной шерстью. Изобилие растительности на теле искупалось ее недостатком на голове. Низкий лоб переходил в блестящую шафранно-желтую лысину, окаймленную длинными жирными прядями, черными с проседью.

«Ну и рожа!» — сказал себе Конан и был совершенно беспристрастен, ибо язык не поворачивался назвать лицом комбинацию заплывших жиром глазок, шишковатого пористого носа, вывороченных толстых губ и тройного подбородка.

Скоро киммериец открыл причину безмятежного забвения, в котором пребывал хозяин дома. Возле неказистого ложа багровело обширное пятно. Если бы не богатырский храп и колыханье жирной туши, можно было подумать, что кто-то опередил варвара и пустил кровь толстяку. Рядом валялась бутыль из выдолбленной тыквы. Конан поднял ее и обнюхал. В ноздри шибанул кисловатый винный дух.

«Теперь все ясно, — подумал варвар. — Этот хряк налился вином до самых бровей. Ему хоть пятки пали — даже ухом не поведет. Неужели эта свинья вылакала все?»

К радости киммерийца, в темном углу отыскались еще две пузатые, надежно укупоренные бутыли. Прихватив одну из них, Конан пошел проведать поросенка. Резонно рассудив, что после разговора с ним храпуну уже не понадобится вся эта аппетитная снедь — человеку с вырезанной печенью пища уже ни к чему, варвар наелся до отвала и влил в себя половину бутыли. Он охотно осушил бы флягу, потому что рубиновая кровь виноградных гроздьев против ожидания отличалась изысканным букетом, но обстоятельства обязывали к умеренности. Благо живой пример того, к чему может привести невоздержанность, валялся неподалеку, не

подозревая, какие черные тучи собирались над его сияющей лысиной.

Сытно рыгая, Конан кончиком ножа выковыривал из зубов волокна мяса и размышлял о том, что вино, которое толстяк хлещет целыми бутылями, явно из кладовых за-пасливого Симплициуса. Этот вкус ни с чем не перепутаешь. Любопытно, ворует ли злонравный сосед у благонравного, или этот последний старается задобрить подачками опасного соперника?

Киммериец потянулся. Как сладко спит эта туша! Даже зависть разбирает. Не пора ли развеять невинные грэзы? Злорадно усмехаясь, Конан обвязал веревкой флягу, опущенную толстяком, и бросил в озеро, чтобы набрать воды. Болотная жижа пополам с кровью зубастого гада — как раз то, что нужно для Черного Колдуна. Это его освежит. Однако не мешает прежде стреножить мерзавца и вообще связать покрепче, чтобы не взбодрился сверх меры. Скорее всего, ублюдка так легко не утихомиришь, но, по крайней мере, те несколько мгновений, которые он потратит, избавляясь от пут, можно будет обратить себе на пользу.

Обшаривая хижину в поисках крепкой веревки или кожаных ремней, Конан попутно искал оружие. Он бы сейчас не отказался от одного из тех клинков, которые показывал Симплициус, даже оскверненного кровавой закалкой. Тесак, который висел у варвара на поясе, казался ему недостаточно внушительным для предстоящего объяснения. Ничего — ни меча, ни сабли, ни даже более или менее приличного ножа. Только ржавое выщербленное лезвие с деревянной рукояткой. Оно годится разве что для потрошения дичи. Хотя почему тут удивляться: человек, владеющий Тайными Искусствами, не нуждается в оружии. А толстяк, судя по всему, вообще ни в чем не нуждается, кроме обильной еды и выпивки. Все его имущество — драные портки, черные от грязи.

Варвар и сам мог довольствоваться малым, но не чурался и роскоши, когда выпадал случай. Правда, богатство всегда утекало у него между пальцев, как песок или вода. Он

щедро сорил золотыми и не жалел об этом. Никто не смог бы поколебать уверенности Конана в том, что рано или поздно он восседает на сверкающий престол, но пока киммериец ценил свободу превыше золотых цепей.

Стянув веревками жирные запястья и щиколотки спящего, который только промычал что-то, Конан снова взгляделся в его пухлую физиономию и наморщил лоб. Киммерийца посетило ощущение, что его крупно надули, подсунув под видом дикого вепря смиренного домашнего борова. Рожа-то она рожа, да уж больно безобидная. Конечно, обличье обманчиво. Варвар вспомнил старца, который хаживал к Абулетесу в Шадизаре. Благообразен был, лицом светел — ни дать ни взять жрец Митры. Не выносил вида крови, а потому жертвы свои душил шелковым шнуром.

Может, толстяк совсем не тот, о ком говорил Симплициус? Какой-нибудь подручный или слуга Черного Мага. Спит себе мирно, а его повелитель тем временем рыскает по болотам.

Конан устал строить догадки и щедро плеснул воду из фляги на физиономию толстяка. Тот заворочался и негоду-юще пробасил:

— Уйди, червь. Оставь меня.

Киммериец пнул его ногой в бок:

— Продирай глаза, падаль!

Маленькие припухшие глазки вытаращились на незнакомца:

— Ты чего?

— Чего-чего... Сейчас узнаешь.— Конан приставил нож к тому месту, где за складками жирного подбородка скрывалась шея.

Толстяк прочистил кашлем горло и, склонив по-птичьи голову набок, хитро блеснул мутными глазками.

— Вижу, разговор пошел нешуточный. Даже веревки на меня навертел.— Он окинул заинтересованным взглядом свои руки, как будто оценивал работу мастера.— Узлы-то какие хитрые! Жаль, право, жаль... Сколько трудов положено.

Конец веревки вдруг вильнул, как змеиный хвост, она заскользила. Узлы развязывались сами собой. Конан и бровью не повел. Он ожидал чего-то в этом роде. И все-таки зрелище его захватило. Варвар глазел на руки толстяка, как ребенок, которому показывают фокус. И странное дело, он не чувствовал ни малейшей тревоги, хотя было ясно, что скоро дело дойдет до ног. Так оно и вышло.

Освободив щиколотки, толстяк встал, поддернул штаны и направился прямиком к тому углу, где лежали фляги с вином.

— А где вторая? — спохватился он, потом махнул пухлой рукой и основательно приложился к оставшейся бутыли.

Киммериец с восторгом следил за тем, как вино с бульканьем переливается из маленького шара в большой, на жирных ножках.

Наконец толстяк опустил флягу, обтер лоснящиеся губы и хрюкнул от удовольствия.

— Так чего тебе надо, дубина? — пророкотал он густым утробным голосом.

— Ты губишь людей, гнус! — рявкнул Конан, хотя сам уже не верил тому, что говорил.

— Людей? Каких людей? Последний раз я видел человека лун пять назад. Хотя эту скотину трудно назвать человеком.

— Я все знаю,— наступал киммериец.— Он мне рассказал.

— Кто — он?

— Симплициус.

— Кто-кто? — Толстяк от хохота чуть не сложился пополам, как будто его ткнули кулаком под ложечку.— Еще одна...— проговорил он через силу, задыхаясь от смеха.— Еще одна глупая муха в паутине.

Конану кровь бросилась в голову. Забыв обо всем, он черным смерчом налетел на обидчика. Жесткие пальцы схватили плечо толстяка и тряхнули так, что зубы насмешника лязгнули, едва не прикусив язык.

— Тупая скотина,— проворчал хозяин убогого жилища, вытирая кровь, которая бежала струйкой из уголка рта. Он повел плечом, и пальцы варвара непроизвольно разжались. Толстяк нашел заветную бутыль и снова надолго припал к ней губами.

— Кажется, я укоротил твой язык,— усмехнулся киммериец.

Ответом ему было мрачное сопение. Шаркая ногами, хозяин хижины вышел наружу.

— И почему я терплю этого назойливого болвана? — донеслось недовольное бормотание.— Сожрал мой ужин. И хвороста нет, как нарочно.

Брюзжанье стихло. Слышно было, как стонут бревна под тяжелыми шагами. Что-то звякнуло. И вдруг потянуло соблазнительным запахом жареной птицы. Любопытство выманило Конана на площадку под навесом.

Толстяк склонился возле металлического чана и водил руками над вертелом с двумя птичьими тушками. Железный прут медленно вращался, подставляя то один, то другой утиный бок под красноватое жаркое свечение, испускаемое широкими ладонями. Птица на глазах подрумянивалась, соблазнительно шкворчал проступающий из под кожи жир.

Колдун с кряхтением разогнулся, потер затекшую поясницу.

— На что приходится тратить Силу,— пожаловался он.— И все из-за тебя, сын осла.

— Ну-ну, толстяк, полегче,— добродушно огрызнулся варвар, которого позабавило необычное применение волшебного дара.

— Пес шелудивый... Пожиратель падали...

— Не лопни от злости, пузырь. То-то натечет жиру.

— Отрыжка крокодила.

Оба загоготали, проникаясь взаимным расположением. Толстяк стащил с вертела одну тушку и протянул Конану:

— Не люблю разговоров на пустое брюхо.

— Как мне тебя называть? — спросил Конан, сдирая зубами сочное мясо.

— Зови как вздумается. У меня нет имени. Ничего нет. Чужое тело и клочок разодранной пополам души.— На мгновение толстяк даже перестал жевать и посмотрел на жареную утку так, словно она была источником всех его злоключений.— Впрочем, я согласен откликаться на Гуго. Так звали одного полоумного побиушку.

— Хорошего же ты мнения о себе.

— Я такой же жалкий скот, как и все двуногие, да простит меня Митра. Хлебни лучше винца и растолкуй, какой демон занес тебя на болота.

В нескольких словах киммериец описал свои приключения и передал рассказ Симплициуса. Физиономия толстяка омрачилась:

— Вот оно что. Отмар свалил на меня свои пакости...

— Отмар?

— Да, это наше... это его имя. Точнее, имя того, кто по неразумию погубил себя.

— Значит; Тьма — в нем, а в тебе — Свет.

Человек, взявший себе имя юродивого, расхохотался.

— Из бронзы не получишь золота, даже если сумеешь разделить красную медь и белое олово. Бронза еще хотя бы чего-то стоит.

— Что-то я не возьму в толк...

— Все проще простого. Был человек. Ни плохой, ни хороший. Ученик великого мага. Он обокрал наставника — обманом проник в тайну, которую учитель хотел унести с собой в могилу. Сначала недоучке, отведавшему только вершков науки, хватало сообразительности использовать только то, что поддавалось его разумению. Но потом он возомнил себя светочем мудрости. А может, его толкали Темные Силы. Как бы то ни было, из одной посредственной души получились две убогие душонки, в которых всякого понамешано. Разница лишь в том, что я беспросветно ленив, а он от скуки измысливает все новые гадости.

Конан беспокойно заметался. Он только теперь заметил, что уже давно перевалило за полдень и небо начинает бледнеть.

— Почему Симп... этот твой Отмар не превратил меня в чудовище?

— Может, ты ему понравился? — хохотнул Гуго.— Хотя вряд ли. Ему по нраву только одна персона — он сам. Скорее всего, Отмар затеял игру. Хотел растянуть удовольствие.

Киммериец покачал головой в сомнении:

— Он был гостеприимен и тароват.

— Хороший хозяин откармливает скотину, прежде чем пустить на убой.

— Зачем он дал лодку? Я мог сбежать.

— На такой скорлупке? Первая же волна положила бы конец твоим странствиям. Думаю, Отмар надеялся, что ты найдешь своих спутников и вместо одной игрушки он заполучит сразу несколько. Знаешь, в здешних речушках водятся потешные рыбки. Выуживаешь одну, а другая цепляется ей за хвост. Можно на один крючок поймать сразу дюжину.

Конан уставился на темную воду, над которой висела белесая пелена тумана.

— Но я никого не нашел.

— Твои друзья сами угодили в ловушку. Кажется, я их видел. Иногда мне надоедает грязная конура. Я ведь здесь не по своей воле. Сначала Отмар выпихнул меня в эту жалкую оболочку — тело умирающего раба, потом загнал на болота.

— И ты позволил?

— Я мог бороться, но не победить. Мы равны по силе. Целясь в него, я попаду в себя. Представь, что у тебя есть брат, с которым ты вместе рос в утробе и в один день появился на свет. Смог бы ты отправить его к Нергалу, окажись он даже отъявленным негодяjem?

— Не знаю,— покачал головой варвар.— А что ты видел?

— Я спустился вниз по реке, к самому устью.

— Это где деревья стоят в воде?

— Да. Вдоль берега на север проплыла лодка. Шестеро гребцов-кушитов и черноволосая женщина.

— Проклятье! Белит здесь. Неужели все пропало? Ты можешь снять чары?

Гуго покачал головой, пряча взгляд.

— Скажи хотя бы где они? Бродят в чащे?

— Возможно. Или Отмар прячет их в укромном месте. Видишь ли, каждого, кто попадает на остров, он подвергает обряду.

— Очищение?

— Вот-вот. Все, кто служит ему, были когда-то обычными людьми. Но иногда выходит так, что после очищения вместо покорной, бессловесной твари получается свирепый зверь. Ты сам встречал таких. Обычно превращение требует не больше Силы, чем я потратил, жаря уток. Однако для того, чтобы справиться с человеком, который обладает могучим духом, как ты, надо дождаться благоприятного расположения звезд или хотя бы полнолуния.

— То-то он просил подождать до полнолуния.

— Твои спутники... что они за люди?

— С ними легко не сладишь.

— Возможно, надежда еще есть. Если, конечно, ты успеешь отыскать их, пока не взойдет полная луна.

Кровавое око
На синем просторе
Сияет высоко
Над сумрачным морем.
И луч его красный
Сверкающей спицей
Меж Злом и Добром
Выжигает границу.

Книга Звезд

Глава одиннадцатая

На закате следующего дня Конан причалил лодку у подножия черной скалы на западном берегу острова.

Гуго не знал, где можно прятать пленников, но двумя словами натолкнул киммерийца на разгадку.

«Отмар иногда заглядывает ко мне. Привозит еду и вино — пьяного можно не опасаться. К тому же он любит произносить долгие цветистые речи, а слуги не в состоянии оценить по достоинству его краснобайство. С таким же успехом можно витийствовать перед деревом. Так что все эти нескончаемые потоки слов он изливает на меня. Помню, он рассказывал о пещере в горах. Хвастал, что его Сила под землей становится необоримой. Я тогда был изрядно пьян и половину прослушал. Что-то он болтал про дракона. Хвост дракона или зубы... — Толстяк скроил ужасную гримасу, мучительно припоминая упущенное, потом просиял и шлепнулся по лысине. — Ноздри! Ноздри дракона!»

При последних словах в памяти киммерийца вспыхнула яркая картина: скала, похожая на голову чудовища, и в ней два круглых отверстия, из которых вырываются струи пара. Он видел Ноздри Дракона, когда огибал остров в поисках

Белит и моряков с «Тигрицы». Кратчайший путь к этому месту лежал вверх по реке, к ее истокам, и дальше через горы. Но варвар не мог выбрать его, потому что не был уверен, сумеет ли через ущелья, камнепады и ледники выйти точно к скале, извергающей пар. К тому же река текла совсем рядом с владениями Симплициуса, а преждевременная встреча с гандером не входила в намерения Конана. Он хотел сначала вызволить Белит.

Можно было спуститься к океану по одной из речушек, берущих начало в озере, дальше плыть вдоль берега и обогнуть северную оконечность острова. Но и здесь шныряли слуги колдуна. Самым безопасным представлялся заброшенный южный берег, наполовину заросший лесом, на половину гористый.

Ночная тьма еще не рассеялась, когда Конан покинул дом на воде. Гуго наотрез отказался искать вместе с ним пропавших. Не было таких проклятий и угроз, которые варвар не обрушил на голову толстяка. Но тот только покорно кивал, пока грозный киммериец честил его на все лады. По-бабы суетясь, Гуго собрал все съестное, что еще оставалось в хижине, и всучил Конану. При этом он умоляюще заглядывал в гневные синие глаза варвара, как трусоватый пес, которому хозяин приказал перегрызть горло тигру, и вздохнул с облегчением, только когда членок, направляемый опасным гостем, поглотила темнота.

Спускаясь вниз по реке, Конан не раз помянул Крома, Митру и Нергала. Тесное переплетение веток над его головой не пропускало жидкий лунный свет, и под древесным сводом темень была такая, что киммериец диву давался, как еще не налетел на плавучую корягу или крокодила. От рева этих чудовищ воздух дрожал и бил волнами в уши. Но, должно быть, сам Податель Жизни вел Конана по черному лабиринту, или Владыка Могильных Курганов призрел одно из своих чад. А может, Нергал поостерегся допустить в свои владения буйна, способного нарушить унылое благолепие Серых Равнин. Быстрые воды благополучно вынесли членок туда, где лунное молоко разливалось по дегтяю лениво плещущих волн.

По сравнению с исходом из болотного царства дальнейшее плавание показалось Конану детской забавой, но хотя путь был уже знаком киммерийцу, времени он отнял немало. И теперь, достигнув наконец громады, принявшей черты злобного монстра, варвар с беспокойством поглядел на меркнущее небо. Он отыскал Ноздри Дракона, но не знал, как проникнуть в его каменное чрево. Не лезть же в отверстия, из которых бьет пар. Там быстро сваришься живьем. Должны быть и другие бреши, хотя бы вход, через который попадает в пещеру колдун.

Выбрав для восхождения участок скалы, где попадалось больше всего неровностей, Конан вскарабкался на нее с ловкостью ящерицы. На макушке драконьей головы он не обнаружил ни провалов, ни трещин и углубился дальше в скалы. После нескольких утомительных подъемов и спусков киммериец вышел к глубокой расщелине. Отерев пот с лица, он сел на камень и задумался. Мысли его были чернее скал, ревниво хранящих свои тайны. Скоро опустится темнота, и тогда конец поискам. Будь проклят этот остров!

Внезапно рассеянно блуждавшие глаза Конана поймали движущуюся по дну пропасти точку. Человек! Киммериец впился взглядом в крошечную фигурку и неотступно следил за ней. Поначалу человек держался середины ущелья, затем вдруг резко свернул к скальной стене и пропал. Варвар лег на живот, подполз к краю пропасти и заглянул вниз. Никого... Конан подождал немного, но человек больше не появлялся.

«Пусть меня четвертуют, если я не найду вход в пещеру там, внизу», — подумал киммериец и, напевая себе под нос нехитрый мотивчик, стал разматывать с пояса длинную веревку, которую предусмотрительно прихватил у Гуго, — в горах она не бывает лишней.

Когда на бледной сини небес простили первые звезды, Конан проник вслед за неизвестным в узкий проход, открывающий доступ кнутри горы. Собираясь в путь, киммериец хотел было взять с собой смоляной факел, но, поразмыслив, не стал этого делать: иногда мрак бывает

спасительным. В кромешной темноте, которая заливала идущий под уклон каменный коридор, двигаться удавалось только ощупью, придерживаясь неровной стены. Хотя варвар проделывал это на диво проворно, сам себе он казался улиткой, ползущей по склону холма, и кипел гневом.

Впереди затеплился слабый свет, обозначив изгиб стены, до сих пор шедшей по прямой. Конан подумал, что вот-вот столкнется с человеком, который первым нырнул под землю и, не имея причин прятаться, освещает себе дорогу факелом. Рука варвара легла на рукоятку ножа. Затаив дыхание, киммериец ждал. Однако размытое пятно света не расползалось дальше по аспидно-черной поверхности. Возможно, человек, который шел навстречу Конану, тоже застыл на месте, заподозрив неладное. Мгновения текли, но ничего не менялось. Надо было на что-то решаться.

Тесно прильнув к холодному камню, Конан бесшумно подобрался к тому месту, где тоннель делал поворот. Киммериец подобрал камешек и бросил в стену. Может, тот, кто прячется дальше, прыгнет вперед и выдаст себя? Но ни шага одежды, ни лязг стали не нарушали тишины.

Конан заглянул за угол. Проход был пуст. Свет проникал в него из пещеры, где темноту жадно лизали багровые языки пламени, пляшущие над чашами масляных светильников, которые были подвешены к стенам на бронзовых цепях.

Длинная подземная зала имела небольшое полутемное преддверие, образованное двумя встречными выступами. Киммериец проскользнул в одну из ниш и оттуда смог спокойно обозреть внутренность пещеры.

Мрачный чертог не был вырублен в камне руками бесчисленных рабов. Сама природа соорудила это хаотическое скопление разновысоких куполов и полусводов, опирающихся на беспорядочно расставленные шероховатые каменные столбы, среди которых не удалось бы отыскать даже двух одинаковых по толщине и очертаниям. Сферические полости лепились друг к другу, как пузырьки пен. Вогнутое дно самой большой из пустот, служившей центром скопления, заполняла кипящая вода.

За клубами пара Конан различил силуэты людей, но не успел он толком разглядеть их, как шум шагов заставил его отпрянуть в темноту. При этом нога киммерийца задела круглый камень, который покатился со стуком. Варвар нащупал нож, полагая, что неизвестный кинется со всех ног к тому месту, откуда долетел шум, но гулкая поступь сохраняла прежний мерный ритм. Очевидно, незнакомец ничего не слышал или не придал стуку особого значения. Киммериец вернул клинок в ножны и нагнулся за камнем, который едва не выдал его. Он предпочел не пускать в ход нож, чтобы крики и шум борьбы не вспокоили колдуна или его слуг, если они оставались в глубине пещеры, за рваной пеленой пары. Кроме того, варвар не хотел прикончить по ошибке кого-нибудь из людей Белит, даже если по злой воле мага они перестали быть людьми в полном смысле этого слова.

Шаги прозвучали совсем рядом. Высокий человек вступил в проход и тут же упал, оглушенный страшным ударом, который обрушился на его затылок. Конан перевернул бесчувственное тело и всмотрелся в лицо упавшего. Это был один из асиров, обычно сопровождавших Симплициуса. Киммериец быстро втащил его в темную нишу, где прежде прятался сам, и обшарил. Он с трудом удержался от радостного возгласа, когда нащупал длинные ножны. Меч! Сами боги посыпают ему это грозное оружие. Варвар пружинисто вскочил и пнул ногой корзину, которую асир выронил при падении. Наверное, хозяин послал слугу отнести еду пленникам. Значит, сам он пожалует позднее. Конечно, Симплициус мог приставить к узникам охрану, но это уже не смущало Конана теперь, когда в руках его оказался меч.

Отбросив предосторожности, варвар устремился в пещеру. Правда, ему сразу же пришлось умерить пыл, потому что камень под ногами был сырьим и скользким из-за оседающих на него паров. Миновав несколько низких арок, Конан обогнул бурлящие озера и оказался рядом с теми, кого искал.

Тroe кушитов сидели на корточках и что-то жевали, уставя в пространство тупой, бессмысленный взгляд. Белит была прикована цепями к скале. По-видимому, сознание ее померкло. Смуглое тело безвольно обвисало в оковах, голова склонилась на грудь.

— Клянусь Кромом, он за все заплатит! — прорычал Конан и бросился к Белит. Он растирал ей виски, осыпал поцелуями сомкнутые веки и сухие запекшиеся губы, мешая слова любви с гневными проклятьями. Приоткрыв глаза, Белит еле слышно прошептала:

— Конан, ты пришел... Я знала, что ты жив...

— Еще как жив, — лихорадочно бормотал киммериец. — Потерпи немного. Сейчас я освобожу тебя.

Однако пообещать было проще, чем сделать. Толстые ржавые кольца на запястьях Белит и отходившие от них цепи надежно удерживали узницу. Варвар не стал даже пытаться перерубить звенья мечом. Он ухватил двумя руками стержень, которым цепь крепилась к стене, и принял расшатывать его, а потом невероятным усилием, вебугрившим мышцы богатырских рук и натянувшим жилы, вырвал металлический штырь из каменной тверди.

Конан не позвал на помощь кушитов. Один взгляд на их равнодушные, застывшие лица открыл страшную истину: превращение свершилось. Потому-то их никто не стерег, и не понадобилось даже сковывать чернокожих по рукам и ногам. Они покорно ожидали появления того, кто обрел ужасную власть над их поступками и помыслами, если так можно было назвать смутные побуждения, еще тлевшие в глубинах затуманенного рассудка. То, что Белит держали в оковах, давало надежду. Колдун или не успел испробовать на ней свои чары, или не сумел подчинить себе бунтарский дух шемитки.

Киммериец начал расшатывать второй штырь, но тот упрямо не желал поддаваться.

— Брось, Конан, — простонала Белит. — Беги! Спасайся! Я не смогу уйти далеко.

— Молчи! Я унесу тебя отсюда.

— Девушка права, — вмешался в разговор холодный презрительный голос. — Вы оба далеко не уйдете.

Конан обернулся и встретил льдистый немигающий взгляд колдуна.

— Она не только умна, но и красива. Очень красива... Редкое сочетание, — продолжал Симплициус. — Я был уверен, что ты придешь за ней и мы снова встретимся.

— Вижу, — насмешливо отозвался киммериец. — Ты даже принарядился.

И в самом деле, чародей сменил белую хламиду на черное с кровавой каймой одеяние, оставлявшее открытыми только хищные костлявые кисти рук. Восковое чело обхватывало черный металлический обруч, посередине которого слабо искрился невзрачный мутно-зеленый кристалл.

— Я всporю тебе брюхо, — ласково пообещал варвар и вырвал меч из ножен.

— Попробуй, — ухмыльнулся его противник и, как уже было однажды, притянул к черным безднам своих зрачков взгляд противника.

Судорога прошла волной по могучему бронзовому телу Конана. Грудь его, которая еще недавно бурно вздыхала, замерла, как будто придавленная железной плитой, и стеснила дыхание. Руки и ноги налились тяжестью. Голова покрутилась.

— Ты бессилен, — внушал вкрадчивый голос. — Но не бойся. Я буду милостив. Ты станешь лучшим моим творением.

Варвар равнодушно внимал его словам, которые падали в тишину с медлительностью капель, собиравшихся на стенах пещеры. И вдруг резкая боль обожгла его спину, заставив очнуться. Белит, потихоньку подтянув освобожденной рукой цепь, хлестнула ей Конана. С диким ревом великан бросился на врага и вонзил меч прямо ему в сердце. Колдун пошатнулся и рухнул. На губах его проступила кровавая пена.

Варвар подошел к поверженному противнику и выдернул меч из раны. Он уже собирался вытереть окровавленное лезвие краем черного одеяния, когда костлявые руки вцепились в его щиколотку и рванули ее вперед. Конан потерял равновесие, свободная нога его скользнула по влажному

камню, и он повалился на спину. От резкого толчка меч вырвался из потной ладони и упал в бурлящую воду. Колдун, успевший вскочить на ноги, выхватил из складок одежды кинжал. Сверкающее лезвие описало дугу и вонзилось в ладонь киммерийца, пригвоздив ее к камню.

— Отличное оружие,— похвастался Симплициус.

Видимо, достоинства магического клинка не ограничивались способностью входить в камень, как в зыбучий песок. Возможно, клинок был заговорен или попросту смазан одним из тех снадобий, о которых маг поведал варвару. Что-то проникло в кровь Конана и лишило его способности шевелить даже языком. В то же время рассудок его не затуманился, и он ясно осознавал все, что творилось вокруг. И нельзя было придумать пытки страшнее этой.

Киммериец видел, как Белит пыталась отбиться ногами и цепью от кущитов, которым колдун велел снова вбить металлический стержень в стену. Ей даже удалось придушить одного из нападавших петлей из ржавых звеньев, а другому сломать кисть. Но силы были неравны. Конан видел все это и не мог прийти на помощь, не мог даже прохрипеть проклятия.

— Ну что же,— равнодушно заметил Симплициус.— Теперь, когда все утихомирилось, можно и поговорить немного. У нас еще есть время до восхода звезды Альсирис. Я подгадал все как нельзя лучше. Народилась новая луна, и все небесные светила скоро займут самое благоприятное положение.

Колдун важно расхаживал, упиваясь торжеством. Кущиты не сводили с него испуганных глаз и робко ловили каждое движение, каждое слово господина.

— Ты, Конан из Киммерии,— всплеск высокого, режущего ухо голоса сопровождался взмахом черного крыла — длинная рука взметнулась, увлекая за собой траурную мантию, и нацелила сухой перст в грудь варвара,— скверно отблагодарил меня за гостеприимство. Но я великолепно прощаю тебе убийство слуги, ибо ты, как и всякий немощный разумом человек, не постигаешь высокого смысла моих действий.

— Гнусная тварь,— взорвалаась Белит.— Мои воины скоро будут здесь. Они разорвут тебя на части.

— Ну что ж,— проговорил колдун, любовно оглаживая острую бородку.— Я всегда рад гостям, у которых силы больше, чем ума, как у твоего возлюбленного.

Глаза Конан выплескивали ярость.

— Ты что-то хотел возразить? — издевался пронзительный голос.— Не тужи, я и так все понял. Скоро тебя коснутся благодетельные перемены. Ты будешь избавлен от этих бешеных порывов. Я очишу тебя от всего, что делает человека игрушкой темных страстей. И твоя неистовая подруга тоже присмиреет.

— Падаль! — крикнула Белит и рванулась вперед, но цепи отбросили ее к каменной стене.

— Сколько жара! — восхитился Симплициус.— Ты, верно, недоумевал, Конан, почему на острове нет женщин. Я их не терплю. Но после очищения из этих вздорных созданий выходят наложницы, каких больше нигде не сыщешь,— само сладострастие и покорность. У меня их покупают так же охотно, как оружие и соль. Твоя королева скоро будет ублажать какого-нибудь толстобрюхого купца из Аргоса или Кофа.

— Не дождешься,— бушевала шемитка.— Я перегрызу тебе глотку.

— Ну-ну, погляди-ка на своих воинов. Они всем довольны. И ты будешь такой же. А этого человека, который валяется там, как бревно, ожидает особая честь. Я ведь не собираюсь до конца дней прозябать на этом острове. Скоро моя власть распространится далеко за его пределы. Видишь обруч? Точно такой же украсит голову избранника, и тот, кто был бесполезным бродягой, станет провозвестником моей воли. Однако хватит разговоров.— Симплициус подошел к Конану, выдернул кинжал и повернулся к кущитам: — Ташите его вон туда.

Чернокожие перенесли неподвижное, одеревеневшее тело Конана на место, указанное магом.

— Взгляни наверх, мой храбрый воин! Небеса подают нам знак.

Взгляд киммерийца устремился на каменный свод. В центре купола зияла брешь, через которую вырывались наружу струйки пара. Прямо над отверстием висела звезда Альсирис.

Чародей достал из складок мантии крохотный флакончик и высыпал себе на руку горсточку серебристой пыльцы. Лицо его низко склонилось к ладони, узкие губы что-то беззвучно прошептали, потом сложились трубочкой. Симплициус подул, и маленький вихрь из сверкающей пыли порхнул к ближайшему светильнику. Искристый круговорот втянул в себя багровый язык пламени и потушил его. Вихрь перелетел дальше, а над чашей с маслом закурился белый дымок, от нее повеяло тяжелым душным ароматом. Когда угас последний огонек и пещера погрузилась во тьму, вихрь поднялся к кипящему озеру и рассыпался над ним. Каменная чаша, в которой бурлила вода, словно раскалилась добела, и сияние пронизало голубую клокочущую массу. В ней извивались белые змеи с розовыми глазами. Они пожирали жаб-альбиносов, сквозь прозрачную кожу которых виднелись внутренности. Лениво шевелили плавниками толстые рыбы, как будто вырезанные из молочного онекса.

Колдун снял обруч и надел его на голову Конана. Черные крылья взметнулись вверх, и эхо разнесло под сводами пещеры заунывный речитатив:

Сила безмерная Вечного Мрака!
Милость яви порождению праха.
Волей, что движет по небу светила,
Искру зажги,
Всемогущая Сила!

При первых же словах заклинания через брешь в куполе просочился алый луч и очертил контуры распрестертого на камне тела огненной линией. Неприметный кристалл на обруче словно налился кровью и выбросил сноп лучей. На черном своде заполыхали магические символы, окрасив в пурпур витавшие под ним клубы пара.

Глухой замогильный голос пропел:

Внемли мольбе, Всемогущая Сила!
Душу покорную ввергни в горнило.

Пусть поглотит Негасимое Пламя
Все, что зовется земными страстями.

Воздух задрожал, наполнившись многоголосым стоном. Невидимый хор тянул монотонное «а-а-а», истончая его и забираясь все выше, пока стон не перешел в пронзительный визг.

Тело варвара выгнулось дугой. Глаза и рот раздернула судорога, и кровавый ослепительный свет хлынул из них. С губ Белит сорвался вопль ужаса, но его перекрыл громоподобный окрик:

— Остановись!

Из мрака выступила величественная фигура в белоснежном одеянии. Даже если бы Конан мог в то роковое мгновение видеть и мыслить, он и то с трудом признал бы в человеке, явившемся из тьмы, жалкого пьяницу, который присвоил себе имя Гуго. Шутовская личина сменилась маской скорби и гнева.

— Убрайся! — прошипел Симплициус. — Он мой.

— Твоей власти — конец! — прогремело в ответ.

Гуго простер правую руку к телу варвара, и свечение, бившее из разверстой глотки и глазниц, потухло. Веки и губы киммерийца сомкнулись, тело обмякло. Растворяла огненная граница, померкли таинственные знаки и колдовской кристалл. Сами собой загорелись светильники.

— Почему?! Почему ты с ними против меня? — прокричал Симплициус визгливым фальцетом. Лицо его пошло красными пятнами. — Мы с тобой — одно целое.

— Не поздно ли ты об этом вспомнил? — бесстрастно отозвался Гуго.

— Ты же сам говорил, что вокруг одна пустоголовая мелочь, суетливые насекомые. Ты презирал их.

— Это было удобно.

— А теперь?

— Теперь я устал быть трусом. Мне надоело одурманивать себя вином и прятаться от тебя в смрадной норе. Я готов разделить с тобой кару за то, что было содеяно.

— Что ты несешь? Какую еще кару?! — Симплициус, казалось, был готов наброситься на Гуго, но быстро совладал с яростью и заговорил по-иному. Голос его молил и ластился: — Я дурно обошелся с тобой. Но все еще можно исправить. Мы разделим не кару. Нашим общим уделом будут власть и могущество.

Гуго устало вздохнул:

— Ты так ничего и не понял. Вспомни благородного Майнольфа. Старик предупреждал. Все было ошибкой. Ужасным заблуждением. Этот остров... Что мы знаем о нем? Какому богу служили в храме, из развалин которого воздвигнут твой дом? Остров — западня, ловушка, расставленная неведомыми Темными Силами. Припомнись слова наставника. Исполненный гордыни злосчастный безумец, которого взрастил Майнольф, вообразил себя поводырем, а был только жалким слепцом. Пришло время расплаты.

— Полоумный! — проскружегтал Симплициус.— Ты больше не будешь путаться у меня под ногами. Я избавлюсь от тебя.— С этими словами он вонзил клинок в грудь Гуго. Тот поглядел с усмешкой на красное пятно, расплывающееся по белой ткани, и упал, раскинув руки.

— Бедный мой Отмар, ты остаешься совсем один,— прошепелестил тихий шепот, и Гуго затих.

Однако тот, о ком, умирая, сожалел печальный шут, недолго томился в одиночестве. Мрачный лик убийцы изуродовала гримаса боли. Глаза его удивленно расширились. Ужасная догадка осенила смятенный ум.

— Кара...— с трудом выговорил коснеющий язык.— Он этого хотел... Он знал, что я...

Костлявые руки схватились за грудь. Потом обреченный оторвал ладонь от сердца и в недоумении уставился на испачканные кровью пальцы. Он открыл рот, словно хотел сказать еще что-то, но только пошатнулся и полетел в кипящие воды.

Эпилог

От пустынного берега, где громоздились черные скалы, отчалила лодка. На веслах сидели четверо: двое кущитов, темноволосая женщина и великан с пронзительно синими глазами.

— Странные люди и странное место,— промолвила Белит, зябко передернув плечами.— Как называется этот остров, Конан?

— Не удосужился спросить. Придумай сама.

— Я назову его Землей Загубленных Душ. Нет, слишком длинно. Лучше так: Остров Отступника.

Киммериец одобрительно тряхнул черной гривой:

— Превосходно. Ему бы понравилось.

— Кому это?

— Умнику, который сварился в каменном котле.

— Не вспоминай! До сих пор не верю, что он мертв.

— Немудрено. Живучий был гад.

Белит снова поежилась, как будто теплый ветерок, все еще доносивший ароматы пряных зарослей, скрытых за скалами, пробирал до костей почище ледяного дыхания великана Имира, что правит северными краями.

— Что он бормотал перед смертью?

— А ты не поняла, глупышка?

Шемитка, ловко придерживая весло, чуть перегнулась за борт и зачерпнула воды. Соленые брызги полетели в ухмыляющееся лицо.

— Опять за свое? — хохотнул Конан.— А может, гандер был прав насчет вашего пола? Ну-ну, не надо ломать весло об мою спину. Ей и так досталось. Ладно, женщина, слушай! Гуго подловил его. Толстяк знал, чем все закончится. Он пришел на казнь.

— Ради нас?

— Нет. Ради себя. Или ради дурня, частью которого был когда-то.

— Бедный Гуго! — вздохнула смуглая красавица.— Как ты думаешь, что будет с теми, кто остался на острове?

— А что им сделается? Чары сняты. Могут жить здесь. Если хватит ума — уберутся восьмой. Толстяк дело говорил. Место это проклято. Какие демоны им правят, то ведает один Податель Жизни. Гуго сказал, что я -муха в паутине. Но сдается мне, паука мы так и не увидели. Он все еще прячется где-то там.

Конан бросил через плечо прощальный взгляд на Остров Заблудших и живее прежнего заработал веслом. Он уцелел, Белит рядом, «Тигрица», слегка потрепанная бурей, наверное, уже на плаву. Может ли смертный требовать большего от Светлых Богов?

СОДЕРЖАНИЕ

О. Локнит. ПЕСЧАНЫЕ БЕРЕГА

Глава первая	7
Глава вторая	20
Глава третья	34
Глава четвертая	49
Глава пятая	63
Глава шестая	77
Глава седьмая	92
Глава восьмая	107
Глава девятая	122
Глава десятая	135
Глава одиннадцатая	150
Глава двенадцатая	167
Глава тринадцатая	181
Глава четырнадцатая	196
Глава пятинадцатая	210
Глава шестнадцатая	225
Глава семнадцатая	241
Глава восемнадцатая	256
Глава девятнадцатая	272
Глава двадцатая	288
Заключение	288

П. Селайнен. ОТСТУПНИК

Пролог	311
Глава первая	328
Глава вторая	337
Глава третья	348
Глава четвертая	356
Глава пятая	370
Глава шестая	380
Глава седьмая	390
Глава восьмая	402
Глава девятая	410
Глава десятая	420
Глава одиннадцатая	433
Эпилог	445

Литературно-художественное издание

**Олаф Локнит
Патриция Селайнен**

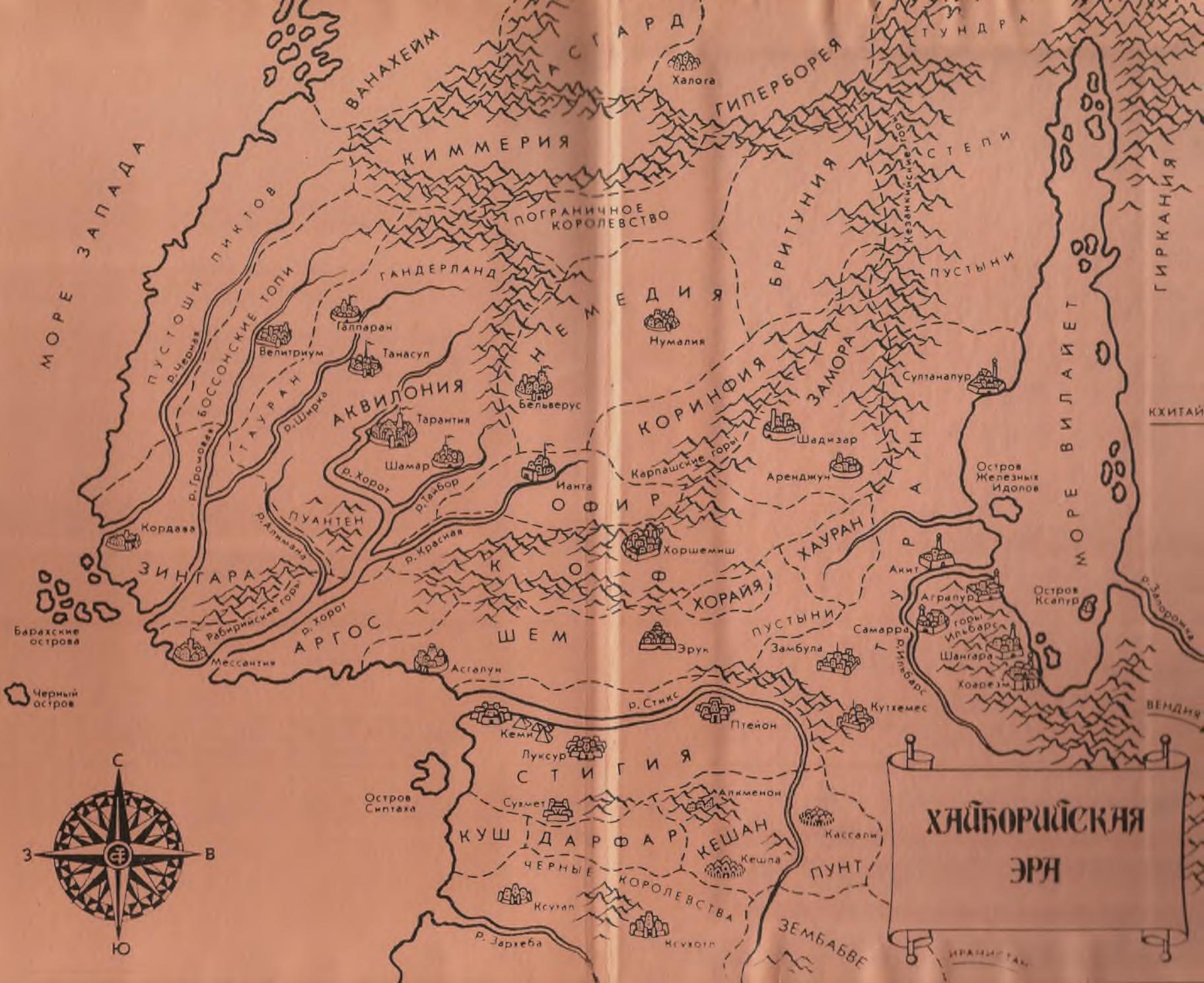
КОНЛН И ВОИНСТВО МРЛКЛ

Ответственный редактор: *Наталья Баулина*
Художественный редактор: *Екатерина Соболева*
Художник: *Алексей Федоренко*
Верстка: *Елена Посадова*
Технический редактор: *Елена Шараева*
Корректор: *Вера Чаленко*

Издательство «Тролль».
410027, г.Саратов, ул.Одесская, 9

Лицензия № 010945 от 05.08.93 г.
Сдано в набор 10.09.96. Подписано в печать 15.09.96.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Школьная».
Тираж 36 000 экз.
Заказ № 227.

Отпечатано с оригинал-макета
в ГПП «Печатный Двор» Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

ICON

